Академия наук Абхазии
Абхазский исстнтут гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа

Т. А. АЧУГБА

АБХАЗИЯ: ДЕПОРТАЦИЯ АБХАЗОВ (XIX век)

АҞӘА – СУХУМ
2018

УДК 930
ББК 63.3(Абх)6.22–38
Ч – 80

Ачугба Т. А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век).
Сухум. АбИГИ, 2018. 352 с.

В книге доктора исторических наук, профессора АГУ, академика АН Абхазии Т. А. Ачугба изложены причины, условия и результаты массовой депортации абхазов в XIX веке, ставшей гуманитарной катастрофой в многовековой истории этого древнейшего народа Кавказа.

Рассчитана на историков, этнологов, политологов, политиков, широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой абхазского народа.

Achugba T. A. The Abkhazia: Deportation of Abkazians (19th).
Sukhum. AbIGI. 2018. 352 p.

The book by the doctor of historical science, the professor ASU, the academician of the Abkhazian Academy of Sciences Achugba T.A., is devoted to the causes, conditions and results of the mass deportation of Abkhazians in the 19th century, which became a humanitarian catastrophe for one of the most ancient nation of the Caucasus.

The book is intended for historians, ethnologists, politicians, as well as for a wide range of readers interested in the history and culture of Abkhazia.

Рецензенты:
доктор исторических наук, доцент АГУ **О. В. Маан**
кандидат исторических наук, полковник **В. М. Пачулиа**

На обложке: фрагмент из рис. худ. С.М. Габелия «Махаджиры».

© АбИГИ АНА.
© Т. А. Ачугба, 2018

Правдивость – это дыхание жизни,
это основа всякого достоинства!
Теодор Драйзер.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В результате меняющейся политической конъюнктуры, в историографии появлялось и исчезало множество теорий и оценок, посвященных Кавказской (Русско-Кавказской) войне и депортации горских народов в XIX в. в Османскую империю.

В дореволюционной российской историографии военные события на Кавказе и массовое выселение коренных народов в Османскую империю (известное в литературе как «махаджирство») рассматривалось на фоне имперско-цивилизационной концепции, подразумевавшей исключительно «благородную миссию» царизма на пути «экспорта цивилизации» в среду «отсталых народов» Кавказа. При том, что в Российской империи наличествовала деспотическая форма крепостного строя, ведомая иностранными правителями, она выделялась ещё и жестокостью ведения войны против народов, борющихся за свободу и независимость. Как справедливо отмечено в специальной литературе, «у историков дореволюционной России основной целью в изложении истории Кавказа было, во-первых, оправдание захватнической политики русского царизма, во-вторых, прославление «доблести» и «подвигов» царской армии, в-третьих, описание «мудрой» и «культурной» реформаторской деятельности «цивилизаторов» в генеральских ботфортах по устроению «доселе диких местностей» Кавказа»[1].

Нет сомнения, что истинная причина возникновения такой, мягко говоря, сомнительной гуманистической миссии Российской империи на Кавказе заключалась «исторической необходимостью» обосновать присвоение территорий и природных ресурсов чужих стран и народов. И подобная «цивилизация»

[1] **Салакая С. Ш.** Абхазия и кавказская война в советской историографии // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. V – VI. Акуа – Сухум. АбИГИ. 2011. С. 139.

подчинённых народов всего лишь повод и идеологическое подспорье для оправдания этой жестокой схватки. Конечно, в этом отношении Российское государство не было исключением. Так поступали колонизаторы во все времена, в том числе и более «продвинутые» европейские страны: Испания, Португалия, Великобритания, Голландия, Франция и др. Однако, эти параллели ни в коем случае не оправдывают деяний царизма, как не может быть и речи про облегчение участи народов Кавказа.

Что касается горских народов Кавказа, то они, имея многотысячелетнюю самобытную социально-экономическую, этнокультурную и политическую историю развития, тесные культурно-экономические и политические контакты со многими древними цивилизованными обществами и государствами Востока, вовсе не считали себя каким-либо образом ущемлёнными и, тем более, культурно «отсталыми племенами», нуждающимися в подобной псевдопомощи «Белого царя». В любом случае, горцев в целом устраивали традиционный уклад жизни, основанный на законах, обычаях и правилах «горского феодализма».

Вместе с тем, имперско-миссионерская парадигма царского самодержавия не помешала её приверженцам – историкам, политикам, военным, журналистам, публицистам, оставить грядущим поколениям большое количество документов и материалов о фактах и событиях тех времён, выполнить по смыслу хоть и великодержавные, но высокопрофессиональные научные исследования[1].

---

[1] **Броневский С. М.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. – М. 1823; [**Селезнев М. А.**] Руководство к познанию Кавказа. Кн. II. М. 1847; **Чернышев К.** Ещё об Абхазии // Газ. «Кавказ», 1854, №№82, 83; **Фадеев Р. А.** Кавказская война. – М. 2005; **Пантюхов И.** Кавказская летопись. Известия о последних военных действиях на Западном Кавказе // Газ. «Кавказ», 1864, №№44, 49; **Духовский С.** Материалы для описания войны на Западном Кавказе // Военный сборник. 1864, №11; О переселении кавказских горцев в Турцию // Газ. «Русский инвалид», 1864, №206; **Аверкиев И.** С Северо-Восточного побережья Черного моря. Газ. «Кавказ», 1866, №74; **Завадский Ф.** Абхазия и Цебельда // Газ. «Кавказ», 1867 г., №№ 59–61,63; **Невский П.**Закубанский край в 1864 г. Путевые воспоминания // Газ. «Кавказ», 1868, № 101; **Дубровин Н. Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. III, СПб. 1871; **А**. [**Введенский А. Н.**] Абхазцы (Азега). По по-

Если историческая наука времён царского самодержавия деяния, совершенные российскими властями по отношению к коренным народам Кавказа, обосновывала необходимостью проведения имперско-цивилизационной миссии, то историкам советского периода много раз приходилось менять идеологические обоснования необходимости ведения Россией войны на Кавказе и выселения горских народов в Османскую империю.

В частности, в начале 20-х годов XX в. многие советские историки, критикуя прежний «великодержавный» подход к изучению истории России, главной методологической основой выбрали теорию т. н. торгового капитала, вынуждающего царизм приобретать новые земли. Однако в конце 20-х годов советские историки политику России на Кавказе стали рассматривать в контексте классовой борьбы, чтобы изначально Русско-Кавказскую войну представить как борьбу угнетенных народов против феодалов, капиталистов и империи. На самом деле, подобные концепции в принципе противоречили реально существующей социально-экономической и военно-политической ситуации на Кавказе, и в конце 30-х годов советские историки войну народов Кавказа против царизма стали рассматривать как «антиколониальную», «освободительную», во главе которой стоял «недавний эксплуататор крестьян» имам Шамиль[1].

Однако, в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и поствоенный период советским историкам вновь пришлось

воду сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» // ССКГ. Вып. IV. – Тифлис. 1872; **Его же.** Письмо из Абхазии // Газ. «Кавказ», 1877 г., №268; **Дроздов И.** Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. Кавказский сборник (Тифлис), 1877, т. 2; **Фелицын Е. Д.** О переселении горцев в Турцию // Газ. «Кавказ», 1877, №147; **Веньюков М. И.** Кавказские воспоминания // Русский архив. 1880. Т. I; **Берже А. П.** Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. XXXIII, 1882, январь, 1882, февраль; **Надеждин П.** Кавказский край. Природа и люди. – Тула. 1895; **Потто В. А.** Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. II, Тифлис. 1903; **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913; **Эсадзе С.** Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Тифлис. 1914 и др.

[1] **Дегоев В. В.** Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI – 1917 год). Учебное пособие. М. Изд.-во группа «Навона». 2009.С. 62.

пересмотреть прежний методологический подход к данной проблематике, чтобы «снять вину» с Российской империи за введение «колониальной» и «захватнической» войны против народов Кавказа, напрямую угрожающей идее консолидации народов Кавказа и всего Советского Союза. Таким образом, имам Шамиль «превратился» из национального героя в главаря «воинствующего ислама», который боролся против России, несшей цивилизацию и культуру народам Кавказа[1].

Политическая «оттепель» Н. С. Хрущева и либерализация мысли советского общества способствовали появлению различных противоречивых подходов к событиям XIX в. на Кавказе. Однако, нежелательное идеологическое противостояние между отдельными историками и идеологами было быстро пресечено партийным руководством Союза ССР, которое дало указание учёным-историкам «присоединение» Северного Кавказа к России рассматривать прогрессивным явлением, а мюридизм – реакционной идеологией воинствующего феодального класса и клерикальной аристократии. В результате, советские исследователи были вынуждены подчиниться указанию сверху. Хотя некоторые историки на свой страх и риск открыто давали отрицательную оценку выселению горцев в Османскую империю.

Ситуация связанная с оценкой трагических событий XIX в. на Кавказе вновь подверглась изменению в период Горбачевской перестройки. Начавшаяся в 1985 г. новая волна невиданной доселе либерализации советского общества дала возможность историкам свободно высказывать своё мнение по всем спектрам войны на Кавказе и трагическим событиям, связанным с массовым исходом коренного населения Кавказа в Османскую империю. В частности, многие историки, поставив под сомнение неприкосновенную в советской историографии концепцию «о добровольном вхождении» кавказских народов в состав Российской империи, в корне стали пересма-

[1] **Там же.** С. 65.

тривать подходы в выяснении причин возникновения Русско-Кавказской войны, выселения горцев в Османскую империю. Так, имам Шамиль вновь был возведён в ранг выдающегося лидера национально-освободительной борьбы горских народов Кавказа.

Разногласия между историками по данной проблематике не сняты поныне. Часто в научных трудах, на различных научных конференциях одни историки и политологи осуждают царизм за его колониальную, захватническую политику на Кавказе, другие – подчеркивая «добровольный» характер вхождения народов Кавказа в состав Российской империи, восхваляют её роль в социально-экономическом и культурном развитии кавказских народов. Одни пишут о насильственном выселении горцев в Османскую империю, другие – о добровольном переселении их в Османскую империю. И это несмотря на то, что была осуществлена этническая чистка целых регионов Кавказа, особенно его Северо-Западной части, вследствие чего было изгнано большинство представителей абхазо-адыгских народов.

Несомненно, все вышеизложенное касалось и событий в Абхазии, как неотъемлемой части горского сопротивления. Несмотря на наличие огромной массы документов, материалов и фундаментальных исследований абхазских историков[1], в современных изданиях можно встретить неоднозначную оценку происходивших в XIX в. событий в Абхазии и вокруг неё. В последнее время появились отдельные высказывания различных авторов о причинах, характере и последствиях Рус-

[1] **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале. 1923; **Кудрявцев К. Д**. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. Типография ВСНХ Абхазии им. Ленина. 1926; **Фадеев А. В.** Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. – Сухум. 1932; **Его же.** Краткий очерк истории Абхазии. – Сухум. 1934; **Дзидзария Г. А.** Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми. 1960; **Его же.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухум. 1975, 1982 (второе издание); **Анчабадзе З. В.** Очерк этнической истории абхазов. – Сухуми. 1976; **Инал-ипа Ш. Д.** Ступени исторической действительности (Об этнической ситуации в Абхазии XV – нач.XX вв.). – Сухум. 1992; **Лакоба С. З.** Очерки политической истории Абхазии. – Сухум. 1991.

ско-Кавказской войны, которые не всегда отражают историческую действительность. Некоторые авторы, особенно политики, политологи, журналисты, избегают, а то и грубо искажают трагические события, связанные с массовой депортацией абхазского и других народов Кавказа. К сожалению, среди этих авторов можно встретить и политиков из Абхазии, которые защищая позицию царизма в выселении абхазов в Османскую империю, во всем обвинили представителей абхазской знати[1].

Несмотря на то, что высказывания абхазских политиков в большей степени имели политический характер, нежели научный, они стали дополнительным информационным поводом для активизации по распространению ошибочных мнений о военно-политических и миграционных событиях в Абхазии XIX в. Например, в 2010 г. на научных конференциях, посвященных 200-летию вхождения Абхазии в состав Российской империи (в марте – в Москве, в апреле – в Сухуме), некоторые участники попытались навязывать абхазским историкам и всей абхазской общественности, противоречащее исторической действительности мнение о «мирном» характере присоединении Абхазии к России и «добровольном» исходе абхазов в Османскую империю. Вместе с тем, некоторые докладчики этих и других научных форумов, авторы различных публикаций в СМИ устроили шквал критики в адрес абхазских историков, имеющих обоснованное альтернативное мнение относительно исторических событий позапрошлого века[2]. А московский журналист и политолог А. Епифанцев, доказывая «самовольное» переселение абхазов в Турцию, высказал мнение о не-

[1] **Шамба С. М.** Россия – Абхазия: история и современность // Журн. «Национальный интерес». М. 2009, №3. С. 11; **Багапш С. В.** Россия и Абхазия – 200 лет братства и сотрудничества // Журн. «Кавказские научные записки». – М. 2010, №1. С. 8.

[2] Подр. см.: Конференция «Россия – Абхазия, 200 лет вместе» // Российский институт стратегических исследований. Электронный ресурс http.//www.riss/ru/?newsld=167/; **Попов Э. А.** Роль России в развитии Абхазии – XIX век: споры о махаджирстве и не только. http.//www.perspektivy.info/table/rol_rossii_v_razvitii_abkazii--XIX_vek_spori_o_mahadzhirstve_i_ne _tolko_2010-06-11.htm; **Затулин К. Ф.** Яд или противоядие? http://www.ng.ru/courier/2011-01-31/11_abhazia.html («Независимая газета», 31.01.2011 г.); **Станевский Ф. И.** Комментарии и к комментариям (об откликах в Абхазии на статью К. Ф. Затулина) http://www.perspektiva.info/print.php?ID=81184 и др.

допустимости репатриации потомков абхазских изгнанников на историческую Родину[1]. Далее, он же, осуждая законодательство Республики Абхазия, не предусматривающее продажу недвижимости иностранцам, позволил себе предложить своему правительству вмешиваться во внутренние дела независимого государства, вплоть до «прекращения государственности Абхазии» с помощью министерства обороны России[2].

Безусловно, подобное искажение трагических событий прошлых времён контрпродуктивно и отдаляет от проявления истины.

А в контексте современных межгосударственных отношений, нарастающих глобальных и региональных геополитических, геоэкономических противоречий, гибридных войн, ведущихся против государства как института, искажение истории, как и призыв к ликвидации союзнического государства, лишний раз указывает на всю серьезность и масштабность проблем восстановления исторической справедливости.

Изыскания исторических явлений и фактов должны основываться только на источники.

Вместе с тем, современным политикам, политологам и журналистам, касающимся событий XIX века, не удастся отрицать, что тогда на Кавказе была совершена величайшая трагедия общечеловеческого масштаба. Я. А. Гордин – автор многих неординарных, смелых трудов о трагических событиях XIX столетия на Кавказе, пишет: «То, что произошло с черкесами-махаджирами, было для России опасным уроком бесчеловечности. Если сам факт завоевания Кавказа имеет свое объяснение геополитического характера, то степень жестокости, проявленная к уже побеждённому, бессильному населению не имеет ни объяснения, ни тем более оправдания»[3].

Действительно, никто не может отрицать тот факт, что военные события, гибель десятков тысяч людей, массовая де-

[1] **Епифанцев А.** «Абхазия: необъяснимая щедрость бытия». http://www/apn/ru/publication/print22606.htm).

[2] **Там же.**

[3] **Гордин Я. А.** Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность. – Санкт-Петербург. 2008. С. 114.

портация целых народов нанесли невосполнимый урон демографическому, этнокультурному и социально-экономическому развитию коренных народов Кавказа. Нет сомнения, что эти события стали трагедией и для русского народа, ставшего заложником колониальной политики царского самодержавия на Кавказе.

Поэтому проблема выселения горских народов Кавказа выглядит намного сложнее, чем это представляется на первый взгляд. Нет никакого сомнения, что массовая депортация абхазов и других народов Кавказа в XIX в. непосредственно была связана с теми военно-политическими событиями, которые происходили на Кавказе для расширения политических границ Российской империи. Другими словами, колониальная политика царизма – есть основа основ происходившей тогда трагедии.

Оценивая кровавые события того периода, прежде всего, необходимо дать характеристику самому феномену колониальной войны. Если исследователи будут её оправдывать, то тогда, волей-неволей, они же создадут идеологические предпосылки для положительной оценки преступных деяний интервентов, колониальных войск и властей против местного населения, защищавшего свою Родину. Однако, человечество давно осудило и опровергло колониализм, колониальные войны, считающиеся агрессивными, направленными на захват чужих земель, на эксплуатацию и угнетение народов (вспомним международные правовые акты по данной проблеме). В результате этих преступных акций, многие народы на планете стали невинными жертвами имперских амбиций.

Покорение Кавказа, физическое истребление и депортация целых народов в XIX столетии в Османскую империю, этническое и политическое освоение чужих земель, является одним из самых негативных примеров в истории колониализма.

Думаю, именно отрицательное отношение к колониальной политике, как таковой, может стать методологической основой

для объективного исследования трагических страниц истории Кавказа XIX века.

P.S. В политической, военной и научной литературе для обозначения массового исхода горских народов Кавказа в Османскую империю в XIX веке, чаще всего применяется термин мухуджирство или же – махаджирство, а жертвы этой трагедии именуются мухаджирами или же – махаджирами.

Некоторые авторы слово махаджирство отожествляют со словом хадж, т.е. с паломничеством, с посещением святых мест мусульман. Распространение таким путем информации о том, что кавказцы ушли на хадж, устраивало и те силы, которые были заинтересованы в изгнании коренных народов Кавказа, и тех, кто принимал их, чтобы таким путём «облегчить» участь выживших изгнанников XIX столетия и снять вину с организаторов и виновников этой трагедии. К примеру, в письме и. о. наместника царя на Кавказе, ген.-адъютанта, князя Г. З. Орбелиани к командующему войсками Кубанской области ген.-адъютанту, графу Н. И. Евдокимову от 11 сентября 1862 г. сказано: «…правительство наше не выселяет мусульман, а только дает им отпуски для путешествия в Мекку»[1].

Дополнительным, но формальным поводом для утверждения в умах общественности религиозного мотива и мирного характера исхода горцев, служит неверная интерпретация самого термина мухаджирсто (махаджирство), точнее объединение и отожествление двух арабских слов в одно. Речь идет о *мухаааджер* и *мухаджер*. Первое из них означает добровольный уход, а другое – насильственное изгнание. Таким образом, налицо терминологическая путаница. Чтобы избавить читателя от лингвистической неурядицы, что иной раз принимает политический оттенок: «кто ушел добровольно, тот и его потомки не имеют право возвращаться на родину», мы отказываемся от термина «махаджирство». Кстати, абхазы, как в Абхазии, так и особенно среди абхазской диаспоры на родном языке ис-

[1] АКАК, т. XII. Тифлис, 1904.С. 1011.

ход абхазов в XIX столетии называют ахҵәара (выселение), а жертва выселения – ахҵәацәа (высланные), что соответствует исторической действительности.

Исходя из вышеизложенного, в данном труде, вместо слова махаджирство (мухаджирство) будет применено слово депортация (по лат. deportatio), означающее – изгнание, ссылка, что идентично абхазскому ахҵәара (выселение).

Давая политико-правовую оценку данной проблеме, Народное Собрание – Парламент Республики Абхазия в своем Постановлении от 15 октября 1997 г., массовый исход абхазского населения в XIX в. квалифицировал не иначе, как депортация.

В заключении хотелось бы выразить искреннюю благодарность Б. Джопуа, Р. Габлия, С. Сакания, Л. Габелия, Г. Джаджаа, Д. Смыр и всем, кто оказал помощь в процессе подготовки иллюстративного материала.

Признателен также А. Маршан и М. Гечба за помощь в установлении содержания арабских терминов мухааджер и мухаджер.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе новейшей истории, в условиях межнациональной и межгосударственной напряженности. пути решения возникших проблем следует искать, в том числе, и на основе новых знаний в области этнополитической истории народов и государств, чтобы адекватно осмыслить создавшуюся ситуацию при принятии оптимальных решений. Без объективного и всестороннего исследования этнической истории народов проблематичным остаются как сохранение и развитие этноса, так и урегулирование конфликта, и установление всеобъемлющего взаимосогласия и мира.

В этом отношении особый интерес представляет ситуация, сложившаяся на Кавказе в целом и в частности в Абхазии в XIX столетии. Кавказский регион, находясь на стыке цивилизаций Запада и Востока, в эпицентре межрегиональных и глобальных политических событий, постоянно переживает сложнейшие военно-политические, миграционные и этнокультурные процессы, оказывающие и по сегодняшний день существенное воздействие на перспективу развития его коренных народов. Более того, судьбоносные события, происходившие в этом регионе в XIX в. – Русско-Кавказская война, русско-турецкие войны, массовая депортация коренных этносов, колонизация их стран и т.д., многие древнейшие народы Кавказа поставили на грань физического и этнокультурного исчезновения.

В данном труде автор ставит целью осветить причины, условия и результаты массового выселения абхазов в Османскую империю. Тематика не нова. Ею интересовались многие историки, публицисты, журналисты, литераторы, как при царизме, так и в советскую эпоху и постсоветский период. Она и в будущем не утратит свою актуальность из-за масштабности и трагичности происходившей гуманитарной катастрофы Нового

времени. Интерес к данной тематике не утихает ещё и по той причине, что, во-первых, вновь и вновь появляются публикации, искажающие, а то и фальсифицирующие происходившие тогда события, и, во вторых, нерешенным по сегодняшний день остается проблема возвращения потомков изгнанников из Кавказа на историческую родину.

Труд опирается на различные источники: архивные данные, материалы периодической печати, полевые этнографические материалы, исследования и наблюдения ученых, публицистов, путешественников, военных и гражданских чиновников и т. д.

Необходимо отметить, что до середины 60-ых годов XIX века, добывать сведения об Абхазии, особенно об её внутренних регионах, было весьма проблематично, поскольку в период Русско-Кавказской войны (1817 – 1864 гг.) историческая Абхазия фактически являлась зоной военных действий. Именно этим и объясняется скудность сведений того периода об абхазах и их стране. Тем не менее, дошедшие до нас некоторые источники содержат уникальную информацию о судьбе отдельных абхазских этнографических групп и территориальных общин, в последующем депортированных в Османскую империю. Среди авторов того периода особо следует выделить Жана Франсуа Гамба, С.М. Броневского, Ф. Дюбуа де Монперэ, Ф.Ф. Торнау, Ф. Боденштедта, С.Т. Званба, О. Спенсера, М.А. Селезнева, А.П. Берже, Е. Ковалевского, П.К. Услара[1].

[1] **Жан Франсуа Гамба.** Путешествие в Закавказье. Ч.I. Перевод с французского на груз. язык **Л.Г. Мгалоблишвили.** – Тбилиси. 1987; **Броневский С. М.** Новейшие географические и исторические изыскания о Кавказе. Ч. I. – М. 1823; **Дзидзария Г.А.** Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М. 1976; **Ф. Дюбуа де Монперэ.** Путешествие вокруг Кавказа. Т.I. Перевод с французского Н.А. Данкевич-Пучиной. – Сухум. 1937; **Боденштедт Ф.** По Малой и Большой Абхазии. О Черкесии. Проект. Предисловие, комментарии, послесловие Д.К. Чачхалиа**.** – М. 2002; **Званба С.Т.** Абхазские этнографические этюды. – Сухуми. 1955; Воспоминания **Коха К.** и **Спенсера О. О** Грузии и Кавказе. Перевод с немецкого на груз.яз. **Л.Г. Мгалоблишвили.** – Тбилиси. 1981; **Селезнев М.** Руководство к познанию Кавказа. Кн. II. – СПб. 1847; **Берже А. П.** Краткий обзор горских народов Кавказа. Абхазское племя (азега) // Кавказский календарь за **1858 г.** – Тифлис. 1857; **Ковалевский Е.** Очерки этнографии Кавказа // «Вестник Европы». 1867. Т.III; **Услар П.К.** Этнография Кавказа. Абхазский язык. – Тифлис. 1887 и др.

После покорения Кавказа и упразднения Абхазского княжества (1864 г.), материалы об Абхазии стали появляться чаще. В частности, ценные сведения с точки зрения историко-этнологической науки представлены в трудах С. Духовского, Р.А. Фадеева, Г.И. Филипсона, А. Н. Введенского, А.В. Верещагина, В.И. Немировича-Данченко, Н.М. Альбова и др. [1].

Весьма богатые материалы о событиях в Абхазии и положении абхазского этноса в XIX в. содержатся в различных научно-познавательных сборниках: АКАК, ЗКОРГО, СМОМПК, ССКГ и др. В них представлены интересные для нашего исследования сведения о политической ситуации в Абхазии и вокруг неё, о социальном положении, быте и культуре коренного народа, изменении этнической структуры страны, этнических процессах и т.д. В последнее время научными сотрудниками АбИГИ им. Д. И. Гулиа АНА были изданы сборники архивных материалов, собранных всвое время профессором Г. А. Дзидзария, где сосредоточены уникальные материалы о событиях XVIII – XIX вв.[2].

В работе привлечены материалы, выявленные в российской периодической печати. Авторы этих публикаций в большинстве своем являлись непосредственными свидетелями и участниками происходивших тогда исторических событий, чем и повышается степень их достоверности. Среди множества авторов того периода, обильностью собранных материалов и компетентностью рассматриваемых в публикациях фактов и явлений, выделяются: И. Аверкиев, Ф. Завадский, А. Введен-

[1] **Духовский С.** Материалы для описания войны на Западном Кавказе // Даховский отряд на Южном склоне гор в 1864 году. – СПб. 1864; **Фадеев Р.А.** Кавказская война. – М. 2005; **Филипсон Г.И.** Воспоминания. – М. 1885; **Альбов А.Н.** Этнографические наблюдения в Абхазии // «Живая старина». Вып. III. 1893; **Введенский А. Н.** Численность населения Самурзаканского участка //ИКОИРГО. VII. – Тифлис. 1882 – 1883 гг. **Верещагин А.В.** Колонизация Черноморского побережья Кавказа. – СПб. 1878; **Немирович-Данченко В.И.** Соколиные гнёзда. – М. 1897 вв.

[2] Материалы по истории Абхазии XIX века (1803 – 1839). Сборник документальных материалов. Т. I. Составитель **Г. А. Дзидзария.** Сухум. 2008; Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. (1762 – 1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Составители: **Куправа А. Э., Салакая С. Ш., Авидзба А. Ф.** Сухум. 2011; Материалы по истории Абхазии XIX века. (1763 – 1874). Сборник документальных материалов. Т. 3. Составители: **Куправа А. Э., Салакая С. Ш., Авидзба А. Ф.** Сухум. 2012.

ский, Л. Иоакимов, Я. Пасхалов, И. Пантюхов, Д. Бакрадзе, Д. Мачавариани, К. Мачавариани, А. Нисченков, В. Потто, Г. Церетели, С. Месхи, П.Чарая и др.[1].

Проблемы, связанные с военными событиями на Кавказе и выселением абхазов представлены в содержательных трудах С.П. Басария, К.Д. Кудрявцева, С. М. Ашхацава, А.В. Фадеева, А.А. Олонецкого[2] и др. Несмотря на то, что этим авторам в большей степени приходилось работать в условиях мощного идеологического давления, их научное наследие отличается высокой компетентностью, объективностью и смелостью.

Во второй половине XX столетия в изучении этнополитической истории абхазского народа значительные шаги были сделаны выдающимся абхазскими учеными Г.А. Дзидзария, Ш.Д. Инал-ипа и З.В. Анчабадзе. Капитальные труды Г.А. Дзидзария посвящены таким ключевым для абхазского народа проблемам, как вхождение Абхазии в состав Российской империи, упразднение Абхазского княжества, массовая депортация абхазов, колонизация страны и др.[3]. Его монография «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» и по сегод-

[1] Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики II пол. XIX в.). Составитель и ответственный редактор **Ачугба Т.А.** – Сухум. 1995; Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач.XX вв.). Составители: **Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А.** Т. I, II. – Сухум. 2005, 2008.

[2] **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-кале. 1923; **Кудрявцев К.Д.** Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. Типография ВСНХ Абхазии им. Ленина. 1922; **Ашхацава С.М.** Пути развития абхазской истории. – Сухум. 1925; **Фадеев А.В.** К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сухум. 1931; **Его же.** Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. – Сухум. 1932; **Его же.** Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года // Материалы по истории Абхазии. – Сухуми. 1938; **Его же.** Кавказ в системе международных отношений 20 – 50 гг. XIX в. – Сухуми. 1956; **Олонецкий А. А.** Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии. – Сухум. 1934; **Его же.** Православная церковь как орудие колониальной политики царизма в Абхазии // Сб.: Материалы по истории Абхазии. – Сухуми. 1939

[3] **Дзидзария Г.А.** Восстание 1966 года в Абхазии. – Сухуми. 1955; **Его же.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. – Сухуми. 1958; **Его же.** Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми. 1960; **Его же.** Очерки истории Абхазии. 1910 – 1921. – Тбилиси. 1963; **Его же.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухум. 1975, 1982 (второе издание); **Его же.** Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми. 1979.

няшний день остается фундаментальным исследованием, не имеющим аналога по проблеме депортации абхазов и других народов Кавказа в Османскую империю. В трудах Ш.Д. Инал-ипа для настоящего исследования особо ценными являются его научные изыскания относительно изменения этнической ситуации в Абхазии XIX столетия[1]. Тоже самое можно сказать о З.В. Анчабадзе, создавшем капитальные исследования по этнической истории абхазов, в том числе о причинах и трагических последствиях депортации абхазов[2].

Различные вопросы военно-политической и этносоциальной истории абхазского народа XIX в. рассмотрены в трудах С. З. Лакоба, Р. Х. Гожба, Ю. Г. Аргун, О. В. Маан, С. Ш. Салакая, И. Ш. Цушба, М. В. Гумба и др.[3].

---

[1] **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965; Его же. Зарубежные абхазы. – Сухум. 1991; **Его же.** Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – нач. XX вв. // СЭ. 1990, №1. С.39. **Его же.** Садзы. Историко-этнографические очерки. – М. 1995; **Его же.** Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002.

[2] **Анчабадзе З.В.** Из истории средневековой истории Абхазии (VI – XVII вв.). – Сухуми. 1959; **Его же.** Очерк этнической истории абхазов. – Сухуми. 1976.

[3] **Лакоба С.З.** Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми. 1990; **Его же.** Асланбей. К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия. – Сухум. 1999; **Его же.** Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). – Сухум. 2001; **Бгажба О.Х., Лакоба С.З.** История Абхазии. Учебник. – Сухум. 2003; **Агуажба Р. Х.** Братья, за Абхазию!.. Сухум. 2012 (на абх. яз.); **Его же.** Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). Сухум. 2014; **Его же.** Дал-Цабал – трагедия изгнания. Сухум. 2017; Аргун Ю. Г. Геноцид абхазов.сухум. 1998; **Его же.** Дал. Цабал. Прошлое и настоящее. Историко-этнографическое исследование. Сухум. 2011. На абх. яз.; **Его же.** Из истории и этнографии абхазской диаспоры. Сухум. 2014; **Маан О.В.** Социализация личности в традиционной бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX– начало XX в.). – Сухум. 2003; **Его же.** Абжуа. Историко-этнологические очерки. – Сухум. 2006; **Салакая С. Ш.** Вопросы истории Абхазии XIX – нач. XX вв. в абхазской советской историографии. Сухум. 2009; **Его же.** Абхазия и кавказская война в советской историографии // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. V – VI. Акуа – Сухум. АбИГИ. 2011. С. 139 – 150; **Его же.** К вопросу о махаджирстве 1867 года // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. VII. Акуа – Сухум. АбИГИ. 2012. С. 124 – 136; **Цушба И. Ш.** Депортация народов Кавказа в XIX – XX веках. Очерки. Сборник статьей. Сухум. 2014; **Гумба М. В.** Келешбей. Сухум. 2014..

ГЛАВА I. ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АБХАЗСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Из этнической истории абхазов. В уникальном полиэтническом сообществе Кавказа абхазо-адыгские народы, именуемые также в широком смысле этого слова черкесами, занимают почетное место. Являющиеся автохтонами этого региона, они имеют глубокие историко-культурные корни и широкий географический охват. Научные достижения последних десятилетий доказывают, что около 5 тысяч лет тому назад древние предки абхазо-адыгских народов (абазин, абхазов, адыгов, убыхов) занимали обширную территорию, которая объединяла центральные и западные части Северного Кавказа, всё Восточное побережье Черного моря, а также значительную часть Малой Азии. В древности они составляли единую этнокультурную группу племён, имевших общий язык[1].

Одним из предков современных абхазо-адыгов являлись многочисленные племена – *хатты*, первооткрыватели тайны железной металлургии, проживавшие в III-II тыс. до н.э. в Малой Азии, а также племена *касков//кашков* и *абешла*. Название касков многие ученые связывают с этнонимами адыгов *касоги (кашаги, кашаки)*, а абешла – с этнонимами абхазов – *апсилы, абазги, апсуа* (самоназвание абхазов), *абаза* (самоназвание абазин)[2]. Со временем произошло размежевание общего аб-

[1] **Керепов Б. М.** Становление адыгского мира // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М. 2006. С. 81.

[2] **Дьяконов И. М.** Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968. С. 12, 123 – 127; **Дунаевская И.М.** О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. В честь **И. М. Орбели.** М. – Л., 1960; **Дунаевская И. М., Дьяконов И. М.** Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. – М. 1979; **Иванов В. В.** История названия металлов в славянских и балканских языках. – М. 1983; **Его же.** Об отношении хаттского языка к северокавказским // Древняя Анатолия. М. 1985; **Ардзинба В. Г.** Некоторые сходные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник. III. – М. 1979. С. 26 – 37; **Его же.** Ритуалы и мифы Древней Анатолии. – М. 1982.

хазо-адыгского языка-основы на собственно абхазский, убыхский и адыгский языки, что привело к формированию самостоятельных этносов. К тому же, сложные военно-политические, социально-экономические, миграционные, этнокультурные и иные процессы не только не позволили сформировать единое абхазо-адыгское государство, но и способствовали сужению этнических границ абхазско-адыгских народов. В частности, в результате проникновения в Малую Азию индоевропейских племён, называвшие себя *неситами* и вошедшие в научный мир по ошибке под этнонимом *хетты*, а позже картвельских племен в Колхиду и разделения ими единого абхазо-адыгского массива на две территориальные группы, привели вплоть до XIX в. к процессам ассимиляции большей части абхазо-адыгских народов. И лишь населению, проживавшему на территории северо-западной оконечности Кавказа, удалось самосохраниться[1].

Тем не менее, в условиях сложнейших исторических и этнокультурных процессов, в условиях глубоких социально-экономических преобразований, создавались предпосылки для формирования современных абхазо-адыгских народов. Апсилы, саниги, абазги, мисимиане и другие многочисленные абхазские племена, в VIII в. создали мощное феодальное государство на Кавказе – Абхазское царство. В этот период завершился процесс консолидации родственных племен и формирования единой абхазской народности с общим самоназванием – апсуа, общим географическим самоназванием страны – Апсны (Страна абхазов)[2].

Предположительно к X веку завершилось формирование единой древнеадыгской народности с самоназванием – *ады-*

[1] **Чикобава А. С.** Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик // Журн. «Иберо-кавказское языкознание». Т. 2. – Тбилиси. 1948. С. 263; **Джапаридзе О. М.** К этнической истории грузинских племен по данным археологии. (На груз. яз., резюме на русск. яз.). – Тбилиси. 1976. С. 295; **Инал-ипа Ш. Д.** Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976.

[2] **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии (с VI – XVII вв.). – Сухум. 1959. С. 6 – 16; 69.

ге, этническая территория которой в раннем средневековье восновном выглядела в границах: на западе – Черноморское побережье до расселения убыхов, на севере – река Кубань и на востоке – река Лаба. В постмонгольский период этническая территория адыгов расширилась за счет освоения терских земель, где со временем сформировалась кабардинская этнографическая группа адыгов, ставшая крупнейшей политической силой в регионе. Кабардинские князья имели военные, политические и иные контакты с Крымским ханством и с Московским княжеством. С XIII в. во многих произведениях адыги именуются черкесами, хотя иногда византийские и итальянские источники их называли *зыхами*. Примечательно, что абхазы по сей день называют адыгов а-зыху//адзыху, а *осетины – касег*, а в русских источниках именовались – касоги[1].

Что касается убыхов, или же по источникам, тех же *брухов*, то они, при наличии собственного языка и других этноопределяющих компонентов, включая самосознания и самоназвания – *туахъэ*, оставались связующим звеном между родственными абхазскими и адыгскими народами[2].

Несмотря на то, что не было суждено создание единого абхазо-адыгского политического объединения, генетически родственным народам приходилось совместными усилиями решать многие проблемы, в том числе судьбоносные, стоящие перед ними, как в военно-политической, так и социально-экономической и гуманитарной сферах. Источники, в том числе, устные предания, сохранили множество фактов взаимопомощи и взаимовыручки. В Средние века совместными усилиями пришлось преодолевать критические периоды в годы арабского нашествия, агрессии со стороны монголо-татар, Тамерлана и других завоевателей. Естественно, что такие отношения укрепляли и расширяли духовное единство родственных народов. Большие трудности нашими народами

[1] **Шилов В.П.** О расселении меотских племён // СЭ. 1950, № 14. С. 112; Очерки истории Адыгеи // Под редакцией Бушуева С.К. – Майкоп. 1957. С. 46; **Керепов Б.М.** Становление адыгского мира // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М. 2006. С. 81, 103.

[2] **Кумахов М. А.** Убыхи // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М. 2006. С. 475, 479.

были перенесены и в позднем средневековье, и, конечно же, в XIX веке, когда, оказавшись в эпицентре борьбы горских народов Кавказа против колониальной политики царизма, убыхи полностью, а абхазы, абазины и адыги – в подавляющем большинстве, были выселены в Османскую империю. Как известно, в настоящее время большинство абхазов (абаза) и адыгов проживают в Турции, Сирии, Иордании, Израиле, США, в странах Европы и др. государствах мира. Потомки же убыхов, испытавшие языковую ассимиляцию, в основном проживают в Турецкой Республике.

Абхазы и территория их расселения в I пол. XIX в. В специальной литературе известны различные варианты этнонимов абхазов – *апсуа, абхазы, абаза, азега, азра* и др. В частности, «апсуа» является исключительно самоназванием – эндоэтнонимом – народа. Этот же народ другими народами именуется различными экзоэтнонимами. Например, грузины, русские и некоторые другие народы именуют его «абхазы», турки, арабы и другие восточные народы – «абаза». Кроме «абхазов», этнонимом «абаза» в странах Востока, именуются также близкородственный абхазам народ – абазины из Северного Кавказа. «Абхазы, – сказано в одном из авторитетных изданий конца XVIII в., – вольный и многочисленный народ, живущий в Кавказских горах, язык коих ни с каким другим из известных, как только черкасским некоторое, но и то небольшое, сходство показывает. Земля, на которой живет народ сей, на собственном их языке *Абсне* называется; тапереж турки и черкасы называют её Абаза, а грузины Абхазети»[1]. По данным того же источника, в «прежние времена жил народ сей только по западной к Черному морю приникающей стороне Кавказских гор, по рекам прямо в сие море между Кубанью и Енгури впадающим. Последняя река отделяет его от мингрельцев»[2].

[1] Новый полный географический словарь Российского государства, или лексикон. Часть I. – М. 1788. С.3.

[2] Там же.

Известный грузинский научный деятель XVIII в., профессиональный историк, географ и лексикограф Вахушти Багратиони (около 1696 – 1784 гг.) четко отличал абхазов от других народов, в том числе от соседних мегрелов и сванов, как по языку, так и по традициям, и именовал их не иначе как «абхазы»[1]. Характеризуя абхазский язык, академик И. А. Гюльденштедт, подчеркивал, что абхазский и черкесский языки имеют единые корни, один праязык и что различия между диалектами речи абхазов, проживающих по обеим сторонам Кавказского хребта, незначительны[2]. По данным его современника М. Пейсонеля, абхазы-абаза живут на побережье Черного моря от Суджука (нынешний Новороссийск) до границы Мегрелии. Южной точкой абхазского поселения он считал Анакрию (совр. Анаклия) – на левом берегу р. Ингура[3]. По утверждению Жана Франсуа Гамба, который в 1819 г. побывал в Абхазии, р. Ингур служила границей между Абхазией и Мегрелией, а на северо-западе территория Абхазии достигала до Геленджика[4]. То, что в начале XIX в. граница Абхазии простиралась от р. Ингура до Геленджика отмечал и С. М. Броневский[5]. Хан-Гирей также считал крепость Геленджик границею между Абхазией и Черкесией[6]. А барон Аш в 1830 г. северо-западную границу Абхазии отодвигал ещё дальше – располагал её «между Мингрелией и крепостью Анапою»[7]. Военный разведчик русской армии Ф.Ф. Торнау, изучивший в 30-х годах XIX в. Абхазию и другие регионы Кавказа, писал, что абхазы, которых он вместе

[1] Картлис цховреба. Т. IV. **Вахушти.** История Грузии. «Сабчота Сакартвело». 1973. С. 785 – 786 (на груз.яз).

[2] Путешествие **И.А. Гюльденштедта** по Грузии. Т.II. Немецкий текст с грузинским переводом издал и исследовал **Г. Гелашвили.** – Тбилиси. Изд. АН Грузинской ССР. 1964. С. 48 – 49.

[3] **Пейсонель М.** Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750 – 1762 годах. В изложении **Е.Д. Фелицина.** – Перемышли. 1990. С.29.

[4] **Жан Франсуа Гамба.** Путешествие в Закавказье. Т.I. Перевод с франц. яз. **Мгалоблишвили.** – Тбилиси. 1987. С. 87. На груз.яз.

[5] **Броневский С.М.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. – М. 1823. С. 58.

[6] **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. Историко-этнографические очерки. – Сухуми. 1965. С.357.

[7] **Там же.**

с другими абхазо-абазинскими этническими единицами, именовал «абазинами», проживали на пространстве от р. Саше (сов. Сочи) до р. Ингура[1].

Кроме территории исторической Абхазии, абхазы-абаза жили и живут к северу от Главного Кавказского хребта. Их предки сюда компактно стали заселяться в средние века, в результате военных событий, стихийных бедствий, различных эпидемий и других причин[2]. Северокавказских абаза, больше известных под этнонимом «абазины», абхазы именуют – *ашвуа (ашәуа)*. Сами же абазины делятся на две группы – тапантцы и ашхарцы[3]. Ашхарцы, которые в более поздний период переселились из Абхазии, называют себя также «апсуа»[4].

В письменных источниках, помимо разных этнонимов, для определения абхазского народа, также зафиксированы несколько вариантов названия страны исторического проживания абхазов. В частности, это собственно «Абхазия», «Большая Абхазия», «Малая Абхазия», «Древняя Абхазия», «Абазия» и др.[5].

На самом деле, исходя из исторической действительности, Абхазией следует называть исконную территорию проживания абхазского народа на побережье Черного моря, как это традиционно принято у самих абхазов, не иначе как Апсны – «Страна апсуаа». По определению этнолога Ш. Д. Инал-ипа, «апсуа» означает «люди воды», «люди страны вод»[6]. Другое дело, что с изменением политической ситуации, или же этнической номенклатуры, менялись границы этой страны на юго-востоке или же на северо-западе. Например, если в начале XIX в. Правитель

---

[1] **Дзидзария Г.А.** Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М. 1976. С.109.

[2] Новый полный географический словарь… С. 2 – 3; **Броневский С.М.** Указ. соч. С.58 – 61; **Лавров Л.И.** Абазины // КЭС. – Л. 1978; **Анчабадзе Ю.Д.** Абаза (к этнокультурной истории Северо-Западного Кавказа) // КЭС. Т. VIII. – М. 1984; **Тхайцухов М.С**. Очерки истории абазин конца XVIII – XIX вв. – Сухум. «Алашара». 1992.

[3] **Ломтатидзе К.В.** Тапантский диалект абазинского языка // Изд. – Тбилиси. 1944 (на груз. яз.) **Её же.** Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов // Изд. АН Грузинской ССР. – Тбилиси. 1954 (на груз.яз).

[4] **Ломтатидзе К.В.** Тапантский диалект абазинского языка. С.218.

[5] Путешествие **И.А. Гюльденштедта** по Грузии. С. 51; **Жан Франсуа Гамба.** Указ. соч. С. 87; **Броневский С.М.** Указ. соч. С.326 – 328; **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. С. 357 – 360.

[6] **Инал-ипа Ш.Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми. 1971.С.4.

Абхазии Келешбей Чачба контролировал территорию Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Батума, то после вхождения Абхазского княжества под протекторат Российской империи (1810 г.), его границы значительно сузились. С этого периода, по политическим соображениям, Абхазию стали делить на две части – на «Большую» или «Внутреннюю Абхазию» и «Малую» или «Внешнюю Абхазию». «Большая Абхазия» занимала территорию между реками Ингуром и Бзыбью, на которую с переменным успехом распространялась власть владетельных князей, а «Малая Абхазия» простиралась от р. Бзыбь до р. Хоста (Хамыш). Сюда власть владетелей Абхазии не достигала. Эту часть страны чаще называли Садзен или Джигетией.

Что касается этнической границы страны обитания абхазов на побережье Черного моря, то до массовой их депортации, письменные источники на юго-востоке таким рубежом определяют р. Ингур. Хотя некоторые письменные источники и полевые этнографические материалы свидетельствуют о наличии абхазских этнических анклавов на территории Мегрелии, особенно её приморской части. Помимо компетентного исследователя сер. XVII в. Эвлия Челеби[1] и других авторов, о проживании абхазов за рекой Ингур до р. Риони (по-тур. Паша), свидетельствуют множества османских источников XVII–XVIII вв.[2]. Жан Франсуа Гамба, считавший также р. Ингур этнической границей между Абхазией и Мегрелией, также констатировал о проживании абхазов в Мегрелии, в частности,на правом берегу р. Хоби, которые совершали время от времени набеги на российский гарнизон порта Анаклия[3]. В этом отношении интересные материалы сохранились в грузинской периодике II пол.XIX в., которые подтверждают о проживании абхазов до Поти. Например, газ. «Дроеба» в 1873 г. (№399) сообщала: «Как прекрасно побережье Черного моря, начиная от Поти до Крыма.

[1] **Эвлия Челеби.** Книга путешествия. (Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. М. 1983. С. 49 – 50.

[2] Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII – XVIII вв.). Турецкий текст с грузинским переводом осуществил **Н. Н. Шенгелия.** Тбилиси. 1982. С. 36. 37, 99, 117 и др.

[3] **Жан Франсу Гамба.** Путешествие в Закавказье. Т. I. С. 95, 112.

Теплое море, которое объединяет на этих берегах Европу и Россию с прекрасной землёй Западного Кавказа. Торговли и работы здесь чрезмерно много, только пошевели руками, но кто же пошевелит?.. Однако прежнего населения – черкесов и абхазов – уже нет. Обстоятельства вынудили их покинуть свою страну». Несмотря на тенденциозность некоторых современных грузинских авторов по определению антропонимии населения Мегрелии, фактологические материалы подтверждают об абхазском происхождении определённой части фамилий данного региона современной Западной Грузии[1].

В этом отношении не менее сложным выглядят дела на северо-западе страны. Однако, тщательное исследование вопроса дает основание утверждать, что упоминания некоторыми авторами о существовании этнической границы Абхазии в этом направлении до укреплений Геленджика, Суджук-кале или же Анапы, больше всего отражают не существовавшую на тот период реальную этническую ситуацию на Черноморском побережье Кавказа, а историческую память о том периоде, когда абхазское население занимало значительную долю в этнодемографической номенклатуре данного региона, а в политическом отношении – эти регионы находились в подчинении или же под политическим влиянием владетельных князей Абхазии, а ещё раньше – абхазских царей. Как подтверждают источники, в середине XIX в. к северо-западу от Абхазии, вплоть до Анапы, сохранялись незначительные поселения абхазов, а здешнее этнически смешанное абхазо-убыхо-адыгское население ещё считалось с авторитетом правителей Абхазии.

Несмотря на присутствие отдельных абхазских этнических анклавов по всему северо-западному побережью Кавказского Причерноморья, этническая территория компактного проживания абхазов к середине XIX века, в основном, достигала до р. Хоста (Хамыш). От р. Хоста до р. Шахе проживали убыхи, а от

[1] **Джомидава Н.** 3000 мегрельских имен и фамилий. Тбилиси. Кн. 1-2. 2000; Кн. 3. 2001 (на груз.яз.).

Шахе дальше на северо-запад до Анапы – шапсуги и натухайцы (этнографические группы адыгов)[1].

В середине XIX в. «Большая Абхазия», на которую более или менее распространялась власть владетельного князя Абхазии – Чачба, простиравшаяся от р. Бзыбь до р. Ингур, подразделялась на несколько регионов. В частности, земли *Бзыбь* занимали территорию между реками Бзыбью и Гумистой; *Гума* – между Гумистой и Кодором; *Абжуа* – между Кодором и Охурей; *Самурзакан* – между реками Охурей и Ингуром. Кроме названных регионов, за пределами прибрежной «Большой Абхазии», в горной части, находились номинально зависимые от владетельской власти Абхазии регионы *Цабал (Цебельда)* и *Дал*– по среднему и верхнему течению р. Кодор и в ближайших к ней ущелий, а также Псху – по верхнему течению р. Бзыбь[2]. Жители этих регионов Абхазии в народе и по сегодняшний день именуются соответственно – *бзыпаа (бзыбцы), гумаа (гумцы), абжуаа (абжуйцы), мырзаканаа/самырзаканаа (мурзаканцы/самурзаканцы), цабалаа (цабалцы, цебельдинцы), далаа (далцы), псхуаа (псхувцы)*.

В «Малой Абхазии», занимавшей территорию от р. Бзыбь до р. Хоста, обитала этнографическая группа абхазов – *садзы (сазаа)*, именуемая также *асадзкуа, джики*. Садзы в свою очередь дели-

[1] Из обзора восточного берега Черного моря, составленного **Н.Н. Раевским** // Газ. «Кубанские областные ведомости». 1890. №47; **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. С. 358; **Берже А.** Краткий обзор горских племен на Кавказе. С.274; **Филипсон Г.И.** Черкесы, казаки и адэхе. Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки. Фонд **Д.А. Милютина.** Д. 169.Л. 38 об. См.: **Инал-ипа Ш.Д**. Абхазы. С.112, 358; **Званба С.Т.** Абхазские этнографические этюды. – Сухуми. 1982. С.5 – 6; **Услар П.К.** Этнография Кавказа. Абхазский язык. – Тифлис. 1887. Отдел второй. О языке убыхов. С.75; **Дьячков-Тарасов А.Н.** Гагры и их окрестности. С.363; **Фадеев А.В.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. 4. – Л., 1935. С.136; **Бгажба Х.С.** Этюды и исследования. – Сухуми. «Алашара». 1987.С.156 – 157; **Шакирбай Г.З.** Абхазские топонимы Большой Сочи. – Сухуми. 1978. С. 7, 15; **Кварчия В.Е.** Историческая и современная топонимия Абхазии. Историко-этимологическое исследование. – Сухум. 2006. С.286; **Инал-ипа Ш.Д.**Садзы. Историко-этнографические очерки. – М. 1995. С. 125, 128; **Дзидзария Г.А.** Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. С. 81, 106. 110

[2] **Дзидзария Г.А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.). – Сухуми. Абгосиздательство. 1958. С.16 – 17; **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. С. 364 – 365.

лись на множество мелких вольных княжеств, обществ или же «республик»[1]. Среди садзов самым крупным обществом считался *Цан* или же *Цандрипш*, название которого непосредственно связано с княжеской фамилией Цанба. На побережье моря граница данной общины начиналась от р. Бзыбь и достигала до р. Хашупсе. Северо-западнее Цандрипша территорию от р. Хашупсе до р. Мзымта занимала многочисленная община *Геч,* подвластная княжеской фамилии Геч/Гечба)[2]. На Адлерском мысе обитала крупная община *Ард*, управлявшаяся князьями Ардба (Арыдба, Арындба). Севернее находилась община *Цвиджаа*. Общество *Хамышь* располагалось «на покатости горы, над самым морем, по речке того же имени». Во главе общества стоял представитель абхазской княжеской фамилии Хамышь[3]. Примечательно, что сведения о прибрежных садзских обществах, возглавлявших княжескими фамилиями Цанба (Цандба), Гечба, Ардба, Хамыш сохранились в трудах известного турецкого путешественника, географа и историка XVII в. Э. Челеби[4]. С фамилией Цанба связана упомянутая в данных источниках гавань под названием *Чанда*, которую, видимо, следует отождествлять с населенным пунктом Цандрипш на побережье моря. А с фамилией Ардба связана этимология современного названия города Адлер. В частности, турки население, которое проживало на территории, подвластной княжеской фамилии Ардба, именовали Ардлер, т.е. люди Ардба, «Ардбовцы».

В верховьях р. Хашупсе, выше общины Цандрипш, было расположено небольшое общество – Хышха[5]. А в верховьях рек Хашупсе (выше с. Хышха) и Псоу проживало общество Айбга[6].

В верховьях р. Мзымта, проживало довольно крупное по численности населения общество Ахчипсоу. По данным С. Т. Званба,

[1] **Дзидзария Г.А.** Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. С. 105.
[2] **Званба С.Т.** Указ. соч. С.9.
[3] **Дзидзария Г.А.** Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. С.106; **Званба С.Т.** Указ. соч. С. 7.
[4] **Эвлия Челеби.** Указ. соч. С. 49 – 50.
[5] **Дзидзария Г.А.** Указ.соч. С.165.
[6] **Берже А.П.** Указ.соч. С. 274.

ахчипсувцев было до 900 дворов[1]. Ахчипсоу занимало весьма выгодное стратегическое расположение – через горные тропы имело прямое сообщение с убыхами и далее с северо-западными адыгами. Кроме того, из Ахчипсоу через перевал Пыв проходила практически единственная и довольно удобная конная тропа из Садзена в землю Псху, и что не менее важно, отсюда же проходила тропа «для привычных лошадей» через Кавказский хребет к верховьям р. Лабы (по-абхазски Ерых), к абазинам[2]. Характеризуя аибгаа, ахчипсуаа, чужгучаа (цвиджаа) и др. горные и приморские общества «Малой Абхазии», Ф. Торнау отмечал, что «одноплеменные с абхазцами, они говорят одним с ними языком и ни в образе жизни, ни в обычаях не отличаются от первых»[3].

Из социальной структуры. В формировании сложной военно-политической ситуации в Абхазии в целом и абхазо-российских отношений в частности, определенную роль сыграли различия социальной структуры абхазского и российского обществ.

Каждая из вышеперечисленных административных единиц Абхазии, как правило, делилась на акыта («ақыҭа») – сёла. Акыта, по своему устройству, являлась сельской общиной, куда входило несколько поселков – ацута («ацуҭа»), ахабла («аҳабла»)[4]. Ацута в редких случаях могло бы быть представлено и как патронимическое поселение, но акыта-село традиционно являлось полигенным поселением. Абхазская сельская община, что весьма примечательно, объединяла все социальные слои населения, представляющие своеобразную иерархию со значительным числом ступеней. В частности, это князья – *ах («аҳ»),* те же *атауад («аҭауад»),* или же аамстаду («аамсҭаду») – у

[1] **Званба С.Т.** Указ.соч. С. 8.

[2] **Там же.** С. 8 – 9.

[3] **Дзидзария Г.А.** Указ. соч. С. 105.

[4] **Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии. С.17; **Его же.** Абхазия в дореформенный период // История Абхазии. Учебное пособие. – Сухуми. 1986. С.72 – 73; **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С.395, 396; **Чанба Р. К.** Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. – Тбилиси. «Мецниереба». 1977. С.89 – 91.

абазин, дворяне – аамста («аамсҭа»); крестьяне – *анхаю («анхаюы»), ахоую («ахуҩы»), ахашвала («ахашәала»)* и др. Термин «атауад» вошел в абхазскую лексику из грузинского языка в начале XIX века[1]. Грузинский историк С. Какабадзе распространение данного термина связывает с женой владетельного князя Абхазии Сафарбея (Георгия) Чачба Тамарой Дадиани и её *«дворовыми людьми» («шинаҟмеби»)*, привезенными из Мегрелии[2].

Промежуточное положение между дворянами и крестьянами занимали ашнакума («ашьнаҟума») – представители свободных крестьян, находившиеся на службе в качестве охранников у владетеля Абхазии и у некоторых других влиятельных князей. Этот термин также грузинского происхождения (от вышеупомянутых «шинаҟмеби»),время его распространения в Абхазии также относится к началу XIX в.[3].

Самым многочисленным слоем населения страны являлись крестьяне. По данным 1865 г. они составляли около 92% от общей численности населения[4]. Крестьяне, в свою очередь, по характеру отношения к средствам производства, по своему имущественно-правовому положению, в основном делились на «анхаю», «ахоую», «амацуразку» и «ахашвала». Преобладающее большинство крестьян, и тем самым всего населения Абхазии, составляли анхаю. В Самурзакане их называли также «пиош» (пиош), а среди абазин они были известны как «ахаю» (ахаҩы)[5].

Немногочисленную категорию «ахоую», именуемую также «агруа» (мегрел»)[6], в Абхазии представляли собственно крепостные крестьяне. Имея земельный участок во владение наследственным правом, ахоую был обязан феодалу отра-

[1] **Лавров Л. И.** Абазины. КЭС. №1. 1955. С.20; **Какабадзе С.** История Грузии. 1783 – 1921 гг. – Тбилиси. Изд. «Некери». 1997. С.165 (на груз. яз.).
[2] **Какабадзе С.** Указ. соч.С.165.
[3] **Там же.**
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.146.
[5] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.182.
[6] **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С.513.

батывать в его поместии и платить ренту натурой, а иногда и деньгами[1].

Ещё более низкую прослойку крестьянства составляли крепостные «амацуразку» («амацуразку») – «обязанные служить» и «азаты». Они были весьма малочисленны и мало значимы в обществе.

В социальной жизни Абхазии были зафиксированы также домашние слуги из пленных, взятых во время набегов или войн. Они были известны под названиями ахашвала (ахашәала), «атвы» («атәы»). После определенного времени им выделялись земельные участки и тем самым их переводили в категорию крепостных крестьян.

Несмотря на противоречивость в характеристике имущественно-правового положения крестьян, многие авторы, в том числе и те, которые специально занимались исследованием их перед крестьянской реформой, пришли к выводу, что крестьяне в Абхазии, особенно из категории анхаю, составлявшей приблизительно 2/3 населения страны, фактически являлись свободными людьми. «Анхае (пиош), – констатировала Сухумская сословно-поземельная комиссия, – суть люди совершенно свободные, пользующиеся в полной мере своими личными и имущественными правами»[2]. Поэтому некоторые авторы именовали их не «крестьянами» в обычном понимании этого слова, а «поселянами» или же просто «вольными жителями» По выражению А. П. Черепова, анхаю это есть «соль земли абхазской»[3]. А сын последнего владетеля Абхазии, писатель Г. М. Чачба, называя анхаю «свободными фермерами»[4], подчеркивал, что в прошлом «дворянство и крестьянство жили дружно, при взаимном уважении»[5].

---

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.284, 294.

[2] **Фадеев А. В.** Абхазия в первой четверти XIX века // Труды Одесского государственного университета. Т.I. – Одесса. 1939. С.121.

[3] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С.182.

[4] **Шервашидзе Г. М.** Так ли пишется история (письмо в редакцию) // Газ. «Закавказье», 6 июня 1910 г., №126.

[5] **Шервашидзе Г. М.** Открытое письмо агроному Гудаутского участка генералу Ефремову // Газ. «Сухумский вестник», 29 марта 1917 г., №62.

Вместе с тем, нельзя отрицать, что часть из анхаю все же имели определенные обязательства перед феодалами в виде различных повинностей, «добровольных приношений», перенятых у Турции и России[1]. Но это, по утверждению А.Н. Введенского, отчасти касалось «Большой Абхазии», чего нельзя было сказать в отношении приморских садзов, псхувцев и ахчипсуйцев, которые не отбывали никаких повинностей и являлись «образцами строя жизни обществ абхазского племени»[2]. В той же «Большой Абхазии» от всяких повинностей были свободны анхаю, так называемые «чистые крестьяне» – анхаюцкьа (*анхаҩыцқьа*). Боле того, они в ряде случаев сами являлись владельцами крепостных крестьян[3].

Сельскую общину возглавлял ахылапшю (*ахылаԥшҩы*) – «покровитель», «патрон». Должность «покровителя» занимали как представители абхазских феодальных и дворянских фамилий, так и представители свободных общинников. Неслучайно, «Сухумская сословно-поземельная комиссия, разработавшая проект крестьянской реформы в Абхазии, отмечала, что абхазское слово «акыта», означало одновременно и село, и общину «с преобладающим влиянием и значением одного какого-либо лица, одной какой-либо фамилии, тавада или аамиста»[4]. Председатель данной комиссии А. П. Черепов считал, что ахылапшю был «обязан собирать сходки (аибабара) для обсуждения мер по охранению союза (ажәлар), предводительствовать в набегах», организовывать народный суд и т.д. Но вместе с тем, что очень важно, права ахылапшю, представителя даже самого высшего сословия, были ограничены, так как он, хотя и являлся первым лицом в акыта, но «первым между равными»[5].

---

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.183.

[2] **[Введенский А. Н.]** Абхазцы (Азега), по поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и его населяющих» // ССКГ, вып. VI, 1872, отд.1, с.22, прим. 26.

[3] **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С.507.

[4] **ДзидзарияГ. А.** Указ.соч. С.142, 144; **Чанба Р. К.** Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. С.93.

[5] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.143.

Поэтому та же Поземельная комиссия с удивлением отмечала, что в Абхазии власть высшего сословия, в том числе владетеля, ограничивалась «общественным устройством», которое было выработано «опытом жизни» народа. «С одной стороны, – говорится в документе, – стояла владетельская власть и иерархия сословий, что придавало феодальный характер учреждениям страны, с другой – являлось выработанное опытом, жизнью народа, противоречащее феодализму общественное устройство, ограничивавшее его, поставлявшее пределы власти владетеля и произволу высших сословий…»[1].

Вместе с тем, по данным источников, между сельскими общинами все же прослеживались определенные различия в сфере управления и принятия решения на собраниях. Очевидно, поэтому ген. С. М. Броневский абхазские общины делил на «аристократические» и «демократические» – «вольные общества»[2]. Хотя вице-адмирал Л. М. Серебряков в нач. 50-х годов XIX века форму управления всех без исключения абхазских регионов характеризует как «аристократическую», а убыхов и адыгов – как «демократическую»[3].

В первой половине XIX в. вплоть до реформенного периода, акыта, являлось своеобразным мини-административным, социально-экономическим и культурным ядром общественного устройства страны в условиях «горского феодализма»[4]. Основой такого объединения и «щадящих» взаимоотношений между различными слоями населения являлась общинная форма землепользования: в частности, общее пользование всеми слоями населения общинных пастбищ и лесов, с одной стороны, и наличие на правах наследственного владения у подавляющего большинства населения приусадебных, пахотных

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.141.
[2] **Броневский С. М.** С.39 – 40.
[3] АКАК, т. X. С.233.
[4] О природе «горского феодализма» см.: **Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И.** К вопросу о природе кавказского горского феодализма // «Иберийско-кавказское языкознание». Т. XVIII. – Тбилиси. 1973. С. 111 – 127.

и сенокосных земель – с другой[1]. И что самое главное, принадлежавшие «поселянину» эти подворно-участковые владения переделу не подлежали[2].

Неслучайно отмечалось очевидцами, что в Абхазии не существовало феодальной собственности на землю, а свободные крестьяне – анхаю – являлись фактическими собственниками приусадебных земельных участков. Примечательно, что традиционное право абхазов считало неприкосновенным имущество каждого человека. «Имущество каждого считалась неприкосновенным. Ни владетель, ни владельцы не имели права лишать имущества своих подвластных за какое бы то ни было преступление. Имущество переходило во всяком случае к наследникам, хотя бы они были и самые далекие родственники», – писал Ф. Завадский[3]. Иными словами, крепостное право, как таковое, т.е. в классическом понимании, в Абхазии не существовало[4]. А в смягчении сословных противоречий, нивелировании равноправия и объединении членов общества в единое целое немаловажную роль играли традиционная для сельской общины соседская взаимопомощь, молочное родство между феодалами и крестьянством – «аталычество»[5]. По словам академика Г. А. Меликишвили, «горские феодалы не владели землями и «душами», а в первую очередь осуществляли военные и управленческие функции»[6].

Более или менее равное и справедливое распределение средств производства, в первую очередь, земли, создало в Абхазии довольно устойчивое социально ориентированное

---

[1] **Гуниа Ч. Х.** Землепользование в Абхазии. – Сухуми. «Алашара». 1972. С. 84.

[2] **Фон-Дервиз Н. В.** Сухумский округ. (Записки бывшего лесничего) // ЗКОИРГО. Кн. XXV. Вып. 8. – Тифлис. 1906. С. 30.

[3] **Завадский Ф.** Абхазия и Цебельда // Газ. «Кавказ», 1867, №60.

[4] **Авалиани С. Л.** Крестьянский вопрос в Закавказье. Одесса. 1913. II. С.70; **Фадеев А. В.** Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года // Материалы по истории Абхазии. Сборник первый. Сухуми. АбГИЗ. 1939. С.120 – 121; **Лакоба С. З.** Лик абхазской жизни // История Абхазии. Учебное пособие. – Сухум. «Алашара». 1991. С.163.

[5] **Гуния Ч. Х.** Указ. соч.С.11.

[6] **Меликишвили Г. А.** К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских горских классовых обществ // «История СССР». 1974, №6. С. 51.

общество, сформировало совершенно уникальные взаимоотношения между членами общины, где на первом месте стояли права, честь и достоинство человека. Людей ценили не по социальному происхождению, а по образу жизни, по заслугам. Неслучайно современники отмечали, что в Абхазии «особенным влиянием пользуются лица, заслужившие уважение личными заслугами, достоинством, умом или по своим летам и опытности, – так что голос старика-крестьянина стоит выше голоса молодого, неопытного князя»[1].

В основном из крестьянского сословия пожизненно избирались медиаторские судьи – *аныха-зфаз* – т.е. «давшие присягу», «известные по своему красноречию, уму, беспристрастию и пользующиеся добрым мнением народа»[2]. Избранные на общем народном собрании эти почетные люди разбирали и принимали решения, как по уголовным, так и гражданским делам. Все общественные дела обсуждали народные собрания, в которых участвовали и представители низкого сословия[3].

Активное участие в жизни сельской общины, представителей практически всех слоев населения, объективное и беспристрастное служение избранников народа, приверженность и глубокое уважение самого народа к своим традициям

[1] **Чернышев К.** Ещё об Абхазии // Газ. «Кавказ», 1854, №83.

[2] **Там же.**

[3] **Эсадзе С.** К сорокалетию уничтожения автономии Абхазии» // Газ. «Тифлисский листок». 1904. №267; об обычном праве абхазов см.: **Ашхацава С.** Внутреннее управление древней Абхазии // Газ. «Сухумский листок». 1912. №196; **Анчабадзе Ю. Д.** «Остракизм» на Кавказе // СЭ. 1979, №5; **Гуажба А. Х.** Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. – Ирвейн. 1999. С. 59 – 109; **Барциц М. М.** Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. – Ирвейн. 1999. С.38 – 54; **Дамения О. Н.** Народная дипломатия как феномен кавказской культуры: истоки и смысл // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. – Ирвейн. 1999. С. 131 – 142; **Кавшвбая Л. Л.** Обычное право абхазов в конце XVIII – XIX вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Н. Новгород. 1999; **Камкия Б. А., Камкия Ф. Г.** Особенности правового статуса субъектов обычного права (по материалам Абхазии). – Сочи. Изд-во СИМиП. 2001; **Авидзба В. В.** Традиционный суд и судопроизводство абхазов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Сухум. 2008.

и нравам, обычному праву предков, во многом обусловили правопорядок в обществе и высокую нравственную чистоту его членов. «В отношении гражданского быта абхазцы держатся преданий старины и укоренившихся обычаев. В нравственном отношении абхазцы отличаются воинственностью, гостеприимством…»[1]. Примечательно, что пока «коренные абхазские законы… не начали терять свою силу, воровство в Абхазии считалось пороком… случалось редко»[2].

В области прав и свобод членов «акыта» и в целом абхазского общества привлекает внимание почетное положение женщины, образ которой ассоциировался с матерью-Родиной[3]. Женщина, наравне с мужчинами, принимала участие в решении семейных и общественных проблем. «Мало где женщина пользуется таким уважением и такой самостоятельностью, как здесь… Кроме исполнения прямой своей обязанности – поддержания семейного порядка, она всегда принимала участие в политической и общественной жизни своего народа[4]. Как полагал Ф. Васильков, «в обращении с женщиной и детьми абхазы не только отличаются среди всех народов Кавказа, но, пожалуй, среди многих цивилизованных жителей Европы. Ни одна женщина в мире не пользуется таким уважением, как абхазская»[5].

Заслуживает также внимание выработанная веками толерантность абхазов, к носителям как традиционной религии, являющаяся по своей сути монотеистической[6], так и христианской и мусульманской религиям. Совсем неслучайно абхазов некоторые авторы именовали «христиано-магометано-язычниками»[7]. «Абхазцы, – сообщалось в 1866 г. в газете

---

[1] Газ. «Русский инвалид», 10/22 сентября 1866 г.

[2] **Чернышев К.** Указ. соч.

[3] Из письма **К. Чернышева** к А. П. Берже «Еще раз об Абхазии» // Газ. «Кавказ», 1854, №82.

[4] **В. Ч.** Абхазская женщина // Газ. «Кавказ», 1885, №62.

[5] **Васильков Ф.** Кавказ и его обитатели. – М. 1919. С.54.

[6] **Крылов А. Б.** Религия и традиции абхазов. – М. 2001. С.341.

[7] **Мачавариани К. Д.** Сухум и Абхазия // Газ. «Тифлисский вестник», 1879. №250; **Его же**. Религиозное состояние Абхазии // Газ. «Кутаисские ведомости», 1889, №№22, 24.

«Русский инвалид», – говорят языком общим абазинскому племени, который отличается от других горских наречий и исповедуют магометанство и отчасти православную веру, придерживаясь в то же время языческих обрядов… Религия ни в коем отношении не налагает различия между жителями Абхазии. Часто в одном семействе находятся христиане и магометане и живут между собою в совершенном согласии»[1]. По меткому выражению В. И. Немировича-Данченко, «абхазец дома – в одно и то же время и мусульманин, и христианин, и язычник. Рядом с верою Магомета он благоговеет перед крестом, молится Деве Марии и Георгию Победоносцу и остается верен старим языческим богам»[2]. Сам факт отсутствия в Абхазии смертной казни, как формы наказания[3], говорит также о гуманности абхазского общества в целом и обычного права, в частности.

В течение многовековой истории, народ вырабатывает традиции, которые лежат в основе его культуры, в основе его обычаев и обрядов[4]. Созданные на реальной социальной почве, испытанные веками национальные обычаи, обряды, традиции стали основой формирования абхазского образа жизни (*абзазашьа*), известного в народе под термином – *апсуара* (*аԥсуара*). В обществе и особенно в семейном быту апсуара как универсальный и всенародно почитаемый феномен, выполнял и по сию пору играет ведущую роль в воспитании молодого поколения, в сохранении и развитии абхазской этнической идентичности, абхазского национального самосознания[5]. По

---

[1] Газ. «Русский инвалид», 10/22 сентября 1866 г.

[2] **Немирович-Данченко В. И.** Соколиные гнёзда. М. 1917. С. 20.

[3] **Чернышев К.** Ещё об Абхазии // Газ. «Кавказ», 1854, №82.

[4] **Чибиров Л. А.** Традиционная духовная культура осетин /Под редакцией Ю.Ю. Карпова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.594.

[5] Подр. см.: **Инал-ипа Ш. Д.** Очерки об абхазском этикете. – Сухуми. 1984; **Его же.** Изучение абхазского народного кодекса «апсуара» // Журн. «Абаза». 1996, №2; **Квициния М. Б.** О соотношении системы «Апсуара» и национального характера // Газ «Абхазский университет». 24 мая 1991; **Хашиг Н. Ч.** Апсуара. – Сухум. 1994 (на абх. яз.) **Читашева Р. Г.** Апсуара как основа нравственного воспитания абхазов. – Гагра. 1996; **Куправа А. Э.** Апсуара – традиционная культура абхазов. – Краснодар. 2002; **Бигуаа В. А.** В конце столетия. (История

Т. Лапинскому, характер цивилизации абхазов подтверждает родство абхазов с индоевропейцами: «они сохраняют личное достоинство и свою независимость, сердечность семейных отношений, привязанность к родной земле, высокую храбрость и отвращение к ненужному кровопролитию…»[1].

Что касается «горского феодализма», в частности отсутствия крепостничества в Абхазии, как и в других горных регионах Кавказа в целом[2], в классическом понимании, следует объяснить тем, что именно такой «незавершенный», «застывший» или же «демократический феодализм» был затребован в той экстремальной военно-политической ситуации, в которой находились на протяжении многих столетий защищавшие себя

Абхазии. Национальная литература и культура. Судьба Апсуара. Христианство, ислам и язычество). – М.: ООО «Агент». 1996; **Хагба Л. Р.** Базовые лингвокультурные концепты в абхазском и абазинском языках (по материалам идиоматики). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Нальчик. 2006. Апсуара как – абхазство этноцентристского плана проявляет близость с адыгским адыгагъэ, что также буквально переводится как адыгство. Подр. См.: **Бгажноков Б. Х.** Адыгский этикет – Нальчик. 1978; **Его же.** Основания гуманистической этнологии. – М. Изд-во Российского университета дружбы народов. – 2003 и др.

[1] **Лапинский Т.** Горные народы Кавказа в освободительной войне против России. Личный архив проф. Г. А. Дзидзария. ЦГАА. Ф.833. №10, лл.106 – 110. 1940.

[2] **Косвен М. О.** Проблемы общественного строя горских народов Кавказа. СЭ. 1951. №1; **Магомедов Р. М.** Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начало XIX века. – Махачкала. 1957; **Фадеев А. В.** Вопросы о социальном строе кавказских горцев XVIII – XIX вв. в новых работах советских историков // ВИ. – М. 1958, №5; **Хашаев Х.М.** Общественный строй Дагестана в XIX в. – М. 1961; **Гарданов В. К.** Общественный строй адыгских народов. – М. 1967; **Мамакаев М. А.** Чеченский тайп (род) в период его разложения. – Грозный. 1973; **Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И.** К вопросу о природе кавказского горского феодализма // «Иберийско-кавказское языкознание». Т. XVIII. – Тбилиси. 1973. С. 111 – 127; **Робакидзе А. И.** Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. 1978, №2. С. 15 – 24; Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских горских классовых обществ // «История СССР». 1974, №6; **Калоев Б. А.** М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. – М. 1979; **Его же.** Земледелие народов Северного Кавказа. – М. 1981; **Карпов Ю. Ю.** «Вольные» общества Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. (К вопросу о роли патриархально-родовых и общинных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Л. 1984; **Его же.** Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007; **Меретуков М. А.** Образ жизни и нормативно-организационные функции сельской общины у адыгов // Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. VII. – Майкоп. 1988.

от внешних угроз горские народы Кавказа. Итальянский автор XVII в. Арканджело Ламберти писал: «Абхазы в ожидании нападения обыкновенно спят одетые в броню, с пикой в руках, щит кладут под голову, а оседланную лошадь привязывают у своего ложа»[1]. «Постоянная готовность абхазца с оружием в руках встретить врага или самому напасть, мешает и его мирному течению жизни, и обычным занятиям, которые всегда могут быть нарушены каким-нибудь неожиданным событием…», – писала газ. «Черноморский вестник»[2].

Слабость, иной раз номинальность владетельской власти в тех или иных регионах Абхазии, вынуждала население страны «к объединению своих прав к ограждению внутренней и внешней безопасности посредством соединения жителей в союзы или общины (акыта), жившие своей особою внутреннею жизнью на основании издавна установившихся взаимных отношений между членами общины»[3]. Другими словами, в отличие от крепостного строя, где отношения между членами общества, в том числе, в сфере самообороны, в основном строились на страхе и насилии со стороны феодалов, то более или менее равные права и материальные условия жизни людей в обществе «горского феодализма», создавали благоприятный социально-экономический и морально-психологический фон для эффективной коллективной защиты от внешнего врага членов этого общества, их семьи и в целом народа. Обычно, в нужное время, каждая абхазская семья, без всякого принуждения, выставляла одного или двух воинов, поскольку защита родины для абхаза считалась первейшим, самым почетным и святым делом. «Абхаз, – писал П. Чарая, – до самозабвения любит свою действительно прекрасную страну… По понятиям абхаза, лучше, чем Апсны, нет другой страны в мире. «Боже сохрани Апсны», – постоянно звучит в устах абхаза и в радости, и в горе»[4]. По

[1] **Ар. Ламберти.** Описание Мегрелии. Перевод с итальянского на груз.яз. А. Чкония. – Тбилиси.1938. Издание второе. С. 168 (на груз.яз.)

[2] Кровная месть. Из судебной хроники // Газ. «Черноморский вестник», 1899, №2.

[3] **Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство и социальные отношения. С.142.

[4] **Чарая П.** Абхазия и абхазы (Этнографическое описание) // Газ. «Иверия», 1888, №167 (на груз.яз.).

информации О. Спенсера, черкесы и абхазы «духом никогда не падают, их подкуп не имеет перспективу, они ни на что не меняют независимость своей Родины»[1]. Далее он продолжал: «Они высоконравственны и гостеприимны, но вместе с тем зорко следят за тем, чтобы на их свободу никто не покушался»[2].

Первым и главным требованием для водворившегося нового члена общины было принятие присяги, суть которой заключалась в соблюдении общинных правил, защите союза и самому пользоваться защитой[3]. Притом, община, обычно, охотно шла на увеличение членов своего сообщества за счет «беглых и недовольных», чтобы умножить и усилить военную мощь[4], усилить боевые отряды – «*амцахара*» (*амцаҳара*) из членов общины[5].

Г. А. Дзидзария обращает внимание на роль внутренних факторов в сохранении общинных порядков. Например, отгонное скотоводство: весенние и осенние перегоны скота на большие расстояния по горным дорогам, охрана стад на отдаленных от селений высокогорных пастбищах требовали общинное объединение жителей[6]. В этих условиях без общины горец становился совершенно беззащитным, что и являлось «одной из главных причин живучести общинных порядков у кавказских горцев», – писал ещё раньше А. В. Фадеев[7].

В этом отношении примечателен зафиксированный в Обращении Черкесского меджлиса (с активным участием абхазов) к Западным странам от 5 августа 1861 г. термин «аррархейская власть», где по определению Ш. Д. Инал-ипа, абх. «ар» означает «войско», «армия», «арра» – досл. «армейское», «армейство», «хы» («ахы») – «голова», «предводитель»[8]. Видимо, как предполагает ученый, речь шла о восстановлении абхазской

[1] **Кох К.** и **Спенсер О.** Указ.соч. С.149.
[2] **Там же.**
[3] **Дзидзария Г. А**. Указ.соч.С.142.
[4] **Там же.**
[5] **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 417.
[6] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С.143.
[7] **Фадеев А. В.** Вопросы о социальном строе кавказских горцев… С.135.
[8] **Инал-ипа Ш. Д.** Садзы. С.41 – 42.

традиции управления страной, где сочетались в одном лице политическая и военная власти[1].

Вместе с тем, необходимо отметить, что, несмотря на то, что Абхазия территориально была разделена на мелкие удельные княжества и сельские общины, абхазское население, в том числе и сами князья и дворяне, которые часто выступали инициаторами расчленения страны, эти раздробленные единицы считали частью единого целого под единоначалием государства Абхазского – Апсны. По словам Р. де Скасси, князья и дворяне, между которыми «разделена Абхазия», не считают себя абсолютными хозяевами своих владений, «они признают за владетеля кн. Сафир-бея как старшего из фамилии Шервашидзе»[2]. В краткой записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии, подписанной в 1869 г. начальником Кавказского горского управления Д. С. Старосельским, говорится, что «основанием общественного устройства Абхазии и Самурзакани служили многие союзы, на которые делились эти страны, родственные в отношении племенном и составлявшие долгое время одно политическое целое, под управлением владетелей из двух линий фамилии Шервашидзе»[3].

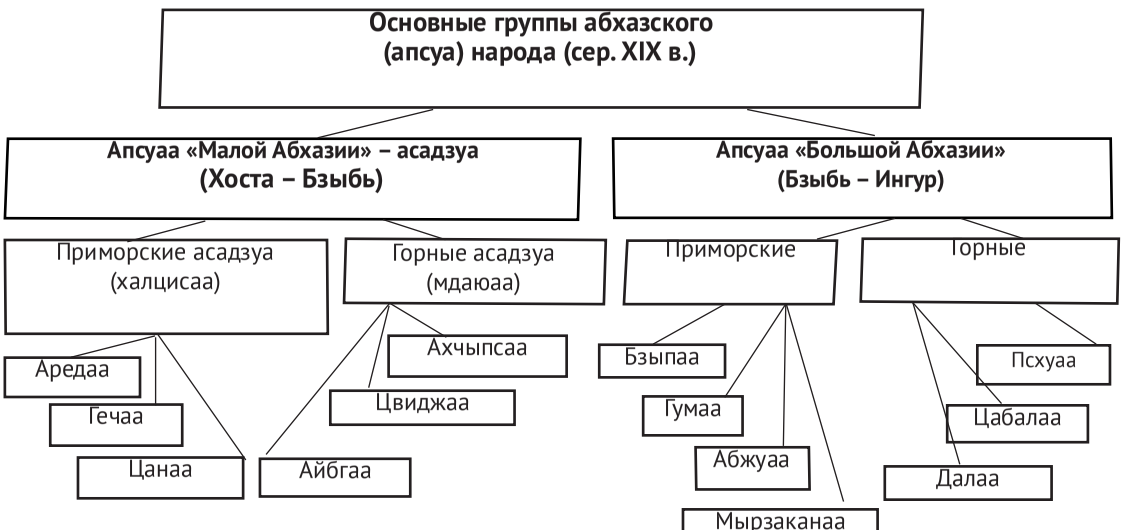
Таким образом, феодальный строй Абхазии, тесно связанный с демократическим вольным обществом убыхо-адыгского мира, резко отличался от феодальной системы, как России, так и Мегрелии и других регионов современной Грузии, где крепостничество бытовало в самых жестких деспотических формах[4].

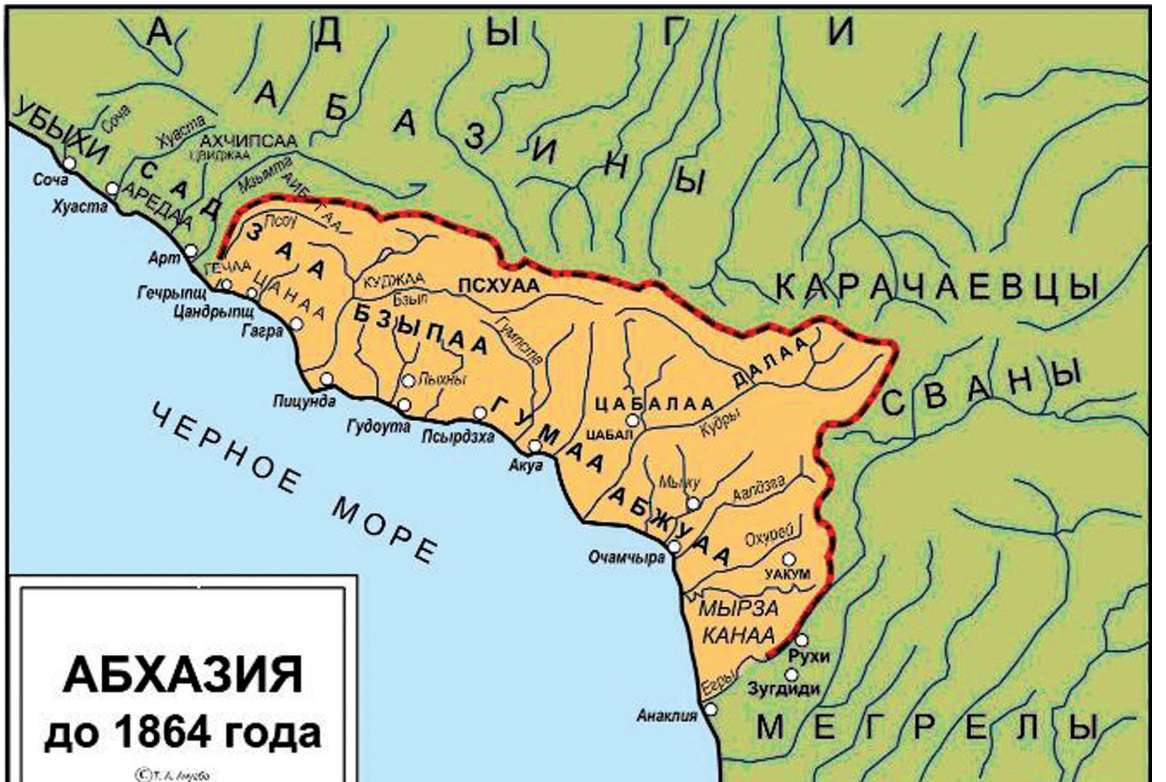
Следует отметить, что в письменных источниках XIX столетия, да пожалуй, и XX века, при характеристике этносоциальной структуры абхазского общества сплошь и рядом отдельные абхазские этнографические группы или территориальные общины, например, садзы, гумцы, самурзаканцы, псхувцы, дальцы, цабальцы и др. ошибочно или

[1] **Там же.** С.43.
[2] АКАК, т. VI, ч. I. Тифлис, 1874. С. 658.
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч.С.142.
[4] **Там же.**

умышленно именуются как «племя», а по отношению отдельных фамилий применяется термин «род». То же самое наблюдается в отношении к другим горским народам Кавказа. Если следовать строгой научной дефиниции указанных терминов, то племя – это древняя форма этнической общности, состоящая из родов. А род – кровно-родственная группа людей, связанная между собой единым происхождением по-материнской или отцовской линии[1]. Применение этих терминов в адрес народов или их этнических единиц Кавказа, если в одном случае можно объяснить низким уровнем знания исторической науки, то в другом – явно прослеживается попытка авторов оправдать колониальную политику царизма по отношению к «отсталым» народам, якобы стоящим на ступени родоплеменного строя. На самом же деле, на примере абхазов, мы имеем дело с народом, стоящим более полутора тысячелетия на ступени феодального строя, в частности, на ступени его особой, специфической формы – «горского феодализма»; с народом, создавшим мощное феодальное государство на Кавказе – Абхазское царство. Население отдельных регионов Абхазии в рассматриваемый период неправомерно считать племенами, ибо это были этнографические группы или территориальные общины, которые делились на сельские территориальные общины – акыта. В акытах функционировали не «роды» (Genz), а фамилии (Femile). По всей вероятности, абхазы – апсуа, перед их массовой депортацией на территории исторической Абхазии состояли из следующих этнографических групп или территориальных общин: садзаа (ардаа, гечаа, цандрипшаа, аибгаа, ахчыпсаа, цвиджаа), бзыпаа, гумаа, псхуаа, цабалаа, далаа, абжуаа, мурзаканаа. Среди них, если садзаа, бзыпаа, абжуаа и мурзаканаа мож-

[1] **Морган Л. Г.** Первобытное общество. – М. 1936; **Тейлор Э. Б.** Первобытная культура. М. 1989; **Косвен М. О.** Очерки теории первобытной культуры. – М. 1957; **Андреев И. Л.** Происхождение человека и общества. – М. 1988; **Семенов Ю. И.** Как возникло человечество. – М. 2002.

Основные группы абхазского (апсуа) народа (сер. XIX в.)
Апсуаа «Малой Абхазии» – асадзуа (Хоста – Бзыбь)
Апсуаа «Большой Абхазии» (Бзыбь – Ингур)
Приморские асадзуа (халцисаа)
Горные асадзуа (мдаюаа)
Приморские
Горные
Аредаа
Гечаа
Цанаа
Ахчыпсаа
Цвиджаа
Айбгаа
Бзыпаа
Гумаа
Абжуаа
Мырзаканаа
Псхуаа
Цабалаа
Далаа

А Д Ы Г И
А Б А З И Н Ы
УБЫХИ
САДЗЫ
АХЧИПСАА
Сочи
Хуаста
Соча
Хуаста
Аредаа
Мыхэта
Аибгаа
Псоу
ЗАА
Арт
Гечлаа
Гечрыпш
Цандрыпш
Цанаа
Гагра
КУДЖАА
Бзып
ПСХУАА
БЗЫПАА
Гумпота
Пыхны
Пицунда
Гудоута
Псырдзха
ГУМАА
Акуа
ЦАБАЛАА
ЦАБАЛ
ДАЛАА
Кудры
АБЖУАА
Мыкы
Аалдзга
Охурей
Очамчыра
УАКУМ
МЫРЗА КАНАА
Рухи
Зугдиди
Гегды
Анаклия
КАРАЧАЕВЦЫ
СВАНЫ
МЕГРЕЛЫ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АБХАЗИЯ
до 1864 года
©Т. А. Анхаба

но отнести к этнографическим группам, то все остальные являлись территориальными общинами. Хотя, в этом направлении в дальнейшем предстоит большая работа, в том числе среди зарубежной абхазской диаспоры, где еще присутствуют компактные поселения потомков выходцев из перечисленных групп. Все эти без исключения этнические единицы «Большой Абхазии» и «Малой Абхазии», несмотря на некоторые различия в языке, обычаях и традициях, представляли единый абхазский этнос.

Из этностатистики Абхазии. Сведения о численном составе населения Абхазии, особенно до окончания Русско-Кавказской войны (1864 г), приведенные в различных источниках, весьма противоречивы. Например, по данным капитана Е. И. Энсголма, население «Большой Абхазии в 1817 г. составляло не менее 100 тыс. чел.[1] Р. де Скасси в 1818 г. население от Ингура до Бзыба также доводил до 100 тыс. чел.[2] По данным С. М. Броневского, в начале XIX в. численность абхазов с абазинами достигла 300 тысяччеловек[3]. По данным источниковеда З. Чичинадзе, к началу XIX столетия в Абхазии проживало 200 тыс. абхазов. По его же утверждению, в предыдущие периоды их было гораздо больше: в середине XVII в. – 600 тыс. человек (как у Эвлия Челеби в 1641 г.)[4], в 70-х годах XVIII в. – составило 400 тыс.[5].

По данным анонимного автора статьи «Статистический взгляд на Абхазию к началу 30-х годов XIX века», на территории между реками Аалдзга и Гагрипшом проживало 8770 семей или же 52320 человек обоего пола, «полагая по 6 че-

[1] **Энсгольм Е. И.** Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, 1817 г. Рукопись. ЦГИАГ. Ф.548, оп.3, д. 74, лл. 1 – 45. По книге **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.23.
[2] АКАК. Т. VI. Ч.1. С.646 – 658.
[3] **Броневский С. М.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М. Ч. I. 1823. С. 318 – 353.
[4] **Эвлия Челеби**. Указ. соч. С. 47 – 55.
[5] **Чичинадзе З.** Превращение в магометанства или отатаривание грузин. – Тифлис. 1915. С. 148 (на груз.яз.).

ловек на каждый двор». В частности, в Абжуа в 18 деревнях проживало 1760 дворов, или же 10560 человек. Кроме того, 1798 дворов, или же 10788 человек, проживало ещё в Самурзакане[1]. Таким образом, всего на территории от р. Ингур до р. Гагрипш в тот период проживало 63108 человек. Однако и эти цифры не отражают истинную картину количественного состава населения исторической Абхазии. Кроме того, здесь не учтены данные о населении Северо-Западной Абхазии. Есть основания утверждать, что в этой статье, как и во многих других источниках, численность абхазов значительно занижена. К такому выводу приводит нас несколько моментов. Во-первых, представители российского военного командования практически не имели контактов со многими населенными пунктами и регионами Абхазии и, следовательно, они не располагали данными даже приблизительного подсчета людей; во-вторых, абхазы по военным соображениям не выдавали сведений о численном составе населения, да и сами не могли их иметь в суммарном виде по той простой причине, что никто и никогда такой подсчет народонаселения страны не проводил, и не могли проводить, по причине того, что у абхазов, как и в целом у горцев, как писал Ф. Ф. Торнау, «считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно»[2]. И, наконец, в первой половине XIX в., среднее количество членов семьи, составляли более 5-6 человек, на что ссылаются многие источники.

О неточностях статистических данных народонаселения говорит и тот факт, что разными авторами, а иной раз одним и тем же автором, приводятся разные данные о количестве абхазов. Например, Ф. Торнау в середине 30-х годов XIX в. зафиксировал около 130-тысячное абхазское население от р. Ингур до р. Саше[3]. По информации Н. П. Игнатьева, в 1852 г. население Абхазского княжества составило 98 тысяч человек, а по данным С. А. Хрулёва на 1855 год – 108 тысяч человек[4]

[1] Газ. «Тифлисский вестник», 1833, №26
[2] **Дзидзария Г. А.** Торнау и его кавказские материалы. С.124.
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.110 – 111.
[4] **Цвижба Л. И.** Указ. соч. С. 70 – 71.

И. Аверкиев в 1865 г. в «Большой Абхазии», включая жителей Цабала и Дала, фиксирует более 79 тысяч человек[1]. Н. Гладкий же, в своей корреспонденции в газ. «Одесский вестник» (1866, №196), писал о 60-тысячном населении «Большой Абхазии», но очень скоро в той же газете (1866, №200), на основании «новейших материалов», он численность абхазов в пределах той же «Большой Абхазии» довел до 140 тыс. человек.

По данным газ. «Русский инвалид», к 1866 г. в «Большой Абхазии», т.е. до выселения далцев и цабалцев, проживало до 80 тыс. абхазов[2]. По данным камерального описания 1868 года, в Сухумском отделе «туземное» население составляло 66468 чел. Из них 66039 чел. – абхазы, 429 чел. – мегрелы[3]. Согласно одной из статей, напечатанной в 1882 г., сообщается, что к 1874 г. в Сухумском отделе проживало 74442 чел., а перед войной, к 1877 году, их численность поднялась до 76 тыс. чел.[4] По сообщению газ. «Голос», в 1877 году, перед последним этапом депортации абхазов, население Сухумского отдела, за исключением Цебельдинского попечительства, где уже проживали переселенцы (греки и болгары), доходило до 99 тыс. душ обоего пола. По данным того же источника, из них 86 тыс. чел. православного вероисповедания, а 13 тыс. – магометанского[5].

Противоречивые сведения приводятся и о народонаселении «Малой Абхазии». В частности, если по Ф. Торнау, в одном случае, мужское население садзов, вместе с абхазами, которые совместно с убыхами и адыгами, проживали в «обществе Саша», насчитывалось около 12 тыс. человек[6], т. е. примерно 24 тыс. человек всего, то в другом случае, он сам же численность населения обоего пола от р. Саша до р. Бзыбь занижает до 11500 человек. Отмечая невозможность получения точных

[1] **Аверкиев И.** С северо-восточного прибрежья Черного моря // Газ. «Кавказ», 1866, №77.

[2] Газ. «Русский инвалид», 10/22 сентября 1866 г.

[3] Сведения о туземном населении Сухумского отдела // Сборник статисических сведении о Кавказе. Т.1. Тифлис. 1869. С.18 – 19.

[4] Численность народонаселения в бывшем Сухумском отделе (а ныне округе) в конце 1882 года. ИКОРГО. Т.VIII. Тифлис. 1884 – 1885. С. 91 – 92.

[5] **Мачавариани [Д.].** Народные смуты в Абхазии // Газ. «Голос», 1878, №198.

[6] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 110.

данных, Ф. Торнау пишет, что «это слишком мало; по пространству 4000 кв. верст… легко можно быть и втрое более»[1]. Тем более, что как он сам писал, данное пространство было «заселено повсюду, где только местность представляла малейшее угодье для жительства»[2]. По подсчетам акад. А. Берже, к 1857 г. абхазов насчитывалось 144 тыс. человек[3], а по данным Е. Ковалевского, численность садзов, до их выселения в Османскую империю (1864 г.), достигла до 15 тысяч человек. А население всей исторической Абхазии равнялось 146 тысячам человек[4]. Вместе с тем, Е. Ковалевский предупреждал, что «численность народа абхазского вообще, следует принимать только за приблизительное»[5].

Различные сведения о численном составе населения Абхазии объясняется и нестабильностью процесса демографического развития народа, которая в свою очередь объясняется периодически производившимися карательными операциями российских войск против «непокорных обществ», междоусобицей, депортацией, эпидемиями (например, чума, свирепствовавшая в 1811 – 1812 гг., привела к гибели около половины абхазов и абаза)[6] и, конечно же, недоступностью большинства регионов для сбора статистических данных.

В связи с отсутствием достоверной информации о численном составе населения Абхазии, такой же загадочной остается фактическая численность абхазов, подвергшихся массовой депортации в 60-70-х годах XIX столетия. Вместе с тем, есть основание предполагать, что численность абхазов в начале XIX, точнее до распространения эпидемии чумы превышало 400 тыс. человек и их количество до массового выселения в Османскую империю и в регионы Российской империи состовляло гораздо больше, чем это сообщается в различных пу-

[1] **Там же.** С 100.

[2] **Там же.**

[3] **Берже А.** Краткий обзор горских племен Кавказа. Абхазское племя (азега) // «Кавказский календарь» за 1858 год. – Тифлис. 1857. С. 274 – 275.

[4] **Ковалевский Е.** Очерки этнографии Кавказа. Вестник Европы. Т. III. 1867. С.102.

[5] **Там же.**

[6] **Анчабадзе З. В.** Очерк этнической истории абхазов. С. 80.

бликациях современников. Дополнительным подтверждением тому количество ныне здравствующих абхазов – потомков беженцев XIX в. Их по разным оценкам, от 700 тысяч до 1 млн. человек только в Турецкой Республике, а количество всех абхазо-адыгов, колебался от 3-х до 5 млн. человек[1].

Таким образом, многочисленные письменные источники свидетельствуют о том, что в первой пол. XIX века в пределах исторической Абхазии проживало многочисленное мононациональное коренное население – абхазы, имевшие общий этноним – апсуа, общую этническую территорию и общее самоназвание страны – Апсны; единый абхазский язык – апсуа бызшва, историческую память об общности происхождения, общеабхазский фольклор, общеэтнические обычаи, нравы, традиции, общеабхазский образ жизни – апсуара, общий социально-экономический и общая материальная и духовная культура, общий хозяйственный быт, социально-экономический и общественный строй, традиции единой общенациональной государственности, общеабхазскую топонимию, гидронимию, антропонимию и т.д. Все эти компоненты этноса в целом были характерны и для абазин, отколовшихся в прошлом от общеэтнической абхазо-абазинской массы. Абхазы вместе с абазинами составляют единую абхазо-абазинскую (абаза) этнолингвистическую общность.

[1] **Аргун Ю. Г.** Абхазы за пределами Родины //Абхазы. – М. «Наука». 2007. С. 454.

ГЛАВА II. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕПОРТАЦИИ АБХАЗОВ

Вхождение Абхазского княжества в состав Российской империи. Кавказскому перешейку правители России традиционно уделяли пристальное внимание. Стремление овладеть Кавказом было продиктовано, как с точки зрения безопасности южных границ своего государства, так и торгово-экономической и политической необходимостью. По словам историка, участника войны на Кавказе XIX века, генерала Р. А. Фадеева, «Безопасность всей южной границы империи, от Одессы до китайских пределов, заключается в обладании кавказским перешейком», а его географическое положение, придает этой стране господствующее всемирное значение, политическое и торговое»[1].

Ещё с середины XVI в., после падения Казанского и особенно Астраханского ханств, Кавказ оказался на пересечении стратегических интересов трех мощных государств – России, Ирана и Османской империи[2]. При Иване Грозном и его сыне Фёдоре Ивановиче были достигнуты определенные успехи по военно-политическому сближению России с Кабардой и налаживанию контактов с Картлийским и Кахетинским царствами. Позже Каспийские военные походы Петра I в 1721 – 1723 гг. заставили Иран признать за Россией крупные города Дербент, Баку, Решт, а также провинции Ирана Гилян, Мазендаран, Астрабад. В 1724 г. по Константинопольскому договору, Османская империя признала российские завоевания в Прикаспии, а Россия – власть Турции на Западное Закавказье. Это

[1] **Фадеев Р. А.** Кавказская война. – М. Изд-во Эсмо. Изд-во Алгоритм. 2005. С. 115.

[2] **Волховский М. А., Муханов В. М.** Яблоко раздора: Кавказ в геополитическом треугольнике «Россия – Иран – Турция» (XVI – XVIII вв.) // **Волховский М. А., Муханов В. М.** Россия на Кавказе. Пять веков истории. Научно-публицистические очерки. – М. Объединенная редакция МВД России. 2009. С.6.

был первый крупный успех российской политики на Кавказе[1]. С этого периода российские политики Кавказ рассматривали как важнейший плацдарм для продвижения в «золотые страны Востока»[2].

Однако после смерти Петра I, завоевания первого императора России не нашли дальнейшего продолжения. Боле того, по условиям Рештского трактата (1732 г.) и Гянджнского договора (1735 г.), России пришлось уступить Ирану Прикаспийские территории, и её новой границей на Северо-востоке Кавказа стали низовья р. Терек[3].

Тем временем, со II пол. XVIII в. при правлении императрицы Екатерины II наступают благоприятные условия для дальнейшей колонизации Кавказа. В частности, результаты Русско-Турецкой войны 1768 – 1774 гг., зафиксированные в Кучук-Кайнарджском мирном договоре 1774 года, Россия получила территории Предкавказья с границей по р. Кубань, Турция признала за Россией Большую и Малую Кабарду. Российский флот получил право свободного плавания по Черному морю. В этом же году под властью России вошли регионы Осетии – Куртатинский и Алагирский[4].

Однако, как верно подметил профессор Ш. А. Гапуров на «Круглом столе», в Ростове-на-Дону, по проблемам Русско-Кавказской войны: «с последней трети XVIII в., когда стало очевидной победа России над Портой и Ираном в борьбе за этот регион, царизм начал силовыми методами устанавливать свое господство над горцами, лишая их независимости, вмешиваясь в их традиционный образ жизни, отнимая у них земель»[5]. Продолжая эту же мысль, учёный подчеркнул о роли игнорирования царизмом культуры и цивилизации автохтонов в разжигании длительной войны на Кавказе: «Российские

[1] **Волховский М. А., Муханов В. М.** Яблоко раздора… С. 14 – 15.

[2] **Гордин. Я. А.** Зачем России нужен Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО Журнал «Звезда». 2008. С. 21.

[3] **Волховский М. А., Муханов В. М.** Яблоко раздора… С. 15.

[4] **Там же.** С. 16.

[5] Круглый стол. Проблема Кавказской войны в новейшей литературе (Ростов-на-Дону, апрель 2007 г.) – материал подготовил **В. В. Черноус** // Ж. «Научная мысль Кавказа», №2, 2007. – Ростов-на-Дону. 2007. С. 56.

власти не поняли одного: на Северном Кавказе существовала своя культура, своя цивилизация, отличная от русской. Но она высокомерно отвергалась как варварская. Задача, которая ставилась российскими властями – введение между горцами гражданского порядка, т.е. общей для России системы, вызвала абсолютное неприятие у горцев. В результате вместо сближения культур (а такой процесс шел с конца XVI в.) в начале XIX в. произошел конфликт культур. И все это вызвало вооруженный отпор со стороны горцев»[1].

Систематические военные операции России на Кавказе сопровождались строительством военных укреплений, созданием военных линий и заселением казачества на южных границах империи. В 1763 – 1774 гг. Терская линия была продлена до крепости Моздока, построенной в 1763 г. Сюда на льготных условиях были переселены казаки из Волжского и Донского казачьих войск. В 1777 – 1778 гг. была организована Азово-Моздокская военная линия от Дона до Моздока[2].

Назначенный в 1782 г. командующим Кавказского корпуса П. С. Потёмкин, преуспел во многом: перенес свою резиденцию из Астрахани в крепость Екатериноград (при слиянии Малки и Терека), построив крепости Григориополь, Кумбелеевскую, Потемкинскую, подвел дорогу к подножью Кавказского хребта[3] и проложил Военно-Грузинскую дорогу через Кавказский хребет на Тифлис[4]. В 1784 г. у входа в Дариальское ущелье была построена важнейшая стратегическая крепость – Владикавказ[5].

Настоящий прорыв в деле колонизации Кавказа произошел в 1783 году, связанный с ликвидацией Крымского ханства, переходом в состав Российской империи зависимой от

---

[1] **Там же.**

[2] **Тюменцев И. О.** Казачье войска и полки на Юге России XVIII – начало XIX веков // Взаимодействие народов и культур на Юге России. История и современность. Сборник статьей. – Ростов-на-Дону. 2008. С. 268.

[3] **Лавров А. И.** Кавказ после великого Петра // Покорение Кавказа. Составитель: **А. А. Каспари** – Пятигорск: СНЕГ, 2010. С. 188 – 189.

[4] **Там же.** С. 190.

[5] **Волховскй М. А., Муханов В. М.** Яблоко раздора… С. 21.

ханства правобережной Кубани и, конечно же, заключение Георгиевского трактата с царствами Картли и Кахети[1]. 1783 г. ознаменовался ещё и тем, что поднялась первая организованная волна вооруженного сопротивления горцев Кавказа во главе с шейхом Мансуром против российского военного присутствия на Северном Кавказе. Несмотря на поражение (в 1787 г.), движение шейха Мансура сыграло значительную роль по объединению горских народов в борьбе против колониальной политики царского самодержавия в регионе.

Усиление военно-политического присутствия на Кавказе непосредственно зависело от интенсивности освоения земель военизированными казачьими поселениями. С 1783 г. территория между рекой Кубань и Азово-Моздокской линией стала массово заселяться казаками Черноморского войска[2]. В 1792 г. перед очередным разделом Речи Посполиты, согласно Указу Екатерины II, часть населения Запорожской Сечи (около 300 тыс. человек) была переселена на Кубань. Здесь по р. Кубань была создана новая Кубанская военная линия. Она составила «передовую линию» на пути противостояния горцев[3]. А в 1794 г. перед левым флангом Азово-Моздокской линии была организована ещё одна военная линия – Кавказская[4]. В результате, на всем пространстве Прикубанья была организована «целая сеть бесчисленных маленьких и больших военных укреплений», где размещались воинские отряды от 50 до 2 тыс. вооруженных казаков[5]. В конечном итоге, к исходу XVIII в. Южная граница Российской империи в Предкавказье была закрыта кордонными линиями от Каспийского до Черного морей[6].

На основании Георгиевского трактата, царь Картли и Кахети Ираклий II (1744 – 1798 гг.) отказался от вассальной

[1] **Там же.** С.20.

[2] **Тюменцев И. О.** Указ. соч. с. 268.

[3] **Блиев М. М.** Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. – М. Международный институт новейших государств. 2011. С. 40.

[4] **Тюменцев И. О.** Указ. соч. С. 268 – 269.

[5] **Блиев М. М.** Указ. соч. С. 40.

[6] **Тюменцев И. О.** Указ. соч. С. 269.

зависимости Персии и сохранил внутреннюю автономию. В свою очередь, императрица России выступала гарантом автономного правления и территориальной целостности Картл-Кахетинского царства. Кроме того, в Приложении к Трактату, Российская империя взяла на себя обязательство помочь царю Картли и Кахети в возвращении владений, якобы издавна ему принадлежавших, но завоеванных позднее соседними государствами. Данное Приложение стало поводом для притязания российских властей на другие страны и регионы Кавказа, в том числе на Абхазию. Впоследствии, император Александр I своим Манифестом от 12 сентября 1801 г. упразднил царство Картли и Кахети, последний царь Давид был сослан в Россию, а территория, подвластная ему была присоединена к империи. Правда, такое решение противоречило условиям Георгиевского трактата[1], но оно напрямую отвечало «правилам» колониальной политики Империи.

Вскоре, Тифлис превратился в важнейший стратегический плацдарм по расширению территориальных границ России на Кавказе и достижению успехов в борьбе за гегемонию в регионе с могущественными странами Ближнего Востока – Османской Турцией и Ираном. За появлением мощной российской военной силы в Тифлисе и перманентными военно-политическими операциями последовал парад «добровольного вхождения» политических единиц Закавказья (царств, княжеств, ханств) в состав Российской империи. Все это радикально меняло геополитическую ситуацию в пользу России. Однако удержание Закавказья диктовало ускорение процесса по полному овладению всего Кавказа[2].

Тем не менее, Абхазское княжество на пороге веков, благодаря его энергичному владетелю Келешбею Чачба (Шервашидзе), являлось довольно сильным политическим образо-

[1] **Авалов З. Д.** Присоединение Грузии к России. – Санкт-Петербург. 2009. С. 142 – 143, 173.

[2] **Тюменцев И. О.** Указ. соч. С. 269.

вание на Черноморском побережье Кавказа. Оно настолько усилилась в военно-политическом отношении, что некоторые источники того периода свидетельствуют о номинальной зависимости Абхазии властям Порты, и формальном подчинении туркам только лишь некоторых приморских «крепостей и замков». Например, авторитетный исследователь современности генерал С. М. Броневский, служивший «правителем дел» в 1802 – 1804 гг. в Тифлисе, писал: «В настоящем смысле крепости и замки, где есть турецкие гарнизоны, принадлежат туркам, остальная часть земель, наипаче во внутренности гор, пользуются совершенно независимостью; по крайней мере, в рассуждении черкесов и абхазов, власть Порты всегда была сомнительна»[1].

Вместе с тем, международная ситуация и региональные военно-политические процессы не способствовали дальнейшему продвижению Абхазии на пути государственной независимости. Суверенизация же Абхазии, избранная владетельным князем К. Чачба, на фоне геополитических процессов, в том числе под влиянием Великой Французской революции, раздражала как фактически бывшего официального опекуна Абхазии – султанскую Турцию, так и претендента на эту роль, царскую Россию. Россию и Турцию не устраивали военная мощь Абхазии, которая в случае военной угрозы была способна за короткое время выставить более чем 25-ти тысячное хорошо вооруженное войско с артиллерией, конницей и флотом в составе 600 военных галер, крейсировавших вдоль Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Батума[2].

Нет сомнения, что овладение Россией побережья Абхазии и превращения её территории в военный плацдарм, напрямую отвечало стратегическим интересам, как в борьбе против Османской империи, так и в вопросе активизации военных действий против горских народов Северного Кавказа.

Учитывая создавшуюся вокруг Абхазии сложную политическую ситуацию, связаннуюс русско-турецким соперничеством

[1] **Броневский С. М.** Указ. соч. С. 303.

[2] История Абхазии. Учебное пособие. – Сухум. «Алашара». 1991. С. 159.

за овладение гегемонии на всем Кавказском регионе, вынудили К. Чачба сделать выбор между этими великими империями современности. По имеющимся материалам установлено, что владетель Абхазии все же предпочтение отдавал протекторату России, чем Турции. Но царская дипломатия осторожно относилась к вопросу присоединения Абхазского княжества. Российские власти не спешили с решением этого вопроса по нескольким причинам: во-первых, чтобы не осложнить взаимоотношения с Оттоманской Турцией, так как политическое руководство России владетеля Абхазии ещё считало вассалом турецкого султана; во-вторых, в случае осложнения российско-турецких отношений, наполеоновская Франция легко добилась бы заключения с турецким султаном антироссийского союза; в-третьих, предложение К. Чачба политическим руководством России воспринималось как «формальное», и, в четвертых, до решения Абхазского вопроса, предстояло присоединить к России Мегрельское княжество и Имеретинское царство, чтобы открыть дорогу из Тифлиса на Абхазию.

Однако, вхождение под протекторат России Мегрельского княжества (в 1803 г.) и Имеретинского царства (в 1804 г.), высадка российских войск осенью 1804 г. у устья р. Хоби, восстановление здесь крепости Редут-кале (Кулеви), радикально изменили расклад военных сил в регионе не в пользу Абхазии. Инцидент, связанный с насильственным освобождением Левана Дадиани в апреле 1805 г., находившегося в заложниках у К. Чачба, стал весьма наглядным примером того, что в регионе появилась мощная военная сила, которая была готова, в случае необходимости, опекать Мегрельское княжество и другие картвельские территории в интересах господства России на Южном Кавказе. Более того, под непосредственным влиянием российских военных властей на Кавказе, при активном участии правителей Мегрелии, вопреки желанию владетеля Абхазии, 9 июля 1805 года, в день принятия Леваном Дадиани присяги на верность императору России, самурзаканские князья Леван и Манучар Чачба

Кавказ в начале XIX века. file:///F:/1.%20КАРТА%201813%20ГОДА.jpg

также присягнули Александру I. За этим, весьма ущербным для Абхазии политическим событием, последовало обострение абхазо-мегрельских, равно как и абхазо-российских взаимоотношений. Ибо данный факт стал дополнительным поводом для более активного вмешательства российско-мегрельских политических и военных сил во внутренние дела всего Абхазского княжества. Тем не менее, К. Чачба не собирался смириться с изменением военно-политической ситуации вокруг Абхазии в целом, и с отторжением юго-восточного региона страны, в частности. Тем более, что на самом деле, поступок Самурзаканских князей, управлявших регионом, после смерти сына Келешбея – Мехмедбея Чачба, носил больше декларативный характер. И в таких условиях владетель Абхазии всячески пытался вести свою весьма тонкую политико-дипломатическую игру для сохранения собственного политического лица в стране.

Хорошо разобравшись в сложнейших международных процессах, Келешбей стал проводить взвешенную, но более смелую политику. Свидетельством тому попытка наладить отношения с наполеоновской Францией в лице министра иностранных дел Талейрана. А начало очередной Русско-Турецкой войны (1806 – 1812 гг.) стало ярким подтверждением о проведении Абхазией самостоятельной внешней политики. Вместе с тем, в случае выбора политического опекуна в условиях соперничества крупных держав, Келешбей по-прежнему преимущество давал России. Об этом свидетельствует появление новых источников, подтверждающих наличие обращения к властям России по поводу вступления Абхазии в состав России, с одной стороны, и невыполнения Келешбеем приказа султана вступить в военные действия против России. Правда, обращения владетеля Абхазии о вступлении своей страны в состав России, властями царизма по-прежнему расценивались «формальными прошениями» (например, министром иностранных дел А. Я. Будбергом)[1] но, российские власти рассчитывали на более удобную ситуацию для решения данной проблемы. Од-

[1] Материалы по истории Абхазии… Т. I, Сухум. 2008. С. 41 – 42.

нако скоро о намерениях владетеля Абхазии вступать в подданство России стало известно султану Турции, что стало причиной резко изменить свое отношение к Келешбею. Султан лишил его жалованья, назначенного абхазским владетелям от Порты. По данным проф Г. А. Дзидзария, в третьей четверти XVIII в. турецкий султан платил Левану Чачба ежегодное жалование в размере 10000 левов[1]. Это стало одним из поводов, чтобы владетель Абхазии отказался от вынужденной «дружбы» с султаном. Отношения с султанскими властями обострились с появлением в Абхазии в конце марта 1806 г. опального Трапезундского правителя Таяр-паши, желавшего стать под защиту России. Келешбей не только предоставил ему убежище, но и дал возможность бежать в Россию, категорически отказавшись выполнить приказание султана.

Отношения Келешбея с турецким султаном ещё больше обострились после того, как Таяр-паша был отправлен (в октябре 1806 г.) в Тавриду и передал через него военному губернатору Херсонесскому и Екатеринославскому дюку де-Ришелье свои условия принятия российского подданства. По документу, переданному через турецкого генерала в «монаршей милости», Келешбей проявил готовность войти под покровительство Российского императора, с гарантией защиты страны от внешней угрозы, с правом сохранения своей должности владетеля Абхазии, обеспечения с соответствующими правами, привилегиями и обязанностями, включая представителей дворянского сословия абхазского общества. Со своей стороны Келешбей обещал императору, что он, со своими воинскими подразделениями в количестве 6000 бойцов, «около Тифлиса будет продолжать российскому престолу искреннюю службу»[2]. Кроме того, он обещал Правительству России хороший лес для кораблестроения и выделение нескольких «мест», которые могли быть использованы для «российского флота в зимнее

[1] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века // **Дзидзария Г. А.** Труды. Т.I. АбИГИ, Сухум. 2014. С.112.

[2] Пояснение Таврического помещика Махмед-Таяр-бея ген.-л. Эммануилу Осиповичу дюку де Ришелье. АКАК, т. III. Тифлис. 1869. С. 191 —192.

Келешбей Чачба. Худ. Р. Т. Габлия.

время убежищем»[1]. Таким образом, Келешбей представил императору официальный документ для перехода в подданство Российской империи. Однако, царская Россия все ещё не решалась вступить с ним в официальные сношения, т. к. находилась с Турцией «в мире». Графу И. В. Гудовичу – командующему войсками на Кавказе было предложено, только «при первом известии о разрыве с турками» объявить Келешбею об официальном принятии его в подданство России. Хотя эти условия не были выполнены и после начала очередной войны с Турцией.

Султан Турции Селим III, раздраженный неповиновением своего вассала, отправил в Сухум турецкую флотилию из 3 военных и 8 гребных судов для наказания непокорного Келешбея, который до последней минуты надеялся на помощь России. В Абхазию прибывает представитель султана с требованием вернуть Таяр-пашу в Турцию[2]. Убедившись, что царская Россия не собирается по объективной причине, или умышленно оказать помощь владетелю Абхазии, Келешбей решил принять бой. На призыв владетеля собралось 25 тысяч абхазов, убыхов и адыгов, вооруженных огнестрельным оружием и артиллерией, защищать страну от интервентов. Султанская эскадра, прибывшая в Сухум 25 июля 1806 г., не осмелилась высадить морской десант на побережье Абхазии, так как она была подвергнута мощному обстрелу береговой артиллерией, что вынудила вернуться обратно, не приняв боя[3]. По этому поводу генерал И. Рыкгоф 30 июля 1806 г. генералу П. Несвятаеву писал: «Келеш-бек к встрече байракдара совершенно успел приготовить и, собравший 25-тысячный корпус, составленный из черкесов и абазинцев, имел намерение защищаться доколе будет возможно и есть надежда, что стены Сухума… его не выдадут»[4].

---

[1] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века … С.113.

[2] Донесение Келешбея. АКАК, т. III, с. 189.

[3] **Лакоба С. З.** Двуглавый орел и традиционная Абхазия // История Абхазии. Учебное пособие. – Сухум. 1991. С. 16.

[4] АКАК, т. III, с. 193.

Командование султанской армии надеялось на помощь сухопутных войск, дислоцированных в Ахалцихе и Эрзруме, но решительные действия Келешбея заставили султана отказаться от дальнейших боевых действий против Абхазии.

Этот знаменитый исторический факт ещё больше поднял авторитет Келешбея. Примечательно, что на этот факт, по утверждению министра иностранных дел России А. И. Будберга, обратил внимание сам император России[1]. Но самое главное достижение заключается в том, что К. Чачба стал управлять независимой Абхазией. По словам профессора А. В. Фадеева, это «был расцвет могущества Келешбея. Почти год он один управлял независимой Абхазией. Теперь он даже охладел к России»[2].

О независимой внешней политике Келешбея и «охлаждении» абхазо-российских отношений ярко свидетельствует тот немаловажный факт, что он в 1807 г. несколько раз уклонился от предложения Российского командования собственными силами отбить у турок крепость Поти. Это, несомненно, смелое и мудрое решение владетеля Абхазии, избавило страну от больших военных и политических потрясений.

Скоро настало время для очередной проверки искренности владетеля Абхазии о вступлении Абхазии в состав России. Россия, вступившая в конце 1806 г. в войну против Турции, первые военные столкновения в Закавказье испытала недалеко от границ Абхазии. 8 февраля 1807 г. турки осуществили внезапное нападение на укрепление Редут-Кале (Кулеви). Начало войны с Турцией и возобновление военных действий в Закавказском регионе, развязали руки российскому правительству для захвата новых владений на Кавказе. Это стало также причиной того, чтобы побуждать Келешбея к активным боевым действиям против Османской империи. Российские генералы абхазскому владетелю дали конкретное поручение – завладеть Поти. На категорические требования российского командования начать наступление на

[1] **Там же.**

[2] **Фадеев А. В.** Очерки истории Абхазии. Сухум. 1934. С. 145.

крепость, он находил причину, а то и повод для того, чтобы не вступать в бой. Царские генералы явно стали выражать недоверие к Келешбею за отказ выполнять поставленную перед ним задачу. Генерал И. В. Гудович в письме Келешбею от 14 июля 1807 г. открытым текстом писал об этом[1].

Хотя трудно было обвинять Келешбея в событиях вокруг крепости Поти. В частности, ещё в марте того же года его войска уже побывали в Поти для оказания помощи российским войскам, однако, из-за отсутствия продовольствия, они были отозваны в Абхазию. Вместе с тем, само усиление российских подразделений, держащих Поти в осаде, и наличие многочисленных войск в самой Абхазии, готовых в нужный момент отстоять свободу Абхазии, не дали возможность командованию турецких войск произвести высадку десанта на территории Абхазии.

Однако, поражение турецких войск на р. Арпаче 18 июня 1807 г. и подписание 25 июня 1807 г. в Тильзите (Восточная Пруссия) мирного договора между Россией и Францией, способствовали тому, что царизм получил «свободу рук» в отношении с Турцией и заставило её заключить перемирие с Россией. Все это естественно оказывало влияние и на события вокруг Абхазии. А Келешбей, как и раньше, старался лавировать и искал путь для достижения максимальной выгоды в этой сложной международной и региональной ситуации. Все его шаги, в том числе военно-политические и дипломатические, включая обращения к царизму по поводу покровительства со стороны России, вовсе не подразумевали упразднения государственности и суверенитета Абхазии. Как справедливо считает профессор С. Лакоба, Келешбей «лишь намеревался с помощью России избавиться от протектората Турции»[2].

Однако вскоре Келешбей Чачба стал жертвой политического заговора – он был убит 2 мая 1808 г. в Сухуме в своей резиденции. Владетельный двор Мегрелии во главе с Ниной

[1] Отношение Гудовича Будбергу от 15 марта 1807 г. АКАК, т. III. С. 505, 507.

[2] **Лакоба С. З.** Асланбей. К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия. – Сухум. 1999. С. 10.

Багратиони – Дадиани, которая, кстати, в 1804 г. сама подозревалась в смерти своего мужа, владетеля Мегрелии Григория Дадиани, распространил слух в пользу Сафарбея (Георгия) Чачба, второго сына Келешбея о причастности к убийству отца, наследника престола Абхазии, старшего сына Келешбея – Асланбея. Сафарбей являлся мужем сестры покойного владетеля Мегрелии Григория Дадиани, и владетельница Мегрелии рассчитывала, оказав влияние на зятя, завоевать политические дивиденды перед российскими властями в пользу Мегрельского княжества. Эта непроверенная информация об убийстве Келешбея, была с удовольствием подхвачена генералом И. И. Рыкгофом – командующим российскими военными подразделениями в Мегрелии, а затем и кавказским военным командованием и в целом российской стороной, став основным мотивом поддержки С. Чачба в борьбе за Абхазский престол. Нет сомнения, что российскому командованию вполне устраивало инициатива правительницы Мегрелии по данному вопросу, чтобы сохранить хорошие отношения с мегрельским двором в деле покорения Абхазии. Что касается физического отстранения Келешбея от Абхазского престола, то, в этом вопросе, в связи с проведением им независимой внешней политики, одинаково были заинтересованы, как власти султанской Турции, так и царской России.

Весть об убийстве владетельного князя Келешбея сразу обошла всю Абхазию. Вся страна оплакивала достойнейшего лидера народа. Вместе с тем, как показывают последующие события, среди населения Абхазии сторонников Асланбея было гораздо больше, чем сторонников Сафарбея, что также опровергает мнение о причастности старшего сына Келешбея в его смерти. Во всяком случае, официальная точка зрения российских властей, попытавшихся опорочить Асланбея, обвинив его в «отцеубийстве» осталась на бумаге, в российской военно-правительственной переписке, и не отвернула абхазский народ от законного правителя Асланбея[1].

[1] **Лакоба С. З.** Асланбей. С. 14, 17.

Желая стать владетелем Абхазии, Сафарбей, по подсказке владетельницы Мегрелии, решил вступить в подданство России. После убийства отца, он под диктовку Н. Дадиани и её духовного наставника священника И. Иоселиани, послал письмо ген.-м. И. Рыкгофу, где сказано: «Милостивый отец мой, генерал! Арслан-бек с несколькими сухумскими и Бежаном Шервашидзе убили Келеш-бея и в согласии они; ныне Сухумскую крепость и все владение даю вам, лишь бы Арслан-бека наказать»[1].

Тем не менее, Сафарбей не мог дать «всё владение» по той простой причине, что он скрывался от своего народа и находился в бегах в Мегрелии. Более того, он не имел права быть наследником Абхазского престола в силу того, что, во-первых, он был вторым сыном владетеля, а по абхазской династической традиции, наследником престола становился старший сын, и во-вторых, мать Сафарбея была из крестьянской семьи. Поэтому, законным владетелем оставался старший сын Келешбея – Асланбей, оклеветанный княгиней Мегрелии Ниной Дадиани и её зятем Сафарбеем Чачба[2].

В целях ускорения процесса вступления в подданство России, Сафарбей торопил владетельский дом Дадиани, прося «единения» и «твердого соседства» и давал присягу на «верное рабство императорскому трону». Чтобы ещё ярче показать свое верноподданство и заслужить благосклонность «великодушного» монарха, Сафарбей берёт на себя роль миссионера христианской религии среди абхазов, предварительно зарекомендовав себя добрым христианином. «Заставлю и все свои владения, дабы и они изъявили её, а какие из них не имеют ещё света, – чтобы просветились верою греческою и стали служить каждое своим церквам» – обещает Сафарбей[3].

Хотя, все эти обещания о покорности «своего народа и своей земли» российскому императору, или же восстановления христианства в Абхазии, имели всего лишь формаль-

[1] Письмо Сафарбека ген. Рыкгофу. АКАК, т. III, Тифлис, 1868. С. 200.
[2] **Лакоба С. З.** Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум. 2001. С. 8.
[3] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века … С. 118 – 119.

ный характер, ибо на самом деле, Сафарбей не имел никакой власти в Абхазии, да и количество людей, признающих его «власть» было весьма незначительно. Реальная же власть принадлежала Асланбею. Однако российские власти считали, что ещё не наступил момент для открытой поддержки Сафарбею. Осторожность была вызвана тем обстоятельством, что Россия, озабоченная войной в Европе с Наполеоном, считала невыгодным в это время активизировать войну ещё с Турцией на Кавказе, и вела с ней переговоры о заключении мирного договора. Царские генералы, ожидая исхода переговоров с Турцией, держали войско наготове, на случай разрыва перемирия и открытых военных действий. Поэтому российские войска не могли тогда вступать в пределы Абхазии для оказания помощи Сафарбею против Асланбея. Генералу Рыкгофу приказано было под разными предлогами уклоняться от реальной помощи Сафарбею, и в то же время уверять его в том, что в свое время необходимая помощь и покровительство будут оказаны[1].

Граф И. В. Гудович получил, наконец, разрешение царя оказать Сафарбею соответствующую военную помощь и содействие в свержении власти Асланбея и изгнании его из Абхазии. Однако такую помощь необходимо было оказать конспиративно, поэтому он решил действовать чужими руками, – руками владетельницы Мегрелии Нины Дадиани и её зятя Манучара Чачба, правителя Самарзакана. В начале августа 1808 г. генерал Рыкгоф, по распоряжению графа Гудовича, двинул на Сухумскую крепость объединенные силы владетельницы Мегрелии и её двух зятьев – Манучара и Сафарбея Чачба. Однако на помощь Асланбею в Сухум прибыли на 3-х судах с войсками его двоюродный брат – комендант крепости Поти Кучукбей Чачба и 300 бойцов «черкес из гор»[2]. Войска, направленные генералом Рыкгофом не смогли взять крепость. Николай Да-

[1] Отношение гр. Гудовича гр. Салтыкову от 3. 03. 1809 г. АКАК, т. III, С. 208.

[2] Материалы по истории Абхазии XIX века (1803 – 1839). Сборник документов и материалов. Т. I. Составитель **Г. А. Дзидзария.** – Сухум. 2008. С. 83.

диани, полковник и историк, участник похода на Сухум, следующим образом описывает данное событие: «Мы прибыли в Аку и расположились на берегу Бесили (Басла. – ред.), но не могли окружить крепость, так как не имели ни приготовленной артиллерии, ни других орудий для блокады крепости…»[1]. Убедившись в совершенной неприступности её с суши, генерал Рыкгоф предложил бомбить крепость с моря и зажечь все строения, видя в этом единственную возможность взять крепость. Однако воинское подразделение Рыкгофа и мегрельские отряды, во главе полк. Н. Дадиани, были вынуждены скрыться в Мегрелии. Для оправдания своих действий, российско-мегрельские отряды захватили с собой супругу Келешбея Ребию-ханым (урожденную Маршан) и сына её Баталбея, которых якобы держал в плену Асланбей, а также много заложников от населения, и «благополучно вернулись в Одиши»[2].

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на происходившие сложнейшие события в Абхазии и вокруг неё, Асланбей в июне 1809 года, в качестве де-факто и де-юре владетельного князя Абхазии, обращался к императору Александру I с просьбой о принятии Абхазии под протекторат России[3]. Однако с ответом российские власти медлили, так как, по поводу Асланбея императора убедили в том, что предпочтение следует отдать не ему, а Сафарбею. Такая позиция властей России вынудила Асланбея искать покровителя в лице султанской Турции.

Сафарбей же, вполне осознав свою беспомощность, под непосредственным влиянием правительницы Мегрелии, подписал новые «просительные пункты». Данный документ изначально был составлен на русском языке по образцу, выработанному МИДом России, затем переведен на грузинский язык и грузинский текст был представлен как подлинник. Текст пе-

[1] СМОМПК. Вып. 31. С. 80.

[2] **Там же**. С. 80 – 81.

[3] Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX века (1762 – 1859). Сборник документов и материалов. Т. II. Составители: **А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба.** – Сухум. 2011. С. 52.

ревел грузинский священник Иоанн Иоселиани, служивший во дворце владетеля Мегрелии[1]. Вся эта процедура происходила в Мегрелии у княгини Нины Дадиани, где и скрывался от своего народа её зять Сафарбей Чачба[2].

По поводу авторства «просительных пунктов», весьма интересную информацию оставил вышеупомянутый историк и военный деятель Мегрелии Н. Г. Дадиани. Он в книге «Жизнь грузин» отмечал, что после неудачных попыток российско-мегрельских вооруженных отрядов овладеть Сухумом, «Сефербей вновь попросил владетелю Мегрелии Левану Дадиани, чтобы император России принял Абхазию под покровительством»[3]. По его утверждению, именно по просьбе Левана Дадиани, а не Сафарбея Чачба, абхазское княжество было принято под покровительство России. «Его императорское величество, – пишет историк, – получил просьбу Дадиани и принял рабом и под покровительством Сефер-бега»[4].

Несмотря на авторства этих «прошений», которые имели лишь формальный характер и не более того, российское командование энергично приступило к подготовке военной операции против Абхазии. В это время ген. А. П. Тормасов, сменивший престарелого фельдмаршала И. В. Гудовича, ознакомился с ближайшими планами своего предшественника и на подобии его пришёл к выводу, что нужно, прежде всего, овладеть крепостью Поти, чтобы облегчить взятие Сухум-Кале.

12 марта 1809 г. турецкий султан опубликовал фирман о прерывании перемирия и возобновления войны с Россией, и турецкое командование перешло к активным военным действиям в нынешней Западной Грузии. 15 сентября 1809 г. российские войска заняли крепость Поти. Удачное приобретение данной крепости, воодушевило главнокомандующего ген. А. Тормасова, которому в этот момент Александр I предложил быть решительнее

[1] **Пайчадзе Г.** Абхазское княжество в составе Российской империи 1810 – 1864 гг. // Разыскания по истории Абхазии, Грузия. Тбилиси. 1999. С. 217.
[2] **Лакоба С. З.** Асланбей. С. 9.
[3] **Дадиани Нико.** Жизнь грузин. – Тбилиси. 1961. С. 198. (На груз.яз.).
[4] **Там же.**

по отношению к Турции. Император велел привести Черноморский флот в боевую готовность, с тем, чтобы в случае появления на Черном море турецкого флота атаковать его[1].

На этом фоне император Александр I 17 февраля 1810 г. удовлетворил «просительные пункты» самозваного владетеля Абхазии Сафарбея, или того же владетеля Мегрелии Левана Дадиани, о чём пишет современник тех событий историк Н. Дадиани, и издал Манифест. На основании данного документа, Абхазское княжество было принято «в вечное подданство Российской империи», а Сафарбей Чачба, тот же Георгий Шервашидзе – «наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством державою, и защитою Российской империи»[2]. Кроме того, Манифест за наследниками владетеля Абхазии признавал права вступить на абхазский престол, после «высочайшего утверждения» императорской грамотой[3].

Однако, издание Манифеста Александра I являлось официальным политическим шагом для начала процесса вхождения Абхазии под покровительство Российской империи. Проблема заключалась в том, что Сафарбей был всего лишь претендентом на престол Абхазии, и он, признанный властями России «владетелем» Абхазии, находился в конфронтации не только со своим старшим братом Асланбеем – де-юре и де-факто владетелем Абхазии, но и народом страны и скрывался в Мегрелии. Поэтому для осуществления воли императора о передаче Сафарбею полномочий владетеля Абхазского княжества, властям России предстояло сломить сопротивление народа и владетеля Абхазии и, конечно же, султанской Турции, попрежнему считающей себя опекуном Абхазского княжества.

Поэтому морскими судами России в начале 1810 г. были совершены несколько вылазок против воинских баз Османской

[1] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухум. 2014. С. 123.

[2] Материалы и записки по вопросу владетельских имущественных правах потомков свет. князя **М. Шервашидзе**, последнего владетеля Абхазии. Верден. 1913. С.5-7 // Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. I. С. 96.

[3] **Там же.**

империи. В частности, в марте 1810 г. несколько российских военных судов было командировано к восточным берегам Черного моря, для крейсирования около Сухум-Кале и Суджук-Кале (креп. совр. Новороссийской бухты. – Т. А.), имея задачу «не допускать никаких перевозов и прекратить все сообщения турок, а в случае покушения к сему неприятельских судов, делать им отражение, вследствие чего крейсерами взято и истреблено было несколько купеческих судов»[1].

В начале мая того же 1810 года, фрегат «Лилем», бриг «Алексей» и корвет были отправлены крейсировать между Анапою и Сухум-Кале, с целью «препятствовать подвозам к горцам и нападать на их селения, по берегам моря лежащие, дабы тамошние народы, теснимые с сухопутной стороны войсками кавказского корпуса, а с моря нашими судами, принуждены были просить мира»[2].

Генерал А. П. Тормасов, воспользовавшись взятием Поти и политическим кризисом в Абхазии, решил не затягивать время для овладения Сухум-Кале. «После взятия войсками армии мне вверенной турецкой кр. Поти по берегу Черного моря, – писал ген. Тормасов Ришелье 22 мая 1810 г., – сносился с минром морских сил о полезности доставить к берегам Чёрного моря часть флотилии, дабы с помощью оной занять остающиеся между Поти и Анапою турецкие же крепости Анаклию, Сухум и Суджук-Кале…»[3].

В таких условиях управляющий министерством военных морских сил адмирал И. И. де-Траверсе дал приказ вице-адмиралу Языкову, командующему Черноморским флотом, занять Сухум судами Черноморской эскадры.

8 июля 1810 г. в 4 часа дня на Сухумский рейд из Севастополя прибыла эскадра из одного военного корабля (66-пушечный «Варахил»), двух фрегатов («Назарет» и «Воин»), одного авиоза и двух канонерских лодок, с батальоном 4-го морского

[1] Донесение команд. Черноморского флота от 2.05. 1810 г. Полн. собр. соч. ген.-л. **А.И. Михайловского-Данилевского**. Т. III. С. 201.

[2] Отношение ген.-адм. **Языкова** к ген. **Тормасову** от 10 июня 1810 г. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 2. С. 48.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, №6187, 1810, лл. 29 – 30.

полка (640 чел.) под командованием капитана-лейтенанта Додта. Был поднят переговорённый флаг, но из крепости начали из пушек и ружей обстреливать корабли отряда. На другой день, российским кораблям удалось приблизиться на соответствующую дистанцию и в 3 часа дня открыть огонь. К вечеру почти у всех крепостных пушек были подбиты лафеты. На рассвете 10 июля из крепости снова началась пальба; ответным огнём наступающих почти все строения в городе были разрушены, были также потоплены стоявшие в бухте 7 турецких судов. В 10 часов капитан-лейтенант Додт высадил морской десант – батальон морской пехоты, с 2-мя полевыми пушками, под командованием майора Конрадини, который, поведя атаку с юга, овладел городом. Однако, десант не имел штурмовых лестниц и Конрадини не решился идти на приступ крепости, ворота которой были завалены камнями. Он расположил три роты в 30-ти шагах от ворот, четвертую роту оставил в резерве и приказал стрелять из одного орудия в ворота крепости, а из другого – по самой крепости. Одновременно был открыт огонь с кораблей. В результате сильной бомбардировки, продолжавшейся около 2-х часов, ворота были разбиты и российские войска заняли крепость. Гарнизон Сухумской крепости, состоявший из абхазов, убыхов, адыгов и турок, покинул крепость через северо-западные ворота. В город со стороны р. Кодор вступили мегрельские отряды, рота Белевского полка с двумя орудиями, во главе с кн. Д. Орбелиани и Сафарбеем Чачба[1]. Владетель Абхазии Асланбей, правивший страной боле двух лет, был вынужден покинуть Сухум и скрыться в Садзской Абхазии[2].

В ходе овладения Сухума, российские отряды потеряли убитыми и раненными 109 чел., а среди защитников крепости – только убитыми было 300 чел., сотни раненных, а 78 чел. были взяты в плен, из которых от тяжелых ран умерло ещё 5 человек. Российскими подразделениями были захвачены 62 пушки, 2 фальконета и большие склады пороха, ядер и оружия[3].

[1] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. С. 126.
[2] Материалы по истории Абхазии XIX века (1803 – 1839). Т. I. С. 99 – 100.
[3] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века С. 126.

Картина разрушения города была ужасна. Капитан-лейтенант Додт доносил: «По взятии крепости и по обозрении оказалась оная (крепость Сухум. – Ред.) совсем разбитою, а особливо с морской стороны и по сим обстоятельствам оную крепость починить и поправить почти невозможно было»[1]. По словам французского ученого Фредерика Дюбуа де Монперэ, «когда русские овладели Сухумом, часть города ещё существовала, но командовавший тогда генерал приказал разрушить и снести до основания все, что ещё от него оставалось, ссылаясь на то, что под прикрытием домов, абхазам удобнее похищать русских солдат»[2]. «Теперь, – писал позже министр просвещения Евгений Ковалевский, – когда все, неблагопрепятствовавшие нам обстоятельства миновались, когда мы, безусловно владычествуем на восточном берегу Черного моря, от Анапы почти до Батума, от нас зависит воскресить Сухум, который турки назвали недаром Старым Стамбулом – и поставить его в то положение, в котором он некогда находился и которого он заслуживает по своей местности»[3]. Кстати, до взятия Сухума, город был покрыт домами и базаром, где проживал около 6 тыс. человек[4]. «По выложенным камням вода из Баслаты растекалась по всем кварталам; в её устье соорудили небольшой облицованный кирпичом канал для удобства маленьких турецких судов. От этого древнего Сухума ничего не осталось, кроме следов домов и улиц, заросших колючим кустарником и высокой травой», – сообщается в источнике[5].

Однако для дальнейшего функционирования Сухумской крепости, было послано туда около 1000 человек, которые за короткий срок восстановили имевшиеся разрушения. Гарнизон крепости состоял из роты под командованием капитана Агаркова, перевезенной сюда из порта Редут-Кале, и 2-х рот

[1] Выписка из донесения кап.-л. Додта о занятии крепости Сухум-кале. АКАК, т. IV. Тифлис. 1870. С. 424.
[2] **Фредерик Дюбуа де Монперэ**. Путешествие вокруг Кавказа. Сухум. 1937. Т. 1. С. 134.
[3] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. С. 127.
[4] **Фредерик Дюбуа де Монперэ**. Указ. соч. С. 134.
[5] **Там же.** С. 133.

4-го морского полка с полевой пушкой, под командованием Козорокого. Кроме того для охраны морского берега порта были оставлены две канонерские лодки под командованием мичмана фон-Бурмистра.

Таким образом, крепость Сухум-Кале пала после штурма российского десанта с моря и наступления царских войск, при поддержке мегрельских и лечхумских вооруженных отрядов со стороны р. Ингур. В результате военной интервенции, а не «добровольного присоединения» к России, Сухум был взят царскими войсками. Негативную роль в этом судьбоносном для всего абхазского народа деле сыграл Сафарбей, который именно под диктовку правителей Мегрелии, находясь там же в бегах, обращался с прощениями к императору Александру I о принятии Абхазии в российское подданство. Притом, Абхазией правил законный наследник Абхазского престола Асланбей Чачба.

В захваченную российскими войсками крепость Сухум переехал жить Сафарбей: Сухум стал единственным населенным пунктом на всей территории Абхазии, где он мог чувствовать себя безопасно под защитой российских штыков. Позже он мог оставаться и в Лыхны, также под усиленной охраной российских воинских подразделений. Естественно, эти силовые акции обострили абхазо-российские отношения, – с одной стороны, и ослабили центральную власть Абхазского княжества – с другой. А Сафарбей, наделенный всеми правами и поддерживаемый российскими военными и политическими властями, оставался всего лишь формальным правителем страны. Неоднократная просьба Сафарбея Чачба о привлечении российских войск в борьбе против восставших его власти абхазов, не принесли желаемого для него результата. Вместе с тем, только лишь благодаря российской военной силе и поддержке правителя Мегрелии, Сафарбею удавалось удерживать власть, точнее, самосохраниться.

Главнокомандующий войсками на Кавказе А. П. Тормасов, желая воспользоваться пребыванием российской эскадры в Абхазии, а также «страхом, наведенным побережным жите-

лям через покорение Сухумской крепости, предписывал к.-л. Додту, – не теряя времени, неуклонительно обратить с флотилиею военные действия на Суджук-Кале»[1]. Безотлагательное исполнение этого решения диктовалось тем, что в это время успехи России на Балканском театре войны, принудили Турцию искать мира и ген. Тормасов считал «весьма полезным» и до заключения мира овладеть Суджук-Кале[2], что и было достигнуто без особого труда. В результате к лету 1810 Османская Турция потеряла крепости Черноморского побережья Кавказа – Анапу, Суджук-Кале, Сухум, Анаклию и Поти и, как писал А. В. Фадеев, только лишь отсутствие необходимой согласованности между армейским и флотским командованием, не позволило вооруженным силам Российской империи завершить эти крупные военные успехи взятием Батума и Трапезунда[3].

Усиление военного присутствия на Черноморском побережье Кавказа, где теперь в основных укреплениях встали российские гарнизоны, заложило основу для образования прибрежной военной линии от устьев Кубани до р. Ингура, а оттуда до устьев р. Риони и далее до границы с Османской империей. Тем самым, все шло к созданию т. н. «Черноморской линии», законченной позже, и имевшей целью изолировать народы Западного Кавказа от внешнего мира, боровшиеся с царизмом за свободу и независимость[4]. Данная линия охранялась особой эскадрой, которая крейсировала от Анапы до Батума[5].

Энергичная деятельность по захвату основных опорных пунктов кавказского Причерноморья, дала возможность рос-

[1] Отношение Тормасова де-Решелье от 10. 08. 1810 г. ЦГВИА, ф. ВУА №6187, лл. 33-34, об 37.

[2] **Там же.**

[3] Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М. 1960. С. 154. Не дали положительного результата попытки российских военных, захватить важнейшие морские порты Батум и Геленджик, правители которых традиционного являлись близкими родственниками владетеля Абхазии. (Материалы по истории Абхазии. Т. II. С. 67 – 70).

[4] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. С. 129.

[5] ЦГВИА ВИА №6187, 1810, лл. 29 – 30.

сийским властям, уже в начале 1811 г. заниматься устройством торговых сношений этих вновь приобретенных портов с Крымом. Кстати, за особые заслуги владетельского двора Мегрелии на военно-политическом поприще того периода, в частности, при захвате портов Редут-Кале, Поти, Анаклия и Сухума, российскими властями было учреждено торговое общество под названием «Акционерная мингрельская компания», которая, как писал Феодосийский градоначальник С. М. Броневский, «должна была быть основанием прочной уверенности новопокорённых азиатских областей в продолжительном их благосостоянии, через оживление там промышленности»[1].

По словам, ген. А. Тормасова, «приобретение под всероссийскую державу Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии связало здешний край беспрепятственным сообщением с Тавридой и открыло новую отрасль промышленности между Крымом и побережными нашими владениями на Черном море. Правительство, пекущееся всегда о распространении полезной торговли, обратило внимание и на сия новоприобретенные наши владения, вследствие чего повеяно было градоначальникам в торговых крымских городах Таганроге и Феодосии принять предварительные меры к соглашению торгующих обратить их торговлю с Абхазией, Мингрелией и Грузией»[2]. Однако для полнокровной торговой связи между этими вновь приобретенными Российской империей территориями было очень далеко. Ибо для полного подчинения российскими войсками абхазо-убыхо-адыгского побережья Черноморского побережья предстояло вести длительную войну с коренными народами региона, которые не собирались признавать военные успехи в этом регионе Кавказа.

Тем не менее, взятие Сухума являлось не только победой Сафарбея над своим братом, равно как и победой России над Турцией, но и оно стало началом конца государственности Аб-

[1] АКАК, т. III, с. 540.

[2] Предписание ген. Тормасова ген. Сталю от 18.05. 1811 // АКАК, т. IV, с. 403 – 404.

хазии и сложнейших процессов в Стране абхазов[1]. Овладение российскими войсками Сухума являлся началом завоевательной политики царизма в Абхазии. Для прочного укрепления в Абхазии российской власти понадобилась полувековая война с абхазским народом, отстаивавшего каждую пядь родной земли. Сухум лишь способствовал достижению этой цели, и, в конечном итоге, колониальная экспансия царской России в Абхазии закончилась завоеванием последней[2].

Абхазия в эпицентре сопротивления горцев. Как и ожидалось, укрепление позиций в Закавказье на рубеже XVIII – XIX вв. умело было использовано российскими властями в борьбе против горских народов Кавказа. Отныне горцам приходилось обороняться от российского военного натиска, как с севера, так и с юга. И чем больше усиливалась власть России на Южном склоне Кавказского хребта, тем жестче становилась её политика в отношении непокоренных горцев на Северном Кавказе. Положение горцев усугублялось и тем немаловажным фактором, что в целом грузинское население, а также армяне и частично азербайджанцы поддерживали борьбу России за покорение Кавказа. Длительное кавказско-российское противостояние, переросшее в Русско-Кавказскую войну и принявшее весьма жесткий, бескомпромиссный характер, завершилось катастрофой для многих народов Кавказа. Вплоть до конца 50-х годов XIX в. главной ареной боевых действий являлся Восточный Кавказ, где на земле нахов, аварцев, лезгин и других народов в конце 20-х годов XIX в. возникло теократическое государство – имамат, возглавлявшийи Гази-Магометом (1828 – 1832 гг.), Гамзат-беком (1832 – 1834 гг.) и Шамилем (1834 – 1859 гг.)[3]. Серьезной помехой для российских войск стала широкомасштабная партизанская война, развязанная на всём пространстве проживания горцев. Именно в этом водо-

[1] **Лакоба С. З.** Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум. 2001. С.8 – 9.
[2] **Дзидзария Г. А.** Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. С.130.
[3] **Блиев М. М., Дегоев В. В.** Кавказская война. – М. Рост. 1994. С. 250, 313, 316, 345.

«Зов». Худ. Б.Р. Джопуа.

вороте истории оказался и абхазский народ, который разделил судьбу родственных народов, пострадавших от царской прокрустовой машины.

Как уже было отмечено, тот неопровержимый факт, что вхождение Абхазского княжества под протекторат России носило силовой характер, сыграло в дальнейшем решающую роль в формировании весьма сложных абхазо-российских взаимоотношений и, в конечном итоге, депортации большой части коренного населения страны в Османскую империю.

Как и ожидалось, ставшим, с помощью русского оружия, владетелем Абхазского княжества, Сафарбею Чачба (1810 – 1821 гг.), не удалось объединить абхазский народ. Более того, отложившие от центральной княжеской власти, горные общины Абхазии – Дал, Цабал, Псху, прибрежные и горные общины Садзена, активно подключились в борьбе против нового владетеля и его поспешной политики полного подчинения страны Российской империи. От Сафарбея фактически отошли жители Самурзакана. Родственные отношения с владетелем Мегрелии Леваном Дадиани сыграли роковую роль в жизни удельного князья Самурзакана Мануча-ра (Манча) Чачба и подчиненного ему региона. По приказанию владетеля Мегрелии Левана Дадиани, Манучар Чачба – муж его сестры, в 1813 г. был убит в с. Бедия, а Самурзаканский регион был прибран к рукам владетелем Мегрелии. Такому развитию событий способствовал паралич власти владетеля Абхазии Сафарбея, который нуждался в постоянной военной помощи от мегрельского владетеля и российских войск для сохранения своего поста. Поэтому Левану Дадиани очень легко удалось заполучить от Сафарбея т.н. договорную грамоту, как ближайшему родственнику малолетних детей Манчи Чачба – Александра и Дмитрия на предмет получения дани от самурзаканских жителей за воспитание сирот до их совершеннолетия. Правда, по согласованному договору, эти доходы были рассчитаны на содержание детей, но этот хитрый путь давал право Левану заставлять вдову Манучара Чачба, сестру свою, обращаться за своими делами, в том числе жалобами к Левану Дадиани, а не владетелю Абхазии.

В целом, получается, что Сафарбей, наделенный императором России всеми правами и поддерживаемый российскими военными властями и владетелем Мегрелии, на самом деле оставался всего лишь фиктивным правителем Абхазии. Окруженный в Сухумской крепости вражеским населением, владетель и его охрана в лице российского гарнизона, рисковали каждый день. «Абхазцы, – писал кап. Агарков генералу Симоновичу 13 января 1811 года, – до такой степени смелы, что подъезжают к крепости вооруженные, садятся по кустам и стреляют в солдат так, что опасно отойти от оной шагов на 100»[1].

Дальнейшие события показали, что и военные силы России, сосредоточенные в Сухумской крепости, не были способны гарантировать оборону города и тем самым надежную охрану владетеля. «Владетельская власть Сафарбея, – отмечал профессор Г. А. Дзидзария, – была полнейшей фикцией, лишенной всякой поддержки и силы в народе. Это был самый не популярный владетель, которого когда-либо знала Абхазия. Занятие Сухума русскими войсками основательно подмочило репутацию и без того мало популярного владетеля»[2].

Неоднократная просьба С. Чачба о привлечении российских войск в борьбе против непокорного населения, не принесли желаемого результата. Да и само российское командование не решалось проводить военные операции за пределами Сухума, не говоря о других регионах Абхазии, что в большей степени можно объяснить, как враждебностью подавляющей части абхазского населения, так и общей сложной военно-политической ситуацией для России, включая войну с Турцией и наполеоновской Францией в Европе[3]. Охраняемый российскими солдатами Сафарбей жил в Сухумской крепости, либо в Лыхны или в Мегрелии – у родственников жены. Только лишь благодаря российской военной силе и поддержке правителя

[1] АКАК, т. IV, с. 427.

[2] **Дзидзария Г.А.** Завоевание Абхазии царской Россией // Дзидзария Г. А. Труды. I. 2014. С. 24.

[3] **Фадеев А. В.** Русский царизм и крестьянская реформа. – Сухум. Изд-во «Советская Абхазия» и «Апсны капш». 1932. С. 13.

Мегрелии, Сафарбею удавалось и в дальнейшем удерживать власть, ибо не утихали народные восстания против его правления. Например, в июле 1813 г. произошло мощное восстание абхазов во главе с Асланбеем Чачба. Российский батальон и военные подразделения владетеля Мегрелии спасли тогда жизнь Сафарбея Чачба. По этому поводу владетельный князь Мегрелии Леван Дадиани в своем письме от 19 августа 1813 г. полковнику и историку Н. Дадиани сообщал, что он «присовокупив» к своим войскам, присланные от главнокомандующего в Грузии «вспомогательные войска», выступил против мятежного князья Асланбея Чачба, заставил его покинуть Абхазское княжество и скрыться в Джигетии. После чего, усмирив абхазцев, «поручил управление Абхазиею зятю нашему Сафарбеку по-прежнему»[1]. За эти «боевые успехи» Сафарбей был удостоен воинского звания генерал-майора, а его жена Тамара Дадиани – награждена орденским знаком св. Екатерины второго класса, меньшего креста[2].

Сафарбею не повезло и с международной ситуацией, которая оказывала непосредственное влияние на события в Абхазии и вокруг неё. По Бухарестскому мирному договору между Россией и Турцией (16 мая 1812 г.), в частности, ст. VI, границы в Азии между этими традиционно вражескими империями возвращались к довоенному периоду. Российским властям было трудно вернуть «добровольно» принятие в состав России территории, однако все же пришлось идти по требованию Договора о мире. Поэтому Александр I приказал новому главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии ген. Н. Ф. Ртищеву, передать туркам Поти и Ахалкалаки, но ни в коем случае не уступать Сухум-Кале. Указание императора генералом были беспрекословно выполнены. Однако турецкие власти никак не хотели смириться с усилением России на Кавказе в целом и особенно потерей Сухума и другими укреплениями Кавказа, поэтому неоднократно были

[1] АВПР, ф. Главный архив, 1-7, 1806 г., д. 1, лл. 204 – 204 об. По кн. Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. (1762 – 1859 гг.). Сборник документов и материалов. Т.II. Составители: **Куправа А. Э.**, **Авидзба А. Ф.**, **Салакая С. Ш.** – Сухум. 2011. С.77 – 78.

[2] Письмо ген. Ртищева к Вейдемейеру от 2 мая 1815 г. АКАК, т. V, с. 500

совершены попытки вернуть утерянные позиции в этом регионе Черноморского побережья Кавказа. Первое выступление турок после захвата российскими войсками Сухума, было совершено в 1812 г. Присланный многотысячный отряд из Трапезунда в Батум в целях возвращения Имерети, Гурии, Мегрелии и Абхазии, не имел успеха. Второе такое наступление в конце 1813 г. увенчалось высадкой десанта на территории Абхазии во главе Трапезундского сераскера Сулейман-паши, но в конечном итоге, также не принесли желаемого результата. А в 1815 г. воспользовавшись тем, что основные военные силы России были заняты европейскими делами в пределах Французской империи, султанское правительство в восточной части Османской империи подготовило две мощные группировки: Эрзерумскую, во главе Главнокомандующего всем Восточным краем, сераскером Эрзерума Пехлеван-паши и Трапезундскую группировку, под командованием сераскера Трапезунда Сеид-Сулейман-паши. Первый отряд состоял из 20 тыс. солдат, второй – из 15 тыс. В начале июля сераскир Эрзерума прислал к ген. Н. Ртищеву письмо с требованием о немедленном освобождении от русских войск территории Имерети, Гурии, Мегрелии и Абхазии. Однако на полтора месяца раньше Греческий митрополит Феодосии, находившийся в Эрзеруме, выдал командующему российских войск ген. Н. Ртищеву план боевых действий турок против Российских войск. Поэтому турецкие войска, начавшие наступления против русских войск, дислоцированных в Месхети, Гурии и Мегрелии, встретили неожиданные преграды и ожесточенное сопротивление. Вторжение войск Порты в пределы, контролируемые российскими властями, совпало с триумфальным шествием российской армии в пределы Парижа, что способствовало тому, что турецкие войска отказались от дальнейших военных действий по возвращению занятых русскими крепостей на Черноморском побережье Кавказа.

Для овладения всей территорией Абхазии и отмежевания её от родственных народов Северо-Западного Кавказа, рос-

сийское командование планировало усиления крепости Сухума и создание новой крепости в Гагре, о чем в марте 1818 г. писал императору ген. А. П. Ермолов[1]. Однако, из-за дальнейшего осложнения абхазо-российских отношений, этим планам тогда не было суждено сбыться. Натиск со стороны народа против признанного Россией владетеля Абхазии и его «охранников» в лице военного гарнизона в Сухуме с каждым годом принимал более ожесточённый характер.

Для спасения ситуации владетель Сафарбей за помощью вновь и вновь обращается к российскому военному командованию на Кавказе. О неустойчивости управления страной владетелем Абхазии и активном участии российских воинских подразделений, а также отрядов из Мегрелии и Имерети в подавлении абхазского сопротивления, подробно изложено в рапорте ген.-майора Куртановского ген.-майору Сталью от 9 мая 1818 г. В документе сказано, что генерал Куртановский, по просьбе Сафарбея (Георгия) Чачба, в связи с неповиновением ему «своего народа», отправил в Абхазию войска из «мингрельцев и имеретинцев» под командованием полковника Н. Дадиани, которому при поддержке владетеля Сафарбея удалось часть «из абхазцев склонить к повиновению». Однако, этого шага не было достаточно, постольку поскольку «Абхазский владелец на самом деле ещё слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу» и ставится вопрос перед военными властями на Кавказе о необходимости оказания военной помощи владетелю Абхазии с участием мегрельских и имеретинских воинских подразделений. Примечательно, что российский генерал «причиной неповиновения абхазцев к Сафарбею» считал тот неопровержимый факт, что при утверждении его владетелем, он не пользовался соответствующим авторитетом среди «гордого, вольного и воинственного» абхазского народа. В документе отмечено: «Главная причина такого неповино-

[1] Рапорт от 22 марта 1818 г. // **В. А. Потто.** Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III, ч. 2. С. 546.

вения есть та, что настоящий владелец утверждён в сем звании без дальнейшего изследования о преданности к нему абхазцев – народа гордого, вольного и воинственного...»[1].

Как подтверждают источники, со дня вступления российских войск в Сухум в 1810 г., военно-политическая ситуация в Абхазии оставалась настолько безнадежной, что император Александр I в 1820 г. поставил вопрос о выводе российских войск из Абхазии. Однако, принципиальная позиция генерала А. П. Ермолова, Главнокомандующего Отдельным Грузинским (с 1820 г. Кавказским) корпусом (1816 – 1827 гг.), считавшего Сухум «единственным опорным пунктом на Восточном берегу Черного моря, а Абхазию важнейшим военно-политическим регионом для «завоевания Кавказа», вынудила императора отказаться от этой идеи[2]. Обосновывая свое особое мнение по этому поводу ген. А. Ермолов в письме на имя министра иностранных дел России писал: «Абхазия в теперешнем состоянии доставляет нам безопасные бухты, и Мингрелия почти не подвержена хищным набегам, ибо абхазцев обуздывает страх... Владетельные князья Мингрелии, Гурии и даже князья Имеретинские видя участь Абхазии, могут ожидать такой же впоследствии и для себя, и заранее будут искать расположения турок, доказывая им свою приверженность бесконечными возмущениями, которые турки в свою очередь не упустят поддерживать»[3]. Продолжая эту же мысль, далее он подчеркивает, что «с уступкой Сухумской бухты разовьется морское пиратство, и в короткое время наши купеческие суда уже не осмелятся проходить в Редут-Кале, и мы лишимся подвоза из России провианта, не в силах будем защищать наших владений, и тогда лишимся не одной Абхазии»[4].

---

1 Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. (1762 – 1859). Сборник документов и материалов. Т.II. С.82 – 83.

[2] **Фадеев А. В.** Русский царизм и крестьянская реформа. С. 14; **Дзидзария Г. А.** Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми. Абгосиздат. 1960. С. 62**.**

[3] **Потто В. А.** Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. II, Тифлис. 1903. С. 720. С. 30.

[4] **Там же.**

7 февраля 1821 г. скончался Сафарбей Чачба. Он был похоронен в Лыхненском храме. Его смерть стала новым поводом для усиления освободительного движения абхазского народа. На другой же день, 8 февраля жители нескольких сёл, расположенных вокруг Сухума в количестве примерно до 200 человек, напали на российское военное подразделение, посланное в лес за дровами. На помощь комендантом Сухума Могилянским был отправлен отряд под командованием поручика Ермишкова. В результате перестрелки, абхазские отряды рассеялись, а русские потеряли одного солдата убитым и 4 раненными.

До назначения императором России нового владетеля, владетельницей Абхазии была объявлена вдова Сафарбея, Тамара Кациевна Дадиани. Это решение, хоть и оно имело временный характер, вызвало крайнее возмущение народа. Ибо назначение княжны из мегрельской династии Дадиани над абхазским народом, означало, нечто иное, как подливать масло в огонь. В связи с её назначением, в народе разгорелась новая волна возмущения. В этой сложной ситуации, удобный момент настал для младшего брата Сафарбея – Гаснабея Чачба, управляющего центральным регионом Абхазии, от р. Шицкуара до р. Кодор. Он, по характеристике барона Г. В. Розена, был «умный, хитрый и покорный обстоятельствам» и что самое главное, пользовался большим авторитетом в народе. Поэтому если бы не препятствие со стороны российских властей, Гасанбею ничего не угрожало возглавить княжество. Комендант Сухума Могилянский, по приказу высшего начальства, при подстрекательстве временной правительницы Тамары Дадиани, опасавшейся реальной возможности Гасанбея стать владетелем Абхазии, арестовал Гасанбея Чачба. По решению высшей власти России, князь был сослан в Сибирь в начале в Томске, а затем в Иркутск, где прожил до официального освобождения – 1828 г. Весть об аресте Гасанбея ещё больше возмутил народ. Для успокоения населения в Абхазию был прислан командир 3-ей бригады 22-ой пехотной дивизии и управляющий Имеретией, ген. М. Д. Горчаков. Генерал, изучив

создавшуюся ситуацию, для успокоения народа, снял с должности коменданта крепости Сухума и назначил вместе него майора Михина, но и эта мера не принесла желаемого для российских властей результата.

Братья Гасанбея – Баталбей и Тайрбей Чачба, а также несколько приближенных к ним представителей княжеских фамилии Маршан и Инал-ипа, организовали восстание народа против владетельницы Тамары Дадиани и российского военного присутствия в Абхазии. К восстании подключился Асланбей Чачба, который возглавил его. Восставшие в июле месяце 1821 г. напали на дом владетельницы в Очамчыре и убили несколько человек из охраны, а из с. Илор угнали табун лошадей, принадлежащий владетельнице. В конце июля Асланбей потребовал от княгини Тамары Дадиани, стоявшей лагерем под Сухумом, заложников и свободного прохода в сторону Сухума. Передав отказ Асланбею, княгиня, в результате атаки со стороны мятежников, с большим трудом была спасена. Российское военное судно вывезло её с семейством и свитой в Сухум. Однако чтобы народу не показалась, что она бессильна перед восставшими, из Сухума вернулась в с. Кодор, где поселилась в своем доме на берегу моря. Однако она вновь оказалась в трудном положении; вечером 1 августа 1821 г. дом княгини был окружен отрядами повстанцев во главе Ростомбеем и Тайарбеем Чачба и князьями Маршан. На её спасение комендант Сухумской крепости Михин отправил военное судно «Константин». На другой день, сдав княгиню и членов её семьи коменданту Михину, «Константин» прошёл несколько раз вдоль берега от Сухума до Гагры, «громя неприятельские скопища»[1].

Примечательно, что, словно ничего не предвещало об опасности, княгиня Тамара Дадиани вновь покинула Сухум и возвратилась обратно в свое имение в с. Кодор. Однако Асланбей, не задумываясь долго, во главе многотысячного отряда, состоящего в большинстве своем из псхувцев, ахчипсуйцев и

[1] АКАК, т. VI, ч. I. Тифлис. 1874. С. 33.

убыхов, 21 августа появился перед резиденцией правительницы. Основная часть её охраны перешла на сторону Асланбея и выдала ему аманатов. Две недели отряды Асланбея держали в блокаде Тамару в башне её Кодорского дома. Княгиня была вынуждена «примириться» со своими врагами и дать присягу, что впредь не будет иметь никакого сношения с российскими властями. После сдачи княгини Тамары на милость врагам, Асланбей, без особого труда, 11 сентября 1821 г. обложил Сухум и занял фактически всю Абхазию.

Чтобы взять инициативу в руки, российские власти решили в срочном порядке вызвать из Петербурга на родину нового владетеля, утвержденного императором Александрем I. Таким оказался старший сын Сафарбея – Дмитрий (Омарбей) Чачба, который в 1811 г. был отправлен в столицу империи, в качестве аманата, в залог верности России его отца. Дмитрий Чачба был представлен императору Александру I, который утвердил его владетелем Абхазии, присвоил ему звание полковника и отправил в Абхазию.

Получив соответствующую инструкцию в Тифлисе, 21 октября 1821 г. Дмитрий Чачба прибыл в Кутаиси, где его ждал генерал М. Д. Горчаков, вместе с которым и выехал в Абхазию. Для «успокоения» абхазов и передачи владетельской власти Дмитрию Чачба, генерала М. Горчакова сопровождала мегрельская конница и отдельный воинский отряд, состоящий из 6 рот Мингрельского пехотного и 44-го егерского полков, всего до 600 штыков, 2 орудий, части казаков и мегрельской и лечхумской милиции, под командованием полковника Н. Дадиани[1].

Войска М. Горчакова, направлявшиеся в Лыхны, в начале ноября столкнулись с многотысячными ополченцами Асланбея. Бои произошли между Кодорским мысом и селением Келасур. В ходе вооруженного столкновения, под огнём пушек и дальнобойных винтовок, отряды Асланбея были вынуждены отступить. Ген. М. Горчаков скоро дошёл до Сухума, и, предав город и окрестные его сёла огню, отправился в с. Лыхны, ко-

[1] **Дзидзария Г. А.** Завоевание Абхазии царской Россией. С. 36.

торый Сафарбей в последние годы своей жизни превратил во вторую резиденцию владетеля.

30 ноября 1821 г. Дмитрий Чачба, перед собравшимся многочисленным народом, был провозглашен владетелем Абхазии. Для «успокоения» бзыбских абхазов, была проведена военная экспедиция М. Д. Горчакова, при активном участии мегрельских и лечхумских отрядов. На левом берегу р. Бзыбь русско-грузинские войска разорили множество населенных пунктов и для устрашения абхазов, несколько человек повесили.

«Устроив дела» в Абхазии, ген. Горчаков оставил в Лыхны две роты Мингрельского пехотного полка. Остальные части возвратил в Редут-Кале. Димитрий (Омар-бей) стал очередным формальным владетелем Абхазии, охраняемый российскими военными. Он, с малых лет, воспитывавшийся в Санкт-Петербурге, не владея абхазским языком, традициями и обычаями народа, пользовался ещё меньшим авторитетом, чем его отец. Более того, как писал Г. А. Дзидзария, «он осознавал, что владетелем скорее являлся его дядя, неугомонный Аслан-бей, чем он, Аслан-бей все ещё пользовался авторитетом и находил поддержку в стране»[1].

31 января 1822 г. Асланбей со своим многочисленным отрядом двинулся в Лыхны, где находился его племянник владетель Дмитрий. Узнав о надвигающейся опасности, он в срочном порядке покинул село и бежал в Сухум, чтобы скрыться в крепости, охраняемой усиленным российским гарнизоном. Однако страх Дмитрия перед дядей был настолько велик, что он посчитал недостаточно благонадежным стены Сухумской крепости и сбежал в Кутаис, где было безопаснее, чем в любом месте Абхазии. Но генерал М. Д. Горчаков вернул Дмитрия в Абхазию, в с. Лыхны и, разбив вооруженную группировку Асланбея, Дмитрия Чачба вновь посадил на владетельский трон. Дмитрий, прибывший в Лыхны, приступил к выполнению приказа ген. Горчакова – наказать своих противников. На другой же день после своего прибытия в Лыхны, повесил одного из

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. 2014. С. 37.

активистов антиколониального сопротивления из известной дворянской фамилии Лакрба. Однако новоиспеченный владетель Абхазии на своем горьком опыте убедился, что, на всей территории Абхазии ему, точнее российским властям, боле или менее подчинялись всего на всего два населенных пункта – Сухум и Лыхны, и то, благодаря, присутствию и активным действиям российских воинских подразделений. Все это яркое свидетельство того, что Дмитрий в лице абхазского народа имел не подданных, а врагов.

Оказавшийся в такой неординарной ситуации, 16 октября 1822 г. Дмитрий Чачба умер. По официальной версии российских военных властей, он был отравлен. Некоторые подозрения выпали на крестьянина Уруса Лакоба. Комендант Сухума майор Михин взял его под стражу. А мать Дмитрия Тамара Дадиани настаивала на том, что, якобы, именно Урус Лакоба виновен в смерти её сына, и требовала наказания его. После долгого и кропотливого расследования, У. Лакоба был освобождён, но ненадолго. По настоянию ближайших родственников Дмитрия, У. Лакоба вновь был арестован и обвинен в отравлении владетеля. 8 сентября 1823 г. ген. А. Ермолов дал ген. М. Горчакову разрешение повесить Уруса Лакоба в с. Лыхныпри доме владетеля[1].

По представлению того же ген. А. Ермолова, 14 февраля 1823 г. император России Александр I владетелем Абхазского княжества утвердил Михаила (Хамутбей) Чачба – младшего сына Сафарбея. Власть несовершеннолетнего владетеля оказалась ещё слабее, чем его покойного брата. Однако 16-летный Михаил обладал многими качествами – отлично стрелял из ружья, ловко владел саблей, шашкой и кинжалом, был прекрасным наездником и бесстрашным в бою. Все это высоко ценилось среди абхазов, а горское воспитание он получил у своего аталыка, знаменитого убыхского предводителя Хаджи-Берзека Дагомуко (Адагуа-ипа), который Михаила ещё в юном возрасте брал в бои. Однако владетель был слишком молодым

[1] АКАК, т. VI, ч. II. Тифлис. 1875. С. 664 – 665.

и неопытным, чтобы справиться с внутренними неурядицами и взять в руки реальную власть в княжестве. Да и российские военные не были готовы к тому, что новый владетель без их ведома и подсказки управлял страной. Очень скоро политическая ситуация вновь стала ухудшаться. В апреле 1824 г. военные Сухумского гарнизона совершили нападение на село Чичи, где, якобы, Асланбей, скрывался у своего воспитателя и готовился к нападению на Сухумскую крепость. На деревню было совершено нападение с трех сторон и солдаты уничтожили дома жителей таким образом, что, как пишется в источнике, не оставили «камень на камне». После этой «военной операции», командование гарнизона убедилось, что Асланбея в этом селе не было. Однако жители села, уцелевшие от погрома, устроили засаду возвратившимся в Сухум солдатам гарнизона. В бою российский отряд потерял 42 человека погибшими и раненными, среди которых оказался сам начальник Сухумского гарнизона майор Михин.

Жестокость, проявленная российскими военными против невинных людей, стала поводом для активизации освободительного движения абхазского народа в 1824 г. Выступление началось в Бзыбской Абхазии, возглавляемое дворянином Кацом Маан. На помощь были приглашены цебельдинцы, садзы, убыхи, адыги, которые немедленно отозвались и 12 тысячный отряд горцев двинулся на с. Лыхны. Михаил Чачба едва успел отправить свою мать Тамару Дадиани в Сухумскую крепость под защитой российского гарнизона. 8 июля 1824 г. с. Лыхны и находившийся там российский отряд были атакованы горцами. Две роты Мингрельского полка и 2 орудия, стоявшие в Лыхны под командованием Марачевского, были блокированы повстанцами. К этому времени прибыл сюда и сам Асланбей Чачба, который взял на себя руководство восстанием.

Получив эту тревожную информацию, ген. Горчаков, находивший в Кутаиси и опекавший абхазскую владетельскую

власть, немедленно двинул свои войска на Абхазию для спасения владетеля и удержания российского присутствия в Абхазии. Генерал А. Ермолов дал наставление Горчакову действовать «в оной огнём и мечом… щадя лишь дом владетеля»[1].

На пути от р. Ингур до Сухума абхазские повстанцы устроили множество завалов. Ещё при переправе через р. Ингур абхазские повстанцы вступили в бой, но силы были неравны. Далее войскам Горчакова, приходилось преодолевать завалы за завалами и жесточайшее сопротивление абхазов. Войска наносили поражение плохо вооруженным бойцам сопротивления, но и сами теряли много солдат и офицеров убитыми и раненными. Доходя до р. Кодор с большими потерями в живой силе, движение войск Горчакова в сторону Сухума было остановлено Асланбеем Чачба, который перебросил сюда большое количество повстанцев из Цебельды, Садзена и Убыхии. Войска Горчакова оказались в затруднительном положении. Однако выход был найден. Генерал обратился к владетелю Мегрелии Дадиани, который в срочном порядке направил вооруженные отряды на помощь российским войскам. Объединенным отрядам Горчакова и Дадиани удалось преодолеть переправу на р. Кодор и войска с боем дошли до Дранды. В связи с тем, что на пути в сторону Сухума были образованы препятствия, особенно на реках Мачара и Келасур, войска Горчакова были вынуждены двигаться по берегу моря по глубокому песку. Однако учитывая возможные военные маневры войск, повстанцы заранее преградили завалами путь и по морскому берегу. С большими потерями удавалось продвигаться войскам Горчакова, но скоро их передвижение вовсе было остановлено. Настало время, когда абхазские отряды могли бы полностью уничтожить отряд Горчакова, либо отбросить их назад. Однако неожиданно на помощь российским войскам с моря пришли бриг «Орфей» и фрегат «Светлана», крейсировавшие у Черноморского побережья Абхазии. Приблизившись к берегу, они

[1] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми. 1882. С. 56.

открыли огонь по завалам, где сражалось большое количество повстанцев. Оставив завалы, повстанцы были вынуждены подняться на опушки лесов и занять выгодные позиции для поражения продвигающейся военной колонны противника. Повстанцы в первую очередь стали стрелять по артиллерийским и вьючным лошадям. Отряд был вынужден остановиться, ибо убито было более 600 лошадей, и нечем было везти ни провиант, ни снаряды, ни орудия. Тем не менее, отряд получил приказ и, потеряв более 100 человек, все же добрался до Сухума[1].

Прибыв в Сухум с большими потерями в живой силе и технике, ген. Горчаков решил изучить ситуацию для дальнейшего продвижения войск в сторону с. Лыхны, чтобы оставшаяся часть личного состава войск не была истреблена по узкой дороге по берегу моря. С этой целью он на бриге «Орфей» 16 июля провел береговой осмотр до Пицунды, в результате чего в с. Псырцха были обнаружены завалы для встречи с «неприятелем». Проанализировав ситуацию, Горчаков 20 июля 1824 г. основные силы в количестве до 800 человек, с одним полевым орудием на фрегате «Спешный» и на бригах «Орфей», «Меркурий» и «Ганимед» десантировался в районе Бамборы. Высадка данного десанта была осуществлена при помощи артиллерийского огня из российских судов. А для отвода глаз противника, одновременно была имитирована отправка по суше из Сухума отряда в количестве 400 человек. На самом деле, этот же отряд 23 июля на тех же судах был переброшен в Бамбору. Объединив воинский отряд, генерал Горчаков направился в Лыхны для спасения владетеля, осажденного в крепости многотысячными повстанцами из абхазов, убыхов и адыгов. Для отвлечения внимания противника, генерал приказал кораблям «Спешный», «Орфей» и «Ганимед» следовать в сторону Пицунды и производить там ложную высадку десанта. Маневр удался, Асланбей был вынужден снять часть отряда окружавший Лыхненскую крепость и отправить в Пицунду. Хотя продвижение

[1] **Потто В. А.** Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис. 1903. Т.II, с. 725 – 727.

российского отряда от Бамборы в сторону Лыхны было весьма затруднено из-за оказания ожесточённого сопротивления со стороны повстанцев. Расстояние, составляющее всего до 5 верст, отряду пришлось пробивать целые сутки. Горчаком, добравшись с большими потерями в живой силе, дошел до Лыхненской поляны, и, разъединив основную группу повстанцев, заставил их рассеяться. В бою был ранен Асланбей и был вынужден скрыться. Владетельский дворец был захвачен. В Лыхны был оставлен Сухумский гарнизон. Восстание было жестоко подавлено карательной экспедицией М. Д. Горчакова.

Временами народные волнения продолжались и в последующие годы. Настолько было опасно жить молодому владетелю Михаилу в Абхазии, что он был вынужден переехать в Редут-Кале в Мегрелии, или же рискуя своей жизнью, отсиживаться то в Сухуме, то в Лыхны. Эти два населенных пункта Абхазии, по-прежнему оставались теми географическими объектами, которые с переменным успехом принадлежали российской военной власти. Однако абхазские ополченцы систематически устраивали нападения на российские подразделения, дислоцировавшие здесь. Например, в 1826 г. абхазы напали на небольшой казачий отряд, вышедший из Сухума в лес за дровами. Было убито 5 казаков, а 17 ранено[1]. В этом же году восстали самурзаканцы, для «успокоения» которых ген. А. Ермолову пришлось отправить туда карательный отряд из 300 человек с одним орудием[2]. Хотя и это мероприятие ненадолго «успокоило» абхазов самурзакана.

Вместе с тем, по официальной информации, в 1827 г. в Абхазии устанавливается некоторое затишье. Освободительное движение частично спало. Сменивший в 1827 г. ген. А. П. Ермолова, новый управляющий Кавказом граф И. В. Паскевич, довольный этим обстоятельством, торжественно заявил: «Абхазия свернула, наконец, знамя бунта и в чистосердечном раскаянии в своем безумии, дорого стоившим ей от междоусобного кро-

[1] **Дзидзария Г. А.** Завоевание Абхазии царской Россией. С. 43.
[2] **Там же.** С. 44

Асланбей Чачба в 1824 году. Худ. Б. Р. Джопуа.

вопролития, изъявила желание покориться власти священного августейшего монарха»[1]. В этом же году было официально сообщено, что российскому правительству «добровольно» подчинились правители Цебельды князья Маршан. На самом деле, это сведение не соответствовало реальной ситуации. Из этой влиятельной фамилии только один по имени Саралоп, признал российское подданство, остальные же и не думали подчиняться российской власти и её ставленнику Михаилу Чачба. Более того, цебельдинцы были настроены весьма агрессивно к российским военным властям. Эти отношения особенно обострились после кровопролитных сражений с отрядом ген. Горчакова, который, кстати, весьма обозленный отчаянным сопротивлением цебельдинцев во время событий 1824 года, «разрешил всем абхазским князьям делать на них нападения, отбивать скот и вообще действовать против них оружием»[2]. Но цебельдинцы сохранив свои силы и дух свободы, были готовы в любой момент выступить против царской власти, о чем красноречиво свидетельствуют последующие события.

В целом, процессы, происходившие в том же 1827 г. в разных частях Абхазии, показали, что в стране не было «спокойствия», как об этом сообщали российские власти на Кавказе. Например, вернувшийся в том же году Михаил Чачба из Мегрелии в «успокоившуюся» Абхазию, в с. Лыхны подвергся нападению со стороны местных жителей, и он спасся только лишь благодаря мужеству российских солдат, которые, с большими потерями для себя, отбили это нападение. Владетель был вынужден в очередной раз покинуть Абхазию. Данное событие ещё раз убедило российские власти, что необходимо заботиться о поднятии авторитета Михаила перед абхазским народом. Для этой цели он был отправлен в Тифлис, где получил соответствующее политическое и общее образование. Власти считали, что именно таким путём можно было из него сформировать верного офицера и чиновника, для успешного проведения колониальной политики в Абхазии.

[1] **Кудрявцев К.** Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. 1922. С. 127.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 44.

2 сентября 1829 г. Россия заключила Адрианопольский мирный договор с Турцией, на основании которого император России получил права от султана на владение устьем Дуная и Кавказским побережьем Черного моря. IV статья данного договора гласила: «Все страны, расположенные к Северу и Востоку от пограничной линии между обеими Империями (Россией и Турцией) по направлению к Грузии, Имеретии и Гурии, далее все побережье Черного моря от устья Кубани до гавани св. Николая включительно должны оставаться под русским владычеством»[1].

Этот документ, подписанный российскими военными и дипломатами после Русско-Турецкой войны (1828 – 1829 гг.), временно отстранял султанскую Турцию от кавказских дел, и давал возможность царизму быстро осуществить план по покорению всего кавказского региона. В октябре 1829 г. Главнокомандующий на Кавказе граф. И. Паскевич представил план Императору, который был поспешно утвержден. По этому плану в июле 1830 г. намечалась карательная экспедиция в Абхазии. По этому поводу граф И. Паскевич писал ген.-лейтенанту Панкратьеву: «Хотя сия часть земли более тридцати лет считалась под влиянием нашего правительства, но мы не имели средств удержать оную в повиновении… Итак, абхазцы нисколько не уважали сию мнимую зависимость от России и, не переставая во все времена враждовать против нас, грабили подданных наших и нередко даже крепость Сухум-Кале была угрожаема их совокупными нападениями. По сим причинам опасное соседство их потребовало, наконец, более прочного покорения»[2].

Однако до осуществления намеченного плана ген. Паскевича, прибрежные абхазо-адыгские народы предприняли упреждающие меры, чтобы опередить царизм и первым осуществить удар. С этой целью, были восстановлены связи с турецкими торговцами, которые часто снабжали население во-

[1] **Там же.**

[2] Кавказский сборник. Т. XIII. С. 123.

оружением, боеприпасами и провиантом. В ответ российский император дал указание Черноморскому флоту, крейсировавшему у берегов земли абхазов, убыхов и адыгов, осмотреть все суда, пристающие к берегам между Редут-Кале и Анапой и брать в плен тех из них на которых найдутся военные снаряжения, как военную добычу и также поступить с теми судами, которые не дадут себя осматривать. Выполнение на практике комендантом Сухума указания царя по наблюдению за всеми абхазами, кто общается с турками, вызвало возмущение среди местного населения.

На этом непростом политическом фоне, в мае 1830 года, в с. Лыхны собралось до 3-х тысяч вооруженных людей. Во главе восставших был дядя Михаила Чачба Таир-бей – сын Келешбея. На помощь пригласили цебельдинцев. Однако время было затянуто и до столкновения с российским гарнизоном, дислоцированным в селе, в начале июля 1830 г. была организована высадка «Абхазской экспедиции» из Редут-Кале в Сухум-Кале, которая изменила ход грядущих событий. Экспедицию возглавлял ген. Гессе, сменивший ген. Горчакова на посту командира российскими войсками в Имерети. Для содействия сухопутным подразделениям десанта, была выделена морская эскадра в составе четырех военных судов, пяти транспортных и десяти купеческих. Данная эскадра прибыла в Сухум 2 июля 1830 г.

В составе экспедиции входил «заочный» владетель Абхазии Михаил Чачба, фактически находившийся в Тифлисе, Кутаиси или Зугдиди. Главной целью «Абхазской экспедиции» (2 тыс. штыков и сабель) было «полное усмирение» абхазов, возведение прибрежных укреплений в Бамборах, Пицунде и Гаграх с дальнейшей прокладкой сухопутной дороги между Поти и Анапой.

Прибывшему командиру российского десанта Михаил Чачба сообщил, что восставшим бзыбцам, во главе Федоруко Инал-ипа и Хитом Лакырба, на помощь направились вооруженные джиги, айбговцы, ахчипсувцы и псхувцы. Ситуация настолько обострилась, что граф Паскевич дал указание Гессу, для

разрядки ситуации подключить Гасанбея Чачба, вернувшегося из сибирской ссылки и по-прежнему пользовавшего в народе большим авторитетом. Такой дипломатический ход принёс желаемый результат – было предотвращено крупное столкновение между десантом и восставшим абхазским населением. В этой непростой ситуации свою роль сыграло и военное искусство самого ген. Гессе, который немедленно отправил в Гагру два десанта – морской и сухопутный, чтобы, заняв Гагру и Гагрский проход, перекрыть дорогу горцам северо-западного побережья Кавказа, идущим на встречу десанта в этом весьма важном стратегическом регионе. Горцы опоздали, а 8 июля морской десант в количестве 650 человек, высадился на берег Гагры. Туда и прибыл ген. Гессе, который прошёл через Лыхны и Пицунду. Генерал приказал полковнику Пацовскому, до прихода повстанцев, в срочном порядке занять древнюю церковь и позицию на берегу р. Жоэквара. Скоро из ближайших сёл и регионов прибыли отряды садзов, а также убыхов, шапсугов и представителей других общин абхазо-адыгских народов, которые открыли огонь по позициям десанта. Несколько дней и ночей продолжались сражения, в результате чего обе стороны понесли большие потери. Тем не менее, фактически, под непрекращающимся огнём горцев, российским войскам удалось на левом берегу р. Жоэквара, на месте развалин древних крепостных стен, башен и церкви, построить укрепление. Новое укрепление было рассчитано на то, чтобы отрезать Большую Абхазию от абхазских общин Малой Абхазии, а также убыхов и многочисленных общин адыгов, ревностно реагировавших на военно-политические события в Абхазском княжестве и были готовы общими усилиями отстоять свободу и независимость.

В том же 1830 г. кроме Гагрского укрепления, были построены укрепления в Пицунде и Бамборе[1]. Полковник Пацовский, которому было поручено строительство новых крепостей на побережьи Абхазии, в Пицунде обновил стены древнего мо-

[1] **Дьячков-Тарасов А. Н.** Абхазия и Сухум в XIX столетии // ИКОИРГО. – Тифлис. 1910. Кн. XX. Вып. II. См.: Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – XX вв.). Кн.II. Составители: **Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А**. – Сухум. 2008. С. 643.

настыря. Для двух рот были построены казармы. Более объемистую работу пришлось проводить отряду Пацовского в Бамборах. Здесь в срочном порядке на р. Пшандра был разбит лагерь для 10 рот 44-го егерского полка с 8 орудиями и командой казаков. Также на скорую руку были разбиты редуты, так как абхазы постоянно следили за русскими и искали удобного случая для нанесения удара. Штаб 44-го егерского полка был расквартирован на берегу моря при устье р. Мчышта. Сам полковник Пацовский устроился непосредственно в с. Бамбора, где было построено укрепление с казармами, офицерскими домами и редуты. В целом, мощное Бамборское укрепление было рассчитано для создания гарнизона, который должен был держать в повиновении всю Бзыбскую Абхазию и в случае необходимости оказать военную помощь владетелю Абхазии.

Для поддержания войск, дислоцированных в укреплениях, в Сухуме, Бамборе, Пицунде и Гаграх были оставлены по одному военному судну, а для налаживания связей между Сухумом и Гагрой были учреждены посты в Сухуме, Псырдзха, при р. Мчышта, Пицунде и на левом берегу р. Бзыбь.

Столь значительный успех в деле усиления российского военного присутствия в Абхазии в 1830 году, по признанию самого главнокомандующего на Кавказе ген. Паскевича, был достигнут с помощью того же Гасанбея Чачба.

Нет сомнения, что возведение новых укреплений, наряду с Сухумской крепостью и владетельского дворца в Лыхны, создало благоприятные условия царским войскам, чтобы предпринимать дальнейшие шаги на пути покорения Абхазии и всего Северо-Западного Причерноморья Кавказа. Хотя этот путь, по-прежнему, оставался весьма длинным и тернистым. Например, построение Гагрского укрепления вовсе не означало контроля над Гагрским проходом (теснина между Гагрой и Цандрыпшом), названного ген. И. В. Паскевичем «Кавказскими Фермопилами». Ибо сопротивление горцев и в этом регионе, да и везде, где вступала нога российского солдата, усиливалась. Например, в августе того же 1830 г. был совершен штурм

только что возведенного российского форта в Гагре садзскими и убыхскими отрядами под командованием прославленного убыхского предводителя Хаджи Берзека Дагомуко, воспитателя нового владетеля Абхазии М. Чачба, но российское укрепление выдержало натиск горцев[1].

Учитывая значение Гагрской теснины в борьбе за свободу страны от российского владычества, горцы держали под постоянным напряжением Гагрский гарнизон, который страдал не только от нападения партизан, но и от лихорадки, свирепствовавшей тогда по всему побережью Черного моря и уносившей жизни тысяч военнослужащих. Писатель и декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, служивший в тех краях и называвший горцев «достойными детьми Кавказа»[2], о страшной участи Гагрского гарнизона писал: «Есть на берегу моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. В этом ущелье построена крепостишка, которую враги бьют со всех сторон в окошки; где лихорадки свирепствуют до того, что 1,5 комплекта в году умирают из гарнизона, а остальные иначе не выходят оттуда как со смертоносными болезнями»[3].

В сентябре 1831 г. сменивший графа И. В. Паскевича барон Г. В. Розен построил укрепления Черноморское, Геленджикское, Абинское и др. Эти действия дали возможность российским войскам закрепиться на прибрежных территориях северо-западнее от Абхазского княжества[4]. Видимо, образование новых укреплений, стало серьезным препятствием для трёхтысячного отряда горцев вступивших «овладеть Гаграми» в июне 1835 года, о чём барон Г. В. Розен доносил в Петербург[5].

Общеизвестно, что кроме военной силы, российские власти стремились путём заключения международных актов

[1] История Абхазии. Учебное пособие. – Сухум. «Алашара». 1991. С. 171.

[2] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 74.

[3] **Дзидзария Г. А.** Завоевание Абхазии царской Россией. С. 58.

[4] **Муханов В. М.** Кавказская война: от крови к мирному соседству // **Волховский М. А., Муханов В. М.** Россия на Кавказе. Пять веков истории. Научно-публицистические очерки. – М. Объединенная редакция МВД России. 2009. С.53.

[5] Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи. Сборник документов. – Нальчик. 2001. С. 25 – 30.

закрепить за собой завоеванные или «добровольно» присоединённые регионы Кавказа. Например, по Бухарестскому мирному договору, заключенному между Россией и Турцией 16 мая 1812 года, Россия, кроме нескольких крупных регионов на Балканах, закрепила за собой побережье Абхазии и Мегрелии, чем надёжно обеспечивалось присоединение к России Имерети и Гурии, и укреплялась безопасность Крыма. По Гюлистанскому миру от 12 октября 1813 года между Россией и Ираном, к России отходили Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское ханства. Иран отказался от своих притязаний на Картли и Кахети и признал присоединение к России Гурии, Имерети, Мегрелии и Абхазии[1]. Позже, Аккерманская конвенция между Россией и Турцией 25 сентября 1826 г., констатировала признание Турцией присоединения Абхазии к России. Ещё большего международно-правового успеха имели для России упомянутые выше результаты Адрианопольского мирного договора 1829 г. Тогда была признана за Россией Черноморское побережье Кавказа от устья р. Кубань до форта Святого Николая (Шекветили), ставшей хорошим подспорьем для проведения «Абхазской экспедиции». Кроме того, поУнкяр-Искелесскому мирному договору между Россией и Турцией от 8 июля 1833 г. Турция подтвердила итоги Адрианопольского мирного договора о присоединении Черноморского побережья Кавказа к России.

Однако проблема заключалась в том, что абхазо-адыгские народы не признавали ни власти России, ни Турции, ни итогов вышеназванных и других мирных договоров, заключенных между империями. Они для них оставались на бумаге, не имеющими ни юридической, ни фактической силы. Как писал Ф. Ф. Торнау, по поводу распространения юрисдикции России на территории, лежавшей между Кубанью и берегом Черного моря, на основании Адрианопольского мирного договора, адыгские «вольные» общества заявили: «Мы и наши предки

[1] **Муханов В. М.** Указ.соч.С. 28.

были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому, что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить»[1]. Поэтому основным средством для царизма в деле «усмирения» всего Кавказа, по-прежнему оставалось строительство военных укреплений и проведение военных карательных экспедиций.

Естественно, усиление военного присутствия России на Черноморском побережье Кавказа, вызывало дальнейшую активизацию абхазо-адыгского сопротивления. Немалая часть населения страны, не смирившаяся с колониальной политикой царизма, направленной на полное подчинение страны, продолжала борьбу за свободу и независимость. Борьба носила бескомпромиссный характер. Войсками России каждое такое выступление народа жестоко каралось.

После покорения российскими военными в 1828 г. Карачая и относительного усиления позиций на побережье Абхазии, российские власти пытались проникать вглубь горных регионов Абхазии, чтобы оттуда наносить удары горцам Северного Кавказа. Их внимание, в первую очередь, привлекали независимые общества Цабал и Дал в стратегически важнейшем Кодорском ущелье. Первая военная экспедиция в Цебельду в 1835 г. разорила много населенных пунктов. Однако, как писал А. Н. Дьячков-Тарасов, «цебельдинцы не угомонились…»[2]. К этому последовало антиколониальное восстание в 1835 – 1836 гг. цабалцев под предводительством Исмаила Джапуа. В 1837 г. была организована вторая военная экспедиция в Цебельду (8 тыс. штыков) под командованием самого Главнокомандующего на Кавказе барона Г. В. Розена. Огнём артиллерии были уничтожены целые сёла[3]. По словам профессора А. В. Фадеева, восстания горцев здесь и в других регионах Кавказа «подавлялись со зверской жестокостью. Истреблялись тысячи людей,

[1] Секретная миссия в Черкесии русского разведчика барона **Ф. Ф. Торнау**. Нальчик. 1993. С.180.

[2] Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – XX вв.). Кн.II. С. 651.

[3] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 69.

включая детей и женщин, сжигались целые селения, сотни гектаров цветущих полей и садов обращались в пустыню… исторические документы – донесения и доклады царских генералов об этих карательных экспедициях пестреют выражениями: «уничтожено два аула…», «мятежники истреблены…», «сжег и не оставил камня на камне от сего разбойничьего гнезда…»[1].

В том же 1837 году, после похода на Цебельду, барон Г. В. Розен 3 июня из Сухума отправил десант на побережье Садзской Абхазии в районе у устья р. Мзымта. Военная эскадра в составе 17 военных и купеческих судов и других видов плавсредств 6 июня достигла мыса Адлер. Местное садзское население, при активной поддержке убыхов и адыгов практически до 14 июня оказали упорнейшее сопротивление российскому десанту, которым непосредственно командовал барон Г. В. Розен. Много людей было убито и ранено с обеих сторон. И всё же, под натиском хорошо вооруженных российских регулярных войск, героическое сопротивление горцев, постоянно проявившие солидарность друг с другом в борьбе с экспансией царизма, было сломлено. Они были вынуждены временно уступить инициативу десанту, которому с большим трудом, под шквальным огнём, в устье р. Мзымта удалось заложить укрепление Св. Духа. К местному населению для налаживания с ними отношений, барон Розен передал письменное уведомление. Через месяц после этого с ответом вернулся убых Гассан Барсег, который передал военным властям письменную информацию, написанную на турецком языке, о том, что местное население не желает подчиниться императору России[2].

Сменивший осенью 1837 г. Г. В. Розена на должность Главнокомандующего на Кавказе ген. Е. А. Головин, продолжил строительство укреплений, соединяющих воедино Черноморскую береговую линию от устья р. Кубань до Мегрелии, что и произошло к концу 1839 г. Были построены укрепления: Новотроицкое, Михайловское, Навагинское, Тегинское, Новороссий-

[1] **Фадеев А. В.** Указ. соч. 1932. С. 15.

[2] **Кудрявцев К.** Материалы по истории Абхазии. С. 177.

Сухум-Кале. file:///F:/5.%20СУХУМ-КАЛЕ.%20ДЮБУА%20деі_069.jpg

Гагрская крепость. Худ. Н. Г. Чернецов. 1836 г. file:///F:/6.%20Гагрская%20крепость.%2029652.jpg

ское, Головинское, Лазаревское[1]. Это привело к дальнейшему усилению военного присутствия царизма на всем пространстве Черноморского побережья Кавказа. Впоследствии, Абхазское княжество в военно-административном отношении было подчинено в начале II, а затем III Отделению Управления Черноморской береговой линии, куда вошли укрепления Навагинское (ныне Сочи), Головинское у устья р. Субаш, Св. Духа, Гагра, Бзыбское, Пицундское, Бамборское, крепость Сухум, форт Мрамба (в Цебельде), посты Дранда, Кутол, Илор и др.[2]. Для расширения своего влияния в Абхазии, царскими властями в 1837 г. было образовано Цебельдинское приставство во главе с царским офицером.

Январь – март 1840 г. были отмечены восстанием среди убыхов и шапсугов. Оно перекинулось в горные общества Абхазии. В 1840 г. были созданы приставства Псху и Джигетии, а в 1843 г. и Самурзакан был преобразован в приставство. Однако организация приставств, хоть и нередко во главе этих военно-административных единиц назначались этнические абхазы из княжеских и дворянских фамилий, не вызывало особого энтузиазма среди местного населения, которое эти новшества рассматривало как конкретные шаги на пути покорения и колонизации Абхазии.

С 1840 г. по всей Черноморской линии начало постоянное крейсирование судов Черноморского флота. Кроме того, имея поддержку со стороны военных подразделений, дислоцированных в прибрежных укреплениях, морские суда, путём высадки десантов, перешли на фронтальное наступление против жителей приморья, с постепенным вытеснением их в горные трущобы или же в Османскую империю. Чем глубже в страну вступала нога российского солдата, тем ожесточённее становилось сопротивление горцев. Вся история с 30-х и особенно 40-х годов XIX в., заполнена страшными фактами, оставленными карательными экспедициями царских войск. На эти ка-

[1] **Муханов В. М.** Указ.соч.С. 57.

[2] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 63.

рательные экспедиции абхазо-адыгские общества отвечали протестом, имевшим две формы: пассивную и активную. Первая выражалась в эмиграции в Турции, вторая – в восстаниях и вооруженных нападениях. Систематически непокорные российским властям регионы Абхазии выставляли партизанские группы, которые наносили большой ущерб военным отрядам России, что со своей стороны становилось дополнительным поводом для проведения новых карательных операций.

По сообщению ген. Головина на имя графа Чернышева от 20 июня 1840 года, в ночь на 9 июня 1840 г. цебельдинцы и далцы совершили нападение на дом российского пристава, подпоручика Черноморского линейного 5-го батальона Лисовского, расположенного в Мрамбе. Пристав был ранен, были убиты 1 казак и 3 русских поселянина, в плен взяты 5 человек. После этого, были сожжены дома пристава и поселян и уничтожены все имущество на сумму 2896-ти руб. серебром[1]. 15 июня многочисленный отряд, куда, кроме российских регулярных войск, входили и абхазские милиционеры, во главе с владетелем Михаилом Чачба, направился в сторону Цабала и Дала. Ген. Головин в Дал из Сванетии направил 600 человек имеретинской и мегрельской милиции. Участие Михаила Чачба в карательных экспедициях против абхазских общин постепенно становиться обычным явлением, направленных на сохранение своего поста. Цебельдинцы приняли главный удар, но силы явно не были равны и они в очередной раз «присягнули» на верность царю. Также были обречены на поражение далцы, которым были нанесены неожиданные удары, как со стороны внутренних регионов Абхазии, так и из Сванетии.

Цабал и Дал были вновь «усмирены», но ненадолго. В конце сентября 1840 г. 7 тыс. убыхов и других горцев, во главе с Хаджи-Берзеком Дагомуко двинулись из Сочи в сторону центральной Абхазии. Эти действия знаменитого предводителя убыхов были скоординированы с цабалцами и далцами, кото-

[1] Рапорт **Е. А. Головина А. И. Чернышеву** от 20.VI. 1840. АКАК, т. IX. Тифлис. 1884. С. 490 – 491.

рые со своей стороны планировали нападения на ту же центральную часть Абхазии, т.е. Гумскую Абхазию, чтобы нанести сокрушительный удар главным силам российских войск в Абхазии. Но начальник 3-го отделения береговой линии полковник Н. Н. Муравьев (Амурский), разгадав намерения горцев, перебросив часть войск из Мрамбы, усилил гарнизоны в Сухуме и Бамборах и, объединив в единый кулак значительной военной силы, решил принять бой с горцами, двигавшимся из северо-запада на р. Бзыбь. Эти приготовления российского командования лишили Хаджи Берзека шансов на успех, и его отряд был вынужден от р. Цандрипш вернуться назад. А для оказания сопротивления ополченцев из Цабала и Дала, наряду с регулярными войсками, расположенными в Абхазии, были задействованы воинские части из Редут-Кале. Кроме того, были собраны крупные группы абхазских милиционеров во главе с владетелем М. Чачба, а также мегрелов, имеретин и др. Например, только в Самурзаканском регионе были собраны около 1000 милиционеров.

С удалением убыхов, Цабал и Дал «успокоились». Однако очень скоро, цабалцы вновь восстали и вместе с далцами участили убийства царских чиновников, офицеров и их сторонников. Для успокоения горцев Кодорского ущелья, ген. Е. А. Головин 24 декабря 1840 г. отправил из Сухума крупный отряд под командованием полковника Н. Н. Муравьева. В Цабале к ним присоединились сухумская, самурзаканская и цабалская милиция. 25 декабря войска прибыли в форт Мрамба, затем заняли с. Амзара и с тремя колонами двинулись в сторону Багадских теснин. Горцы, отстаивая каждую пядь земли, были вынуждены отступать. С обеих сторон были убитые и раненные. 31 декабря отряд ворвался в селах Дала – Варда и Дал, которые были сожжены. Продвижение отряда Н. Муравьева в глубь ущелья «сопровождался истреблением всех жителей и имуществ» – говорится в документе[1]. К

[1] Рапорт **Н. Н. Муравьева** от 1 января 1841 г. Е. А. Головину // ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 37 – 42. По кн. **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 70.

Высадка российского десанта на Абхазский берег. 1839 г. Худ. И. К. Айвазовский. file:///F:/7.%20Десант%201839%20г.%2018486210_1812067902444251_9155544069984153713_n.jpg

полковнику Н. Муравьеву явились 50 далских старшин, которые изъявили желание присягнуть императору. Однако он не удовлетворился этим фактом и приказал освободить все населённые пункты Дала от местных жителей, чтобы раз и навсегда «уничтожить это разбойничье гнездо». Н. Н. Муравьев в рапорте от 7 января 1841 г. на имя Е. А Головина подчеркивал, что территория от с. Амзара до верховьев р. Кодор, на протяжении около 60 верст, где проживало 500 семейств (около 6000 чел.), он решил «оставить совершенно пустым»[1]. «Последняя мера, – считал полковник Н. Муравьев, – была совершенно необходима для того, чтобы здесь не оставалось и крова для людей беспокойных, которые бы хотели опять сюда бежать»[2]. Так и случилось, далцы были вынуждены покинуть свои родные ущелья и переселиться в Цабал или же скрываться в дремучих и холодных лесах, а их жилища и запас продовольствия были «преданы огню»[3]. Уже 23 января 1841 г. ген. Е. Головин с радостью рапортовал графу Чернышеву, что Дал «был опустошен и лишен своего населения»[4]. А полковник Н. Муравьев признавал, что эти репрессивные меры были самые решительные и едва ли имели аналога на Кавказе[5]. Но он ещё не успел спуститься из Далской карательной экспедиции, как далцы, укрывавшие в лесах, обошли отряд Н. Муравьева и спустились к Багадской теснине, где передвигались в сторону Цебельды основные силы экспедиции. Неожиданное появление в роде бы побежденного противника вызвало панику среди солдат бравого командира. Н. Муравьёв был психически расстроен и временно отстранен от командования отрядом, который начал панически отступать по другой дороге. Бросив всю свою «добычу», отряд по

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 43 – 44. По кн. **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 70.

[2] **Там же.**

[3] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 69; **Цвижба Л. И.** Тревожные времена земли абхазской // Газ. «Абхазский университет», 7 декабря 1990 г

[4] АКАК, т. IX, с. 496 – 497.

[5] **Дзидзария Г. А.** Указ соч. С. 70

горной тропе с трудом пробился к назначенному селу Наа, откуда вернулся в Сухум[1].

Несмотря на такое неожиданное завершение этой жесточайшей экспедиции в Дале, командиру этого похода Н. Н. Муравьеву было присвоено звание генерала.

В феврале 1841 г. в ответ на карательную экспедицию Н. Н. Муравьева в Дал и Цабал, убыхский отряд в составе 1000 человек во главе с Керантухом Берзеком совершил налёт на с. Отхара, принадлежавшее владетелю Абхазии М. Чачба, за его участие в борьбе с горцами на стороне царских войск. Однако нападение на село было отбито российскими войсками.

В связи с частым проникновением родственных горских отрядов из северо-западных регионов, в 1841 г. ген. Н. Н. Муравьёв построил в ущелье Жоадзех (Жоэквара) башню, которая, по его мнению, должна была преграждать путь к садзам, убыхам, шапсугам и др., пожелавшим, в обход Гагрского укрепления, перебраться вглубь Абхазского княжества.

В 1841 – 1842 гг. в Дале, куда за этот период вновь вернулось местное население, а также в крупных сёлах Абхазии Цебельде, Псху, Гуме, в селах Абжуйской Абхазии – Джгерда и Члоу, вновь вспыхнули антиколониальные выступления[2]. В частности, в конце 1841 г. в Цабале и Дале возникли новые очаги народного сопротивления. Выбранные и обласканные российскими властями своих сторонников из фамилии Маршан, не выполняли возложенные на них обязанности об «усмирении» населения. Более того, конные отряды далцев не раз спускались с гор и совершали набеги на российские береговые укрепления. Туда снова были направлены карательные войска под командованием того же генерала Н. Муравьева. Однако уроки зимнего похода в Дал, были весьма поучительны, что не позволили бравому генералу продвигаться дальше Цебельды. Не уверенный в своем успехе в Дале, он направил туда конный отряд милиционеров, который сжег несколько на-

[1] **Там же.**

[2] Подр.: Рапорт **И. Р. Анрепа А. И. Чернышеву** от 15 ноября 1841 г. АКАК, т. IX ч. I, с. 519 – 523; АКАК, т. XI. Тифлис. 1888. С. 861 – 865.

селенных пунктов и вернулся в Цебельду. Генерал Н. Н. Муравьев, арестовав в Цебельде несколько «неблагонадежных» лиц и конфисковав в качестве «контрибуции» 150 голов скота, вернулся в Сухум.

В 1843 г. была организована ещё одна карательная экспедиция в составе 3700 человек на этот раз против общества Псху (около 500 дворов), во главе с владетелем Абхазии М. Чачба. Псху, как и Дал, считался «убежищем всех беглецов из Абхазии». Владетель, окрылённый результатами экспедиции, заключавшейся в том, что псхувцы приняли «условия покорности», в письме А. И. Будбергу от 8 января 1844 года, хвастался, что он был способен «истребить Псху и не оставить камень на камне…»[1].

Это было время пика Русско-Кавказской войны, когда в результате всеобщего восстания северо-западных горских обществ Кавказа, произошёл прорыв Черноморской береговой линии – в нач. 1840 г. были захвачены и уничтожены 4 укрепления: Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское[2], а в мае – июне 1842 г. Имам Шамиль в Ичкерийской экспедиции (аул Дарго) взял полный реванш над генералом П. Х. Граббе за поражение в Ахулго (в августе 1839 г.)[3]. К концу 1843 г. российские войска полностью были вытеснены из Аварии и Нагорного Дагестана[4].

Для дальнейшего усиления военного присутствия в Абхазии и в целом на прибрежной полосе Кавказа, российские власти в 1843 г. к укреплениям Черноморской береговой линии прибавили IV Отделение – от Илора до укрепления Св. Николая (Шекветили) у устья р. Супса[5]. Для поддержания связи между приморскими укреплениями была создана специальная флотилия, которая при проведении военных операций, получала необходимую помощь от Черноморского флота.

---

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 71.

[2] **Муханов В. М**. Указ.соч.С. 60.

[3] **Там же.** С. 57, 59.

[4] **Там же.** С. 61.

[5] Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач.XX вв.). Кн. II. С.655.

В 1846 г. вновь активизировались жители Дала и Цабала. Несмотря на то, что народные восстания не имели решающего успеха, население не упускало возможности для нанесения колониальным войскам ответного удара. Например, только в 1846 г. горцы совершили 88 нападений на военные укрепления в прибрежной полосе Северо-Заподного Кавказа[1]. В разных регионах Абхазии народное волнение не утихало в 1847 и 1849 годах. В 1850 г. восстали жители сёл Абжуйской Абхазии: Гуп и Члоу. Российские власти жестоко расправились с ними.

Систематические народные восстания в Абхазии, как органической части общекавказского антиколониального сопротивления, толкали самое радикальное крыло царской власти принять решение о скорейшем завершении столь длительной войны на Кавказе. Начало 1853 г. ознаменовалось тем, что российские власти приняли решение о нанесении окончательного удара непокорным народам Кавказа. По выработанному властями России плану, примерно четвертая часть вооруженных сил Российской империи была переброшена на Кавказ. В частности, 96,5 батальонов, 7 сапёрных рот, 146 орудий, 6 эскадронов, 109 сотен и 1 батарея казаков, 35 сотен милиции и 4 сотни дагестанских всадников[2]. На Северо-Западном Кавказе войска Черноморской береговой линии, во главе вице-адмирала Л. М. Серебрякова, совместно Черноморской кордонной линии под командованием полковника Кухарского, должны были действовать против натухайцев и шапсугов и усилить укрепления Кабардинское, Навагинское, Новороссийское, Геленджикое, крепости Сухума и других прибрежных военных объектов, для проведения в дальнейшем масштабных военных операций против горцев. Однако начавшаяся вскоре Восточная или та же Крымская война (1853 – 1856 гг.), вынудила российские власти отложить эту комплексную широкомасштабную операцию по «усмирению» Кавказа.

[1] **Дзидзария Г. А.** Присоединение Абхазии к Росси и его историческое значение. С. 196.
[2] **Дзидзария Г. А.** Завоевание Абхазии царской Россией. С. 75.

Неординарные события, развернувшиеся во время Крымской войны, весьма осложнили ситуацию в Абхазии и обострили без того непростые абхазо-российские отношения. В частности, вскоре после начала войны, российское командование издало указ о выводе своих войск из Абхазии, Убыхии, Шапсугии и земли натухайцев, с уничтожением всех укреплений Черноморской береговой линии. В начале, в связи с ликвидацией Черноморской береговой линии, наместником Кавказа графом М. С. Воронцовым было дано указание, осуществить отступление Пицундского, Бамборского и Мрамбского гарнизонов в Сухум. Эти операции по указанию самого императора, осуществил владетель Абхазии, генерал М. Чачба. А Гагрское укрепление было временно оставлено, чтобы прикрыть Абхазское княжество от возможного вторжения горцев через перевал Псеашха. Такая мера была оправдана тем, чтобы дать возможность эвакуироваться гарнизонам других фортов и в целом подразделениям, дислоцированным в Абхазии. Опасения российских генералов оправдались. В марте 1854 г. в Малой Абхазии появился многочисленный отряд горцев, во главе с присланным имамом Шамилем наибом Могаметом Эмином. В составе этого соединения было несколько тысяч абхазов, убыхов и адыгов. Горцы в течение 6 месяцев штурмовали Гагрский гарнизон, но безуспешно. Личный состав гарнизона, в количестве до 600 человек был спасен кораблем «Св. Иоанн», который доставил их в Крым. Восставшие заняли почти всю Бзыбскую Абхазию, но находившиеся ещё здесь российские подразделения выбили их оттуда.

М. Чачба продолжил выполнение поручения российского правительства о выводе всех без исключения российских воинских подразделений из территории Абхазии. Вывод войск можно было осуществить только лишь по суше, ибо на Черноморском побережье господствовал флот союзников. Задача была весьма сложная и рискованная. Отступление российских войск к р. Ингур осложняли, как бездорожье и другие природные преграды, так и абхазские повстанцы, которые непрерыв-

но нападали на уходящей из Абхазии отряды. Пробивая путь боем, М. Чачба за р. Ингур присоединил гарнизоны абхазских укреплений Гурийскому отряду и тем самым блестящее выполнил поручение российских властей.

Брошенная на произвол судьбы Абхазия постепенно была оккупирована турецкими войсками. В частности, ещё в феврале 1854 г. Селим-паша занял некоторые заброшенные российскими гарнизонами прибрежные населенные пункты. В мае того же года, с помощью англо-французских сил, войсками Османской империи был оккупирован Сухум. Попытки турецких генералов склонить на свою сторону абхазское население не увенчались успехом. По словам очевидца, турки «с уверенностью полагали быть встреченными и окруженными черкесами… Но эти господа не торопились явиться приветствовать нас: многие из них остались у себя на вершинах своих суровых гор…»[1]. Абхазы, как и другие родственные горские народы, не доверяли ни туркам, ни англо-французским агентам, которые во время войны надеялись на помощь со стороны горцев Восточного побережья Кавказа против России. Реакция горцев была однозначной – воевать против всех тех, кто попытается овладеть их землей. Как писал академик А. Берже: «Идея принять горцев под покровительство всей Европы или Англии и Франции, и не допустить России завладеть Кавказом, осталась на проекте»[2]. В целом не подтверждается о согласованности боевых операций горцев Кавказа под руководством имама Шамиля с наступательными действиями турок, а также о помощи Турции и Англии Шамилю. На самом деле, эти «действия» ограничивались лишь распространением многочисленных фирманов и воззваний султана и его военачальников среди народов Кавказа, воюющих за независимость[3]. Эти конкрет-

[1] **Осман-бей.** Воспоминания 1855 г. События в Грузии и на Кавказе. // Кавказский сборник. 1877. Т. II. С. 202 – 203.

[2] **Берже А.** Выселение горцев // Русская старина. Т. XXXIII, 1882, январь. С. 174.

[3] **Ибрагимбейли Х. М.** Кавказ в Крымской войне 1853 – 1856 гг. и международные отношения. М. 1971. С. 354; **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 123 – 124.

ные факты, как и вся история Русско-Кавказской войны, свидетельствуют о том, что идея борьбы горцев Кавказа за свободу и независимость ни в коем случае не допускала возможности выбирать иноземного покорителя.

В октябре 1855 г. в Сухуме был высажен многотысячный турецкий десант во главе с Омер-пашой, развязавшим 25 октября сражение на берегу р. Ингур против российских войск. Одержав победу в Ингурской битве, турки двинулись в пределы Мегрелии, чтобы отвлечь российскую армию от осады крепости Карса. Новый наместник Кавказа Н. Н. Муравьёв (Карский), перегруппировав военные силы, нанёс противнику ряд ощутимых ударов, в результате которых турки весной 1856 г. оставили Абхазию.

Несмотря на то, что владетельный князь Абхазии М. Чачба оказал необходимую помощь властям России при эвакуации воинских подразделений из Абхазии, а также в пользу российских войск за время войны пожертвовал ежегодный таможенный доход в сумме 20 тыс. рублей, и отказался от предложения Порты стать Главнокомандующим всеми корпусами Османской империи в Азии и на Кавказе и Владетелем Восточного побережья Черного моря от Св. Николая до Анапы[1], кавказское наместничество официально обвинило его в «измене» и поставило вопрос перед императором об упразднении Абхазского княжества. Не увенчавшая успехом попытка турок склонить на свою сторону владетеля Абхазии, совпадает с изданием турецким султаном в июне 1855 г. фирмана (указа) о независимости черкесов. Речь шла о формальном протекторате Турции над «Независимой Черкесией».

На самом же деле, вся деятельность владетельных князей Абхазии в полной мере отвечала политике царизма в Абхазии и на Кавказе в целом. Поэтому неслучайно, что ещё в 1844 г. М. Чачба, за заслуги перед императорской короной – за участие в карательных экспедициях против горцев, за подчине-

[1] **Джанашия С. Н.** Георгий Шервашидзе // Шервашидзе Георгий Михайлович. Лирика, эпос, драма. – Тбилиси. 1985. С.8.

ние феодальной оппозиции получил неограниченное право – по согласованию с военным министром, всех неугодных ему людей, в основном политических противников, высылать в Россию временно или навечно. А в июне 1849 г. владетель Абхазии был удостоен высокой чести – официальной аудиенции с императором Николаем I в Петербурге. За походы в 1822, 1824, 1829, 1830, 1835, 1838 – 1841, 1843, 1844 и 1854 гг. против горцев на Восточном берегу Черного моря и за большие заслуги перед царизмом в деле покорения Абхазии, он был произведен в генерал-адъютанты, пожалован многими высшими орденами[1].

В связи с тем, что кавказские власти не могли доказать вину владетеля, в июне 1856 г. Александр II отклонил предложение наместника Кавказа Н. Н. Муравьева (Карского) об упразднении Абхазского княжества. Этому не меньшей степени способствовало печальное военно-политическое положение царизма в Абхазии. У М. Чачба появился шанс восстановить свой авторитет перед властями России. Дело в том, что с уходом российских войск из Абхазии в годы Крымской войны, были сведены на нет все достижения царской России по покорению страны. Кроме того, в глазах абхазского народа сильно пошатнулся авторитет императора России, как могущественного правителя. Однако, под влиянием негативного морально-психологического состояния, возникшего из-за бегства российских войск из Абхазии в годы Крымской войны, российские военные и политики ставили вопрос о срочном возвращении российских войсковых подразделений в Абхазию. Например, один из высших чинов отдельного Кавказского корпуса, ген. Н. И. Карлгоф по отношению возвращения российских войск в Абхазии писал: «... предполагаем ли мы прочно в ней утвердиться или имеем в виду всякий раз, когда неприятель будет угрожать нам с моря, очищать край, как это было в минувшую войну»[2]. Такие опасения были вызваны тем, что, как писал командующий

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 67.
[2] АКАК, т. XII. Тифлис. 1904. С. 925.

войсками правого крыла Кавказской линии ген. Г. И. Филипсон, «… в случае повторения несчастных событий 1854 – 1856 гг. мы опять потеряем эту область». Как увидим ниже, такую же неоправданную стратегию выбрали российские военные власти во время очередной Русско-Турецкой войны (1877 – 1878 гг.), когда ген П. П. Кравченко при появлении турецких войск с моря, оставил Абхазию на произвол судьбы и направился в сторону современной Западной Грузии.

Что касается сложной военно-политической обстановки после окончания Крымской войны, зная способность владетеля Абхазии выходить из критической ситуации, новый император России Александр II возложил на Михаила Чачба руководство по восстановлению в Абхазии статус-кво российских военных властей, которое существовало здесь до войны.

Действительно, под руководством владетеля за короткий период времени были возвращены практически все ранее дислоцированные российские воинские подразделения и восстановлены разрушенные форты прибрежной Абхазии. Однако, как и ожидалось, имидж российского присутствия в Абхазии не изменился к лучшему. А сам абхазский народ, почувствовав в течение 2-х лет силу свободы от жесткого колониального режима царизма, оказывал отчаянное сопротивление к новому возвращению царских войск в Абхазию.

Однако царские власти не собирались пассивно следить за действиями абхазских и в целом кавказских сил сопротивления. Активизацию царизма в борьбе против национально-освободительной борьбы кавказских народов и скорейшего окончания войны на Кавказе диктовали поражение в Крымской войне и тяжелые условия Парижского мира 18 марта 1856 г. В противном случае, социально и экономически отсталая, крепостническая Российская империя рисковала не только «непокоренным» Кавказом, но и «покоренными» территориями всей империи. Положение усугублялось и тем, что по Парижскому мирному договору, Черкесия (земли абхазов, убыхов и адыгов) считалась Российской территорией, и ни Турция, ни западные страны не

имели права вмешиваться в российско-черкесские дела[1]. На самом же деле, во-первых, абхазо-адыгские народы решения Парижского, как и ранее заключенных других договоров, не признавали, во-вторых, Англия, Франция и Турция фактически отрицали права владычества России на Кавказе. Как писал Ростислав Фадеев, «после отрицания Англии самого права нашего владычества на Кавказе, после бесчисленных интриг и покушений Турции, после явного пристрастия, выказанного к черкесам французским посольством в Константинополе, мы не могли рассчитывать на время»[2].

Поэтому сразу же после окончания Крымской войны, российские власти приступили не только к решительным мерам по окончательному «усмирению» горцев Северо-Восточного Кавказа, но и укреплению позиции на Кубанском направлении, чтобы за кратчайший срок завершить войну на Кавказе. В августе 1856 г. для ведения более эффективных военных действий против горцев, были учреждены 5 войсковых групп. Три группы были дислоцированы на Северо-Восточном Кавказе: одна на северном склоне – войска левого крыла, которому были подчинены Чечня (бывший левый фланг), Владикавказский округ и Кабарда (бывший центр); другая в Дагестане и в целом прикаспийском крае и третья – на Лезгинской линии, с южной стороны гор, обращенной к Грузии[3]. А против абхазо-адыгов Северо-Западного Кавказа были сформированы две группы: с северной стороны гор – войска правого крыла, с южной – войска, подчиненные кутаисскому генерал-губернатору[4]. Здесь же следует отметить, что из пяти военных группировок, две были дислоцированы на земле, заселенной картвельскими народами (грузины, мегрелы, сваны) и имели активную поддержку местного населения. Одна такая военная группа находилась в Картли и Кахети для борьбы против народов Дагестана и в целом горского населения Северо-Восточного

[1] **Муханов В. М.** Указ.соч. С. 83.
[2] **Там же.** С. 89.
[3] **Фадеев Р. А.** Кавказская война. М. Изд-во Эсмо, изд-во Алгоритм. 2005. С. 66-67.
[4] **Фадеев Р. А.** Указ.соч. С. 66 – 67.

Кавказа, другая – в Мегрелии и Имерети, направленная против абхазов, убыхов и адыгов. По словам Р. Фадеева, черкесы с одной стороны «окружены русским населением кавказской линии, с другой – грузинским населением Имерети и Мингрелии, твердо нам преданным»[1]. Для улучшения оперативного управления воинскими подразделениями, в апреле 1858 г. Указом императора, Отдельный Кавказский корпус был преобразован в Кавказскую армию во главе с главнокомандующим[2]. Российские власти, параллельно с занятием и восстановлением разрушенных во время Крымской войны Причерноморских укреплений, в первую очередь, Сухума и Гагры – на юге, «необходимых для владения Абхазии», и Анапы и Новороссийска – на севере, для вторжения войск в глубь адыгских регионов, развернули широкомасштабную работу по созданию новых крупных казачьих опорных пунктов и укрепленных линий.

Возвращение российских гарнизонов и восстановление укреплений на Черноморском побережье Кавказа, стали детонатором усиления новых восстаний горцев. Они особо ревностно отнеслись к восстановлению Гагрского укрепления, имеющее важное стратегическое значение для ведения колониальных действий против горцев Северо-Западного Кавказа. Функционирование этого укрепления вызвало новое восстание садзов и убыхов, которые в 1857 г. организовали мощное наступление на крепость. В июне того же года в боях в районе Адлера сражался 5-тысячный отряд горцев. В январе 1859 г. – восстали псхувцы. Против них выступил Главнокомандующий войсками в Абхазии, генерал М. Т. Лорис-Меликов (Меликян). В 1859 г. садзы несколько раз штурмовали Гагру. По сообщению кутаисского генерал-губернатора Г. Р. Эристова от 19 марта 1860 г. горцы «беспрестанно» появляются на высотах, прилегающих к укр. Гаграм и, как видно, следят за действиями гарнизона с намерением воспользоваться малейшей нашей

[1] **Фадеев Р. А.** Указ.соч. С. 54.

[2] **Блиев М. М.** Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. – М. Международный институт новейших государств. 2011. С. 132.

оплошностью»[1]. Командир Гагрской крепости доносил своему командованию, что в районе Сочи горцы готовят 25 боевых лодок для высадки десанта в районе между Гагрой и Пицундой[2].

К этому периоду позиция царизма в Абхазии, являющейся одной из активных арен национально-освободительной борьбы горцев Северо-Западного Кавказа, становится настолько безнадежной, что генерал М. Т. Лорис-Меликов в 1858 г. был вынужден признать: «Мы заняли Сухум в 1810 г. С того времени прошло уже полстолетия и надо сказать, что влияние наше в Абхазии нисколько не улучшилось»[3]. По этому поводу в том же году генерал Г. И. Филипсон отмечал, что «русский солдат в Абхазии не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь быть убитым или взятым в плен»[4]. По его словам, русские не владеют Абхазией, а лишь «занимают её»[5]. По определению Ф. Боденштетда, Абхазия, хотя и считается неотъемлемой частью Российского государства, но ни один русский не может показаться во внутренних районах страны без опасности для жизни[6]. Ситуация напряжённой остовалось и в других регионах горского сопротивления. «Покуда продолжалась горская война, – писал Р.А. Фадеев, – русское владычество на Кавказе было не владычеством, а только временным занятием до первой неудачи..[7]

Поражение и пленение имама Шамиля 25 августа 1859 г. радикально изменили военно-политическую ситуацию на Кавказе. Царизм немедленно стал перебрасывать крупные военные силы из Северо-Восточного Кавказа на Северо-Западный Кавказ, чтобы сломить сопротивление абхазо-адыгских народов. За короткий период времени против них, стесненных с двух сторон – с севера Кавказской линией по Кубани и с юга – Черно-

[1] АКАК, т.XII, ч.II. С. 843.
[2] АКАК, т.XI, ч.II. С. 861.
[3] **Там же.** С. 861.
[4] **Там же.** С. 777.
[5] **Там же.**
[6] **Боденштедт Ф.** По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. Автор проекта и редактор, предисловие, послесловие. – **Д. К. Чачхалия.** – М. 2002. С. 116.
[7] **Фадеев Р. А.** Указ. соч. С. 121.

морской линией вдоль морского берега, Мегрелии и Имерети, где были сосредоточены 70 батальонов, драгунская дивизия, 20 казачьих полков и 100 артиллерийских орудий[1].

Проведение самых решительных мер против автохтонов, вызвало активизацию национально-освободительного движения на Кавказе, включая Абхазию. «Вновь отложились» псхувцы, цебельдинцы и другие общины и как писал новый командующий войсками в Абхазии генерал Корганов, «обстоятельство и настроение умов в Абхазии и Цебельде представляли… глубокие замыслы противодействия нашему государству»[2]. В августе 1860 г. по сообщению газ. «Кавказ»[3], со стороны Цебельдинской крепости на Псху был направлен крупный военный отряд под командованием генерала Корганова. После 8-ми дневного похода, пробивая себе тропу по скалам, пройдя ледники гор Дзыхва и Химса, отряд 14 августа достиг верховий р. Бзыбь, а 16 августа – вершину Гуаштхва. 17 августа в ущелье Грибза произошло ожесточенное сражение. По сообщению той же газеты, войска генерала Корганова открыли с корветов «по аулам их артиллерийский огонь», в результате чего были «многие дома разрушены и нанесен вред жителям, обратившимся в бегство в горы»[4]. В бою псхувцы и их союзники потеряли до 60 человек только убитыми, а русские – 16 убитых и 52 раненных[5]. 18 августа псхувцы были вынуждены прислать в лагерь командования российского отряда депутацию в составе 100 человек, которые дали присягу и выдали аманатов[6].

На этот раз на стороне псхувцев сражались садзские и убыхские отряды. И это восстание было жестоко подавлено. В отместку за помощь, оказанную псхувцам, российские военные отряды неоднократно совершали вооруженные нападе-

[1] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 183.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.184.
[3] Газ. «Кавказ», №71, 1860 г.
[4] Газ. «Кавказ», №37, 15 мая 1860 г.
[5] Газ. «Кавказ», №71, 1860 г.
[6] **Там же.**

ния на прибрежные садзские и убыхские населенные пункты, в результате чего, многие жители этого региона были вынуждены покинуть родные сёла и укрыться в горных аулах[1].

В том же 1860 г. вновь назначенный командующими войсками в Абхазии ген. П.Н. Шатилов превзошёл в жестокости покорителя Псху, своего предшественника ген. Корганова. Он в своем письме императору с гордостью сообщал, что «занял село Латы, где предал огню огромные запасы горцев»[2].

Таким сложным и жестоким оказался для абхазского народа весь период, последовавший после событий 1810 г., названный в официальной российской и советской историографии – «добровольным вхождением» Абхазского княжества в состав Российской империи. На самом деле, по российским же письменным источникам, речь идёт о захвате крепости Сухума вооружёнными силами России, при помощи мегрельских и имеретинских войсковых формирований, свержении власти владетельного князя Абхазии Асланбея Чачба и назначении на этом посту его младшего брата Сафербея Чачба. Все эти действия происходили против политической воли абхазского народа, имеющего многовековые традиции государственности. Именно эти силовые пути решения проблемы и стали основным детонатором разразившегося на длительное время абхазо-российского военно-политического противостояния и массового изгнания абхазов из своей Родины. Правда, после силового смещения владетельного князя, государственность Абхазии в виде Абхазского княжества продолжала функционировать до окончания Русско-Кавказской войны (1864 г.), но для российских властей она носила всего лишь вынужденный, временный и формальный характер, чтобы путём правления страной владетелями-марионетами, приблизить время окончательного утверждения колониального режима.

[1] АКАК. Т. XI, ч. II. С. 861 – 862.
[2] **Дзидзария Г. А.** Завоевание Абхазии царской Россией. С. 87.

ГЛАВА III. ОКОНЧАНИЕ РУССКО-КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И ИЗГНАНИЕ ГОРЦЕВ

Из истории выселения абазин, адыгов и убыхов. Изначально царское самодержавие в борьбе против коренных народов Кавказа, наряду с грубой военной силой, особое внимание уделяло изменению этнической структуры края. Как свидетельствуют различные источники, на протяжении всего сопротивления, военные власти с разной интенсивностью, помимо физического истребления, прибегали и к принудительному выселению коренного населения, в том числе, за пределы Кавказа и созданию новых поселений, в основном из казачества, на «очищенных» от горцев местах.

До окончания Русско-Кавказской войны в истории Абхазии имели место несколько этапов исхода абхазского населения в Османскую империю, и они были связаны с конкретными событиями, которые, со свей стороны, исходили из общих интересов покорения Кавказа и присвоения чужих земель. В частности, первая такая волна непосредственно была связана с овладением Сухумской крепостью российскими и мегрело-грузинскими войсками в 1810 году, в результате чего около 5 тыс. абхазов были вынуждены выселиться в Турцию»[1]. В 20-х – 40-х гг. XIX в. переселенческие процессы происходили в результате подавления народных восстаний. Наиболее крупная волна изгнания, была связана с событиями Крымской войны 1853–1856 гг.[2]

Параллельно с выселением абхазов царские власти поощряли заселение Абхазии русскими поселенцами, в том числе отставными военнослужащими. В начале, неоднократные по-

[1] **Чичинадзе З.** Большое переселение грузин-магометан в Османскую империю. Мухаджирство – эмиграция. – Тифлис. 1915. С. 169 (на груз. яз.).

[2] **Дзидзария Г. А**.Абхазское махаджирство XIX столетия // **Дзидзария Г. А**. Труды. III. Из неопубликованного наследия. Составители: **Куправа А.Э., Дзидзария Г. Г.** – Сухум. 2006. С. 225.

пытки царского самодержавия массово заселить Абхазию и всё Черноморское побережье Кавказа колонистами, не имели особого успеха. Эту далеко идущую демографическую аннексию в полном объеме царизму предстоял осуществить позже.

В отличие от Абхазии, на Северном Кавказе, военные стратеги России ещё со II пол. XVIII в., и особенно со времён А. П. Ермолова интенсивнее прибегали к созданию «этнически чистых» казачьих поселений. В частности, по выработанной военным командованием тактике введения военных действий, войска медленно продвигаясь вглубь территории противника, закрепляли занятие пространства укрепленными линиями (в прошлом «засечными чертами»)[1]. А генерала А. Ермолова можно считать создателем на Кавказе более изощрённой системы фронтального продвижения и прочного закрепления на непокорной территории горцев. Данная тактика предусматривала рубку лесов, постройку новых укреплений, которые впоследствии объединялись в новую выдвинутую вперёд оборонительную линию[2].

По приказу ген. А. Ермолова очень скоро вырос целый ряд укреплений: Грозный (в 1818 г.), Внезапная (1819 г.), Преградный Стан, Бурная, Герзель-аул, Неотступный стан (1820 г.), редут Злобный окоп (1820 г.)[3]. 10 июня 1818 г. Ермолов лично заложил упомянутую крепость Грозная, ставшая основным форпостом российских войск на Северо-Восточном Кавказе[4].

С именем ген. Ермолова связана также постройка дорог и рубка просек для получения полного контроля над прилегающими к линии землями и предупреждения набегов горцев. Этим горцы лишились своего главного козыря – скрытости и

[1] **Тюменцев И. О.** Казачье войска и полки на Юге России XVIII – начало XIX веков // Взаимодействие народов и культур на Юге России. История и современность. Сборник статьей. – Ростов-на-Дону. 2008. С. 269.

[2] **Муханов В. М.** Кавказская война: от крови к мирному соседству // **Волховский М. А., Муханов В. М.** Россия на Кавказе. Пять веков истории. Научно-публицистические очерки. – М. Объединенная редакция МВД России. 2009. С. 31.

[3] **Там же.** С. 33.

[4] **Там же.**

внезапности. Осенью 1820 г. была прорублена просека между Сунджой и селением Гудермес в 5 верст длиной и до полутора верст шириной[1].

В 1820 г. Ермолову были переподчинены управление Черноморского казачьего войска. В октябре 1821 г. новый командующий войсками казаков Власов «разбил крупную партию черкесов на Калаусском лимане»[2].

Однако история создания сплошного и тем самым стабильно надежного для царизма населения в Абхазии, а ещё раньше на земле адыгов, непосредственно связана с процессом поголовного «очищения» территории от автохтонов. Такой момент наступил в последние годы завершения военных действии на Кавказе.

Одним из первых официальных лиц, выдвинувших отличающуюся от предыдущих планов идею о поголовном выдавливании горцев Северо-Западного Кавказа из своих насиженных мест и создании сплошного казачьего населения в целях покорения Кавказа, был начальник Главного штаба Кавказского корпуса ген. Д. А. Милютин. Он ещё в 1857 г. предложил властям переселить горцев на Дон, а позже – на Кубань, создавая там «особенные поселения в роде бы колоний», а на их земле, заселить русское население с таким расчетом, чтобы добиться «решительного перевеса его живущими там племенами азиатского происхождения»[3].

Известно, что сама идея о выселении горских народов Кавказа и заселении на их опустевших местах жителей центральных регионов Российской империи, возникла под влиянием некоторых российских деятелей предыдущего периода, в том числе представителей декабристского движения. Будучи яростными сторонниками укрепления и расширения империи за счёт завоевания Кавказа, они предлагали этнически и куль-

[1] **Там же.** С. 36.
[2] **Там же.** С. 70.
[3] Кавказская война: уроки истории и современность. – Краснодар. 1995. с. 66; **Гордин Я. А.** Зачем России нужен был Кавказ. Санкт-Петербург. 2008. С. 97.

турно растворить кавказские народы в состав русского народа. Например, в программных пунктах декабриста П. И. Пестеля, изложенных в 1824 г. в «Русской правде», сказано: «1. Решительно покорить все народы, живущие и все земли, лежащие к северу от границы, имеющей быть протянутой между Россией и Персией, а равно и Турцией; в том числе и Приморскую часть, ныне Турции принадлежащие. 2. Разделить все сии кавказские народы на два разряда, мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям и 3. Завести в Кавказские земли русские селения и сим русским переселенцам раздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область»[1].

Что касается в представленном ген. Д. Милютиным императору плане, который перекликается с планом декабриста П. Пестеля, говорилось о необходимости заселения обоих сторон Кавказского хребта вооруженным казачьим населением, с учреждением опорных пунктов и обеспеченных путей сообщения; местное же население намечалось переселить на левый берег Кубани под надзором и управлением русской администрации. Данный план был одобрен императором[2]. Этот план, естественно, был направлен против абхазо-адыгских народов. Однако тогда ещё шла война с Шамилем, и данный документ официально не был санкционирован.

После покорения Северо-Восточного Кавказа, проблема «усмирения черкесов» требовала скорейшего решения. На специальном совещании кавказского военного руководства в г. Владикавказ в августе 1860 г. при обсуждении дальней-

[1] По книге **Гордин Я. А.** Указ.соч. С. 267 – 268.

[2] О планах и практической деятельности заселения Северо-Заподного кавказа см.: По обе стороны большого Кавказа. Сборник документов **(**I половина XIX века). Автор-составитель **М. Х. Экзеков.** Т. I. Абазины и «черкесский вопрос». СПБ., питер. 2012. С. 421 – 572.

шей судьбы горцев Северо-Западного Кавказа столкнулись два взгляда – генерал-лейтенанта Г. И. Филипсона и графа Н. И. Евдокимова. Первый предлагал постепенную интеграцию горцев в общероссийское общество, а второй – вытеснение горцев из гор на открытую равнинную местность позади казачьих поселений, или поголовное их переселение в Турцию и заселение опустевших земель казаками. После долгих дебатов, как и ожидалось, план Н. Евдокимова был одобрен. Историк Р. Фадеев большим минусом плана Г. Филипсона считал «длительный временный срок (на несколько десятилетий)»[1], тогда как «в покорении Кавказа главным элементом было именно время, данное нам, может быть, в обрез, может быть, в последний раз для исполнения одной из жизненных задач русской истории»[2].

Генерал Д. А. Милютин, скоро ставший военным министром, по поводу плана выселения абхазо-адыгских народов из родных мест и заселения опустевших земель казаками, в 1861 г. писал: «Мы должны настойчиво продолжать заселение края казаками, ибо не могу отступить от своего всегдашнего убеждения, что только вытеснив туземцев из гор и заняв их места казаками, можем прочно утвердиться в крае, водворить в нём спокойствие и не опасаться потерять Кавказ при первом разрыве морскими державами»[3]. Конкретизируя свое мнение, генерал предложил на заселение земли черкесов азовскими, черкесскими и донскими казаками[4]. Поддерживая мнение о выселении горцев из своих насиженных мест, наместник на Кавказе, генерал-фельдмаршал А. И. Барятинский писал: «Единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае, признано водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать средств к жизни. Нет причин щадить те племена, которые упор-

[1] **Там же.** С. 88
[2] **Там же.** С. 89.
[3] АКАК, т. XII. Тифлис. 1904. С. 933.
[4] **Там же**. С. 763.

но остаются враждебными. Государственная необходимость требует отнятия у них земель»[1]. Массовое выселение связано именно с осуществлением новой «системы» борьбы царизма с горцами. Новое кавказское начальство, как и во время генерала А. Ермолова, который «явился на Кавказ с выработанной тактикой – «огня и меча», стремилось уменьшить численный состав горского населения. Для этого, основная часть направлялась в пределы Османской империи, оставшихся переселяли на плоскость. «Очищенные» же районы заселялись казачьими станицами. По мнению наместника на Кавказе, фельдмаршала А. И. Барятинского, основной целью этого переселения было «избавить Кавказское плоскогорье от населения… и открыть этим самым прекрасные и плодородные места для … казачьего поселения»[2].

Последнее слово для официального разрешения уже реализовываемого на практике этого поистине чудовищного плана оставалось за императором. 16 сентября 1861 г. Александр II посетил Северный Кавказ. В порту Тамань была организована его встреча с горцами.Обратившись к монарху, старейшина от имени горцев произнес следующие слова: «Прикажите государь и мы все готовы исполнять всякие ваши повеления. Мы будем строить дороги, укрепления, казармы для войск ваших и клянемся, что будем жить с ними в мире и согласии. Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды»[3].

Однако генералы А. Барятинский, Д. Милютин, Н. Евдокимов и др. военачальники, убедили императора в том, что нельзя «верить слову горцев», и новая стратегия покорения Кавказа, основанная на насильственной этнической смене населения всего Северо-Западного Кавказа, приняла официальное одобрение Александра II. Он 10 мая 1862 г. подписал «Поло-

[1] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 866, д. 72, л. 117

[2] «Русский архив». 1889, кн. II, с. 284 – 285. По **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 198.

[3] **Эсадзе С.** Покорение ЗападногоКавказа… Тифлис. 1914. С. 180.

жение о заселении предгорий Западного Кавказа русскими переселенцами»[1]. Это означало, что было принято решение о насильственном выселении военными властями России проживавших здесь черкесского (абхазо-адыгского) и тюркоязычного (ногайцев, карачаевцев, балкарцев) населения.

Как считали российские военные, от осуществления на практике этого плана, где упор делался на депортацию коренных жителей Северо-Заподного Кавказа, зависела судьба окончания войны. «Переселение непокорных горцев в Турцию, – говорил граф Н. Евдокимов, – без сомнения составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок, без большого напряжения с нашей стороны»[2]. Казачья же колонизация опустевших земель задумывалась для «скорейшего замирания региона» и закрепления за властями вновь занятых территорий. По определению Р. А. Фадеева, план царизма по «покорению» Кавказа в последние четыре года войны, заключался «в изгнании горцев из их трущоб и заселении Западного Кавказа русскими»[3]. В этой связи характерно высказывание А. Нисченкова в журнале «Всемирная иллюстрация»: «Окончание войны непосредственно было связано с выселением коренного народа… оставить их [горцев] на прежних местах, означало бы вечно воевать с ними»[4].

О необходимости избавления от горцев наместник Кавказа А. И. Барятинский императору Александру II напоминал: «Без потери времени и насколько возможно выселять в Турцию горцев, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда»[5].

---

[1] Документ на обложке значится как «Положение о заселении предгорий Западного Кавказа русскими переселенцами», а на титульном листе – «Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Санкт-Петербург. Типография Управления Иррегулярных войск. 1862.

[2] **Муханов В. М.** Указ.соч. С. 89.

[3] **Фадеев Р. А.** Кавказская война. – М.: Изд-во Алгоритм. 2005. С. 153.

[4] Журн. «Всемирная иллюстрация», 1869, №8. С. 122.

[5] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 199.

Этот план высоко оценил и официальный историк Кавказа акад. А. П. Берже, который писал: «Предложенный графом Н. И. Евдокимовым план бесповоротного окончания кавказской войны уничтожением неприятеля замечателен глубиной политической мысли и практической верностью», так как «прочное водворение русской власти на Кавказе могло распространяться только благодаря колонизации… Там, где за военным набегом следовало прочное водворение, там русское владычество оставалось навсегда. Не было примера, чтобы поселение, основанное на земле непокорных, оставлено нами»[1].

По признанию многих исследователей, едва ли добилась Россия решающих успехов в деле покорении Кавказа, если бы не был изменён установленный А. П. Ермоловым и М. С. Воронцовым «образ ведения войны», если не была бы принята система «водворения» «прочных» казачьих поселений в «покоренные» места, приведенная в исполнение (с 1860 г.) командующим войсками генералом Н. И. Евдокимовым, кстати, избранным самим императором[2]. В основу своей деятельности Н. И. Евдокимов положил принцип: «Первая филантропия своим; я считаю себя в праве, предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов»[3]. Так и получилась на практике. Ф. Торнау описавший состояние горцев на выделенных им землях, писал: «Должно, однако, заметить, что граф Евдокимов, который будучи непосредственным исполнителем официального «проекта заселения Западного Кавказа», не слишком заботился об участи горцев, выселявшихся на прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее следствие многолетней, дорого стоившей для России войны есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал, что мог, чтобы уменьшить число их степень для их удобства жизни»[4].

[1] **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера. М. 2000. С. 435.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С 179.
[3] **Муханов В. М.** Указ. соч. С.90.
[4] **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера. М. 2000. С. 435.

Естественно, что осуществление массового выселения горцев требовало соответствующего политического решения не только российских властей, но и правительства Османской империи. Данная идея отвечала интересам обеих империи. Свидетельство тому, заключение ещё в 1856 г. между царской Россией и Османской Турцией соглашение, определяющее порядок переселения «нескольких черкесских племен»[1]. Порта 25 февраля 1857 г. дополнительно принимает Закон о переселении, регламентирующий льготные условия приема и адаптации переселенцев, который вступил в силу 9 марта того же года. В частности, в документе отмечено: «Каждый, кто желал переселиться в Турцию, находился под покровительством султана. Земли, выделяемые «мухаджирам», освобождались от всяких налогов. В частности, поселенцы в район Румелии, освобождались «от земельных или личных повинностей» в течение 6 лет, а в случае поселения в Азиатской Турции – на 12 лет»[2]. Кроме того, 5 января 1860 года была создана Иммиграционная комиссия, которая должна была непосредственно заниматься вопросами переселения кавказцев[3].

Заинтересованность властей Турции в приеме переселенцев из Кавказа была вызвана необходимостью заселить их на пустые и малозаселенные земли страны, а также в военном отношении стратегически важных регионах, в том числе на границах традиционно враждебной России. Кроме того, турецкие власти надеялись на то, что кавказский переселенческий контингент мог бы стать надежным демографическим подспорьем для спасения распадающейся империи[4].

Правда, часто возникали разногласия между правительствами Порты и России по поводу количества потоков переселенцев, или же мест их поселения (Турция требовала отправлять

[1] Osmanlı Hariciye Vek. Arsivi, Idare, 687, 60852/216, 21.12. 1862 ve 177, 6513/139, 21 Aralık 1862 denaktaran Karpat Ramal. A. g. e. S. 19. Из кн.: **Бэрзэдж У. Н.** Изгнание черкесов. Причины и последствия. – Нальчик. ООО «Тетраграф». 2012. С. 161, 172.

[2] Подр. см.: **Бэрзэдж У. Н.** Указ. соч.255 – 257.

[3] **Там же.** С. 162.

[4] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 201.

переселенцев малыми партиями, Россия, со своей стороны, настаивала на том, чтобы горцев не заселяли в приграничных с Россией регионах), но они не могли повлиять на общий ход событий. В процессе наращивания переселенческих потоков, политики и дипломаты России и Турции в целом всегда находили общий язык по данной проблеме.

Как видим, выселение абхазов за пределы Кавказа предусматривалось по общечеркесскому плану депортации населения Северо-Западного Кавказа. Правда, в 1864 г. российские власти не стали массово выселять жителей регионов, входящих тогда в состав Абхазского княжества, за исключением населения номинально зависимого Псху, но этот военно-политический жест являлся всего лишь тактическим ходом. Ибо, Российские власти намеревались, после «очищения» от абхазо-адыгского населения территории Северо-Западнее от р. Бзыбь, разобраться, точнее, расправиться с властью владетеля Абхазии. И лишь после, проследив за «благонадежностью» абхазского населения «Большой Абхазии», принять окончательное решение по их дальнейшей судьбе – оставить на родине, или выселить в Османскую Турцию.

Что касается конкретно жителей «Малой Абхазии», то они изначально были обречены на безусловное выселение. Однако, волна депортации шла с севера к абхазам, проживавшим тогда от р. Бзыбь до р. Хоста, выселение предстояло после «очищения» земли от абазин, адыгов, убыхов и представителей других народов.

Как было отмечено, несмотря на то, что план выселения горцев и заселения Северо-Западного Кавказа вооруженными казаками официально был утверждён в мае 1862 г., маховик «очищения гор» запущен был гораздо раньше. Например, после вышеупомянутой встречи на лимане Тамань старейшин абадзехов с императором Александром II в сентябре 1861 года, на просьбу горцев не выжигать аулы, не пролагать дороги и не выселять за пределами родины, император заявил, что

даёт им месячный срок: или переселиться на Кубань или удалиться в Турцию[1]. Более того, конкретные шаги в этом направлении предпринимались и раньше, особенно после окончания Крымской войны. По указанию наместника Кавказа А. И. Барятинского, занявшего этот пост в июле 1856 года, продвижение войсковых подразделений и казачества вглубь территории автохтонов осуществлялось с двух противоположных сторон – с юга, со стороны моря и с севера, со стороны кавказской линии по р. Кубань. По словам акад. А. Берже, Кубанское казачье войско и линии новых поселений, должны были «стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах»[2], чтобы совершенно вытеснить их из страны[3].

«Изгнание горцев и заселение западного Кавказа русскими, – писал Р. А. Фадеев, – должно было не только увенчать покорение края, но само должно было служить одним из главных средств завоевания; ряды станиц должны были непосредственно подвигаться за войсками. Боевым полкам предстояло выбивать неприятеля из его убежищ, прокладывать дороги, строить станичные ограды и если доставало времени, даже дома для поселян; казакам-переселенцам – отстаивать за своими оградами новую русскую землю и обрабатывать поля, обагренные ещё свежею кровью. Каждый шаг вперёд должен был сопровождаться устройством новых станиц»[4].

Для осуществления на практике данного плана, в мае 1857 г. на земле абадзехов, занимавших территорию на левом берегу р. Кубань, было заложено Майкопское укрепление и российские подразделения поднялись в верховья рек Губс, Ходз и Фарс, между Лабой и Кубанью, где были основаны несколько новых казачьих станиц. В 1858 г., преодолев сильное сопротивление горцев, российские войска по ущельям Куржипса и Этоки заняли стратегически важные территории посреди

[1] **Эсадзе С.** Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Тифлис. 1914. С. 114 – 115.
[2] **Берже А. П.** Выселение горцев // «Русская старина». Т. XXXIII. 1882, февраль. С.340.
[3] **Надеждин П.** Кавказский край. Природа и люди. – Тула. 1895. С. 112 – 113.
[4] **Фадеев Р. А.** Кавказская война. – М.: Изд-во Алгоритм. 2005. С. 153.

крупных населенных пунктов абадзехов. Весной того же года, были возведены новые казачьи станицы в верховьях рек Зеленчук, Уруп и Тегень, заселенные в основном абазинами, а в конце 1858 г. была прорублена просека и открыта беспрепятственная дорога от Майкопа к Лабе[1].

В начале 1858 г. против бжедугов, занимавших тогда территорию на левом берегу р. Кубань между абадзехами и шапсугами, был двинут крупный военный отряд во главе с генералом П. Д. Бабичем. Войска прорубили просеку в лесах, прикрывавших жилища горцев, и вторглись в их земли. Отряд взял с боем и истребил 44 аула. Население осталось на снегу, посреди своих погоревших сёл без крова и пищи[2]. В результате карательной операции, в мае 1859 г. «присягнули» на верность царю представители 38 бжедугских сёл. Скоро командующий Правым крылом Кавказской линии генерал Г. И. Филипсон потребовал от всего бжедугского населения безусловную покорность, выраженную в поголовной присяге, выдаче в качестве гарантии аманатов и с условием, что все бжедуги должны переселиться к осени в определенные командованием места[3].

Летом 1857 г. в целях покорения натухайцев, проживавших тогда между устьем р. Кубань и Черным морем от Анапы до р. Пшада[4], на р. Адагум было основано укрепление Нижне-Адагумское и заложено укрепление Центральное Адагумское, где был дислоцирован Крымский пехотный полк. В конце того же года, была достроена Адагумская линия, что позволило изолировать натухайцев от других адыгских общин[5].

Поездка ген. М. Т. Лорис-Меликова в Турцию весной 1860 г. и усилия посла России в Стамбуле А. Б. Лобанова-Ростовского, дали свои результаты – Порта согласилась принять в свои

[1] **Муханов В. М.** Кавказская война: от кровы к мирному соседству… С. 86.
[2] АКАК, т. XII.ч. II. С. 1285 (отчет ген.-фельдмаршала **А. И. Барятинского** за 1857 – 1859.
[3] **Муханов В. М.** Указ. соч. С. 86.
[4] О переселении кавказских горцев в Турцию // Газ. «Русский инвалид», 1864, №206.
[5] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982. С.206.

пределы до 3 тыс. семейств горцев-переселенцев из Кавказа. Первыми стали покидать свою родину абазины и прикубанские ногайцы. Их примеру последовали кабардинцы, чеченцы, дагестанцы и др. В частности, летом 1861 г. российские власти вынудили переселиться в Турцию абазинские общины: башильбеевцев, баговцев, тамовцев, кизыльбековцев и часть шахгиреевцев, «гнездившихся» позади Урупской казачьей бригады, на истоках двух Зеленчуков, Урупа и Лабы[1] и держащих «в тревожном положении» казачьи поселения в горах[2]. Бесленеевцы попытались оказать сопротивление, но 20 июня 1861 г. их внезапно окружили и все 4-х тысячное население в начале, было выслано на правый берег Урупа[3], затем их вынудили переселиться в Турцию, за исключением 110 семейств, водворенных в нижнекубанское приставство. Абазин направили через перевал в Сухумский порт и далее в Турцию. Как правило, морской путь выселения горцев был избран властями по той причине, чтобы переселенцам не удавалось угнать с собой скот[4]. Вот как описывает ген. Р. Фадеев историю выселения из Северного Кавказа «мелких абхазских племен» в Османскую империю: «Восточный отряд, разделенный на несколько колонн, раскрыл дорогами предгорную полосу между Кубанью и Лабой, заселил её станицами, составившими новую казачью бригаду, Урупскую, и рядом военных действий принудил к покорности мелкие абхазские племена, гнездившиеся в горах позади этой бригады, на истоках двух Зеленчуков, Урупа и Лабы. Большая часть вновь покорившихся горцев, до тех пор, постоянно тревоживших с тыла Лабинскую линию, тогда же ушли в Турцию». Наши линии между Лабой и Кубанью образовали таким образом плотно замкнутый со всех сторон, безопасный внутри треугольник, из которого можно было открыть наступление, не беспокоясь больше о своем тыле»[5].

[1] **Фадеев Р. А.** Указ. соч. С.143.
[2] АКАК, т. XII. Ч.II. С. 920.
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 189.
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.189 – 190, 207.
[5] **Фадеев Р. А.** Указ.соч. С. 143.

Согласно принятому новому плану ведения войны, казачьи станицы продолжали возводиться в верховьях рек Кубань, Лаба и Ходз и в 1862 г. Несмотря на ожесточенное сопротивление горцев, казачьими поселениями были заполнены предгорья от Лабы до Белой – с одной стороны, оба ската хребта от Анапы до р. Адагума – с другой[1]. По другим данным, с весны 1861 г. до весны 1862 г. в Закубанском крае было создано 35 новых казачьих станиц с населением в 5482 семейства[2]. В результате, «все общества абхазского племени и все передовые черкесские племена, жившие на правом берегу Белой были поставлены в необходимость или исполнить, безусловно, требование наше выселиться в назначенные им места, или удалиться из края» – сказано в документе[3]. Оказавшись в тисках казачьих поселений, под воздействием ультиматума, одна часть горцев была вынуждена переселиться за Белую, а другая – в прикубанские степи, или же удалиться в Турцию.

После неоднократных «стеснений» войсками и казаками с моря и со стороны Адагумской линии, изъятия земель и их заселения десятками новых казачьих станиц, в 1860 г. натухайцы «покорились» царю. Со стороны Адагумской же линии шириной 25 верст отряды генерала П. Д. Бабича разорили земли шапсугов на северном склоне Главного хребта между реками Адагума и Псекупсе, и на южном склоне – в междуречье Шахе и Джубга[4]. После проведения этих военных операций наместник Кавказа А. И. Барятинский подчеркивал «упадок духа» этих горцев и «сильном развитии наклонности» к переселению в Турцию[5]. Такая «наклонность», по мнению и. о. наместника Кавказа ген. Г. З. Орбелиани, была вызвана тем, что большая часть земель была занята казаками, и горцы «так стеснены, что им действительно трудно существовать на оставшейся в их

[1] Газ. «Русский инвалид», 1864, №206.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 189.
[3] Газ. «Русский инвалид», 1864, №206.
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 184.
[5] АКАК, Т.XII, ч.II. С. 871.

владении земле»[1]. На самом деле, генерал Н. И. Евдокимов требуя от горцев без всяких условий переселиться в те места, какие им будут указаны, принять то управление, и то начальство, которое над ними будет учреждено, и оказывать ему повиновение, а так же выдать всех русских, пленных и беглых[2], умышленно создавал условия для выселения автохтонов в Турцию. Что касается переговоров с горцами по поводу «покорения», то они носили формальный характер. По словам того же ген. Евдокимова, «переговоры будут идти своим чередом, а военные действия своим»[3].

Для оправдания деяний властей, выселявших горцев из своих насиженных мест и создание казачьих поселений, проправительственная газета «Русский инвалид» (№206, 1864 г.) писала: «Для проведения в покорность всех этих племён, не знавших никакого гражданского устройства, живших грабежами и беспрерывно возбуждаемых ещё против нас эмиссарами и авантюристами разных наций, в 1860 г. решено было вытеснить их всех из горной и приморской полосы на плоскость левого берега Кубани, где они уже не могли бы уклониться от надзора нашей администрации, а предгорья постепенно заселить казачьими станицами и, таким образом, лишать возможности раз вытесненных оттуда горцев возвращаться на прежние места их жительства и возобновить прежние свои грабежи и разбои». Но на самом деле, представителей власти интересовало не приверженность к гражданственности и моральный облик коренного народа, а планомерное и целенаправленное «очищение» гор и Причерноморья от горцев и сплошная казачья колонизация. По выработанным властями установкам, земельные участки на новых местах получали только те горцы, которые изъявляли покорность царю, остальным – ничего не оставалось, как удалиться из своей страны. В этой связи, характерен ответ и. о. наместника царя на Кавказе ген. Г. З. Ор-

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 183.
[2] **Муханов В. М**. Указ. соч. С. 91.
[3] **Там же.**

белиани черкесским делегатам, прибывшим в Тифлис летом 1861 г. Грузинский генерал, находившийся на службе императора, ответ горцам завершил лаконично: «покорённые получат землю, непокорённые будут лишены»[1]. Другими словами, это означало – кто не покорится, тот должен покинуть Кавказ.

Что касается переселения горцев на кубанские низменности, то фактически это мероприятие имело формальный характер, чтобы российские власти могли сохранить перед Европой лицо цивилизованного государства. Свидетельство тому практическое отношение военно-политических властей России к данному процессу. Например, когда то или иное горское общество, после изнурительных боев и истребления, было вынуждено заявить о «покорности», тут же ему в ультимативной форме предлагали: или переселиться на левый берег р. Кубань или же выселиться в Турцию. Кто соглашался поселиться на берегу Кубани, то им российская администрация обещала материальную помощь и тут же подсылала турецких агентов, чтобы они соглашались на переселение в Османскую империю. Более того, многие из горцев, которые всё же решили оставаться на берегу Кубани, очень скоро были вынуждены удалиться в Турцию. Причин тому множество: малоземелье, болотистые и пустынные места, выделенные для поселян, грубый произвол со стороны местных властей и отсутствие элементарного правопорядка и правосудия и в целом невыносимые условия для невооруженного черкесского населения, находящегося под постоянным страхом перед окружающим вооруженным и агрессивно настроенным казачеством. По данным Р. А. Фадеева, нередки были захваты земель казаками и солдатами, у горцев выкашивались покосы или даже хлеба, были факты убийства и разбоя, совершенных казаками над горцами и т.д.[2].

Известно, что вся масса шапсугов и абадзехов, выдавленная из гор, вначале не собиралась покидать родину, но

[1] АКАК. т. XII. С. 993.

[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 204 – 205.

чтобы направить их в Турцию, «приставам было достаточно, вследствие полученных приказаний, показать горцам суровое лицо» – писал Р. Фадеев[1]. А иные высокопоставленные начальники по своему «желанию», выселяли целые общины. Например, ген. Н. И. Евдокимов говорил Р. А. Фадееву, что он «желает выселить бжедугов, слишком близких к морю»[2]. Известный народник и публицист Я. В. Абрамов, критикуя историка А. П. Берже, который объяснял, что «изгнание горцев было вызвано их постоянными разбоями, что усмирить их не было никакой возможности иначе, как или истребить совершенно, или выселить их на плоскость или в Турцию», писал, что не «гениальный план» заселения казаками занятых горцами местностей и изгнаний последних из гор, является следствием разбоев горцев, а, наоборот, самые «разбои» являлись следствием «гениального плана»[3]. Однако, все эти рассуждения не оказывали должного влияния на осуществление на практике нового плана по «освоению» Кавказа. Как писал М. И. Венюков, бывший командир батальона Севастопольского пехотного полка, этнограф и сотрудник герценовского «Колокола», непосредственный исполнитель проекта «очищения Западного Кавказа генерал Н. И. Евдокимов», на оставшихся «мирных подданных» Кубани «смотрел лишь как на неизбежное зло и делал, что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни»[4].

Выдавливание горцев происходило в жесточайших условиях. По словам известного историка Е. Д. Фелицына, война с горцами шла «с неумолимой суровостью. Черкесские аулы выжигались сотнями, посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявлявшие покорность, выселялись на плоскость под управлением… приставов, непокорные

[1] **Там же.** С. 205.

[2] **Там же.**

[3] **Абрамов Я. В.** Кавказские горцы. – Краснодар. 1927. С. 11 – 12. Данная работа впервые была опубликована в журн. «Дело», 1884 г., №1.

[4] Кавказские воспоминания (1861 – 1863 гг.) // «Русский архив», 1880, кн.1, вып. 1 – 2. С. 435 – 436.

же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию»[1]. По характеристике другого автора, Гейнса, «в ясные дни нередко скрывалось солнце от бесчисленных пожаров»[2]. Вышеназванный М. И. Венюков о трагических событиях абадзехов, разворачивавшиеся в марте 1862 г., писал: «март месяц был роковым для абадзехов правого берега Белой, т.е. тех самих друзей, у которых мы в январе покупали сено и кур. Отряд двинулся в горы по едва проложенным лесным тропинкам, чтобы жечь аулы. Эта была самая видная, самая «поэтическая» часть Кавказской войны. Мы старались подойти к аулу по возможности внезапно и тотчас жечь его. Жителям представлялось спасаться, как они знали. Если они открывали стрельбу, мы отвечали тем же, и как наша цивилизация, т.е. огнестрельное оружие, было лучше и наши бойцы многочисленнее, то победа не заставляла себя долго ждать. По обыкновению черкесы не сопротивлялись, а заслышав пронзительные крики своих сторожевых, быстро уходили в лесные трущобы. Сколько раз, входя в какую-нибудь, только что оставленную саклю, видел я горячее еще кушанье на столе недоеденным, женскую работу с воткнутою в неё иголкою, игрушки какого-нибудь ребёнка, брошенные на полу в том самом месте, как они расположены забавлявшимся! За исключением, кажется одного значительного аула, население которого предпочло сдаться и перейти на равнинную полосу, отведенные для покорения горцев, мы везде находили жилища покинутыми и жгли дотла»[3].

Генерал Р. Фадеев после окончания войны констатировал, что для покорения Кавказа «надобно было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведённых под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения – женщины и дети. Когда горцы столпи-

[1] «Кубанский сборник», 1904. Т.Х. С.164.
[2] Газ. «Кавказ», №18, 2 марта 1867 г.
[3] **Венюков М. И.** Кавказские воспоминания // Русский архив, 1880. Т. I. С. 419.

лись на берегу для отправления в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин. При наших погромах множество людей разбежалось по лесу в одиночку; другие забивались в такие места, где и нога человека прежде не бывала. Летучие отряды находили людей, совсем одичавших от долгого одиночества. Разумеется, такие особняки большею частью гибли; но что было делать?»[1].

Такими жестокими методами российские войска продвигались дальше вглубь страны адыгов. Осенью 1862 г. они заняли плодородные долины рек Пшеха и Пшиш, а абадзехов выдавили в ущелья на левом берегу Пшеха. Многие адыгские семьи были вынуждены уходить в Османскую империю[2]. Как писал ген. Г. З. Орбелиани, «в последнее время весьма многие из горцев, принадлежащие к непокорным ещё племенам западной части Кавказа, будучи теснимы нашими войсками, ищут возможности удалиться в Турцию»[3].

В начале 1863 г. на Кавказ прибыл новый наместник на Кавказе и Главнокомандующий Кавказской армии, князь М. Н. Романов, заменивший генерал-фельдмаршала А. И. Барятинского, который осеню 1862 г. ушёл в отставку по болезни. Он «совершенно разделял» тактику ведения войны на Западном Кавказе, заключавшейся в «безусловном изгнании черкесов из горных убежищ» и в конечном итоге, «довёл покорение до такой полноты результата, какого, может быть, никогда ещё не было видно»[4].

В октябре 1863 г. ген. Н. Евдокимов занял Гойтхский перевал. Горцы, среди которых особо выделялись убыхи, а также европейские эмиссары с 5 нарезными пушками, оказали ожесточенные сопротивления, чтобы не допустить перехода крупных военных сил противника на южный склон Кавказского Хребта[5]. Данная задача была выполнена до определенного

[1] **Фадеев Р. А.** Указ. соч. С.187.
[2] **Муханов В. М.** Указ. соч. С. 91
[3] АКАК, т. XII, ч. II. С.1012.
[4] **Фадеев Р. А**. Указ.соч. С. 152.
[5] **Лавров Л. И.** Убыхи. Историко-этнографическая монография. С.-Пб. 2009. С. 194 – 195

времени, но зато закрытие Гойтхского перевала, способствовало российским подразделениям в «усмирении» и абадзехов и шапсугов на Северном Кавказе[1]. В частности, в начале февраля 1864 г. на абадзехские земли «были одновременно двинуты три отряда, с приказанием «жечь аулы и гнать остальных». Пшехский отряд «очистил» страну между Пшишом и рекой Марте; Джубгинский – от Марте до Псекупса; Даховский – верховья Пшиша»[2]. Стесненные с востока и запада, отрезанные от гор войсками, по требованию ген. Евдокимова, абадзехи, а затем и шапсуги, проживавшие на северном склоне Хребта, оставили свои уничтоженные аулы, и ушли на поселение в прикубанские равнины, или отправились на Черноморское побережье для переселения в Турцию. «Таким образом, – писал начальник Главного штаба Кавказской армии ген. А. П. Карцов, – на северной покатости западной части Кавказских гор не осталось ни одного горца; южная покатость, вплоть до морского берега, от Новороссийской бухты до Туапсе, совершенно очищена от всякого населения»[3]. По его «гуманному» соображению, «оставленным в отчаянном положении горцам следует дать возможность переселиться в Турцию», рассматривая это «как проявление человеколюбия»[4].

По предварительно составленному плану, войска продолжали движение на южный склон Кавказского хребта, чтобы превратить побережье Черного моря в «русскую землю». По словам Р. А. Фадеева, «мы снова стали занимать прежние береговые форты. Но уже не прежним способом; где становилась теперь нога русского солдата, там земля делалась русскою»[5].

Военные действия на этом направлении были возложены на Даховский отряд под командованием ген. В. А. Геймана. Зимний период года был выбран не случайно. Как писал ген. А. П. Карцов на имя командующего войсками Кубанской области

[1] **Лавров Л. И.** Указ. соч. С. 200.
[2] **Фадеев Р. А.** Указ. соч. С. 186.
[3] ЦГИАГ, ф.545. оп.1. 1864, д. 63, лл. 27 об.
[4] **Берже А. П.** Указ. соч. С. 343.
[5] **Фадеев Р. А.** Указ.соч. С. 184.

ген. Н. И. Евдокимова, в этот период «уничтожение запасов и селений действует гибельно, горцы остаются совершенно без крова, с меньшими средствами для защиты и крайне стеснены в пище»[1]. По сообщению самого наместника Кавказа М. Н. Романова, отряд Даховского 16 марта 1864 г. занял бывший форт Лазарев. По его словам, «Отряд генерала Геймана, очистив все пространство между Туапсе и Псезуапсе и истребив все аулы, между течений этих рек и промежуточных притоков, занял 16-го числа бывший форт Лазарев»[2]. После этих мероприятий, «всё население шапсугов до р. Шахе изъявило безусловную покорность и 19-го числа генерал Гейман занял бывшее укрепление Головинское»[3].

Тем самым, российские войска вышли на р. Шахе, на границе с убыхами. Ещё в марте 1863 г. представители убыхов во главе с Дагомуком Берзеком ездили к владетелю Абхазии М. Г. Чачба за советами, который предложил прекратить сопротивление. Убыхи все же пригласили ахчипсувцев, чтобы оказать достойное сопротивление российским войскам, но сражение 18 марта на левом берегу р. Готликх не принесло желаемого результата[4]. К тому же убыхи понимали, что после «усмирения» абадзехов и шапсугов, шансы на успех сводились к минимуму. В это время царское командование действовало активно, и попрежнему для завершения войны «непременным» способом считало «совершенное очищение Восточного Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию»[5]. В дальнейшем заняв 19 марта бывший форт Головинский на р. Шахе, войсками были сожжены «все многочисленные селения общества Варданe». По словам проф. Л. И. Лаврова, 22 марта генерал Гейман без боя вступил в ущелье Хобзы. 23 марта таким же образом, без единого выстрела, был занят Леупе. Ген. Гейман сжег и это

[1] Газ. «Кавказ», №19, 5 марта 1867 г.
[2] ЦГИАГ, ф.545, оп.1. 1864, д. 63, л. 53
[3] **Хафисова М. Г.** Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик. Изд-во М. и В. Котляровых. 2010. С. 151.
[4] **Лавров Л. И.** Указ. соч. С. 197–198.
[5] ЦГИАГ, ф.545, оп.1. 1864, д. 63, л. 58. 91.

многолюдное поселение, как и все на своем пути». В дальнейшем, 24 марта войска продвигаясь вперёд, выжгли все сёла до р. Дагомыс[1]. У р. Дагомыс российским войскам дорогу преградил убыхский отряд во главе с Керантухом Берзеком, который очередной раз съездил к владетелю Абхазии за советами. Но силы настолько были неравны, что убыхи не стали оказывать сопротивление. 25 марта Даховский отряд занял Соча, бывшее укрепление Новогинское, и вплотную подошёл к границам абхазских общин Садзена.

Депортация жителей Северо-Западной Абхазии и Псху. 26 марта к командиру Даховского отряда, генералу В. А. Гейману явилась депутация садзов. Предводитель их, князь Решид Гечба заявил: «Мы – джигеты, мы народ вольный, никогда ни с кем открыто не воевали, и никогда никому не подчинялись. Теперь мы видим, что все кругом нас покоряются русским, и мы уже считаем землю нашу собственностью российского императора»[2] и попросил не выселять население в Турцию. Но встреча не дала положительного результата для садзов. Им было предложено немедленно и без всяких условий покинуть родину. Примечательно, что, несмотря на достигнутые военные успехи, ген. В. Гейман ещё не был уверен в скором окончании войны. 26 марта в журнале отряда он заносит запись о том, что в окончание войны поверит в том случае, когда «лично увижу, что непокорные вольные убыхи и прочие племена… действительно положат оружье, будут покидать свои земли и выходить к берегу моря; когда значительная часть ныне стоящих в таборах, уедут уже в Турцию»[3]. По мнению наместника Кавказа М. Н. Романова, война могла быть завершена лишь после «совершенного очищения» Черноморского прибрежья от горцев. «Но как непременным условием окончания этой войны, – писал наместник 26 марта военному

[1] **Лавров Л. И.** Указ. соч. С.199 – 200.
[2] **Духовский С.** Даховский отряд в 1864 году. – СПб. 1864. С. 94
[3] **Лавров Л. И.** Указ. соч. С. 201.

министру, – должно [стать] совершенное очищение восточного Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию…»[1].

2 апреля 1864 г. у устья р. Соча, в штабе Российской армии, куда прибыл и наместник Кавказа М. Н. Романов, парламентариям убыхов, шапсугов и садзов вновь категорически отказали в просьбе остаться на родине. Более того, их предупредили, что если они в течение одного месяца не переселятся в Османскую империю, то их признают военнопленными и против них будут применены законы войны. Эти жесткие и убийственные для горцев ответы исходили из стратегического плана покорения Кавказа. Ген. Р. А. Фадеев открыто писал: «Кавказ был завоеван, но оставалось ещё выселить вновь сдавшиеся племена… псхоу, ахчипсоу, аибго, джигети, да и сами убыхи»[2]. Доводом для обоснования необходимости депортации автохтонов историк считал, что «довольствоваться покорностью этих племён, не трогая их с места, мы никак не могли. Три года мы ломили абадзехов, для того только, чтобы добраться наконец до берега и очистить его от неприятеля. Горцы на берегу, – эта была бы новая кавказская война в перспективе, при первом пушечном выстреле на Черном море»[3].

19 апреля российские войска в горах не встретили убыхов – они спустились на берегу моря для отправки в Турцию. Под воздействием ультиматума и бесперспективности дальнейшего сопротивления, весь убыхский народ, проживавший от р. Хоста до р. Шахе и находящийся в авангарде сопротивления горцев Западного Кавказа, до конца апреля того же года, вслед за подавляющим большинством приморских шапсугов, натухайцев и представителей др. субетнических единиц абхазо-адыгского этнического мира, проживавших как на южных, так и на северных склонах Северо-Западной части Главного Кавказского хребта, покинули родину[4].

[1] **Хафисова М. Г.** Убыхи: ушедшие во имя свободы. С. 151.
[2] **Фадеев Р. А.** Указ. соч. С.191
[3] **Там же.**
[4] О переселении кавказских горцев в Турцию // Газ. «Русский инвалид», 1864, № 206.

Однако, что касается общин «Малой Абхазии», приморских – халцисаа (аредаа, гечаа, цанаа) и горских мдаюаа (ахчипсаа, айбгаа, цвиджаа) садзов, которые не собирались покидать страну, то против них в конце апреля 1864 г. были направлены четыре крупных карательных отряда. Следует подчеркнуть, что изначально, как это выясняется из текста Отношения командующего войсками Кубанской области ген. – адъютанта, графа Евдокимова от 15 апреля 1864 г. к начальнику главного штаба Кавказской армии ген.-лейтенанту Карцову, наместником Кавказа М. Н. Романовым было принято решение направить через Кавказский хребет три крупных военных отряда для «окончательного очищения» от оставшегося на Черноморском побережье горцев. В документе сказано: «Отношением от 3 апреля №27 Ваше Превосходительство уведомил меня, что его Императорское Высочество для окончательного очищения края, остающегося ещё занятым горцами, изволил приказать, чтобы вверенные мне войска произвели наступление через главный хребет тремя колоннами, а именно: 1. Левая колонна (не менее пяти батальонов) из верховьев Лабы в верховья реки Бзыби. Колонна сия должна перейти хребет в начале мая и разрабатывая дорогу вниз по Бзыби выгнать население Псху. 2. Средняя колонна (не менее пяти батальонов) из верховий Малой Лабы в долину Мудымта (Мзымта. – Т. А.) перейдет хребет в начале мая и разрабатывая вьючную дорогу в долину Мудымта, должна очистить край от населения Ахчипсуху. 3. Правая колонна перейдет хребет в верховьях Белой и разработает дорогу навстречу отряду генерала Геймана, действующему в земле Убых»[1].

Однако, как показали последующие события, видимо, из-за большого снега на перевалах, командованием Кавказских войск один отряд из Северного Кавказа был переброшен в мае месяце против ахчипсуйцев, а другой – в июле против псхувцев, чтобы основной удар горцам нанести со стороны Приморья. Очевидец этих событий И. Пантюхов писал: «считая скорейшее

[1] ГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1186, лл. 3 – 4. Из кн. Абаза в Кабарде. Документы, материалы, исследования. Сост.: **Р. А Ажиба, Р. К. Кармов, В. А. Пшеноков.** Нальчик – Сухум. 2017. С. 416.

покорение последних неприязненных нам обществ Кавказа делом первостепенной необходимости, главнокомандующий армией направил в незанятую ещё нами часть Западного Кавказа четыре самостоятельные колонны, дабы совокупным их действием поставить непокорных в необходимость немедленно подчиниться нашим требованиям, и очистить страну в возможно скорейшее время»[1]. Первой колонне (Псхувской), под начальством командующего войсками в Абхазии генерал-майора П. Н. Шатилова, в составе 3 батальона, 1 горного дивизиона, 4 конной сотни, 5 сапёрного взвода и др., было предписано двинуться из укрепления Гагры по морскому берегу в сторону Айбга, и, заняв его, с южной стороны зайти в Ахчипсу; второй колонне (Ахчипсувской), под командованием кутаисского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Д. И. Святополк-Мирского, в составе 8 батальонов, сотни казаков, 4 сотен пешей милиции (имеретинская, мингрельская и две гурийские) и др., собравшейся (морем и сухопутным путём) в устье р. Мзымта, приказано было организовать наступление по долине Лияшв в сторону Ахчипсу; третьей колонне (Даховской) генерал-майора В. А. Геймана, в составе 3-х батальонов, 2 сотен казаков и 2 орудий, было приказано идти от поста Кубанского к верховью р. Соча, оттуда двигаясь параллельно Главному хребту, через земли верхних убыхов и абхазского общества Цвидж, войти в Ахчипсу; четвертой колонне (Мало-Лабинской), под командованием ген.-майора П. Х. Граббе, в составе 7 батальонов пехоты, сотен милиционеров, двух сотен казаков и взвода горных орудий, должна была от истоков Малой Лабы перейти через Главный хребет, ещё покрытый снегом, на южный склон и по ущелью Мзымты идти на встречу второй колонне[2].

Однако абхазское население «Малой Абхазии» никак не могло согласиться с мыслью покинуть родину и оказывало отчаянное сопротивление. А российские отряды, по плану этой

[1] **Пантюхов И.** Кавказская летопись. Известия о последних военных действиях на Западном Кавказе // Газ. «Кавказ», 1864, №44.

[2] **Пантюхов И.** Указ. соч.

тщательно подготовленной и по своему масштабу крупной операции, продвигались с разных сторон вглубь густонаселенных ущелий Садзена. Военные подразделения сжигали аулы, чтобы не оставить никакой возможности местному населению остаться на родине. «В ущельях, – писал участник тех трагических событий, – клубами поднимался сизый туман и лениво тянулся к вершинам хребта, на черном фоне которого во многих местах вспыхивало большое, яркое пламя: то пылали аулы, сжигаемые нашими войсками, дабы пресечь скрывавшимся в горных трущобах хищникам всякую возможность остаться в горах и основать разбойничьи притоны, опасные для будущих поселений»[1]. Несмотря на ожесточенное сопротивление горцев, особенно со стороны «воинственного общества Айбга», военные карательные экспедиции приближались к намеченной цели – в неравной битве отрядам абхазского сопротивления наносились поражения.

Примеры мужества проявили айбговцы, проживавшие в верховьях р. Псоу, которые решили «защищаться до последней возможности». Они укрепили самую узкую теснину ущелья р. Псоу, откуда проходила единственная дорога ильными завалами. Они с прилегающих скал сбрасывали на солдат огромные камни и бревна, стреляли из каждого холма и куста, чтобы остановить продвижение войск. В результате, подразделения П. Н. Шатилова были задержаны на четыре дня. На помощь главному штабу войск пришлось 1 мая перебросить дополнительные силы с правого берега р. Псоу на левобережье и, обходя горцев с тыла, нанести удар. В состав этого вспомогательного отряда входили 4 роты лейб-гвардейского Эриванского полка, 8 рот грузинского гренадерского полка, 250 милиционеров и 10 донских казаков[2]. Российские войска стали уничтожать аулы недоступные для врагов до этого времени. Айбговцы сражались мужественно. Родные сёла наравне с

[1] **Невский П.** Закубанский край в 1864 г. Путевые воспоминания // Газ. «Кавказ», 1868, №101

[2] Кавказская летопись. Известия о последних военных действиях на заподном Кавказе. Газ. «Кавказ», 1864, № 44.

мужчинами защищали и женщины. По словам И. Аверкиева, «при занятии Айбга две девушки вышли с оружием на плечах защищать свое пепелище»[1]. После переброски дополнительных войск и уничтожения большинства населенных пунктов, судьба айбговцев была решена – абхазское население, оказавшись в невыносимых условиях, было вынуждено «покориться» и поспешно направиться к берегу моря для переселения в Турцию, а сам военный отряд ген. Шатилова 18 мая прибыл в верховья р. Мзымта, «в середину земли общества Ахчипсу» – Гбаадбу. Занятие Айбги, появление к 20 мая всех четырех отрядов в верховьях р. Мзымта, особенно колонны генерала П. Граббе с севера, заставило ахчипсуцев «исполнить данное ими прежде обещание: все они с семействами и со всем имуществом оставили свои жилища и двинулись к морю»[2]. По словам профессора Л. И. Лаврова, население «в ужасе бежало окольными тропами к морю в гостеприимную единоверную Турцию. Народ бросал все свои пожитки… Турецкое правительство согласилось на прием переселенцев с условием, чтобы они прибыли без оружья. Судовладельцы страшно взвинчивали цену за поездку, набивали суда настолько, что нельзя было зачастую встать с места. Переполненные суда тонули. А на берегу огромные массы горцев с боем брали всякую прибывшую кочерму. На берегу разоренные люди мёрли от голода, холода и эпидемии тифа»[3].

21 мая в общем лагере четырех соединившихся колонн, в бывшем с. Гбаадбу, названной позже «Красной Поляной», в присутствии наместника Кавказа М. Н. Романова, командующих войсками Кубанской области, кутаисского генерал-губернатора было отмечено, «благодарственное господу молебствие» об окончании войны на Кавказе и произведен церковный парад. В строю, кроме регулярных подразделений, «дружины» кроме

[1] **Аверкиев И.** С Северо-Восточного побережья Черного моря // Газ. «Кавказ», 1866, №74.

[2] **Пантюхов И.** Указ. соч. 105.

[3] **Лавров Л. И.** Указ. соч. С.202.

Окончание Русско-Кавказской войны. file:///F:/9.%20КАРТА%201864.%20invasion_over_kbaada.jpg

регулярных подразделений, находились казачьи сотни, грузинские (и менгрельские) «дружины»[1].

22 мая войска из Ахчипсу начали обратное движение в сторону устья р. Мзымта. А для поисков и истребления представителей коренного населения, во всех основных и боковых ущельях и оврагах в верховьях Мзымты и Псоу были оставлены два батальона. Кроме того, против укрывшихся в лесах «бездомных хищников» должны были использоваться рабочие роты, оставленные для прокладки дорог в целях заселения там русских колонистов. «Если в горных трущобах, заросших лесами и могло укрыться от наших войск несколько десятков семейств или бездомных хищников, то для истребления их уже не понадобится военная экспедиция; цель эту исполнят постепенно наши рабочие отряды, расставленные теперь во вновь занятом крае для прокладки дорог и вообще для приготовления его принятию в будущем году русского населения»[2], – писал И. Пантюхов. Кроме того, «до окончательного переезда в Турцию жителей» долины Мзымта и окрестных регионов по низовьям этой же реки, колоннами расположился отряд ген. Д. И. Святополка-Мирского[3]. «Летучие» и «охотничьи» отряды свирепствовали и в других местах Причерноморья. Для «очищения» от остатков коренного населения верхних котловин южного склона Кавказа между р. Туапсе и Гагрским хребтом, наместник Кавказа дополнительно сформировал подразделения особого назначения из 12 рот и одной сотни. Чтобы остатки горского населения не могли укрыться в регионах Северного Кавказа, были сосредоточены ещё два отряда в верховьях р. Пшиша и в долине Пшехи[4]. Аналогичные мероприятия проводились северо-западнее от Туапсе, где в больших и малых морских портах и бухтах де-

[1] **Половинкина П. В.** Черкесия – боль моя и надежда. Древнейшее время – начало XX века. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «полиграфии»). 2014. с. 325.

[2] **Пантюхов И.** Кавказская летопись // Известия о последних военных действиях на Западном Кавказе // Газ. «Кавказ», 1864, №44.

[3] **Там же.**

[4] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 196.

сятки и сотни тысяч горцев ждали своего часа для отправки в Турцию. Т.е. речь идет о практических действиях по полному «очищению» восточного Черноморского побережья Кавказа от р. Бзыбь до Таманского полуострова.

Коренное население Кавказа оказывало сопротивление российским отрядам как могло. Например, горцы Нуажинской долины 8 суток сражались с российскими отрядами. Но, как и ожидалось, наужинцам был нанесен невосполнимый урон – кроме нескольких сотен убитых, они потеряли 147 человек пленными, у них было отнято 2908 голов скота, уничтожено более 500 домов, взято много имущества и оружия[1].

Отчаянное сопротивление оказали хакучи, обитавшие между Туапсе и Соча, в верховьях рек Аше, Псезуапсе и Шахе. Их называли хакучами, но это было объединение представителей убыхов, адыгов, абхазов и других народов, а также беглых русских солдат. Они оказали значительный урон российским войскам, но и сами почти исчезли и последними ушли в Турцию[2].

Скоро горькую участь садзов разделили псхувцы и их соседи куджбовцы из Бзыбской долины, которые ещё 2 апреля 1864 г. объявили «покорность» но не оставили свои жилища и не стали выселяться в Турцию, как этого требовало российское военное командование. Сюда были направлены воинские отряды из Северного Кавказа через Санчарский перевал и с юга со стороны урочища Загдан. К 20 – 23 июля уже российскими войсками были заняты все «очищенные» от населения местности. Оставляя аулы, многие псхувцы жгли свои дома, а уцелевшие жилища были уничтожены солдатами[3].

Часть российских войск загнала псхувцев в урочище Хабю, другая – блокировала Гунурхва, где незадолго до этого скрыто от российских войск обосновалась 802 человек из Айбга и Ахчипсу. Скоро все они были выдавлены в сторону моря для отправки в Турцию, их «жилища и большие запасы продоволь-

[1] **Там же.**
[2] **Там же.** С. 196 – 197.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, д. 144, л.1.

ствия были уничтожены, а в наказание за сопротивление к выселению в пользу российских войск были отданы, отобранные у них 220 голов скота[1]. Уже к началу августа 1864 г. корреспондент газ. «Кавказ» писал о Псху, как о бывшей земле псхувцев[2]. По некоторым данным, до выселения там проживало более 5 тыс. человек[3]. По имеющимся источникам выявляется, что из этого количества населения, только лишь 844 чел. изъявили желание переселиться на Северный Кавказ. Вначале они были поселены в Кувинском ущелье, но из-за невыгодности хлебопашества и в целом условий существования, им разрешили переселиться в район р. Большого Зеленчука[4].

Довольный операцией по выселению псхувцев, кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский наместнику Кавказа, М. Н. Романову 5 сентября 1864 г. сообщал: «В Абхазии совершено спокойно, жители показывают полное послушание нашим властям… Войска продолжают разрабатывать дорогу от Сухума в Псху. Ген. Шатилов делает движение в Псху и к перевалу поднявшись от Сухума, он опустился по другому направлению, к Гудаутам. Оказалось, что к псхувцам присоединились многие ахчипсувцы и некоторые айбговцы. С появлением войск все это население спустилось к морю и отправилось в Турцию. Только часть псхувцев, живущих в трущобах по Бзыби, намерена была оказать сопротивление, но движение из разных сторон небольших частей войск заставило их отказаться от этого намерения…»[5].

Сохранились материалы, свидетельствующие о трагической картине выселения псхувцев. В одном из них читаем: «Ужасно было видеть, с какой нежностью жители Псху прощались со своей родиной. С утра до вечера были слышны душераздирающий плач женщин и детей, их крик, грустные песни… прощальные поминки по умершим продолжались неделями

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 194 – 195.
[2] Газ. «Кавказ», 9 апреля 1864 г.
[3] ЦГИАГ. Ф. 545. Д. 63, л.216.
[4] **Дзидзария Г. А**. Указ. соч. С. 195.
[5] ЦГАОР СССР, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 2-6. Подлинник // Материалы по истории Абхазии XIX века (1863 – 1874). Сборник документов и материалов. Т. 3. – Сухум. 2012. С. 29 – 30.

в домах и на кладбищах… Грустные седые старики с неспокойными лицами бродили среди могил предков, прощались с ними, навсегда оставляя земли отцов и дедов… Особенно крик и плач были сильны, когда группа махаджиров направлялась к Сухуму… и сегодня не могу не вспомнить эти тяжелые дни прощания абхазов с родиной… В Псху не оставалось ни одного абхаза, перед уходом абхазы поджигали все дома и строения. В Псху теперь стоял только русский полк со своими солдатами. Вокруг сожженные сёла, оставленные сады, полное безлюдье. Оставленные хозяевами голодные собаки и кошки рыскали по бывшим поселениям. Войсковым подразделениям уже нечего было делать в Псху. Некого было «усмирять». Поступил приказ о возвращении в Сухум»[1].

Подытоживая результаты конкретного деяния царских властей в Абхазии к периоду окончания Русско-Кавказской войны, профессор А. В. Фадеев писал: «Во время всех этих экспедиций тысячи абхазских крестьян погибли в неравном бою, целые сёла разрушались, все, что нельзя было захватить с собой, сжигалось, включая сады, запасы кукурузы и пр. Оставшиеся в живых «покоренные» горцы обрекались на голодную смерть… И, вот, тысячи крестьян вместе с семьями прощаются с разоренной и опустошенной родиной, отправляясь «в гостеприимную Турцию»[2].

Прослеживая трагический маршрут выселения горцев, историк, участник войны на Кавказе, генерал А. Л. Зиссерман писал: «Вытесненные шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорья в горы, с гор к морскому берегу, полумиллионное население горцев перенесло все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод, повальные болезни, а очутившись на берегу – должны были искать спасения в переселении в Турцию»[3]. По мнению Н. Петровского, горцам «так и следовало быть», потому, что они «были скорее воины, чем земледельцы, строили хижины кое-как из турлука, хозяйством

[1] **Морковин Е.** Воспоминания охотника. – Тбилиси. 1959 (на груз.яз.).
[2] **Фадеев А. В.** Русский царизм и крестьянская реформа. – Сухум. 1932. С.3.
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С.197.

занимались мало, а большую часть жизни посвящали набегам с целью грабежа»[1].

Таким образом, Северо-Западная историческая Абхазия, расположенная между реками Бзыбь и Хоста, включая её верховья, к концу лета 1864 г. полностью была «очищена» от проживавшего тысячелетиями там абхазского населения и выслана в Османскую империю.

В целом же, после массового исхода коренных народов, Западный Кавказ, по описанию М. Н. Покровского, «просто превратился в пустыню, усеянную развалинами, свидетельствующими о некогда завязавшейся здесь культурной жизни»[2]. По словам Л. Г. Лопатинского, «от стройного прежде и цельного народа остались небольшие клочки, в виде этнографических островков и полосок на Кубани, Зеленчуке и в других впадающих в Кубань реках»[3].

И. Пантюховым все эти мероприятия цинично расценивались как «доброе дело», выполнение долга «перед человечеством и цивилизацией»[4]. В частности, по его словам, «Вступая в борьбу, Россия видела в этом не столько интерес свой и свое право, сколько тяжелый долг перед человечеством и цивилизацией, и этому призванию, скажем с гордостью, следовала неуклонно, несмотря на трудность борьбы, требовавшей усилий чрезвычайных, несмотря на временные и нередко чувствительные неудачи, несмотря на все тяжкие пожертвования»[5].

Естественно, в целях избавления от коренного населения Кавказа российское правительство проводило подготовительную работу с турецкими властями на уровне министерства иностранных дел, послов и консулов по приему кавказских беженцев на территорию Османской империи. Царское самодержавие для этого выделяло суда, организовывало пересе-

[1] **Петровский Н.** Из записной книжки // Газ. «Кавказ», 1874, №67.
[2] **Дзидзария Г. А.** Абхазское махаджирство XIX столетия. С. 226.
[3] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 239
[4] **Пантюхов И.** Кавказская летопись. Известия о последних военных действиях на Западном Кавказе // Газ. «Кавказ», 1864, №49.
[5] **Там же.**

ленческие пункты в портах Черноморского побережья Кавказа (например, в конце войны такие пункты функционировали в Анапе, Новороссийске, Туапсе, Сочи, Хоста, Адлере), выделяло для депортантов денежные пособия и т.д.[1]. Однако подобные мероприятия не спасали от массовой гибели ни в чем неповинных людей, особенно детей, женщин и стариков. Жертвы были колоссальные. Множество горцев погибало как до выселения, так и по дороге и на местах прибытия. Депортанты гибли от насилия, голода, холода и эпидемий.

Как показывают материалы, переселение горской массы в Турцию совершалось вопреки их желанию. П. С. Уварова писала, что горцы «с горем покидали свое насиженное гнездо»[2]. Французский журналист А. Фонвилль, свидетель страшных картин выселения горцев, писал: «Мы имели случай вблизи видеть поражающую нищету этого несчастного народа; ежедневно мы встречали новые партии горцев, выселявшихся с земли, ещё не занятой войсками; последние дожди и наводнения погубили большое число этих переселенцев, и мы беспрестанно встречали на пути нашем трупы. Голод был страшный; много несчастных погибло от него… Иногда нас принимали в аулах, но мы бежали оттуда, боясь заразиться болезнями, которые уничтожали целые населения аулов. Так, однажды, во время нашего нахождения в ауле, в нем умерло восемь человек от тифа[3].

Царские войска не щадили даже больных, которых всегда было много. В 1864 г. во время выселения жителей из Ахчипсу и Айбги разразилась оспа, которая «сильно покарала их»[4]. Особенно много было больных и умерших среди айбговцев. Видимо, гибель на абхазском побережье большинства жителей общества Айбга, при транспортировке и в самой Турции стала причиной того, что среди компактно проживающих в

[1] О переселении кавказских горцев в Турцию // Газ. «Русский инвалид», 1864, №206.
[2] **Уварова П. С.** Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. Ч. II, М., 1891. С. 57.
[3] **Фонвилль А.** О переселении горцев в Турцию» // Газ. «Кавказ», №147, 16 декабря 1877 г.
[4] **Пантюхов И.** О мифах и поверьях туземцев Рионской долины // «Кавказ», 1867, № 28.

современной Турции абхазов, практически отсутствуют потомки айбговцев, тогда как, выходцы из Ахчыпсу, Цвидж, Халцис, Бзыбь, Гума, Цабал, Абжуа и др. регионов исторической Абхазии компактно проживают в различных регионах Турецкой Республики[1].

Академик А. Берже, летом 1864 года, в самый разгар переселения горцев, отмечал: «Следуя вдоль Анатолийского берега, я встретил их во множестве в открытом море и был очевидцем их горестного положения в Батуме и Трапзоне. В ноябре того же года, на возвратном пути из Европы, я видел их при несравненно ещё худшей обстановке в Рущуке и Силистрии. Но никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17000 человек»[2].

По сообщению очевидца этих трагических событий Я. В. Абрамова, из-за отсутствия достаточного количества транспортных средств, в морских портах Северо-Восточного побережья Черного моря горцам приходилось «ждать своей очереди по полугоду, году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств для существования. Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимою к этому прибавился холод. Весь Северо-Восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные ими в это время. Один рассказывает о трупе матери, грудь которой сосёт ребенок; другой – о матери же, носившей на руках замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третий – о целой груде человеческих тел, прижавшихся друг к другу в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших и т.д.»[3].

[1] **Чирикба В. А.** Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии. – М. Аква-Абаза. 2012. С. 21 – 95.
[2] ЦГИА, ф.416, оп.3. Д. 152, л.1 – 3.
[3] **Абрамов Я. В.** Кавказские горцы. Краснодар. 1927. С. 7.

По словам другого очевидца переселения горцев И. Дроздова, «поразительное зрелище представилось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками, изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изможднения и ещё заживо делавшиеся добычею голодных собак… Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; им и самым перспектива была не утешительнее»[1].

Вот, что писал позже Л. А. Тихомиров, очевидец этих жутких фактов, на примере временных обитателей Новороссийской бухты: «Сколько горцев погибло за это время от всяких лишений, голода, холода и болезней – это известно одному Господу. Подсчитывать трупы по лесам и всяким трущобам было и некому, да и невозможно. Даже на берегу, где горцы находились уже под нашим надзором, массы умирающих закапывали поспешно и без внимательного подсчета. Думали только о том, чтобы трупы тифозных не распространили заразы. Отец показывал мне впоследствии места, где их зарывали (по ту сторону бухты), говорил, что трупы засыпались негашеной известью, что их было множество, но точного числа никто не называл»[2].

По сообщению генерала М. Ольшевского от 9 января 1865 г. только на северо-восточной стороне Новороссийской бухты, где расположились горцы таборами, почти на пятивёрстном пространстве были разбросаны кладбища, в которых было погребено до 1480 трупов[3]. Притом в указанных и других местах был установлен «полицейский надзор», чтобы пока живые, но отчаявшиеся «переселенцы не могли бродить по горам и разбойничать»[4].

---

[1] **Дроздов И.** Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник (Тифлис), 1877, т. 2. С.548.

[2] **Тихомиров Л. А.** «Воспоминания» 1927 г. http://khmelev.livejournal.com/81944.html).

[3] ЦГИАГ, ф.416, оп. 3. Д. 142, л. 5.

[4] ЦГИАГ, Ф.545, оп. 1, 1864, д. 63, л. 308. Рапорт вр. Командующего Кубанской области ген. м-ра. Ольшевского от 28 ноября 1864 г. главнокомандующему кавказской армией. По кн. **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С.219.

Горцы беспощадно погибали и по дороге и на местах прибытия – на территории Османской империи. Причины были как субъективные, так и объективные. Нередки были и случаи кораблекрушения. А. Фонвилль писал, что «судна обыкновенно нагружались, что называется до верху; триста или четыреста человек наполняли пространство, на котором в обыкновенное время помещалось от 50 до 60 человек… Когда поднималась непогода на море каюки, нагруженные так, что вода достигала до самих краев, не могли держаться на море и тонули»[1]. Сам автор этого сообщения ехал на судне, в котором было 347 человек и на палубе так было тесно, что «матросы, исполняя разные обязанности во время плавания, вынуждены были ходить по головам пассажиров[2]. По сообщению газ. «Кавказ» от 24 мая 1864 года, из 600 пассажиров на одном из таких судов, через три-четыре дня на турецком берегу высадилось только 370 человек. А турецкое судно «Нусред-Бахры», вышедшее из Новороссийска бурей было выброшено на берег и разбито. В результате чего, из 470 пассажиров, погибло 300 человек, а из спасенных 170 человек 120 сильно пострадали[3].

По сообщению Я. В. Абрамова, «многие барки, нагруженные горцами, имели пробуравленное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги назначенные на расходы, оставались в карманах, наведывающих делом лиц… предание это, если принять жестокость нравов тогдашнего кавказского чиновничества,.. очень правдоподобно и отчасти подтверждается тем обстоятельством, что официально констатировали случаи затопления барок с горцами «от бурь»[4].

«Турецкие шкиперы, – писал И. Дроздов, – из-за жадности, наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт

[1] **Фонвилль А.** Указ. соч. с. 36 – 37.
[2] **Там же.**
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 224.
[4] **Абрамов Я. В.** Указ. соч. С. 8.

при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы этих несчастных на берега Анатолии… едва ли половина отправившихся в Турцию, прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество…»[1].

«Иллюстративная газета» (№29, 1866 г.) сообщала, что в августе 1864 года, в результате крушения 15 турецких парусных судов, погибли все пассажиры, отправившиеся из Кавказа в Османскую империю. Видимо, это было самое крупномасштабное и трагическое транспортное происшествие в истории депортации горцев XIX в.

Несмотря на то, что османские власти были весьма заинтересованы в заселении страны кавказскими беженцами, на самом деле, как российские власти не были готовы к переселению такого большого количества людей, так и турецкие власти – к подобающему приему этой огромной массы. Отсюда такое колоссальное количество смертей. Ситуация настолько была сложной, что турецкие власти ещё в конце 1863 г. были вынуждены обратиться к царскому правительству с просьбой о приостановлении депортации горцев. Но остановить переселенческий процесс российские власти не собирались. Маховик переселения уже был запущен и российские дипломаты просили и всячески убеждали турецкие власти в необходимости приёма переселенцев. Главное было избавление Кавказа от горцев, а дальнейшая их судьба никого не интересовала. Переселенцам не хватало пособий, выделенных турецкими властями, не были созданы соответствующие условия для приёма и поселения горцев. Как писал А. Берже, пособия турецкого правительства было крайне недостаточно «и не всегда доходило до переселенцев, число которых никому не было известно и постепенно увеличивалось»[2]. Русский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин ещё 26 декабря 1863 г. сообщал российскому послу в Стамбуле Е. А. Новикову о том,

[1] **Дроздов И.** Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник (Тифлис), 1877, т.2. С. 548.
[2] **Берже А. П.** Указ. соч. С. 356 – 357.

что «черкесы размещаются в дырявых палатках, среди грязи, в которых они буквально тонут. Отсюда смертность, доходящая до ужасающей цифры – от 40 до 60 человек в день. Тифозность – главная болезнь. На весну следует ожидать заразы, так как тела зарываются с большой небрежностью»[1]. В донесении А. Н. Мошнина от февраля 1864 г. сказано, что в Трапезунде все кладбища были «наполнены могилами». Из Константинополя пришло приказание, о необходимости «засыпать кладбища известкой»[2].

По сообщению «Иллюстративной газеты» (№29, 1866 г.), «Из высаженных в Трапезунде в феврале 1864 г. 10 тысяч горцев в течение одного месяца от болезней погибло 3 тыс. человек». Лагерями смерти черкесов стали окрестности Трапезунда – Ачка-Кале и Сари-Дере[3]. По утверждению А. Фонвилля, прибывшие в начале зимы 1863 – 1864 гг. в Ачка-Кале в количестве 14 тыс. человек «почти все перемерли»[4].

По данным А. Н. Мошнина от 10 июня 1864 г., в Батум прибыло около 60 тыс. человек, средняя смертность 7 человек в день. Подтверждение тому, этнографические материалы, собранные нами в 70-х годах прошлого века. По сообщению наших информаторов – потомков абхазов из Садзена, поселённые в 1864 г. в селе Соук-су, вблизи того же Батума, 500 абхазских дворов в течение трёх месяцев похоронили 300 детей, заболевших от различных эпидемий, и были вынуждены покинуть эти места и спасаться в горных регионах Турции. Погибло также большинство абхазов, поселенных на правом берегу р. Чорох. Например, из 30 человек семьи Камчича Китасба (Маршан), живыми осталось лишь четверо. А в с. Карашарвал, неподалеку от Батума, от малярии и различных эпидемий погибли все абхазские поселенцы за исключением двух человек, которые ушли в Турцию[5].

---

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 227.
[2] **Там же.**
[3] **Там же.** С. 241.
[4] **Фонвилль А.** Указ. соч. с. 40.
[5] **Ачугба Т. А.** Поселение абхазов в Аджарии. – Батуми. 1988. с. 33. (на груз.яз. резюме на русс. яз.).

Описывая страшное положение абхазо-адыгских изгнанников в Самсуне, корреспондент английской газеты «Морнинг пост» в мае 1864 г. писал: «На каждом шагу встречаются вам больные, умирающие и трупы – у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Всякий дом, всякий угол улицы, всякий шаг занятый эмигрантами, стал гнездилищем заразы… Положение весьма опасное: нет сильнее бедствия и более плачевной катастрофы, как эта эмиграция, предоставленная самой себе»[1]. Летом 1864 года, – сообщается в источниках того периода, – в одном только Трапезунде от болезней, голода и физического истощения погибло около 19 тыс. кавказских беженцев, а в Самсуне – 60 тыс. человек. При этом, в этом городе ежедневная смертность депортантов превышала 200 человек[2]. В среде депортантов свирепствовали тиф, холера и особенно оспа. «Оспа чрезвычайно распространена между ними и производит большие опустошения», – сообщала английская газета[3]. Турецкие власти спешили поселить их по другим местам империи – в Пандерме, Смирне, Исмиде, на острове Кипр, на Дунайском берегу. «Но тут сцены сделались двояким образом гибельны» – сообщала русская газета[4]. По информации акад. А. Берже, 11 декабря 1863 г. в Варне два парохода привезли 1030 горцев. Когда лодочники стали высаживать голых, босых, истощенных, больных и едва живых, было обнаружено 46 трупов[5]. В Варне в январе 1864 г. на двух пароходах привезли 1170 переселенцев. Все они были «заражены разными болезнями», а также «голые и босые». Их поместили «в пустых, грязных, сырых казармах», не имея ни окон, ни печки. В день умирало 12-20 душ[6].

Газ. «Кавказ», в перепечатанном из немецкой газеты «Allgemeine Zeitung» материале, сообщала, что в Ларнаке на

[1] Корреспонденция из газеты «Морнинг пост» // Газ. «Русский инвалид», 1864, №129.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 229.
[3] Корреспонденция из газеты «Морнинг пост» // Газ. «Русский инвалид», 1864, №129.
[4] Черкесы в Болгарии // Газ. «Иллюстративная газета», 1866, №29.
[5] **Берже А.П.** Указ.соч. С. 353.
[6] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 229.

Кипре на 3 судах отправленных из Самсуна 2700 черкесов, в пути погибло более половины – 1441 человек – главным образом от жажды и голода. «Один пароход, говорилось дальше, плававший по той же самой дороге, по которой шли незадолго перед ним эти суда с черкесами, мог проследить путь по плывшим трупам»[1].

По определению профессора Н. А. Смирнова, из всех переселенцев до 50% погибло от различных эпидемий и в пути. А из уцелевших до 15% (в основном из числа женщин и детей) были проданы в качестве рабов[2].

Как на кавказском побережье, так и в турецких портах горцы становились объектом торговли. «На кавказском берегу Черного моря, – информировала своих читателей газ. «Кавказ», – англичане и турки красавицами набивали трюмы: несчастные с плачем обращались к русским офицерам, умоляя освободить их оттуда и удержать на родине»[3]. По сообщению дипломата Мошнина, в Трапезунде в декабре 1863 г. ребенка 11-12 лет можно было купить за 30-40 руб., а местный паша приобрел 8 «самых красивых девушек» за 60-80 рублей, чтобы послать их в Стамбул в качестве подарка. Здесь нередко одному хозяину принадлежали 40-50 женщин. Местный генерал-губернатор Эмин Мехлис-паша в середине 1865 г. отправил в Стамбул в подарок разным влиятельным лицам 130 невольниц черкешенок[4]. По сообщению английского консула в Трапезунде, из прибывших в данный порт 200 тыс. черкесов в течение с 1863 по 1864 гг. 10 тыс. чел. были проданы[5].

Но были и такие случаи, когда сами родители были вынуждены продавать своих детей, чтобы сохранить им и себе жизнь. Дочь английского консула писала об этом в 1864 году: «По высадке одной партии эмигрантов на берег, около двух тысяч человек остановились на небольшом лесочке. Истощенные

[1] Газ. «Кавказ», №94, 3 декабря 1964 г.
[2] **Смирнов Н. А.** Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. С. 225.
[3] **Горец**. Черкесы в Турции // Газ. «Кавказ», №134, 7 июля 1877 г.
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С.231.
[5] «Новый восток». М. 1925, №7. С. 22.

страданиями своего долгого путешествия, покрытые насекомыми и почти умирающие с голоду, они расположились лагерем на земле, ещё не просохшей, так как в то время была ранняя весна; иные приютились под деревьями, другие под разорванными палатками, какие у них были. Вес этот жалкий люд лежал скучившись, больные валялись рядом с умершими, живые как тени бродили среди них, ни о чём не помышляли, кроме того, как бы раздобыться деньгами. Когда мы приблизились к зараженному лагерю, кучки мужчин и женщин обступили нас, ведя за руку своих детей и предлагая купить их всякому, кто пожелает. Несчастные маленькие создания сами, по-видимому, желали, чтобы их разлучили с родителями, лишь бы дали им кров и пищу»[1].

Для спасения от вероятной гибели, кроме продажи детей, молодые горцы вступали на службу в турецкую армию, или же пытались вернуться на родину. Изначально власти Турции обещали горцам свободу от воинской службы на 20 лет. Однако скоро власти, чтобы привлечь горцев на службу, запретили продажу мужчин и путём «добровольного» призыва стали создавать «черкесские» кавалерийские полки и «черкесскую гвардию» для султана. По сообщению от 30 июня 1864 г. российского посла в Стамбуле Е. А. Новикова, к этому периоду, до 3 тыс. человек уже вступили на службу турецкой армии, и в ближайшее время их число должно было подняться до 12 тыс. человек[2]. Впрочем, не всегда оставались эти люди в армии, и, получив обмундирование и деньги, они бежали к своим семьям, а то и вовсе возвращались на Кавказ.

Что касается возвращения беженцев на родину, этот процесс имел постоянный характер. «Никто не хотел покинуть родную Абхазию, – пишет известный кавказовед Р. Х. Гожба, – народ уходил с решимостью вернуться на родину и освободить её»[3]. Генерал Н. И. Евдокимов ещё в сентябре 1862 г.

[1] Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян дочери и жены консула. Т. 1. СПб., 1879. С. 99 – 100.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 230.
[3] **Гожба Р. Х.** Русско-Кавказская война и исход горцев // Вечная память. Сухум. 2010. С. 280.

писал генералу А. П. Карцову, что «каждое лето по нескольку тысяч душ из этих переселенцев возвращаются из Турции на Кавказ[1]. На просьбу черкесов о возвращении на историческую родину, ответ был один и тот же: об обратном возвращении горцев и речи быть не может[2]. Ещё 8 июня 1861 г. А. М. Мошнин, в рапорте на имя российского посла в Стамбуле А. Б. Лобанова-Ростова, писал, что «Без сомнения, вашему сиятельству уже известно, что значительная часть черкесов и татар, имея полное право быть недовольными турецким правительством, их обманувшим, желает оставить Турцию, чтобы возвратиться в Россию, куда им закрыто возвращение распоряжениями высшего начальства»[3]. В таком случае, чтобы вернуться на родину переселенцы гневались и на российских дипломатических представителей в Турции, которые также всячески препятствовали репатриации кавказцев. Трапезундский консул с тревогой писал, что черкесы и татары обвиняют наши консульства и угрожают им. В Самсуне угрожали русскому вице-консулу, что сожгут его дом, если их не отправят на Кавказ[4].

Российский вице-консул в Батуми в июне 1865 г. просил местного губернатора, принять меры по недопущению черкесов к границам России. По его просьбе, турецкие власти выдвинули против них войска. Посол России в Турции граф Н. П. Игнатьев в письме от 6 июня 1865 г. на имя директора Азиатского департамента отмечал, что, несмотря на принимаемые меры турецких и российских властей, горцы Кавказа тысячами бегут обратно в Россию. Например, «трём или четырём тысячам удалось уже пробраться на лошадях из Батума и Самсуна, высадиться беспрепятственно, и, пользуясь тем, что не все пункты Черноморского побережья заняты войсками, скрыться в горах… Спрашивается, к чему привело нас пресловутое переселение горцев, если самые оборванные, голодные, нищие,

[1] АКАК, т. XII, ч. II. Тифлись 1904. 1009 – 1010.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 237.
[3] **Там же.** С. 235.
[4] **Там же.** С. 233.

хищные из них возвратятся, скроются в горах, составят шайки и снова возобновят набеги и, может быть, горную войну»[1]. Наместник Кавказа М. Н. Романов 14 июня 1865 г. писал военному министру, что береговой кордон ещё в апреле был усилен двумя казачьими сотнями и если надобность потребует, между береговыми постами учредить беспрерывные разъезды даже ночью[2]. А 15 июня 1865 г. управляющий морским министерством сообщал военному министру о том, что он предложил генералу Глазенапу «принять все зависящие от него меры к усилению наблюдения над восточным берегом Черного моря с целью предупредить попытки выселившихся горцев возвратиться на Кавказ». Сохранилась информация о том, что представители дипломатических служб Англии, Франции, Италии и др. западноевропейских стран в Стамбуле, Трапезунде, Батуме уговаривали горцев вернуться на родину, или же умудрялись препятствовать заправке топливом турецких пароходов, зафрахтованных царскими властями для перевоза горцев из Кавказа. Естественно, все эти мероприятия исходили не от жалости и желания западных стран оказать помощь горцам, а из интересов продолжения военного противостояния на Кавказе в целях экономического и военно-политического ослабления Российской империи.

В письменных источниках представлены разные данные о численности покинувших родину абхазов и родственных им народов в означенный период. Например, по одним данным, в 1864 г. псхувцев было выслано 5040 чел.[3], а по другим – 2840 чел.[4]. А. Н. Дьячков-Тарасов считал, что количество садзов, высланных с 1858 по 1864 гг. составило 19515 человек[5]. По данным А. Берже в 1863 – 1864 гг. садзов было выслано 19925 душ, а абазин в 1858 – 1865 гг. – 4350 семейств или же 30 000

[1] **Там же.** С. 238.
[2] **Там же.**
[3] ЦГИАГ, ф.545, оп.1. 1864, д. 63, л.216.
[4] ЦГИАГ, ф.545, оп.1. 1864, д. 63, л. 257 об.
[5] **Дьячков-Тарасов А. Н.** Гагры и их окрестности // ЗКОРГО. Кн. XXIV. Вып. I. 1903. С. 82.

чел.[1]. По другим данным, общее количество абазин, высланных в 1859 – 1865 гг. составило 45 тыс. человек[2]. Правда, как выясняется, не все садзы ушли в Турцию – малая часть из них перешла на Северный Кавказ, а ещё меньше – в количестве 81 дворов (493 чел.) была временно поселена вблизи Гагрской крепости, на берегах р. Гагрипш[3]. Акад. А. Берже в одном месте насчитывает 74565 убыхов, в другом месте – 44939 чел. Часть населения садзов, абазин, а также убыхов, абадзехов и шапсугов попыталась нелегально спастись от преследования российских войск в пределах Абхазского княжества. В этом отношении характерны упреки наместника Кавказа в адрес владетеля Абхазии, который сочувственно относился к представителям родственных народов. Наместник Кавказа писал императору, что владетель Абхазии «не только не запретил своим подвластным помогать убыхам и выходцам абадзехским и шапсугским, столпившихся на их земле и терпящим голод и всякие лишения, но даже обложил абхазцев налогом хлеба в пользу наших врагов»[4]. Хотя позже практически все они, вместе с жителями «Малой Абхазии», были высланы в Турцию.

Согласно Комиссии по делу переселения горцев из пределов Северо-Западного Кавказа от 18 февраля 1865 г., в течение 1863 – 1864 гг. в Османскую империю переселилось 470703 человека, оставлены же на берегу и размещены по станицам Адагумского полка – 4600 человек. Операция эта обошлась 289678 руб. По другим официальным данным, из горцев Северо-Западного Кавказа около 90 тыс. человек были пересланы на равнину Кубани и Лабе, а 418 тыс. – в Турцию[5].

По данным председателя Кавказской археографической комиссии академика А. П. Берже, за период 1858 по 1865 год в Турцию переселились 439194 человек, занимавших северный склон Западного Кавказа и прибрежную горную полосу между

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. 213.
[2] ЦГИАГ, ф.545, оп.1. 1864, д. 63, л.120.
[3] ЦГИАГ, ф.545, оп.1, д. 91, л.11 – 11 об.
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 214.
[5] **Там же.** С. 210. 132.

Главным хребтом и Черным морем от Анапы до Гагры и котловину р. Бзыбь[1].

Вместе с тем следует отметить, что часто авторы этих сообщений подчеркивали, что эти данные не соответствуют действительности, поскольку точными данными никто не владел. Например, тот же А. П. Берже писал: «Мы не имеем данных, определить хотя бы с достаточной приблизительностью численность каждого из племён, так как при абсолютном отсутствии между ними государственности, сами представители их и старшины никогда не знали точной цифры своих соплеменников»[2]. А. Н. Дьячков-Тарасов писал, что цифры о выселении горцев были «ниже действительности, ибо регистрация отплывающих в Турцию не могла вестись точно: много горцев тайно садились на кочермы»[3]. Кроме того, немалая часть горцев успели уехать из портов Черноморского побережья до того, как туда вошли российские войска. Более того, сама Комиссия по делу переселения горцев предупреждала, что «итогам этим не следует вполне доверять»[4].

Однако, есть и другие данные, где общее количество высланных горцев в конце Русско-Кавказской войны достигает гораздо больше, около миллиона человек. Например, М. С. Тотоев считает, что с 1858 по 1864 годы высланы были 700-750 тыс. человек, а А. Х. Касумов приводит цифру 900 тыс. В частности, он считает, что если в середине XIX в. на Северном Кавказе проживало более одного млн адыгов, а после переселения осталось 100000, то число переселенцев начисляется не менее 900000 чел.[5].

Подобно российской стороне, и турецкие власти не проводили точного учёта эмигрантов из Кавказа. А если, по данным генконсула России в Трапезунде А. Мошнина, только в портах Трапезунда и Самсун с июня по октябрь 1864 г. было доставлено

[1] **Берже А. П.** Указ. соч. С. 163.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.211.
[3] **Дьячков-Тарасов А. Н.** Гагры и их окрестности. С. 82
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 210.
[5] **Касумов А. Х.** Разные судьбы. – Нальчик. 1967. С.13

из Кавказа 357 тыс. человек, а изгнанники высаживались более чем в десяти портах Османской империи[1], то в таком случае, общее количество депортантов, выглядит весьма внушительным.

Историк У. Н. Бэрзэдж, подробно изучивший на основании турецких и российских письменных источников и литературных данных проблему депортации кавказцев, справедливо считает, что неимение точных данных о численности беженцев из Кавказа, можно объяснить, как крайней неорганизованностью властей Османской империи к приёму огромной массы кавказцев, так и заинтересованностью российских и османских властей – огласить заниженные цифры о количестве переселенцев. В частности, Россия, опасаясь настроить против себя европейское общественное мнение, оглашала явно заниженные цифры по покидающим Кавказ черкесам; также поступала и Османская империя, чтобы приглушить протесты христианских держав по поводу заселения изгнанниками Балкан[2].

Таким образом, по заранее составленному российским правительством плану, царизм, по согласованию с властями Османской империи, на завершающем этапе Русско-Кавказской войны, осуществил целенаправленную массовую депортацию коренного населения Северо-Западного Кавказа: абазин и адыгов – в подавляющем большинстве, убыхов и абхазов Садзена – полностью. Это была кульминационная точка переселенческого процесса, который с начала XIX столетия проводился переменным успехом, с целью окончательного покорения Кавказа.

События, разворачивавшиеся в Абхазии и в целом на Кавказе после окончания Русско-Кавказской войны, привели к опустошению и «Большой Абхазии».

[1] **Бэрзэдж У. Н.** Указ. соч. С.201.
[2] **Там же.** С. 200 – 201.

ГЛАВА IV. ДЕПОРТАЦИЯ 1867 ГОДА

Предыстория очередного выселения. Параллельно с предстоящим выселением жителей «Малой Абхазии», российские власти в конце Русско-Кавказской войны намеревались депортировать всё абхазское население «Большой Абхазии» и заселить её казачьими станицами. В частности, исходя из общего плана заселения русским населением всего кавказского Причерноморья, наместник Кавказа М. Н. Романов 23 марта 1864 г. предложил императору принять решение об упразднении Абхазского княжества. По его мнению, необходимо расширить казацкие поселения и «…если в Абхазии окажется достаточно свободной земли, поселить на ней казачье население, связанное с Кубанским войском»[1]. Продолжая эту же мысль, в письме на имя военного министра Д. А. Милютина наместник писал: «Ввиду близкого осуществления высочайше одобренных предположений о заселении казачьими станицами Восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыби, представляется необходимость решить вопрос о будущем положении владетеля Абхазии»[2]. С отстранением владетеля от власти, наместник предлагал расширить территорию этих казачьих поселений до р. Ингур и сформировать «Абхазское казачье войско». «Если количества свободных земель дозволит, – считал он, – то водворить вдоль берега до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыби, могли бы составить Абхазское казачье войско под управлением начальника абхазского военного отдела»[3].

---

[1] Из письма наместника Кавказа вел.князя М. Н. Романова Александру II о положении Абхазии и её владетеле М. Г. Чачба – Шервашидзе // Материалы по истории Абхазии XIX века (1863 – 1874). Сборник документальных материалов. Составители: **Куправа А. Э., Салакая С. Ш., Авидзба А. Ф.** т. 3. – Сухум. 2012. С. 19.

[2] **Джанашия С. Н.** Георгий Шервашидзе. Культурно-исторический очерк // Шервашидзе Георгий Михайлович. Лирика, эпос, драма. – Тбилиси. 1985. С. 4 (на груз.яз.).

[3] **Дзидзария Г. А.** Завоевание Абхазии царской Россией // Дзидзария Г. А. Труды III. Из неопубликованного наследия. – Сухум. 2006. с. 89.

В марте же 1864 г. наместник Кавказа по вопросу выселения горцев, включая абхазов из «Большой Абхазии» Александру II писал: «Будем действовать осмотрительно, но решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье. Надо ожидать, что большая часть горцев предпочитает выселиться в Турцию, чем перейти на назначенные для них места на Кубани… Дело окончательного покорения восточного берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев на указанные им места или в Турцию. Для облегчения сего последнего я предполагаю разрешить употребить казенные суда и кампанейские пароходы»[1].

О намерениях выселения жителей Абхазского княжества в след за депортацией садзов и псхувцев, кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский, в своем письме от 27 июня 1864 г., начальнику главного штаба Кавказской армии генералу А. П. Карцову писал, что если после упразднения Абхазского княжества «часть абхазцев возымеет намерение удалиться в Турцию, то полагаю, что этому препятствовать не следует»[2]. Как справедливо подметил акад. С. Н. Джанашия, на языке Эзопа, слова «этому препятствовать не следует», надо понимать – «способствовать выселению»[3]. Что и произошло на практике.

Вместе с тем, последующие события показали, что если вопрос об упразднении владетельской власти после окончания войны на Кавказе был решён очень скоро, то выселение абхазов из территории «Большой Абхазии» было временно отложено. Как сообщала позже газ. «Кавказ» (15 мая 1867 г.), во время выселения горцев в 1864 г. некоторые полагали, что «вместе с черкесами следовало бы выселить и абхазцев», т.е. жителей «Большой Абхазии». Для оправдания такого жестокого вердикта в отношении всего абхазского населения другая

[1] ЦГАОР СССР, ф.678, оп.1, 1864 г., д. 805, лл.58 об. – 59. По кн.: **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982. С. 283.
[2] **Джанашия С. Н.** Указ. соч. С. 5.
[3] **Там же.**

русская газета «Московские ведомости» приводила следующие уже не раз апробированные цинично агрессивные доводы: «…что племя это, несмотря на плодородие и прекрасное географическое положение обитаемой им земли, не сумеет воспользоваться богатыми дарами природы; что оно мало склонно к восприятию цивилизации; что между абхазцами заметно сильное влияние турок и нередко враждебность к России, и, наконец, что они владеют горными ущельями, живут в малодоступных местах и, в случае войны, могут затруднять сообщение северных и южных склонов Кавказа и, несмотря на свою малочисленность, быть весьма вредными»[1].

Та же газета, рассуждая о вопросе поголовного выселения абхазов, считала, что малочисленный абхазский народ, не имея перспективы дальнейшего самостоятельного существования, в будущем непременно растворится в составе «цивилизованного» народа. Однако из-за недостаточного влияния «русской народности и цивилизации», процесс «слияния» может произойти в весьма отдалённое время. А за этот период абхазы могли бы, особенно, в военное время «наделать нам много хлопот»[2].

Такая упрощённая и негативная характеристика абхазского народа, его быта и культуры, политической ориентаций и перспективы дальнейшего существования как самостоятельного этноса, была основана на искусственно искаженном о нём представлении властей, вызванным абхазо-российским противостоянием в ходе покорения царизмом Абхазии и всего Кавказа. Однако в то время выселение абхазов из всей Абхазии всё же «не было признано полезным»[3]. Поэтому в начале 1866 г., в связи с «преобразованиями», последовавшими после упразднения Абхазского княжества и подготовкой к проведению крестьянской реформы, «мысль о выселении опять пошла в ход»[4].

---

[1] Газ. «Московские ведомости», №130, 1867 г.
[2] Газ. «Кавказ», 1867, № 40.
[3] Газ. «Московские ведомости», 15 июля 1867 г.
[4] Газ. «Кавказ», №40, 1867 г.

Через месяц после окончания Русско-Кавказской войны, 24 июня 1864 г. наместник Кавказа сообщил владетелю Абхазии М. Чачба о решении императора упразднить Абхазское княжество, а 12 июля 1864 г. царизм официально упразднил Абхазское княжество, переименовал его в Сухумский военный отдел и установил прямое управление страной. Начальником Сухумского военного отдела был назначен командующий российскими войсками в Абхазии генерал-майор П. Н. Шатилов. В ноябре 1864 г. был арестован пожилой и тяжелобольной владетель Абхазии М. Чачба и отправлен в Ставрополь, а позже – в Воронеж. Тем самым, вопреки правовым требованиям царского Манифеста от 17 февраля 1810 года, была упразднена государственность Абхазии. Бывшая территория Абхазского княжества была разделена на три округа: Бзыбский, Сухумский и Абжуйский и два приставства: Цебельдинское и Самурзаканское[1].

Эти радикальные политические шаги, осуществляемые царизмом в отношении владетельской власти и в целом автономного правления Абхазии не вызвали тогда открытого сопротивления со стороны абхазского народа. Причина тому, сложность военно-политической ситуации поствоенного периода – народ находился в тяжёлом психологическом шоке от покорения Кавказа царскими войсками и, особенно от массовой депортации подавляющей части горцев, в первую очередь, абхазо-адыгов в лице собственно абхазов (садзов и псхувцев), абазин, убыхов и адыгов. Поэтому, чтобы не подвергать себя ещё большей опасности вплоть до полного выселения в Османскую империю, или в регионы Российской империи, жите-

[1] Сразу же после подавления народного восстания, на основание постановления императора России от 11 августа 1866 г. Сухумский военный отдел был разделен на управление городом Сухумом и четыре округа – Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. А 27 мая 1868 г., в результате очередной административной реформы, Сухумский военный отдел был разделен на Пицундский и Очамчирский военные округа, каждый из которых состоял из двух участков. Пицундский округ – из Гудаутского (от Гагры до р. Псырцха) и Гумистинского (от р. Псырцха до р. Кодор) участков; Очамчирский – из Кодорского (от р. Кодор до р. Аалдзга) и Самурзаканского (от р. Аалдзга до р. Ингур) участков.

ли бывшего Абхазского княжества предпочли временно прибегнуть к тактике выжидания и в сложившейся в то время в их стране ситуации следить за переменами в сфере административного управления и социально-экономической жизни. Именно такое, на первый взгляд, лояльное отношение основной части населения Абхазии к происходящим тогда событиям и что не менее важно, отсутствие одобрения властей Турции о приеме новых партий беженцев из Кавказа, вынудило царское самодержавие временно воздержаться от первоначального плана по немедленному и поголовному выселению абхазов в Османскую империю.

Однако кончина владетеля Абхазии в ссылке в Воронеже 16 апреля 1866 г. и последующие события, связанные с народным восстанием в конце июля – начале августа того же года, раскрыли глубинные противоречия в абхазо-российских отношениях. В письме наместника Кавказа М. Н. Романова кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому от 24 августа 1866 г. отмечено: «возмущение (не убийство) готовилось уже давним давно, и скрыто; Абхазия кипела, не доставало только удобного повода…»[1].

В письме наместника Кавказа военному министру Д. А. Милютину от 10 августа 1867 г. изложена официальная версия восстания. В частности, в документе отмечено, что повстанцы 26 июля на Лыхненской поляне предъявили российским властям четыре главных претензии, среди которых на первом месте стояло «удаление владетеля», а все остальные представлялись как бы последствиями данного политического события. По этому поводу в документе сказано: «1-е, народ выражает неудовольствие, что помимо его удален владетель; 2-е, выражает неудовольствие, почему русское правительство не хочет спросить, желает ли народ детей бывшего владетеля допустить

[1] Из письма наместника Кавказа великий князь **М. Н. Романова** кутаисскому генерал-губернатору **Д. И. Святополку-Мирскому** о наказании Бзыбских повстанцев. ЦГАОР СССР, ф. 649, оп. 1, д. 230, лл. 9 – 11 // Материалы по истории Абхазии XIX века (1863 – 1874). Т. 3. С. 224.

остаться в Абхазии на помещичьих правах; 3-е, от чего правительство помимо его желания хочет освободить от крепостной зависимости и 4-е, что народ требует от окружного начальства выдачи всех арестантов, содержащихся за разные поступки в Округе»[1].

Кроме этих причин, были и другие, способствовавшие массовому восстанию. Это произвол царских офицеров, чиновников, русской церкви, и такие факторы, как стихийные бедствия, неурожаи, эпидемии. В этом отношении весьма примечательны высказывания начальника Сухумского отдела генерала В. А. Геймана, назначенного на эту должность в августе 1867 г. Он в своем письме начальнику Кавказского горского управления Д. С. Старосельскому от 16 октября 1867 г. открытым текстом указывал на грабёж народа представителями российской власти, что вызывало к ним полное недоверие. Генерал писал: «Я пришёл к тому убеждению, что в долгое время управления краем русского начальства, мы заботились о том, чтобы поселить полное недоверие к нам в народе и лишь в последнее время [народ] перестает сомневаться в нас, но далеко ещё во всей массе народа и вообще в Абхазии и Самурзакани видно, что никогда не было никакой опеки о народе и только впоследние годы перестали грабить их наши власти, так что их теперь удивляет, что с них ничего не берут…»[2]. Как писал С. П. Басария, «Со дня лишения самостоятельности Абхазии и перехода власти к царским чиновникам, Абхазия, можно сказать, находилась на положении войны, вызываемой исключительно провокационными действиями царских сатрапов и бестактностями их чиновников»[3].

Таким образом, причин для нового массового восстания было предостаточно, но основной является ликвидация государственности Абхазии. Однако непосредственным поводом

[1] Материалы по истории Абхазии XIX века (1863 – 1874). Т. 3. С. 201.
[2] **Там же.** С. 405.
[3] **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале. 1923. С. 41.

данного восстания стала попытка проведения крестьянской реформы, основанной на необъективной оценке российскими чиновниками природы «горского феодализма». Восставшим был непонятен смысл разъяснения чиновников о том, что в результате крестьянской реформы, они «получат свободу за выкуп». В силу сущности законов «горского феодализма», большинство населения в Абхазии и так были свободными от феодальной зависимости[1].

26 июля жители округа в количестве 7 тыс. человек собрались на народный сход в с. Лыхны. Сюда прибил начальник Сухумского отдела полковник В. М. Коньяр со своей свитой, в составе которой были Георгий Чачба и Александр Чачба – сын и брат последнего владетельного князья Абхазии Михаила Чачба. От имени собравшихся выступил знаменитый оратор из с. Эшеры Осман Шамба. Следует отметить, что у митингующих не было намерения брать оружье, ибо требования народа сводились к тому, чтобы разрешить послать депутации повстанцев в Тифлис для передачи наместнику Кавказа вышеперечисленных требований. Однако, вместе того, чтобы согласиться с просьбой населения, полковник В. М. Коньяр стал угрожать митингующим, что он строго накажет всех, кто откажется давать нужную информацию чиновникам, необходимую для проведения крестьянской реформы в Абхазии и потребовал выдачи властям инициаторов восстания. Однако этого не случилось: уполномоченный схода О. Шамба в категорической форме заявил: «Нет, полковник, мы не можем исполнить ваши требования, довольно! Сердце наше переполнилось терпением, мы больше не можем терпеть, оставьте нас в покое!»[2].

После этих слов и раздались выстрелы. Коньяр и его свита укрылись во дворце владетеля. Однако и это не спасло их. При штурме дворца были убиты начальник Сухумского отдела, другие военные и гражданские чиновники и истреблена

[1] Подробно о восстании см.: **Дзидзария Г.А.** Восстание 1866 г. в Абхазии. – Сухуми. 1955.

[2] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии. С. 272.

большая часть казачьего отряда – охранников полковника. Восстание приняло ярко выраженный антиколониальный характер. «Выступление 1866 года, – писал Г. А. Дзидзария, – было выражением протеста масс против насилия и эксплуатации и поэтому являлось прогрессивным, освободительным»[1].

Повстанцы направились в Сухум, к ним стали присоединяться вооруженные отряды из других регионов Абхазии. Воинские подразделения, дислоцированные в Пицунде и Цебельде, подверглись к нападению со стороны повстанцев, однако их спасли местные старейшины, которые убедили нападавших отказаться от их истребления. 27 июля около 2 тыс. повстанцев заняли поляну Баалоу (Трапеция) над Сухумом, организовали там повстанческий лагерь, избрали совет (штаб) для командования наступательных операции на город. Одновременно численность повстанцев буквально с каждым часом росла, и общее их количество достигло около 20 тыс. чел. 29 июля в штабе повстанцев имело место событие чисто политического характера – 18-летний Георгий Михайлович Чачба был объявлен Владетелем Абхазии. Данный факт – ещё одно свидетельство того, что основной причиной всенародного восстания являлась упразднение Абхазской государственности.

Наступление на город осуществлялось с трёх сторон. Отряды Сухумского гарнизона были вынуждены скрыться в крепости. Повстанческий отряд, обложив Сухумскую крепость, в течение суток штурмовал её десять раз. Однако отсутствие артиллерийских орудий у повстанцев, не позволило занять крепость.

Абхазское восстание привлекло внимание не только наместничество в Тифлисе, но и Верховное руководство в Петербурге, ибо эти события могли оказать влияние и на другие регионы Кавказа. Так и случилось, крупное народное восстание Кайтаго-Табасаранского округа в Дагестане власти непосредственно связывали с Абхазским восстанием. Неслучайно, император в своем письме от 22 августа 1866 г. на имя наместника Кавказа открытым текстом писал: «Известия из Абхазии

[1] **Там же.** С. 276.

меня крайне огорчают. Надеюсь, что все меры будут приняты для водворения порядка»[1].

Тем временем, из Поти и Гагр на пароходах была послана помощь Сухумскому гарнизону, а по суше были двинуты гурийские и мингрельские милицейские отряды[2]. Вся Абхазия оказалась в кольце экспедиционных отрядов России: были закрыты все горные перевалы, а побережье охранялось военными кораблями Черноморского флота[3]. В Сухум прибыли сам наместник на Кавказе М. Н. Романов, великий князь Константин Николаевич и царский наследник Николай Александрович. Прибытие таких высокопоставленных лиц империи ещё одно свидетельство значимости немедленного подавления Абхазского восстания[4].

В результате, сосредоточения в Сухуме и вокруг него крупных вооруженных сил, военные власти 30 июля, под командованием кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополка-Мирского, перешли в контрнаступление. Повстанцы, не выдержав натиск превосходящих сил, были вынуждены оставить город, и сосредоточились в лагере. Однако увеличение количества экспедиционных сил противника вынудило абхазов, не дожидаясь поддержки повстанческих отрядов из центральной и юго-восточной частей Абхазии, покинуть повстанческий лагерь над Сухумом.

Убийство восставшими начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра, других военных и гражданских лиц российской администрации и, в целом превращение восстания в общеабхазское, послужили весьма удобным поводом для проведения операции по массовому выселению абхазов в Османскую империю. Примечательно, что в отличие от выселения горцев в прошлые годы, когда шла война против местного населения Кавказа, и выселение горцев оправдыва-

[1] ЦГАОР СССР, Ф. 728, 1862 г., д. 2732/а, л. 233. По **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии. 1982. С. 274.
[2] **Басария С. П.** Указ. соч. С. 40.
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 274 – 275.
[4] **Там же.**

лось «военной необходимостью», то на этот раз царскому самодержавию понадобилось немало усилий, чтобы обосновать хоть и формально, необходимость депортации тысяч семейств за пределы родины. Ибо такая непопулярная мера «наказания» целых народов, как массовая депортация вызывала множество нареканий, как в самой России, так и за её пределами. Во всяком случае, царизм, ставший на путь политических и социально-экономических реформ, старался оставаться, хотя бы внешне, приверженцем «гуманных идей» Запада.

Поэтому нередко российской власти сообщали о «желании» представителей высшего сословия Абхазии, а то и всего народа – переселиться в Турцию. Ещё в ходе восстания, когда повстанцы потребовали от полковника В. Коньяра разрешения об отправке депутатов в Тифлис к наместнику Кавказа, для передачи своих требований, власти распространили слух о том, что якобы восставшие в ультимативной форме потребовали: или отправить депутацию в Тифлис, или разрешить им выселиться в Турцию. Ссылаясь на эту преднамеренно распространенную ложную информацию, начальник Сухумского военного отдела заявил повстанцам, что он «употребит все усилия» и «исходатайствует» у высшего начальства разрешение выселить всех абхазов в Россию, а не в Турцию, как этого желают они[1]. На самом деле, – как писал К. Д. Мачавариани, – представители абхазских повстанцев вовсе не ставили вопрос о переселении в Турцию[2].

Помимо того, власти часто распространяли слухи о том, что якобы от желания князей и дворян зависела судьба всей массы абхазского населения, и что именно они являются инициаторами выселения людей в Османскую империю. Например, перед началом массового выселения абхазов, новый начальник Сухумского отдела генерал М. Толстой 16 марта 1967 г. писал кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому

[1] **Мачавариани К. Д.** Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком. Сухум. 1913. С. 286.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г. д. 91, л. 61.

о том, что с 1 мая около 40 цебельдинских князей намереваются отправиться в Турцию с 2170 крестьянскими семьями. Другими словами, выходит, что крестьяне обязаны были следовать за «своими» феодалами, если даже сами этого не желали, что невыдерживает никакой критики.

Как показала практика, во-первых, большинство князей и дворян не собирались покидать родину, во-вторых, что очень важно, феодальное сословие владело весьма ограниченным количеством зависимых крестьян (агыруа) и слуг (ахашала), и если удалось бы им забрать с собой своих подвластных, что так же весьма маловероятно, то их количество было бы не так уж много. Ибо, как известно, основная масса жителей, примерно ¾ от общего количества населения Абхазии, являлись свободными земледельцами – анхаю. Например, по данным, собранным капитан-лейтенантом Коргановым в ноябре 1866 года[1], в Цебельде вольные жители, т.е. анхаю составили 7809 чел., что ровно 75,5% от общего количества населения (10345 чел.), тогда как удельный вес крепостных крестьян (агыруа) составил – 11,3%, слуг (ахашала) – 6,4%, дворян (аамста) – 5,0% и князей (ах, атавад) – 1,8%. (Таблица 1). И что весьма важно, представители анхаю не были подотчетны князьям и дворянам. Данное сословие, независимо от желания князей и дворян, имело право самостоятельно решать вопрос – остаться на родине или выехать в Турцию. Так что, непросто было управлять абхазским населением, вопреки тому, что отмечалось в некоторых официальных донесениях. Это говорит о том, что желаемое выдавалось за действительность. А некоторым российским чиновникам может и казалось, что представители абхазской знати были вправе также манипулировать населением, как это удавалось российским помещикам в самой России.

То, что переселение основной массы жителей Абхазии не зависело от одностороннего решения князей и дворян, подтверждают и некоторые русские источники. Например, в до-

[1] Материалы по истории Абхазии XIX века (1863 – 1874). т. 3. С. 315.

несении от 29 июля 1867 г. в адрес императорской миссии в Стамбуле генеральный консул России в Трапезунде А. Н. Мошнин отмечал, что в течение месяца, т.е. с 19 июня по 19 июля в Трапезунде не было новых переселенцев, «хотя некоторые из влиятельных абхазцев очень старались переселить сюда ещё других своих соотечественников…»[1].

Таблица №1.

Численность населения Цебельды по данным капитан-лейтенанта Корганова

Сословия	Мужского пола	Женского пола
Князей	95	91
Дворян	279	243
Вольных жителей (анхаю)	4084	3725
Крестьян (агыруа)	622	541
Рабов (ахашала)	288	377
Итого	5368	4977

Однако царизм решительно был настроен избавиться не только от простого населения, но и от князей и дворян, так как эти последние, после упразднения владетельской власти в Абхазии и введения прямого управления и, конечно же, после народного восстания перестали быть опорой царизма. Абхазские помещики особенно были недовольны тем, что чиновники угрожали, что российские власти не будут признавать прежние права абхазской знати на владение землей, на зависимых крестьян и слуг. Такое отношение власти к имущему классу было продиктовано желанием спровоцировать коренное население, включая князей и дворян, на массовое выселе-

[1] **Там же.** С. 393.

ние в Турцию и передать в казну как можно больше земельных угодий для колонизации опустевших земель переселенцами из Росийской империи.

Тем не менее, есть основание подчеркнуть, что представители той части абхазской знати, которая, в результате упразднения владетельской власти, потеряла свои привилегии и особенно та часть, которая принимала активное участие в восстании, ухудшили свои отношения с российскими властями. Как и следовало ожидать, ухудшение отношений между российской администрацией и имущим классом Абхазии подтолкнуло некоторых из них к выселению в Турцию, а за ними могли последовать и некоторые крестьяне. Эти отдельные факты незамедлительно были использованы царскими чиновниками для защиты имиджа царизма, чтобы свалить всю вину за массовое выселение абхазов в Османскую империю на местную феодальную знать.

Вместе с тем, источники того периода красноречиво свидетельствуют, что инициатором, организатором и исполнителем исхода абхазского населения из Абхазии в 1867 г., как и в других случаях, был не сам коренной народ, включая её феодальную знать, а царизм[1].

По данным источников, за выселение абхазов в 1867 г. ответственны были, прежде всего наместник Кавказа Михаил Николаевич, его сподвижники – кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский, начальник Кавказского горского управления Д. С. Старосельский и др., которые разработали и реализовали план удаления абхазов подальше от пограничной полосы России, в глубь Османской империи[2]. «В нынешнем

[1] В процессе переселения абхазов в 1867 г., как и других этапов депортации, имели место различного рода мотивы переселения, в том числе, возникшие искусственно. Например, невыносимые административно-полицейские условия вынуждали людей бежать в Турцию, чтобы спасать себя и членов своих семей от произвола властей. Работали и турецкие агенты, которые агитировали абхазов переселиться в Турцию. Были случаи, когда родственники, выезжая в Турцию на поиски своих близких, оставались там, и т.д. Однако все эти примеры являлись последствиями главной причины – колониальной политики царизма на Кавказе.

[2] **Дзидзария Г.А.** Абхазское махаджирство XIX века, // Дзидзария Г. А. Труды III. Из неопубликованного наследия. Сост.: **Куправа А.Э., Дзидзария Г. Г.** – Сухум. 2006. С. 227.

году, – писала газета «Московские ведомости», – состоялось окончательное решение о выселении цебельдинцев, далцев, триста семей Пицундского и девятсот Драндского округов»[1]. Самая большая угроза нависла над цебельдинцами и далцами – всё, около 15-тысячное население этих регионов было обречено на депортацию в Османскую империю. Полномочный представитель России в Турции граф Н. П. Игнатьев о выселении абхазов говорил именно как «о решении Кавказского начальства»[2]. Хотя эти решения нуждались в соответствующем подтверждении на самом высоком уровне Российской империи и, конечно же, в санкции султана Турции.

Следует подчеркнуть, что ещё в начале 1866 года, в связи с «преобразованиями» и подготовкой к проведению крестьянской реформы эти и другие вышеназванные высокопоставленные российские офицеры и чиновники, словно соревновались между собой в деле «обоснования» и полезности массовой депортации абхазов в Турцию. Эти «состязания», направленные для поднятия своего имиджа, как страстных патриотов империи, активизировались после подавления Лыхненского восстания. А в случае, если на это не последует решение императора и соответствующего согласия турецкого правительства, то кавказская администрация планировала выселить как можно больше людей в Сибирь и другие регионы Российской империи. Например, на запрос начальника Сухумского отдела, «в каком направлении ему действовать», наместник Кавказа главным советом «для руководства» указал на переселение абхазов в Османскую империю; он считал это единственным «средством» для устранения «всякой опасности» в Сухумском отделе[3]. Михаил Николаевич Романов в своих письменных донесениях неоднократно отмечал целесообразность выселения абхазов, как «коренную» меру с военно-политической точки зрения, что «главная цель предположенного переселения в

[1] Газ. «Московские ведомости», №130, 1867 г.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, 1866 г., д. 191, л.32 (отношение Н. П. Игнатьева от 31 декабря 1866 г. А. П. Карцову.

[3] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии. С. 283.

Турцию состоит в удалении от пределов наших той части населения, которая заключает в себе элементы наиболее нам враждебные»[1]. Он считал «необходимым принятие особых энергичных мер к прочному водворению нашей власти в этой части края, имеющей исключительное значение как по условиям географического своего положения, так и по предшествовавшим условиям её внутреннею управления и внешних сношений»[2]. Такой «энергичной мерой» наместник считал как «возможно большее ослабление мусульманского элемента населения Абхазии и Цебельды, открытием и даже поощрением ухода его на переселение в Турцию»[3].

Такого же мнения был кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский, который 27 октября 1866 г. на имя начальника Кавказского горского управления Д. С. Старосельского писал: «Одно только есть радикальное средство для устранения всякой для нас опасности со стороны Сухумского отдела – это выселение в Турцию жителей Абхазии…»[4]. Он считал, что «если решиться на такую меру (выселение абхазов в Турцию – Т. А.), то всякие другие соображения сделаются излишними, и вопрос закончится раз инавсегда»[5]. Российский генерал, принимавший активное участие в покорении и депортации садзов в мае 1864 года, новую волну выселения абхазов рассматривал как «довершение системы, принятой в отношении горских племён Западного Кавказа»[6]. По его мнению,выселение абхазов может стать существенным событием, поскольку, «Абхазия и Цебельда играли весьма важную роль во время Кавказской войны и будут иметь большое значение при всяких военных событиях на Кавказе и, в особенности, в случае внешней войны»[7]. В своем ответе Старо-

[1] ЦГИАГ, ф.545, оп.1, 1866 г., д.91, л.74 а.
[2] Материалы по истории Абхазии XIX века (1863 – 1874). т. 3. С.396.
[3] **Там же.**
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 283.
[5] ЦГИАГ, ф.545, оп.1, 1866 г., д.191. лл. 4 – 6.
[6] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 283.
[7] **Там же.** С. 284.

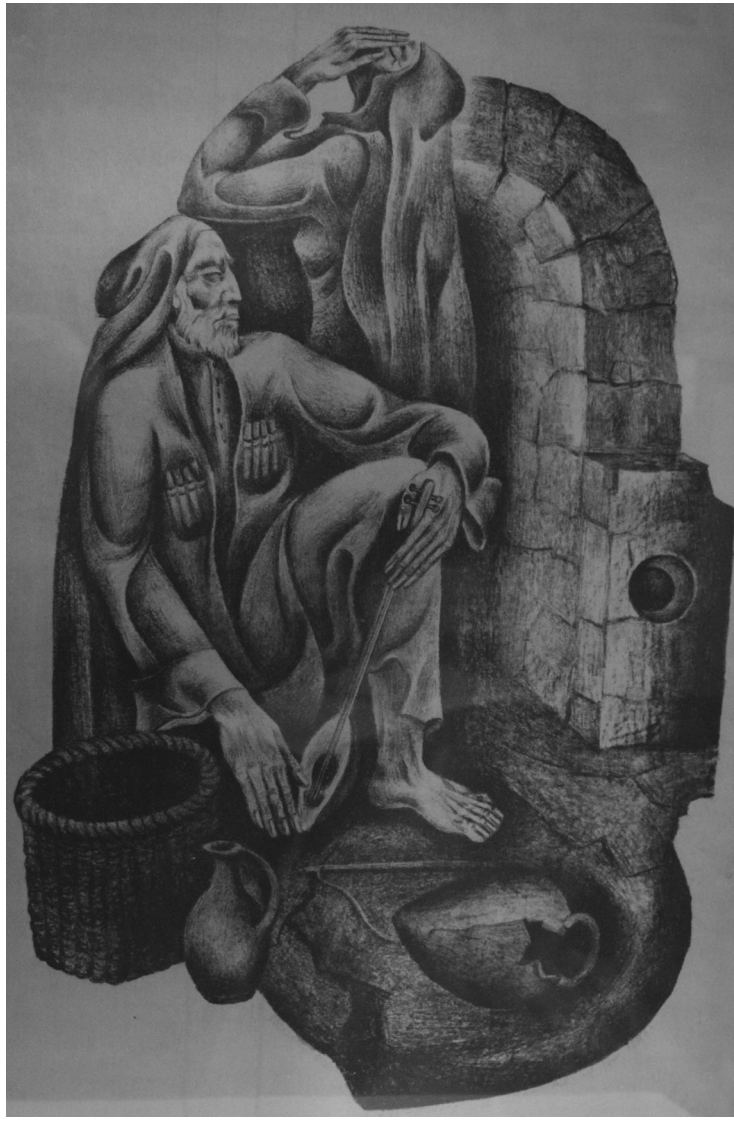
сельский, полностью одобряя мнение Святополк-Мирского о целесообразности выселения абхазов в Турцию, писал: «нет возможности что-нибудь возразить против верности, сделанной Вашим сиятельством...»[1].

Все эти соображения по поводу необходимости и верности выселения абхазов в Османскую империю, наместником Кавказа лично были донесены императору Александру II во время его пребывания в столице осенью 1866 г. Однако для осуществления намеченного плана по массовому выселению абхазского населения российские власти проводили комплекс мер. По всей вероятности, само восстание было спровоцировано чиновниками Сухумского военного отдела, что выражается не только в поспешности и неподготовленности попытки проведения крестьянской реформы в условиях «горского феодализма», но и в игнорировании традиционного уклада жизни, оскорблении достоинства народа и личности, сопровождавшиеся угрозами поголовного выселения всего населения Абхазии в Сибирь и т.д. Одним из самых ярых подстрекателей и зачинщиков вооруженного столкновения был чиновник А. П. Черепов, который по заданию Администрации Сухумского военного отдела изучал предреформенную социально-экономическую ситуацию в Абхазии. Он игнорировал нравы, обычаи, нужды местного населения, «издевался над князьями и дворянами, угрожая, что едва ли они будут отнесены к привилегированным сословиям и отберут принадлежащие им земли. Кроме того, он издевался над представителями женского пола, задевая самые священные чувства населения»[2].

Характеризуя обстоятельства, «побудившие весь Бзыбский округ восстать», наместник Кавказа был вынужден отмечать: «Можно полагать с уверенностью, что они заключаются в ошибке лиц пострадавших в этой катастрофе, не умевших примениться к обычаям и понятиям народа; ещё сильнее

[1] **Там же.**

[2] **Мачавариани К. Д.** Указ.соч. С. 286.

«Последний из ушедших» по роману Б. В. Шинкуба. Худ. Т. А. Ампар

подтверждает это поведение жителей в двух других округах, в которых окружные начальники держали себя с большой осмотрительностью»[1].

Подавление восстания самым жестоким образом – смертная казнь, массовые аресты, ссылка в Сибирь и др. регионы империи, преднамеренное сожжение сёл и разорение населённых пунктов, разоружение населения целых регионов – были рассчитаны на то, чтобы вынудить абхазов покинуть родину. Наместник Кавказа кутаисскому генерал-губернатору дал совет следующего содержания: «Желал бы в отношении бзыбцев так поступить: по отбирании у них всего оружья, применить к ним, хоть частично, ту меру, которая исполнена была ныне с аулом в Кайтаге Шеляги, т.е. сожжение аула и поголовное выселение в Россию (шелягинцы уже отправлены)». Продолжая эту мысль, М. Н. Романов советовал своему подчиненному: «Не найдете ли вы возможным и полезным хотя несколько или даже одну деревню в Соук-су или окрестностях немедленно сжечь и отправить [жителей] в Россию? Убежден, что подобные меры сильнейшим образом подействуют на все абхазское население… Хорошо бы кажется было всех остальных бзыпцев тоже немедленно выселить… в Ставропольскую губернию»[2]. По словам ген. Д. Святополка-Мирского, высадив десант 16 августа в Псырцха, 17 августа он направился в Лыхны «для похорон и сожжения домов». Военные власти повстанцам объявили «беспощадную истребительную войну», и для подтверждения сказанного, «17 августа без всякой военной надобности, по приказу кутаисского генерал-губернатора, варварски был разрушен знаменитый Лыхненский дворец, знаменитый памятник гражданской архитектуры страны, резиденция абхазских правителей и символ

[1] Из письмо наместника Кавказа, вел.князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о восстании в Абхазии от 10 августа 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века. Том 3. Сухум. 2012. С. 202.

[2] Из письма наместника Кавказа, вел.князя **М. Н. Романова** кутаисскому генерал-губернатору **Д. И. Святополк-Мирскому** о наказании бзыбских повстанцев от 24 августа 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века. т. 3. Сухум. 2012. С. 223.

государственности Абхазии»[1]. Генерал Д. Святополк-Мирский с удовольствием отмечал, что «сожжение сделало большое впечатление и привлекло толпы жителей»[2]. В своем предписании от 6 сентября 1866 г. факты сожжения абхазских сёл и другие устрашающие меры, осуществляемые кутаисским генерал-губернатором в июле-августе 1866 г. в Абхазии наместником Кавказа был оценён как «благоразумный и зрело обдуманный образ действий». В частности, в документе читаем: «Известясь из донесений в. с-ва и из доклада помощника моего ген.-ад. Карцова, о результате мер, принятых вами для подавления мятежа в Сухумском отделе, считаю приятным долгом выразить вам искреннюю мою признательность на ваш благоразумный и зрело обдуманный образ действий…»[3].

Этим жестоким репрессивным мерам относятся аресты, смертная казнь и ссылка активистов восстания. В частности, власти полевому суду передали 15 человек. Ашнакума Наурыз Шакрыл и Мсоуст Пилия и князь Учан Дзапш-ипа, которые как «важные преступники» были заключены в Метехский замок в Тифлисе. А в начале декабря 1866 г. в Сухуме на глазах сотен людей «как более других виновные» были повешены крестьяне Ханашв Калги и Кукучал-ипа и дворянин Казылбек Маргания (Маан). Кроме того, 30 повстанцев были высланы за пределы Абхазии, главным образом в Сибирь. Многие активисты восстания были вынуждены спасать себя бегством в Турцию[4].

Одним из жестких мер для наказания абхазов было общее разоружение «виновного и мятежного населения». Кроме всего другого, разоружение абхаза, по обычаям народа, считалось величайшим оскорблением горца. После принятых мер, как писал в своем письме от 30 августа 1866 г. ген. Святополк-Мирский наместнику Кавказа: «почти все жители Бзыбского округа

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 274.

[2] Из письма кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского наместнику Кавказа, вел.князю М. Н. Романову об обезоружении населения Абхазии от 30 августа 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века. Том 3. С. 225.

[3] Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Тбилиси, 1954, с. 68-74. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. д. 2784, лл. 60-73. По кн.: Материалы по истории Абхазии. Т.3. с. 227.

[4] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 275.

выдали ружья, ружей принято от них около трех тысяч»[1]. А 1 сентября того же года кутаисский генерал-губернатор сообщал наместнику, что обезоружение Бзыбского округа окончено, и 2 сентября приступают к обезоружению Сухумского округа до Кодора и ещё нескольких деревень в Цебельде, прилегающих к Сухумскому округу[2]. К 7 сентября 1866 г. разоружение населения было проведено в 63 сёлах, где было изъято 5667 ружей и 670 пистолетов. Жителям остальных сёл было запрещено ношение огнестрельного оружия[3].

Исходя из предписания наместника на Кавказе, власти ограничились отбиранием оружия только от жителей Бзыбского округа и тех селений Сухумского округа, жители которых принимали участие в восстании. Что касается жителей Дала и тех семейств Цебельды, члены которых были в составе милиции и сохраняли верность правительству, то они имели право хранения огнестрельного оружия. Для этого они обязаны были получить специальные билеты за подписью окружного начальника[4]. Но все это было временной мерой, так как наиболее ненадежным населением представители власти считали именно жителей Цебельды и Дала, и поэтому неслучайно, что когда планировалось массовое выселение из Абхазии в степи Новороссийской губернии (совр. Южная Украина), то в первую очередь это касалось жителей Кодорского ущелья. Однако, как показала жизнь, при первой же возможности, власти предпочли их поголовное выселение не в Россию, а в пределы Османской империи[5].

По отношению тех мест, где население уже было разоружено или намечалось изъятие оружия, наместник приказал своим подчиненным «за ношение» оружия и «за утайку» вопреки на-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 649, оп.1, д. 409, лл. 60 – 69. По кн. Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С.225.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 649, оп.1, д. 409, лл. 71. По кн. Материалы по истории Абхазии (1863–1874). Т.3. с.226.

[3] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 274 – 275.

[4] Документы по истории Грузии. Серия II, т.1. Тбилиси. 1954. С. 68.

[5] **Салакая С. Ш.** К вопросу махаджирства 1867 года // Абхазоведение. Археология, история этнология. Вып. VII. – Акуа – Сухум. АбИГИ. 2012. С. 125.

стоящему запрещению, немедленно выселять в Сибирь[1]. Чтобы эти требования не стали формальностью и угрозою, наместник дал указание кутаисскому генерал-губернатору по своему усмотрению назначить срок сдачи оружия. После истечения этого срока, «должно быть приступлено к проверке и отысканию, не только явными, но тайными способами сокрытого оружия и, в случае обнаружения, хотя одного ружья или пистолета в каком-либо семействе, все это семейство без исключения должно быть немедленно отправлено в Ростов, впредь до дальнейшего с моей стороны распоряжения»[2].

Для того, чтобы изъять максимальное количество оружия, было приказано в каждой общине назначить особых ответственных старшин, из которого каждый был обязан следить и отвечать за 15 или 20 семейств своих соседей. Эти лица были обязаны доставить окружным управлениям сведения о сдаче той или иной семьёй оружия. При обнаружении утаенного оружия, владелец подвергался к ссылке, а старшина, под чьим наблюдением виновные находились, за первый случай – денежному взысканию или аресту, а за второй – ссылке в Россию[3]. За неподчинение вышеперечисленных требований по отбиранию оружия, наместник требовал более суровые меры наказания вплоть до смертной казни. «Независимо от отбирания

[1] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 230.

[2] **Там же.** Как правило, многие из выселенных горцев в Российскую империю, особенно в её северных и восточных регионах, были обречены на гибель. Ссылаясь на газ. «Северный вестник», газ. «Вечерняя почта» от 4 декабря 1877 г. сообщала, что горцы в городах Череповец, Кириллов и Белозерск Новгородской губернии, переселившихся из Кавказа на самом деле «это вовсе не переселенцы, это – просто изгнанники и притом самые несчастные, обреченные на явную гибель». По этому поводу на примере поселенцев в г. Череповце в газете сказано: «В Череповце горцы помещены в полуразвалившейся, давно необитаемой лачуге, состоящей из трех каморок. Тут все и все; тут женщины совершают роды, тут умирающие и умершие, тут же висит конина для пищи, валяются лохмотья, тут грязь… Благодаря таким условиям из пятидесяти человек уже умерло до тринадцати, преимущественно детей, от чахотки и брюшного тифа». Рассуждая о целях выселения горцев на северные регионы империи, та же газета отмечала: «При выселении горцев, вероятно, имелась в виду двоякая цель: избавиться от беспокойных обитателей на Кавказе и колонизировать малолюдный север. Относительно второй цели могу с уверенностью сказать, что она достигнута не будет».

[3] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 230.

оружия, которое послужит наказанием для всего виновного в мятеже населения, – сказано в предписании наместника от 6 сентября 1866 г., – должны, само собой разумеется, подвергнуться наказанию смертной казнью или ссылке в арестантские роты или на житье в Сибирь или в Россию, те лица, которые по расследовании, окажутся наиболее виновными как в непосредственном участии в преступных действиях, коими обнаружилось возмущение, так и в подстрекательстве к этому возмущению, полагаю необходимым показать в этом случае самую большую строгость»[1].

Разоружая часть абхазского населения, власти были готовы изъять оружие у всего населения Абхазии, но опасались негативной реакции со стороны коренных народов всего Кавказского региона и потерять доверие перед теми кавказцами, которые находились на службе царской военной и гражданской власти. Поэтому кавказская администрация с согласия императора ограничилась только Бзыбским округом и теми сёлами Сухумского округа, которые участвовали в восстании. Такое решение исходило из соображения, что разоружение воспринималось населением как «вид наказания, а не как мера политической предосторожности»[2]. Для успешного проведения операции по отбиранию у населения оружия, поимки и наказания подозреваемых в участии в восстании, а также для возвращения на места постоянного жительства или ссылки в Россию людей, скрывавшихся от государственного террора в лесах и горных трущобах, власти применяли военную силу, во главе с генералом В. А. Гейманом – активным участником покорения Кавказа и депортации горских народов в 1863 – 1864 гг.[3]. Показав «самую большую строгость» в подавлении восстания и наказания «преступного» населения, власти пытались «справедливо воздать виновным за совершенное ими злодейство, и произвести на умы возможно большое нравственное впечатление»[4].

[1] **Там же.**
[2] **Там же.** С. 227.
[3] **Там же.** С. 234.
[4] **Там же.** С. 230.

Для проведения дальнейших шагов по физическому истреблению и морально-психологическому подавлению воли абхазского населения, властями были созданы две комиссии. Одна из них занималась выявлением непосредственных виновников в подготовке и в ходе восстания, а другая – для установления причин восстания. Работы этих комиссии и проведенные акции по разоружению населения, создали невыносимые условия для жителей Абхазии. Власти, причислив большую часть абхазов к «виновному и преступному» населению, готовили благодатный фон для «добровольного» исхода абхазов в Османскую империю.

Помимо того, что власти принимали жесткие меры по отношению к местному населению, они распространяли ложную информацию, включая разные устрашающие слухи, чтобы обманным путём заставить людей искать убежище за пределами родины. Например, периодически распространяли слух о наличии у властей списка лиц, «скомпрометировавших» себя во время восстания 1866 г., что вынуждало многих людей спешно удалиться в Турцию[1].

Таким образом, в условиях жесткого административно-полицейского режима, путём применения грубой силы, шантажа и обмана, власти готовили почву для избавления от коренного народа Абхазии. Однако если кавказские власти имели право на выселение людей в разные регионы Российской империи, чем они активно пользовались, то для депортации абхазов за пределы Российской империи, требовалось согласованное решение властей России и Турции. Тем более, что ещё в апреле 1865 г. турецкие власти официально уведомили правительство России, что они отказываются принимать выходцев из Кавказа без предварительного на это соглашения с турецким правительством[2]. Решение от императора России о выселении абхазов в Османскую империю кавказские власти получили вконце ноября 1866 года, а от турецких властей – позже. Получив указание Александра II о депортации абхазского населения в

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.281

[2] **Там же.** С. 291.

Турцию, наместник немедленно послал телеграмму начальнику главного штаба Кавказской армии, генералу А. П. Карцову, где сказано: «Высочайше разрешено выселять в Турцию мусульман из Абхазии и Цебельды, пользуясь всяким удобным случаем, приступить немедленно к исполнению»[1]. Одновременно наместник, начальник штаба Кавказской армии, другие высокопоставленные чины активизировали переписку с российским посланником в Стамбуле Н. П. Игнатьевым о заключении «надлежащего соглашения с турецким правительством, как о принятии новых переселенцев,так и о местах их высадки и поселения»[2]. В письме от 3 января 1867 г. граф Н. П. Игнатьев министру иностранных дел России сообщал «о решениях Кавказского начальства выселить до 4,5 тыс. абхазских семейств» и «истребовать согласия от турецкого правительства на прием и поселения этих выходцев в Турции вдали от наших границ»[3].

Правда, вначале эти переговоры российского посла с министром иностранных дел Турции Али-паша не дали желаемого результата, так как правительство Турции опасалось принимать горцев «целыми массами»[4], видимо, в большей степени из негативного опыта предыдущих лет, когда Турция абсолютно не была готова для встречи с беженцами. Да и финансовые возможности не позволяли турецким властям тратить деньги на эти цели. Кроме того, переговорщики не могли найти общий язык и по поводу места расселения новых партий изгнанников из Абхазии; турецкие власти предлагали Румынию, а российские – территорию между Диарбекиром и Эрзингяном. Турецкое правительство возразило на российское предложение из-за плохих дорог от портов высадки людей до места заселения. Кроме того, на эти места уже были поселены чеченские изгнанники, и что не менее важно, на этих отдаленных от Черноморского побережья местах трудно было

[1] **Там же.** С. 285.
[2] **Там же.** С. 284
[3] **Салакая С. Ш.** Указ. соч. С. 125.
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 285.

«Оставление горцами аула при приближении русских войск». Худ. П. Н. Грузинский.
http://old-kursk.ru/book/zemlaki/gruzin.html

удержать абхазов, которые «имели всегда возможность остаться под разными предлогами близ Черноморского побережья или туда вернуться из Эрзингяна»[1]. 13 февраля 1867 г. наместник Кавказа сообщает Александру II о «хлопотах и затруднениях» посла России, генерал-адъютанта Игнатьева «по поводу выселения абхазцев»[2].

Однако и на этот раз, для осуществления очередного чудовищного плана был найден общий язык между Россией и Турцией; после долгих и кропотливых дипломатических усилий полномочного представителя России, Османское правительство согласилось принять новые партии «пушечного мяса» из Кавказа для использования в будущих войнах и против восставших регионов в самой Турции.

В официальной переписке российских военных и гражданских чинов, российские дипломаты указывали конкретные регионы Абхазии с обозначением количества семей, подлежащих к выселению, срок выселения, путь переселения, места приёма и расселения депортантов на территории самой Турции. В частности, турецкие власти согласились начинать прием переселенцев с весны 1867 г. вначале в количестве 4,5 тыс. семейств, а позже – 4 тыс. в порты Трапезунд, Самсун и Синоп и расселить их в Сирии. Российские власти были довольны тем, что из такого отдалённого региона переселенцам будет трудно вернуться на поселение близ Российских границ. Однако против поселения абхазов в Сирии была Франция, которая со своей стороны «издавна имела виды на Сирию»[3].

---

[1] **Салакая С. Ш.** Указ.соч. С. 126. По поводу настаивания абхазских беженцев поселиться на побережье Черного моря весьма интересное предание сохранилось в памяти потомков абхазских изгнанников. По рассказу батумских абхазов, оказавшись в Турции, абхазы всегда стремились поселиться на побережье Черного моря, или недалеко от моря, чтобы при первой же возможности вернуться на родину. Для ориентации, необходимо было знать одно простое правило: встать лицом к морю, что означало – правее от себя находится Абхазия. Это правило знали все абхазы от мала до велика, и, при удобном случае, передвигались в сторону Родины.

[2] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т. 3. С. 329.

[3] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 285.

Депортация. Получив сообщение от посла России в Стамбуле Игнатьева о согласии султана на прием абхазских переселенцев, наместник Кавказа сообщил императору России о том, что кавказское начальство решило «не гнать силою абхазцев в Турцию, но всемерно поощрять их к выселению, начав с цебельдинцев, как магометан, живущих в труднодоступных трущобах и имеющих сообщение через Главный хребет с карачаевцами и кабардинцами»[1]. Выделив далцев и цабалцев, а также «мусульманское население» других регионов Абхазии, наместник приказал выслать в Турцию лишь «самые вредные по влиянию своему семейства». Все эти указания, по сообщению самого М. Романова, «с точностью были выполнены»[2]. Отмечая причины, приведшие к «особенной покорности и готовности абхазцев беспрекословно исполнить требования начальства», наместник приписывал это «впечатлению оставшемуся в них после строгих наказаний за возмущение…»[3]. Однако необходимо было принимать ещё дополнительные меры, чтобы в дальнейшем спровоцировать людей на выселение, в связи с чем, кавказские власти ближе к весне 1867 г. стали запугивать абхазов, что с населения начнут собирать подати, притом, не указывая ни размеры, ни сроки их сбора, что абхазов будут переселять из горных и предгорных мест на низменность. В частности, в письме начальника Сухумского военного отдела генерала М. Толстого на имя кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского сказано: «В мае тут начнется собираться с них подать, хотя теперь и неизвестно в каком размере, или за целый год, или полугодие», что абхазам будет запрещено «жить отдельными усадьбами» и «всех живущих теперь в ущельях Пицундского округа, Анух, Псырдцха, Драндского округа, Ткварчели, Ачанары, Чалов и Гуп, выселят в прибрежные места края» и у всех будет отобрано огнестрельное оружие до Драндского округа[4]. Кроме того, было объявлено, что

[1] **Там же.**

[2] **Там же.** С. 286.

[3] **Салакая С. Ш.** Указ. соч. С. 126.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1 1866 г., д.191, лл. 59-60. Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. с. 365.

правительство окажет помощь лишь лицам, если они изъявят желание переселиться в Турцию. А из участников восстания, паспорта выдадут только тем, чье «удаленье будет способствовать переселению других»[1].

В связи с выселением абхазов 1867 года примечателен и такой факт – при принятии властями решения о депортации абхазов основной акцент был сделан не на те регионы или населенные пункты, жители которых принимали активное участие в восстании 1866 г., в частности, Бзыбский и Гумский регионы, а на труднодоступные общины – Цабал и Дал. Это, несмотря на то, что участие цебельдинцев и особенно далцев в восстании было минимальным. Более того, милицейские отряды из Цебельды и Дала принимали участие в подавлении восстания на стороне российских властей. «В нынешнем году, – писала газ. «Московские ведомости» (1867, №130) – состоялось окончательное решение. Безусловно признано нужным выселить, в первую очередь, людей живущих в замкнутых горных долинах и ущельях в Цебельде, Дале, в некоторых ущельях Пицундского и Драндского округов, затем лиц, чем-либо замеченных в бывших беспорядках в Бзыбском округе. Характерно, что если власти из Цебельды и Дала наметили выселить всех жителей, то из Драндского и Пицундского округов, лишь жителей принявших более или менее активное участие в восстании 1866 г.

В источниках часто упоминается религиозная принадлежность высылаемого контингента. В частности, речь постоянно идет об «абхазских мусульманах», проникнутых «фанатизмом» и «тяготением к Турции». На самом деле, эти оценки были преднамеренно надуманными с целью оправдания властей за совершенные ими деяния. Как известно, абхазы не выделялись религиозным фанатизмом и «тяготением к Турции». Несомненно, об этом прекрасно знали и в Сухуме, и в Тифлисе и в Санкт-Петербурге, но властям нужны были дополнительные мотивы для выселения, и абхазам навешивали ярлык «фа-

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 286

натов-мусульман». Источники же отмечали, что абхазы были как «плохими мусульманами», так и «плохими христианами»[1].

На самом деле, конфессиональная принадлежность абхазов, да и всех кавказцев, не являлась определяющим при решении вопроса о депортации. К примеру, как известно, в ходе и накануне окончания Русско-Кавказской войны большинство горцев Северо-Восточного Кавказа из числа чеченцев, ингушей, народов Дагестана избежали выселения в Османскую империю. Это, несмотря на то, что они отличались гораздо большей приверженностью к исламу, нежели представители абхазо-адыгских народов. «Дагестан и Чечня, – писал историк ген. Р. А. Фадеев, – внутренние области, ограждённые широким поясом русских поселений от всякого враждебного покушения; никакая неприятельская армия не придет их бунтовать… по всем этим причинам можно было ограничиться простым покорением лезгин и чеченцев, не требуя поголовного выселения из мест жительства»[2]. И когда российские генералы или чиновники добивались решения о непременном выселении в Турцию «мусульман из Цебельды», очевидно, что в действительности, горькую судьбу горцев данного региона определила не религиозная принадлежность населения, а стратегическая важность Кодорского ущелья и активная борьба цабалцев и далцев против колониальной политики царизма.

Наместник Кавказа уже в начале марта 1867 г. сообщил императору Александру II о «хороших сведениях», поступивших из Абхазии. В частности, его радовало, что в ближайшее время готовы переселиться в Турцию «самые ненадежные» жители из ближайших аулов к Сухуму, а также цебельдинцы и далцы.

---

[1] Из доклада и. д. начальника Сухумского военного отдела В. А. Геймана начальнику Кавказского горского управления ген.-майору Д. С. Старосельскому о состоянии в Абхазии. (Материалы по истории Абхазии. Т.3. С. 402). Кстати, Д.И. Гулиа, переводивший в начале XX столетия Евангелие на абхазский язык, позже отмечал, что «Этот огромный труд, разумеется, не очень-то заметил абхазский народ, равнодушный к христианству, – впрочем, так же, как и к магометанству». (Гулиа Д. И. Автобиография. Газ. «Ецваджаа» («Созвездие»), №2 – 3, февраль, март, 2013 г.

[2] **Фадеев Р. А.** Кавказская война. – М. 2005. С. 151.

По его мнению, переселение последних было весьма важно, ибо эти два «магометанских племени» обитали в очень труднодоступных горных трущобах, «из коих через Карачай имели сообщенье и связь с Кабардой»[1].

Именно географическое положение – доступность в военном отношении равнинных населенных пунктов, явилось определяющим фактором, позволившим остаться большей части бзыпцев на родине. Ибо, как считал ген. Толстой, «почти вся заселенная местность Пицундского округа представляет плоскость, отовсюду доступную. Т.е. власти были уверены, что при необходимости с жителями низменных регионов легко можно было расправиться с помощью военной силы, нежели с населением горных мест.

Рассуждая о жителях горных регионов Абхазии, ген. Толстой охарактеризовал как «население глухих, малодоступных, труднопроходимых местностей… полукочующее и беспокойное, по преимуществу занятых скотоводством, менее поставлено и необходимость дорожить оседлостью и потому сами менее привязаны к земле, на которой живёт, следовательно не может сознавать на строгой законности, управлении, которые служа опорой права собственности, необходимо как гарантия этого права для населения оседлого, земледельческого»[2]. Другими словами, он сравнил абхазов, проживавших в горных регионах страны, с «полукочевыми» народами, которых безболезненно можно было перемещать из одного места в другое, в том числе и за пределы своей родины.

Посчитав население Цебельдинского округа «отсталым» и «вредным», власти вынесли окончательный вердикт о поголовном выселении жителей Цебельды и Дала. Что касается обитателей двух регионов Абхазии – Бзыбь и Абжуа, то власти предпочтение давали бзыбцам, которые занимаясь хлебопашеством, стоят уже «по одному этому на несравненно выс-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 806, л. 73. Подлинник // Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 366.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 137 – 142 об. // Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т. 3. С. 381.

шей точке развития, чем полукочевые жители глухих теснин Абжива, где при малочисленности равнин сравнительно много трущобного населения – это усложняющее обстоятельство вовсе не существует в Пицундском округе»[1]. На самом деле, разделение жителей Абхазии на «оседлое» и «полукочевое» население не соответствует действительности. Во-первых, традиционный хозяйственный уклад жизни абхазов во всех регионах страны характеризовался симбиозом земледелия и скотоводства. К тому же, как на равнине, так и впредгорной и горной частях страны население твердо было связано с земледелием и земельные отношения строго регламентировались традициями обычного права. Другое дело, что по сравнению с равнинных сёл, горные сёла обладали меньшим количеством земельных угодий для выращивания земледельческих культур и большей возможностью на пользование альпийских луг, что создавали в рамках того же симбиоза объективные условия для преимущественного развития земледелия на равнине и скотоводства – в горной местности. Притом альпийское скотоводство ни для жителей гор, ни для населения низменности не подразумевало «полукочевого» образа жизни. В этом отношении примечателен тот факт, что у абхазов альпийская форма скотоводства не допускала участие женщин; кроме того, женщины вовсе не имели права посещать горные пастбища, что полностью опровергает мнение о «полукочевом» образе жизни абхазов.

Российские власти Кавказа, проводившие соответствующие мероприятия по выселению в начале как можно большего количества абхазов в Турцию перед самой депортацией, 3 апреля 1967 г. получили из Петербурга указание о сокращении количества выселяемого контингента от 4.5 тыс. до 4 тыс. семейств. Как и ожидалось, основной удар наносился на жителей Цебельды и Дала. По словам начальника Сухумского военного отдела генерала М. Толстого «первоначально целью правительства было выселение по возможности большего чис-

[1] **Там же.** С. 383.

ла туземцев вверенного мне края в Турцию, для чего и были приняты соответствующие меры, то теперь, согласно предписанию и. выс. от 3 апреля, должны выселиться поголовно из Цебельды и Дала, в прочих же округах число удалившихся не должно, в общей сложности с Цебельдским округом, не превышать 4 т(ысяч) семейств»[1]. Инициатором сокращения количества выселяемого контингента исходила не от «доброго» царя. Данная корректировка, как и отказ от первоначального плана о поголовном выселении абхазов исходила от турецких властей, которые со своей стороны сами были заинтересованы на обширной территории империи обосновать как можно больше кавказцев, но пугали скудные материально-финансовые возможности и отсутствие гарантии приема без больших жертв такого большого количества беженцев из Абхазии.

В связи с получением указа об уменьшении количества депортантов, Сухумская администрация была вынуждена частично смягчить «стеснительные требования» к абхазскому населению, рассчитанные на вынуждение людей покинуть родину[2]. Тот же генерал Толстой по этому поводу сообщал, что он «предписал конфиденциально Пицундскому и Драндскому окружным начальникам, во-первых, приостановить сбор крестьянских повинностей с подвластных бывшего владетеля, и, во-вторых, не требовать настойчиво уплаты подвластными их помещикам недоимок прошлых лет, а для того, чтобы жители, оставление которых в наших пределах желательно, бросили мысль о переселении и занялись полевыми работами, которыми они перестали было заниматься в Пицундском округе»[3]. Кроме того, генерал Толстой приказал начальнику Пицундского округа князю Чавчавадзе принять принудительные меры, чтобы жители сел Эшера, Гума, Акапа, Абжакуа и Бырцха поголовно не были выселены; «ограничив число обязанных удалиться

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 120 – 122. Копия // Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 368.

[2] **Там же.**

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 120 – 122. Копия // Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 368 – 369.

до 300 дворов». Жителям данного округа даны были указания приступить к полевым работам, не продавать кукурузы на вывоз. А сельским старшинам дали права арестовать лиц, распространявших слухи о намерении властей переселить абхазов на Кубань[1]. Это, несмотря на то, что инициаторами распространения этих слухов ранее выступали сами представители власти.

Вместе с тем, исходя из общего плана выселения в количестве до 4 тыс. семей, власти продолжали уточнять списки своих жертв, куда по-прежнему входили все жители Цебельды и Дала, а также частично из Пицундского и Драндского округов – «живущие в трущобах» и люди «вредные». Хотя, как подтверждают материалы, принятие властями меры по насильственному выдворению населения из Абхазии, особенно путём создания невыносимых административно-полицейских давлений, требования уплаты накопившихся среди населения недоимок, и распространения информации о предстоящем поголовном выселении абхазов на Кубань, уже принесли свои результаты – вынудили людей, в том числе крестьян и знатных, «развитию мысли о переселении»[2]. В результате, ещё до начала переселения, одни, чтобы спасать себя от выселения, скрывались от властей в лесах и горных трущобах[3], другие – принимали христианство. Как сообщал наместник Кавказа императору: «Из Абхазии поступают хорошие сведения: жители Пицундского округа (бывший Бзыбский) не желают идти в Турцию и все принимают добровольно христианство»[4]. Только за время с 22 декабря 1866 г. по 1 марта 1867 г. здесь в христианство было «обращено» до 800 человек[5]. Правда, такие шаги не всегда приносили желаемых результатов, но, тем не менее, крещение абхазов принимал нарастающий характер и после выселения абхазов 1867 г. Например, с конца 1867 г. до начала 1871 г. в Абхазии приняли крещение около 16 тыс. человек. В

[1] **Там же.** С. 369.
[2] **Там же.**
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 288.
[4] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 366.
[5] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 288.

одном только в селе Члоу в 1870 году к христианской религии «вернулись» около 2 тыс. человек. Епископ Имеретинский Гавриил (Кикодзе) такой массовый характер крещения абхазов назвал «не совсем обыкновенным» событием[1].

Правда, как писал иеромонах Иона, абхазское население было недовольно тем, что богослужение проводилось не на абхазском языке, а на непонятном им грузинском языке[2], но, тем не менее, возвращение людей на православную веру вселяло надежду на то, что российские власти не пожертвуют их на выселение. Однако, если во время выселения 1867 г. части принявших христианство абхазов из Бзыбской Абхазии, из-за понижения квоты выселяемых, удалось избежать выселения, то, как показали события 1877 – 1878 гг., христианская религия не спасала абхазское население от новой и более массовой волны депортации.

Между тем, по плану очередности выселения, составленным ген. Толстым, вначале предполагалось выселить жителей Пицундского округа, потом перейти к жителям Цебельдинского округа и завершить депортацию Драндским округом. По мнению начальника отдела, установление такого порядка выселения было рассчитано на то, чтобы в процессе депортации не допустить вооруженного сопротивления со стороны абхазов. По убеждению генерала, во-первых, жители Пицундского округа больше других виновные в восстании и к этому времени в основном разоруженные, входе выселе-

[1] Газ. «Кавказ», №44, 1870 г.

[2] Корреспонденция абхазского миссионера иеромонаха Иона «О новых успехах христианства в Абхазии». (Газ.«Кавказ», №94, 1870 г.). Хотя, он со своей стороны предпочтение отдавал богослужению в Абхазии на славянском языке или же – на двух языках – на славянском и абхазском. «В Абхазии, – писал он, – лучше и естественнее всего ввести в богослужение наш славянский язык. В одном из приходов, во время моей миссионерской службы в Абхазии, я служил по-славянски; некоторые молитвы (Святой Божье, Верую Отче наш и Господи помилуй) дьячки пели по-абхазски: с каким умилением жители слушали неслыханное до селе пение на своем языке! Как горячо и искренно они благодарили меня за доставленное им религиозное удовольствие – трудно передать это словами. А теперь новоуверовавшие христиане лишены этого удовольствия и, быть может, долго им не придется испытывать оно».

ния не были способны оказать вооруженное сопротивление властям; а, во-вторых, они «в дозволенном им переселении» увидели бы «знак высокой к ним милости правительства, великодушно давшего им средства избегнуть заслуженного наказания»[1]. Власти опасались, что другое настроение царило в Драндском округе, где большинство населения не считали себя причастными к событиям 1866 г. и при попытке выселения, могли бы оказать вооруженное сопротивление властям. Тем более, что у них ещё не было изъято оружие. А развитие событий по такому сценарию могло бы перерасти во всеабхазское сопротивление. Чтобы избежать таких негативных последствий, после выселения части жителей Пицундского округа, намечалось поголовное выселение цебельдинцев и далцев, против которых власти имели претензии не столько за участие в событиях 1866 г., а за те «грехи», которые были накоплены ими, начиная с 1810 г. Избавившись от «вредной» части населения Пицундского округа и ещё более «вредного» – Цебельдинского, власти рассчитывали легко расправиться с той частью жителей Абжуа, которая заранее была включена в списки, подлежащих ссылке. «Приступить к выселению Драндского округа только тогда, – писал генерал Толстой, – когда дело будет вполне кончено в других округах, т. е. когда жители Абжива, лишенные поддержки извне и предоставленные одним собственным силам будут по необходимости принуждены покориться. Таким образом, очередь садиться на суда должна быть от Пицундского округа перейти к Цебельдинцам и Дальцам и уже только по удалении этих последних в Турцию жителей Драндского округа»[2]. Подытоживая оценку данного решения, ген. Толстой писал: «целью нашего управления должно заключаться не в мести за прошлые преступления и проступки, а в прочном обеспечении полного спокойствия в крае и окончательном предупреждении всяких могущих повториться в нем беспорядков». И для достиже-

[1] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. с. 379 – 380.
[2] **Там же.** С. 380.

ния этой цели он считал необходимым удаление достаточно большой массы населения из Абхазии, и «обессилить» таким образом «враждебных нам элементов»[1].

После принятых соответствующих мер, генеральный консул России в Трапезунде А. Н. Мошнин сообщал, что во второй половине апреля или в начале мая начнётся переселение абхазов в количестве до 18 тысяч человек и требовал высылки 70 баркасов. Несмотря на то, что многие плавсредства в то время были заняты перевозом контрабандной соли из Керчи в Анатолию, консульству в Трапезунде с помощью генерал-губернатора и турецких шкиперов удалось организовать отправку в Абхазию нужного количества судов. Кроме Трапезунда, по сообщению дипломата, «большая часть судов была зафрахтована в Самсуне и Синопе»[2].

Как и ожидалось, первыми переселенцами из Абхазии в 1867 г. стали жители Пицундского округа. 7 апреля из с. Псырцха на трёх судах были направлены в порт Батум 49 семей, или 218 человек. В дальнейшем к ним присоединились жители из других населённых пунктов Пицундского округа. В донесении начальника Сухумского отдела кутаисскому генерал-губернатору от 20 апреля, отмечено о выселении 184 семей из данного округа, среди которых были и 40 семей «Сухумских турок», проживавших в Гудауте, 87 семей псхувцев и садзов поселившихся здесь после событии 1864 г., а остальные – принадлежали к местным абхазам[3]. Как отмечал ген. Толстой, «садзам-джигетам, уцелевшим от переселения в 1864 году было объявлено приказание удалиться в Турцию; но сами они не хотели уходить туда»[4].

На 5 мая 1867 г. по указанию начальника Сухумского отдела, после частичного выселения жителей Псырцха, Эшера, Яштхуа, Гума, Абжаква и др. сёл Пицундского округа, главное внимание

[1] **Там же.** С. 381.
[2] **Там же.** С. 390.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 120 – 122.
[4] ЦГИАГ, ф.545, оп.1, 1866, д.91, л.70 об.

было приковано переселению цебельдинцев и далцев. На этот день, по официальным данным из Пицундского округа было выселено 167 семейств в общем количестве 1071 чел. и шёл процесс выселения жителей Цебельдинского округа[1].

По данным генерального консула в Трапезунде Мошнина, с 18 апреля до 18 мая в Трапезунд на 72 каботажных турецких баркасах из Абхазии было переселено 10865 абхазов. Кроме них, по сообщению того же генконсула, 21 мая в Трапезунд прибыло ещё 400 переселенцев из Абхазии. Прибывшие в Трапезунд абхазские депортанты в начале были размещены за городом в лагере Сари-Дере, состоящем из трёх деревянных построек, где 3 года назад стоял 70 тысячный лагерь переселенцев из Кавказа. Всего по официальным данным Мошнина, с начала новой волны переселения к 19 июня 1867 г. только в портах Трапезунда и Самсуна было принято 14458 абхазов. Если учесть, что крупными партиями высаживали абхазов в Батум, Синоп и других портах Турецкой империи, количество переселенцев было гораздо больше, чем об этом сообщали российские чиновники.

В донесении от 22 июня 1867 г. начальника Сухумского отдела генерала М. Толстого на имя начальника Кавказского горского управления Д. Старосельского изложена краткая информация о завершении переселения абхазов в Турцию. По его данным, полученным от начальников округов Абхазии, за указанный период были высланы всего 3358 дворов, в количестве 19342 чел. Из них жители Пицундского округа составили 226 дворов в числе 666 душ мужского пола, 691 – женского, Драндского округа – 626 дворов в числе 1714 чел. мужского пола и 1531 – женского; из Цебельдинского округа, как в документе сказано все население «в числе 2503 дворов, насчитывающих 14740 душ»[2]. Правда, здесь не сказано о переселенцах из Драндского округа, но отмечено, что «с окончанием переселения приступлено к обезоружению остающихся

[1] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 385.
[2] **Там же.** С. 392.

жителей Драндского округа, у которых отобрано 1015 ружей и 70 пистолетов»[1]. Вместе с тем, если М. Толстой в своем донесении от 22 июня 1867 г. не приводит данных о количестве переселенцев из Драндского округа, то наместник Кавказа в конце июля сообщает более уточненные данные о переселенцах включительно из Драндского округа. В частности, если М. Н. Романов приводит количество высланного из Цебельды и Дала населения без изменения по сравнению с данными приведенными М. Толстым в документе от 22 июня 1867 г. (2503 дворов или же 14740 душ), то количество переселенцев из Пицундского и Драндского округов, прибывших в порты Трабзон, Самсун и Синоп доводит до 855 семей, или же 4602 душ. Таким образом, по официальным данным, в 1867 г. всего было выслано в Турцию 19342 человека или 3358 семейств, среди которых из Цебельды и Дала – 14740 чел. или же 2503 семейств, из Пицундского и Драндского округов – 4602 чел. или 855 семейств[2].

С точки зрения выявления количества депортированного абхазского населения в Османскую империю в 1867 г. весьма ценные материалы сохранены в Центральном историческом архиве Грузии в Тбилиси, выявленные профессором Г. А. Дзидзария (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866, д. 101, лл. 191 – 250 об). Среди них особый интерес представляют списки переселенцев, составленные российскими властями перед выселением. Статистические данные, зафиксированные в списках в незначительной степени разнятся с теми цифрами, которые были оглашены высокопоставленными кавказскими начальниками. В эти списки были включены переселенцы из 62 населённых пунктов Абхазии. Среди них 13 относятся к Пицундскому округу, 19 – Драндскому и 30 – Цебельдинскому округу. В списках зафиксированы фамилия и имя главы семьи, количество членов семьи. (Таблица №2).

[1] **Там же.** С. 393.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 289.

Таблица №2.

Количество переселенцев из Абхазии в 1867 г.

Регионы	Количество сёл	Число Семейств	Число переселенцев
Пицундский округ	13	226	1560
Драндский округ	19	629	3871
Цебельдинский округ Из них: Цебельдинская община Далская община	 20 10	 1527 961	 8498 5603
Итого	62	3343	19532

Из Пицундского округа особенно пострадали села Псырцха, откуда были высланы 265 чел., Келасур – 263, Абжакуа – 237, Эшера – 204, Гума – 143, пос. Гудаута – 186. (Таблица №3).

Таблица №3.

Количество переселенцев из Пицундского округа в 1867 г.

№	Населенные пункты	Количество семейств	Количество переселенцев
1	с. Псырцха	51	265
2.	пос. Гудаута	27	186
3.	с. Апцхуа	1	3
4.	с. Аацы	3	16
5.	с. Хуап	11	74

6.	с. Тасракуа	1	5
7.	с. Ешира	23	204
8.	с. Гума	15	143
9.	с. Яштхуа	12	91
10.	с. Абжакуа	26	237
11.	с. Келасур	44	263
12.	с. Анхуа	8	43
13.	с. Абгардын	4	30
Итого		226	1560

По сравнению с Пицундским округом почти в 2,5 раза больше людей было выслано из Драндского округа (629 семей или же 3871 чел.). Например, из села Гуп в Османскую империю были отправлены 765 чел., из Члоу – 657, из Джгерды – 560, из Мерхеул – 502, из Мук – 260, из Айбахуца – 232 и т.д. (Таблица №4).

Таблица №4.

Количество переселенцев из Драндского округа в 1867 г.

№	Населенные пункты	Количество семейств	Количество переселенцев
1.	с. Очамчира	18	118
2.	с. Гуп	137	765
3.	с. Покуеш	10	80
4.	с. Меркула	19	112
5.	с. Беслахуба	33	172
6.	с. Акуаска	6	45
7.	с. Мук	41	260
8.	с. Члоу	126	657

9.	с. Ткуарчал	1	9
10.	с. Джгерда	105	560
11.	с. Тхина	24	143
12.	с. Атара	7	50
13.	с. Дгамш	4	32
14.	с. Мерхеул	56	502
15.	с. Айбахуца	26	232
16.	с. Пшап	4	37
17.	с. Багажвиашта	3	17
18.	с. Гулрипш	5	47
19.	с. Ущелье Ешкуара	4	33
Итого		629	3871

Архивные материалы дают жуткую картину массовой депортации населения Цебельдинского округа. На основании этих данных выявляется, что из Далской общины, куда входили 10 сёл, в списки были включены все сёла с населением общей численностью 5603 чел. «Очищены» были такие крупные горные населенные пункты в Верхней части Кодорского ущелья как Амчара (1203 чел.), Ажара (893), Тапц-ипа Хабла (674), Дал (604), Зыма (547), Лата (508) и др. Такая же участь постигла жителей всех 20 сёл, расположенных в среднем течении Кодорского ущелья. Многочисленностью жителей выделялись сёла Амхьел (827 чел.), Абгалахвара (766), Бешикуара (723), Унтпыр (625), Джампал (604), Акытарциху (603), Барамба (547), Джегашкар (534) и др. (Таблица №5).

В целом, по официальным данным подтверждается, что общее количество переселенцев из Абхазии не доходило и до 4-х тысяч семей, как это было заранее согласовано с турецкими властями. На первый взгляд, это было сделано кавказским начальством в связи с заявлением посла России в Турции об опасении расселения абхазов в соседстве с христианским населением Османской империи. В частности, 24 июля 1867 г. в

письме наместника М. Н. Романова на имя военного министра Д. А. Милютина сказано: «При таких мерах переселение началось и шло весьма успешно и вследствие полной беспрекословной покорности, с которой население Сухумского отдела готово было подчиниться всем нашим требованиям и желаниям, не представлялось особого затруднения не только дойти до предположенных в начале размеров переселения, но и значительно превзойти их. Тем не менее, я счел нужным остановить переселение на цифре даже несколько меньшей против первоначального предположения, главным образом в виду заявленных послом нашим в Константинополе опасений относительно водворения выходцев в соседстве с христианским населением (что и действительноне замедлило потом случиться), а также в виду в сильной степени проявившегося в населении стремления к принятию христианства...»[1].

Таблица №5.

О количестве переселенцев
из Цебельдинского округа в 1867 г.

№ №	Населенные пункты	Количество семейств	Количество преселенцев
1.	с. Акытарцыху	95	603
2.	с. Схоцаа-Хабла	51	292
3.	с. Амхел	130	827
4.	с. Аушта	30	175
5.	с. Пшаур	40	225
6.	с. Герзаул	53	302
7.	с. Унтпыр	119	625
8.	с. Науш	78	481

[1] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. 398.

9.	с. Иваа	27	187
10.	с. Бешиквара	128	723
11.	с. Барамба	97	547
12.	с. Шукуран	45	242
13.	с. Абгара	17	104
14.	с. Джампал	130	604
15.	с. Пыфта	77	444
16.	с. Азанта	39	215
17.	с. Абгалахвара	157	766
18.	с. Када	74	379
19.	с. Абгдзыра	39	223
20.	с. Джегашкар	101	534
Всего		**1527**	**8498**
Далская община			
21.	с. Дал	106	604
22.	с. Ажара	142	893
23.	с. Камгара	18	110
24.	с. Зыма	104	547
25.	с. Шяку	59	379
26.	с. Варда	30	182
27.	с.Тапц-ипа-Хабла	105	674
28.	с. Амчара	211	1203
29.	с. Лата	96	508
30.	с. Дгенциш	68	352
Князя Маршан		22	151
Всего		**961**	**5603**
Итого по округу		**2488**	**14101**

Изгнание горцев в Османскую империю. file:///F:/10.%20ИЗГНАНИЕ%20-1.%20muhacirxs1ev8.jpg

По всей вероятности, посол России выражал опасение турецких властей связанное с тем, что абхазы, будучи «плохими мусульманами» и «в сильной степени стремящихся к принятию христианства», могли бы наладить добрососедские отношения с христианским населением Турции. Тогда как турецкие власти нуждались в фанатично настроенных переселенцах-мусульманах, которые держали бы в страхе христианское население Османской империи, что и не скрывала официальная власть Турции[1].

Вместес тем, нет сомнения, что российские власти намеренно преуменьшали данные о количестве депортантов. Например, в общее количество данных не вошли те, которые после восстания, опасаясь репрессивных мер, были вынуждены бежать в Турцию. В эти официальные данные не были включены также и те, кто за поисками членов своих семей и других близких родственников, выезжали в Турцию и оставались там. В действительности, в источниках зафиксировано немало фактов, когда по разным сторонам моря оставались муж и жена, дети и родители, братья и сестры и т.д. Поэтому абхазы, несмотря на пограничные и иные преграды, всеми путями, в том числе нелегальными, стремились разыскать и вернуть в Абхазию своих родственников или же чаще всего были вынуждены оставаться в Турции для совместной жизни. Таких было сотни, а то и тысячи случаев. В результате, процессы эмиграции и репатриации частных лиц носили постоянный и нередко драматичный характер[2].

По утверждению властей, принятые ими меры относительно «мирного и добровольного исхода» абхазского населения принесли свои плоды. На самом деле, за словами наместника Кавказа: «При таких мерах переселение началось и шло весьма успешно и впоследствии полной беспрекословной покорности, с которой население Сухумского отдела готово было подчиниться всем нашим требованиям и желаниям, не представлялось особого затруднения не только дойти до предполо-

[1] **Дзидзария Г. А.** Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. С. 216
[2] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 293 – 294.

жительных в начале размеров переселения, но и значительно превзойти их»[1], скрываются, большие усилия властей, с одной стороны, и огромные страдания народа – с другой. Так что исход абхазского населения и в 1867 г. носил вынужденный или в большей степени насильственный характер. Перед началом переселения, власти перебросили в Абхазию дополнительные военные подразделения[2], так как подавляющая часть населения была категорически против выселения. Документы свидетельствуют о случаях, когда люди спасаясь от выселения в Турцию, скрывались в лесу[3], или же, в крайнем случае, соглашались ехать в Сибирь, но только не в султанскую Турцию[4].

Наместник дал установку, чтобы переселенцам не разрешалось продавать поземельную собственность, чтобы все земли, после ухода их в Турцию, перешли в распоряжение казны. Переселенцы имели право взять с собой не более четырех пудов «клади» на каждого взрослого человека, а повозки, лошади и скот не принимались на судна. Из казны выдавались средства на перевозку только тем, кто «по бедности своей», не в состоянии был уплатить деньги судовладельцам. По официальным данным, всего на наем судов и «вспомоществование» переселенцев правительством было израсходовано 24876 рублей[5]. Т. е. получается, что власти для выселения одного человека потратили всего на всего чуть больше одного рубля.

Насильственный характер выселения абхазов не всегда удавалось скрыть и представителям официальной власти. Часто наместник и другие подчиненные ему чины, подчёркивая «добровольное и мирное» переселение абхазов, тут же говорили о «выселении» или же «удалении» коренных жителей Абхазии. Например, наместник Кавказа прямо писал о «выселении» абхазов Дала и Цебельды. Отмечавший успешность «прохождения» процесса переселения, он подчеркивал: «На-

[1] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т. 3. 398.
[2] **Дзидзария Г.** А. Указ. соч. С. 286.
[3] **Там же.** С. 288.
[4] **Там же.** С. 289.
[5] **Там же.** С. 291.

правляю усилия местной администрации на удаление наиболее фанатичного и занимающего важнейшие в стратегическом отношении местности Дала и Цебельды, а также мусульманского населения некоторых наиболее отдаленных частей Абхазии, я приказал из остальной части края выслать в Турцию только некоторые самые вредные по влиянию своему семейства». В некоторых документах по поводу насильственного характера выселения прямо сказано, что абхазы были отправлены в Турцию в «административном порядке»[1].

В донесении М. Толстого Д. Старосельскому от 22 июня 1867 г., где сделан отчёт о завершении выселения абхазов, сказано именно о «выселении» в Турцию. «Выселение, начавшееся по обнародовании предписания е. и. выс. главнокомандующего кавказской армией к кутаисскому генерал-губернатору от 9-го февраля текущего года, окончено и об этом окончании объявлено в приказе по Отделу от 3-го июня №70…»[2].

Наместник Кавказа Михаил Николаевич Романов в своем письме от 20 октября 1867 г. послу России в Турции сообщая о всемерном стремлении турецкого правительства продолжать переселение горцев, официально и в категорической форме опроверг утверждение о заинтересованности горцев в переселении[3], что в корне перечеркивает утверждения некоторых российских чиновниково добровольном характере исхода абхазского населения в Османскую империю.

Сообщая о процессе депортации коренного населения Абхазии, газ. «Дроеба» (№23, 1867 г.) писала, что в связи с объявлением властей о выселении абхазов, «они были готовы выполнить любое наказание, лишь бы не исполнилось последнее распоряжение». Однако после принятых соответствующих мер, покинули родину «цебельдинцы, дальцы, гумцы, ушли многие и из Абжуйского уезда… Выгнали из домов члоувцев и джгердинцев. Они всем сердцем не хотели уходить…». Продолжая

[1] **Там же.** С. 288.
[2] **Салакая С. Ш.** Указ. соч. С. 134.
[3] ГАКК. Ф. 452, оп.2, д.527, лл. 2 – 5. По **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.278.

описание драматических событий процесса выселения абхазов, грузинская газета продолжала: «Трудно представить в каком состоянии находились абхазы во время выселения. Говорят, что многие пожилые мужчины и женщины, когда их выселяли из жилищ, бились головой о стены домов и стволы деревьев».

Что касается самурзаканцев, которых депортация практически не коснулась из-за неучастия жителей этого региона в восстании 1866 г. и за определенные заслуги прошлых лет перед российскими властями в поддержке при проведении колониальной политики царизма в Абхазии, последние события в немалой степени встревожили и их. «В Самурзакане, – писала грузинская пресса, – дрожат от страха. Что будет с нами, если нас тоже выселят? – вопрошали они. Но они очень надеются на свои заслуги и на флаг, который Государь Николай пожаловал им, и на котором написано: «Моим любимым самурзаканцам за победу в Дале»[1].

Как уже было отмечено, для того чтобы спасти себя и своих близких от выселения в Турцию, абхазы в процессе выселения активнее стали принимать христианство. В разгар переселения особую активность в этом отношении проявляли жители Пицундского округа. 31 марта 1867 г. наместник сообщал императору, что жители Пицундского округа не желают переселиться в Турцию и чтобы спастись от выселения добровольно принимают христианство[2]. По мнению ген. М. Толстого, принятие христианства совершается не из религиозных убеждений, а из политических, чтобы прервать связь с Турцией и остаться жить на родине. «Правда, – писал он, – что обращение христианства по большей части совершается не в силу религиозных убеждений, но зато оно, именно при отсутствии этих убеждений, служит большим, хотя вероятно безосновательным выражением убеждений политических, выражением желания оседлой массы окончательно отрешиться от связывающего с

[1] Из корреспонденции «О выселении абхазов» // Газ. «Дроеба», №23, 1867 г.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 288.

Турцией прошлого и возложить свои стремления и надежды на русскую власть, обещающего им, при сохранении собственности в настоящем, благоустройство в близком будущем»[1].

Одобряя принятие абхазами христианства, несмотря на то, что оно не есть «плод религиозного убеждения», наместник считал, что факт значительного и все же продолжающегося увеличения числа обращающихся в христианство, может стать в будущем «залогом большого нравственного и политического единения этой страны с империей»[2]. Следует также отметить, что инициатором принятия абхазами христианства нередко выступали российские власти, и сам процесс крещения не всегда носил добровольный характер. Более того, нередко чиновники и священники применяли грубую силу по отношению к абхазам. В докладе нового начальника Сухумского отдела ген. В. А. Геймана на имя начальника горского управления Д. С. Старосельского от 16 сентября 1867 г. сказано: «Наконец, само введение христианства, вследствие неосторожных приемов придало некоторый вид как будто бы насилия, хоть сказать по правде, они такие же плохие мусульмане, как и христиане»[3]. Увеличе-

[1] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т. 3. С. 384.

[2] **Там же.** С. 398.

[3] **Там же.** С. 402. Характеризуя жестокие меры по «восстановлению» христианства среди абхазов, в годы правления ген. В. А. Геймана Сухумским военным отделом (1867 – 1872 гг.) и последующие периоды, С. П. Басария писал: «При ген. Геймане, начальнике Сухумского военного отдела, началось обращение абхазов в христианство. По словам К. Мачавариани, Гейман и Сухумский епископ снаряжали экспедицию, состоящую из казачьего отряда, священников и гражданских чинов в абхазские сёла. Там казачья цепь окружала абхазов, и начиналось насильственное крещение, причем с обеих сторон предварительно пускались в ход оружье; вновь обращенные православные через час с проклятиями по адресу властей духовных и военных, бежали к реке обмывать святое миро. Такая «крещенская» экспедиция в особенности отличалась в селах Джгерда и Чилоу». Несмотря на такие формальные пути «крещения» людей, с этого дня все они официально «считались христианами». А это означало, что абхазка-христианка не имела право выходить замуж за абхаза-мусульманина и наоборот. Если такие браки бывали то по доносу священников, начальство присылало конную стражу, которая и разводила супругов. Самое чудовищное случалось тогда, когда абхаза хоронили без совершения христианских обрядов. В таком случае, «власти откапывали тела покойного и требовали совершить новые похороны с участием православного священника». Не менее дико выглядит утвердившая практика, когда «абхазов-христиан» военной силой приводили в церковь «за нерегулярное непосещение церкви».

ние численности христианского населения и активное вмешательство властей в это весьма деликатное дело было вызвано уменьшением квот выселяемого контингента. По убеждению представителей царского самодержавия, лучше иметь «плохих христиан», чем «плохих мусульман» в надежде на их растворение в будущем в составе православного населения империи.

С принятием информации об уменьшении количества выселяемого контингента, люди, кроме того, что стали принимать христианство, посылали своих представителей к начальнику отдела с просьбой остаться на родине. Среди просящих были и те, чьи семьи уже были занесены в списки, подлежащих к ссылке. В рапорте от 5 мая 1867 г. ген. Толстого ген. Святополку-Мирскому, сообщается о прибытии к нему депутации от жителей Драндского округа «с изъявлением безусловной готовности жителей сложить оружье… и готовы подчиниться всем требованиям, лишь бы было разрешено остаться»[1].

Кроме того, что власти всячески пытались скрыть от широкой общественности насильственный характер выселения абхазов, они преднамеренно распространяли информацию и о «великолепном» состоянии здоровья переселенцев, и что абхазы прибыли в Турцию даже в «отличном положении». На самом деле и на этот раз, как и в 1864 г., масса людей погибала от голода, морской болезни, эпидемии[2]. Генконсул России в Трапезунде А. Н. Мошнин, характеризуя здоровье абхазских депортантов, подчеркивал их хорошее состояние. По его словам, «состояние здоровья великолепное. На 10865 переселенцев было всего 3 смертельного случая, один на баркасе, 2 других в лагере…»[3]. Зато сохранились иные материалы, под-

---

Выполнявшие эти требования священнослужители щедро награждались властями. Например, кроме того, что каждый священник получал по 30 десятин земли в Абхазии, дополнительно за «крещение» определенного количества абхазов, награждался серебряной медалью, что давало им право, получать дополнительно ещё семь десятин земли в виде награды. Это, несмотря на то, что духовенству, как и всем чиновникам, ежемесячно выплачивалось денежное жалование. (**Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале. 1923. С. 55).

[1] **Там же.** С. 385.

[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 291.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, Аз.ч., 1866 г., д. 54, лл. 242 – 243. Копия // Материалы по

утверждающие трагическую картину, сопровождавшую процесс выселения абхазов. В частности, на патенте №288/49 шкипер баркаса Юнус Ахмед, сделана пометка, что отправлено 140 душ, а прибыло всего 35. Всей разницы на 72 судна составляет 1105 человек. Кроме того, генконсул вынужден был сообщить и о том, что «благодаря мерам высшего кавказского начальства и хорошему денежному состоянию абхазцев, тем не менее, оно произвело на Трапезунд очень грустное впечатление»[1]. Нет сомнения, что российский дипломат все же скрывал правду, но полностью это ему не удалось. Посол России в Турции Н. П. Игнатьев, прибывший в Трабзон 13 мая 1867 г. сообщал ген. А. П. Карцову о «бедственном положении» абхазов, число которых к этому времени было достигнуто в этом городе 5500 человек. По его словам, они «находятся, по-видимому, в весьма бедственном положении, в следствие перевоза их с Кавказа на простых лодках, заваленных людьми и скотом. К тому же, приготовленные местным управлением помещения и продовольствие оказались недостаточными»[2].

Ген. Толстой, говоря о том, что прибывшие в порт Трапезунда более 13 тыс. переселенцев были в «отличном положении», тут же добавляет, что «на все это было только несколько смертных случаев»[3]. Если были несколько смертей, то нет сомнения, что тогда были и больные. Это уже не «отличное положение». А сколько было и тех и других генерал не сообщает. Видимо, эти данные не интересовали начальника Сухумского отдела – главное для него было «очищение» Абхазии от «вредного населения».

О больших жертвах во время выселения абхазов 1867 г. говорит факт эпидемии, косившей тогда людей и в Абхазии, и на пути следования, и в самой Турции. Свидетель тех событий, известный государственный деятель России С. Ю. Витте писал: «Приехав в Сухум, мы застали там холеру, которая не щадила

истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 391.

[1] **Там же.**

[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 292.

[3] **Салакая С. Ш.** Указ. соч. С.136.

своих жертв. На улицах сплошь и рядом валялись больные и мертвые»[1].

Российским, равно как и османским властям не удалось выполнить условия соглашения, заключенные между собой по поводу мест расселения переселенцев из Абхазии. Как известно, изначально турецкие власти обещали официальным представителям России поселить абхазов подальше от её государственных границ, в частности в Сирии, а абхазам было обещано обосноваться на Анатолийской части Турецкой империи. Однако с первых же дней прибытия переселенцев, турецкие власти значительную массу всё же гнали на Балканы. Например, 11 мая морским путём 2159 переселенцев отправили в Констанцу, 13 мая 1743 человек – в Варну, 16 мая в этот же город было переброшено ещё 3130 абхазов[2]. Всего на Балканы было отправлено 7032 человека, а в лагере переселенцев Сари Дере, в близь Трапезунда, были оставлены – 3823 изгнанника. Через определенное время из Трапезунда 350 человек были отправлены в Измид[3].

Однако определенная часть абхазов всё же обосновалась и в других «нежелательных» для России регионах Османской империи и в первую очередь в самом Лазистане и в Батумской области. Вопреки просьбам российских властей, турецкие стратеги часть новых переселенцев поселили непосредственно на границе с Россией в Нижней Аджарии, где с начала 60-х годов XIX в. здесь уже проживало несколько тысяч абхазов, убыхов и адыгов. В частности, в письме на имя Генконсула России в Стамбуле одного из представителей абхазских переселенцев в Батуме Хусейна Хасановича Габлиа, родом из Келасура, сообщалось, что он, вместе с большой группой абхазов, в количестве три тысячи семейств, в начале 60-х годов поселился в Батуме[4]. По сообщению же английского консула в Трапезунде Джифорда Пальгрева, перед началом Русско-Турецкой войны (1877 – 1878 гг.) в Батумском регионе проживало около 9500

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 291.
[2] **Там же.** С. 286 – 287.
[3] **Там же.** 287.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, д. 2073, л. 56.

абхазов и черкесов, среди которых в количестве 1200 человек были поселены в 1866 – 1867 годах[1]. Наличие большого количества населения абхазо-адыгов в Аджарии подтверждается и полевыми этнографическими материалами, собранными среди абхазской диаспоры в Аджарии. Однако с началом войны, подавляющая часть абхазов покинула приграничные регионы, и переселилась в отдаленные от военных театров регионы Османской империи[2].

Абхазы, высланные в 1867 г., как и в предыдущих потоках выселения, постоянно старались возвращаться обратно в Абхазию, включая её северо-западную часть, на побережье Черноморской губернии, под разными предлогами, в том числе под «вымышленными именами». Об этом сообщали Д. С. Старосельский, А. Н. Мошнин и др. официальные лица. Консул России в Трапезунде по этому поводу обращался к местному губернатору с просьбой не выдавать абхазским переселенцам паспорта и «предупредить тех абхазцев, которые пожелают отправиться», что они будут высланы немедленно назад»[3]. Кроме того, с 1868 г. действовало повеление наместника Кавказа, на основании которого «всех тех абхазов из числа выселившихся в Турцию, кой будут прибывать в Абхазию на будущее время… безусловно возвращать в Турцию»[4]. Ситуация в этом отношении формально изменилась в лучшую сторону для абхазов накануне Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., когда возвращавшихся тайно абхазов стали рассматривать как «перебежчиков», ищущих убежище от недружественного правительства. Однако на них смотрели российские власти «как на преступников», и само собой подразумевалось, что такие «перебежчики» не должны были иметь «никакой претензии на надел их землями»[5].

---

[1] **Джифорд Пальгрев.** Отчет о провинции Трапезундской, Лазистанский санджак // ИКОРГО, т. VII, Тифлис, 1882 – 1883 г., с. 56.

[2] **Ачугба Т. А.** Поселение абхазов в Аджарии. – Батуми. 1988. С. 21, 31 (на груз.яз.).

[3] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 292.

[4] **Там же.** С. 295.

[5] **Там же.**

Просьбы о возвращении на родину от кавказцев часто поступали в российские консульства. Так, посол России Н. П. Игнатьев в секретном донесении от 21 декабря 1872 г. товарищу министра иностранных дел России сообщал о 8500 черкесских семействах, переселившихся разновременно с Кавказа в Турцию, жалуясь на бедственное положение, в котором они находятся и на невыносимые притеснения, ходатайствуют о возвращении в Россию[1]. Начальник Сухумского отдела в ноябре 1867 г. писал о «двух категориях» репатриантов – «желающие укрыться у родственников, оставшихся после переселения в Абхазию, от тяжелых поборов, ныне господствующих в Турции, и рекрутской повинности»[2].

Император России Александр II в. 1867 г. отменил постановление Комитета министров от 1862 г. о разрешении горскому населению Западного Кавказа выселиться в Турцию[3]. Однако эта была лишь временная мера, с началом Русско-Турецкой войны вновь открылись шлюзы для выселения абхазов и других горских народов Кавказа в Османскую империю.

Таким образом, в результате массового выселения 1867 г. жители исторических регионов Бзыбь, Гума и Абжуа понесли невосполнимые потери, а исторические регионы Дала и Цабала полностью были опустошены. В целом генофонд абхазского народа понёс невосполнимую утрату. Подытоживая последствия насильственного выселения абхазов в 60-х годах, редактор газеты «Дроеба» С. Месхи в 1875 г. отмечал: «В Сухумском, Бичвинтском (Пицундском. – Т.А.), Гагрском и других долинах, где раньше гремела жизнь, теперь почти не встретите следов человека»[4]. Об опустошенных в 1867 г. Цебельде и Дале начальник Сухумского военного отдела ген. В. А. Гейман писал, что он разрешил князю Михаилу Маршан с 17 семействами, не успевшими уйти в Турцию по случаю разлива Кодор, остаться до ранней весны, с тем, что на его ответственности лежит на-

[1] **Там же.** С. 294 – 295.

[2] **Там же.** С. 295.

[3] **Там же.** С. 290 – 291.

[4] **Месхи С.** Заселение Черноморского побережья // Газ. «Дроеба», №63, 1875 г. (на груз.яз.).

блюдение этой горной трущобой. Дальское ущелье, из которого лежит путь в Псху, Карачай, к сведению, нельзя оставить вовсе без населения, иначе развернутся разбойники, с которыми впоследствии трудно будет справиться…»[1]. А по данным 1868 г., в Цебельде осталось 13 абхазских дворов, а в Дале – ни одного[2]. П. Г. Чарая относительно Далской общины с сожалением констатировал: «Страна, с древних времён прославленная мужеством здешних жителей, сегодня, таким образом опустошена, что никто там не живет»[3].

Кроме того, что в результате «очищения» Кодорского ущелья от коренного населения была решена военно-стратегическая задача – открытие путей связывающих Кубанскую область с долинами Ингура и Риона, освободилась огромная территория для поселения тут надёжного для властей населения. «На оставшейся свободною местности Цебельды и Дала, – подчеркивал ген. М. Толстой, – я имею в виду водворить христианское и по преимуществу русское население, о чем доставлю Вам в непродолжительном времени более подробные предположения»[4].

Дальнейшее «ослабление» абхазского населения в сёлах близлежащих к Сухуму, также происходило путём заселения здесь надежного населения с целью «уединить беспокойный Гудаутский участок от остальной Абхазии. Правда, по сообщению А. Н. Введенского, власти намеревались изначально «способствовать поголовному выселению всех жителей на пространстве между рр. Гумистою и Кодором[5]. Однако, в связи с изменением этого плана в процессе депортации, в 1867 г. из этого региона всё же было выслано около 200 семейств, чьи земли были переведены в категорию «казенных земель» в ведение Кавказского горского управления. Окончательное

[1] Материалы по истории Абхазии (1863 – 1874). Т.3. С. 402.
[2] ССКГ. Т. 1. – Тифлис. 1869. С. 69.
[3] **Чарая П.** Землевладение в Абхазии (продолжение) // Журн. «Квали», №13, 1897 г. С. 268 (на груз.яз.).
[4] **Салакая С. Ш.** Указ. соч. С. 136.
[5] **А. [Введенский].** Письмо из Абхазии // Газ. «Кавказ», №268, 31 декабря 1877 г

же «очищение» этой территории было завершено во время последнего этапа выселения абхазов в 1877–1878 гг.

По опубликованным данным Кавказского горского управления выясняется, что после выселения значительной части абхазского населения, общее количество жителей Сухумского военного отдела на ноябрь 1967 г., составило 64933 чел. (Таблица № 6). А всего общее количество абхазского и абазинского населения на Кавказе насчитывалось около 72 тыс. человек. Из них свыше 7 тыс. чел. проживали в Зеленчукском и Эльбрусском округах Кубанской области и до 65 тыс. человек в пределах Сухумского отдела. В числе абхазов и абазин входили и самурзаканцы в количестве до 22 тыс. человек. Из почти 65-тысячнего населения Сухумского отдела 37233 чел. (20526 мужчин и 16707 женщин) считали себя христианами, что составило около 57% от общего количества населения[1].

Таблица №6.

Население Сухумского военного отдела на ноябрь 1867 г.

ОКРУГА	**Число домов**	**Число семейств**	**Число жителей**		
			муж.п.	жен.п.	Всего
Пицундский	4,730	5,898	14,183	12,183	26,483
Драндский	2,868	3,278	8,824	7,681	16,505
Окумский	3,493	3,493	11,795	10,063	21,858
Цебельдинский	27	27	46	41	87
Итого	11,118	12,696	34,848	30,085	64,933

[1] Сборник статистических сведений с Кавказа, I, ред. Н. И. Воронов. Тифлис. 1869. Отд. I, с. 39.

Кроме них, по данным Приложения статистического сборника о Кавказе, из общего количества населения (66468 чел.) Сухумского отдела, 429 чел. (243 мужчин и 186 женщин) принадлежали мегрельской национальности. Сверх того, в Цебельде оставлено 5 семейств цебельдинцев, состоящих из 26 душ (13 мужчин и 13 женщин)[1].

«Женщины махаджиры». Худ. В.Т. Гагулия.

[1] **Там же.**

ГЛАВА V. ИЗГНАНИЕ АБХАЗОВ В 1877–1878 гг.

Абхазия в годы Русско-Турецкой войны (1877 - 1878 гг.) Прежде чем изложить драматические события, непосредственно связанные с депортацией абхазов, необходимо проанализировать сложнейшие военные события, разворачивавшиеся на территории Абхазии, в результате чего было изгнано большинство коренного населения страны в Османскую империю.

Введение военно-административного управления и укрепление позиций царизма на Восточном побережье Черного моря и в целом на Кавказе вследствие покорения края в 60-х годах XIX в., встретило большое сопротивление Османской империи, и её стратегического партнера – Великобритании. Более того, продвижение царской России в Среднюю Азию, намерения и практические шаги в поддержку национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова против Османского владычества и стремление дальнейшего утверждения своего политического влияния в Черноморско-Средиземноморском бассейне, крайне обострили англо-российское противостояние.

Готовясь к войне, англо-турецкие стратеги рассчитывали на поддержку горских народов Кавказа, которые переживали сложнейшие времена в своей многовековой истории, вызванные массовой депортацией в Османскую империю. Турецкие власти ещё до начала новой войны, пытались возбудить среди кавказцев антироссийские настроения – различного рода пропагандисты призывали местное население к поддержке Турции. Однако, народы Кавказа, проживавшие на родине, в целом не поддались турецким агитаторам[1]. Сложнее обстояло дело с изгнанным населением Кавказа. Помимо того, что оно было негативно настроено против царизма, значитель-

[1] **Дзидзария Г. А.** Абхазское махаджирство XIX столетия // Дзидзария Г.А. Труды III. – Сухум. 2006. С. 228.

ное количество было расселено в приграничных с Российской империей регионах, а десятки тысяч изгнанников служили в регулярных войсках Османской империи. Следует также отметить, что, как в позднем Средневековье, так и перед началом грядущей Русско-Турецкой войной многие ключевые посты командования турецкой армии занимали выходцы из Кавказа. Тогда ещё были живы многие лидеры последнего этапа национально-освободительной борьбы горских народов Кавказа – Берзек Керантух, Магомет-Эмин, Гази-Мухаммед (сын имама Шамиля), Муса Кундухов и др. В этой сложной ситуации, российскими стратегами для изоляции кавказской диаспоры в предстоящей военной кампании был составлен весьма амбициозный и коварный план. В частности, прибывший накануне войны в Стамбул, уполномоченный российского правительства генерал А. П. Карцов, предложил Гази-Мухаммеду и Муса Кундухову, санкционированный высшим руководством России план о создании автономного черкесского государства под протекторатом самого императора вблизи границы с Афганистаном и обещал содействие в новом переселении горцев из Кавказа. Все расходы, связанные с этим мероприятием, брали на себя российские власти[1]. При претворении в жизнь данного плана, царизм намеревался добиться: 1) создания «буферного» государственного образования между Россией и Афганистаном, входящего в зону влияния Великобритании; 2) военно-политического ослабления Османской империи; 3) поголовного очищения Кавказа от оставшегося на родине коренного населения. Однако план, привезенный генералом Карцовым, остался на бумаге, ибо такие масштабные задачи невозможно было осуществить без ведома самого турецкого султана, а то и правительств ведущих европейских государств. Такого желания явно не было у этих государств, постоянно конкурировавших в регионе с Российской империей.

Что касается Абхазии, то российские власти основное внимание уделяли поддержанию здесь «правопорядка» и готов-

[1] **Бэрзэдж У. Н.** Изгнание черкесов. Причины и последствия. Нальчик. ООО. «Тетраграф». 2012. С. 205.

ности к отражению мелких неприятельских десантов, имевших целью грабеж прибрежных населенных пунктов, или же «возбуждения абхазцев»[1].

Для выполнения этих тактических задач, а не для ведения крупномасштабных боевых действий против турецких войск, в декабре 1876 г. в Абхазии было завершено формирование т.н. Сухумского отряда и была осуществлена переброска дополнительных воинских подразделений.

В ожидании начала новой русско-турецкой войны, абхазское население проявило желание принять активное участие в составе российских воинских подразделений, для обороны своей страны от турецкого нашествия. Ещё в ноябре и декабре 1876 г. из коренных жителей Абхазии был сформирован Сухумский конно-иррегулярный дивизион (командир – полковник Григорий Чачба-Шервашидзе): 1-я сотня в Пицундском округе (ком. штабс-капитан Титу Маргания (Маан), 2-я сотня в Очамчырском округе (ком. поручик Бату Эмухвари (Эмхаа). В самом начале войны уже речь идёт о четырех сотнях конной милиции из числа жителей Бзыбской, Гумской и Абжуйской Абхазии. А самурзаканские абхазы в период войны в составе российского отряда сформировали: 6 сотен конно-иррегулярного полка, 5 сотен конно-иррегулярной милиции и 3-х сотен пешей милиции. Имелись также резервные сотни[2]. Однако, как показали последующие события, участие абхазов в войне не спасло их, за исключением самурзаканцев, от необоснованного обвинения в «предательстве» и депортации.

Разгоревшаяся национально-освободительная борьба народов Балканского полуострова (греки, сербы, боснийцы, герцеговинцы, черногорцы, болгары, румыны и др.) против Османского владычества приблизили войну между Россией и Турцией. 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции.

В ходе войны, как и ожидалось, Черноморское побережье Кавказа превратилось в театр активных военных действий. В результате долгосрочного господства турецкого флота на

[1] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 314.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 359.

Чёрном море, слабозащищенными оказались такие важные порты: Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сухум, Поти и др. Турецкий флот, имевший по всем военным параметрам превосходство над российским флотом на Черном море, главным регионом для ведения военных действии избрал незащищенную от высадки вражеского десанта Северо-Западную часть Абхазии. В Черноморском округе, который граничил с Сухумским отделом, более или менее защищенным оказался г. Туапсе, где стоял российский отряд в количестве 4 тыс. человек, под командованием начальника Черноморского округа, полковника Б. М. Шелковникова. В целом же ситуацию для российских войск осложняло то обстоятельство, что после выселения абхазов, убыхов и адыгов, колонизация этих регионов шла весьма вяло, и количество колонистов не позволяло властям организовать турецким десантам мощное сопротивление. Ситуация не лучшим образом складывалась и в Сухумском отделе, где на фоне обострения абхазо-российских отношений в связи с выселением значительной части коренного населения и проведением жёстких мер административно-полицейского и социально-экономического характера, власти не посчитали целесообразным массовую раздачу оружия абхазскому населению для совместной с российскими войсками защиты страны. А небольшое по количеству колониальное население (русские, греки, армяне, мегрелы, молдаване, болгары и др.), на которых, изначально возлагалась большая надежда, стали удаляться из Абхазии. Вместо того, чтобы защитить город, новоявленные жители Сухума ещё до начала войны стали его покидать; они «разбрелись как народ Израиля, по всей России», а некоторые переехали в сёла колонистов, расположенные в Кодорском ущелье.

Из воинских подразделений, дислоцированных в разных частях Абхазии, основная сила была сосредоточена в Сухуме. В начале войны количество Сухумского отряда насчитывало до 5 тыс. чел.[1]. Кроме того, малочисленные отряды стояли в

[1] **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 2009. С. 287.

Гагре, Гудауте, Очамчыре, Цебельде и др. населенных пунктах. Начальник Сухумского военного отдела ген. П. П. Кравченко получил от вышестоящего военного руководства полномочия «самостоятельного командования войсками». Сухумский отряд входил в состав войск т.н. Рионского края, командующим которого являлся ген. И. Д. Оклобджио. Общее количество военнослужащих находившихся под его командованием составляло около 35 тыс. чел. Из них 25 тыс. чел. числились в составе Кобулетского отряда, действовавшего в направление Батума, 5 тыс. – в Кутаисском отряде под командованием ген. Я. К. Алхазова (Алхазишвили).

Ограниченное количество личного состава Сухумского отряда кавказское командование объясняло тем, что оно не предполагало развязывания противником крупномасштабных военных действий на территории Абхазии. По плану самообороны, в случае высадки многочисленных войск на побережье Абхазии, Сухумский отряд должен был искать убежище в Цебельдинской котловине. Такие установки вышестоящего военного командования создают впечатление, что российские власти изначально не намеревались защитить Абхазию от турецкого вторжения, чтобы нанести военный, политический и моральный ущерб абхазскому населению.

Однако, потерпев с первых же дней серьезное поражение на Балканах и в Малой Азии, турецкие военные стратеги решили высадить крупный военный десант в портах Абхазии, и в целом Северо-Западного Кавказа, тем самым, открывая новый фронт, чтобы нанести удар с тыла Кавказской армии.

В ночь с 29 на 30 апреля близ Пицунды, доставленный разведчиками на турецкий пароход урядник земской стражи дворянин Хрипс Маргания (Маан), заявил адмиралу Гусейн-паше, что абхазское население не поддерживает турок. «Держать какой-нибудь совет с абхазцами и просить у них помощи, – говорил он, – не поможет делу, так как большинство абхазского населения решительно за русских»[1]. Турецкие пароходы на рассвете 30 апреля подошли к Бамборе, а

[1] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии. Газ. «Голос», №198, 19 июля, 1878 г.

затем – к устью р. Гумыста. Попытки турок высадить десант, не принесли успеха.

Население Бзыбской Абхазии, обеспокоенное информацией о надвигавшееся опасности, 30 апреля стало собираться в с. Лыхны. Перед собравшимся населением с речью выступил уважаемый в Абхазии дворянин из с. Дурипш Хусейн Лакрба. Выражая общее мнение соотечественников, по поводу разворачивающейся в стране трагедии, он сказал: «Сердце мое преисполнено предчувствием о близкой опасности Абхазии; она погибает безвозвратно, если начальник округа не вытребует из Сухума сюда к нам побольше войск. Абхазцы готовы спрятать свои семейства в горы и стать в ряды русских, чтобы объединенными силами идти против неприятеля; но если начальник отдела оставит нас на произвол судьбы, то мы, несчастные, будем вынуждены покориться турецкой власти; а потому желательно было бы, и я настоятельно прошу, довести мое заявление кому следует!»[1]. По приказанию военного руководства, воинские подразделения и администрация Пицундского округа покинули Гудауту и прибыли в Сухум.

Тем временем, тот же дворянин Хусейн Лакрба 30-го же апреля на встрече с командующим турецкого десанта, в весьма дипломатичной форме заявил: «До настоящего времени мы находились под покровительством России, и русское правительство, оставляя нас, объявило, что, так как земля наша занимает довольно большое пространство, то чтоб во время сражений не причинить вреда населению признает полезным вывести свои войска из Абхазии, и освободить нас от всякой военной повинности. Начальник же округа, выезжая из наших селений, тоже обещал возвратить забранных им арестантов, обвиненных в нападении и ограблении местечки Гудаут. Сверх того, нам русские же объявили, чтоб мы по-прежнему продолжали заниматься обычными занятиями; но, в случае если одна из воюющих сторон одержит верх, мы обязаны заявить наши

[1] **Там же.**

верноподданнические чувства той стороне, которая примет Абхазию в свое владение. В виду такого объявления со стороны нашего правительства, мы надеемся, что и вы, как представитель турецкого падишаха, не тронете нас, освободите от всякой повинности и не разорите нашу страну высадкой на берег турецкого войска, чтоб правительство наше не заподозрило нас в переходе на вашу строну»[1].

Как видно, основной смысл заявления Х. Лакрба был нацелен на то, чтобы избежать высадки турецкого десанта и превращения Абхазии в полигон жесточайших сражений воюющих держав. Кроме того, в этой же речи народного дипломата был заложен дополнительный вариант спасения народа от войны – предоставить абхазскому населению права занять нейтральную позицию. Хотя, как подтверждают источники, в случае раздачи российскими властями абхазам оружия, то они были намерены сражаться на стороне российских войск.

В ночь с 30 апреля на 1 мая 1877 года, после массированной бомбардировки, турецкая эскадра в составе 6 судов в населенном пункте Гудаута высадила десант. По данным главнокомандующего Кавказской армией, М. Н. Романова, десант состоял из 1000 человек, по другим данным, численность солдат противника достигала 2 тыс., а то и 5 тыс. человек. Часть десантированного войска составляли абхазы, адыги и убыхи, ранее высланные из Кавказа и привезенные обратно для освобождения родины от российского владычества. Ими командовали Чачба Хасан и Камлат Маан[2]. По словам К. Д. Мачавариани, «на броненосце вместе с пашой находилось много абхазцев и черкесов, высланных из Абхазии в Турцию в 1864 и 1866 годах. Если черкесы и абхазы соблазнились идти в Абхазию, то приманкой для них служила сама Абхазия – их Родина; они льстили себя надеждою навсегда остаться на своей любимой родине… Мечты абхазцев были известны и турецким

[1] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии. Газ. «Голос», №199, 20 июля 1878 г.

[2] **Бэрзэдж У. Н.** Изгнание черкесов. Причины и последствия. Нальчик. ООО Тетаргаф. 2012. С.175.

властям; они воспользовались этим и начали щедро дарить заверениями и обещаниями относительно их поселения в родном краю. Таким путём нетрудно было загнать их в Абхазию и потом орудовать ими как пешками…»[1]. Вместе с тем, и на этот раз сообщения о количестве десанта и, особенно о численности кавказских переселенцев среди десантников, было весьма преувеличено[2].

1 мая в Гудауте было собрано около 10 тыс. абхазов. Вышедший на берег из турецкого броненосца Махмуд-паша огласил султанский фирман, написанный на русском языке и призывавший абхазов к войне против России. Затем было роздано около 45 тыс. ружей и по 250 патронов на каждое из них. Турецкие эмиссары ещё 30 апреля побывали в сёлах Псырцха, Анхуа и др. населённых пунктах для убеждения людей в том, что «русские больше не вернутся и всё Черноморское побережье будет турецким». Попытка начальника Пицундского округа майора Гаевского организовать оборону в районе Псырцха, против надвигавшегося со стороны Гудауты турецкого отряда, не увенчалось успехом[3]. В это же время ген. П. П. Кравченко для того, чтобы прикрыть Сухум, решил занять оборону на р. Гумыста. Однако 1 мая турецкая корабельная артиллерия разбомбила Сухум и Очамчыра. 2 мая турки вновь попытались высадить десант из восьми фелук в Сухуме и у устья р. Гумыста. Для оказания сопротивления туркам, командование Сухумского отряда направило в город батальон с двумя орудиями, который заставил турецкие фелуки удалиться от берега[4]. 2 мая турецкие броненосцы выстроились напротив города и осыпали его снарядами[5]. В ночь с 2 на 3 мая противник вновь открыл артиллерийский огонь по Сухуму, в городе возник пожар.

---

[1] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии. Газ. «Голос», №199, 20 июля 1878 г.
[2] Газ. «Русский инвалид», №142, 1877 г.
[3] **Мегрелидзе Ш. В.** Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. – Тбилиси, 1969. С. 14.
[4] Газ. «Русский инвалид», №142, 1877 г.
[5] **Лебединец Г.** Из Сухума. Газ. «Пчела», №21, 1878 г.

Абхазское население с тревогой следило за разворачивавшейся в Абхазии трагедией. Как выяснилось, абхазы собирались, совместно с российскими войсками, оказать сопротивление турецкому десанту. Согласно информации газ. «Русский мир» (№142, 1877 г.), только в Сухум из окрестных сёл собралось до 8 тысяч молодых абхазов в поддержку российским войскам, но – безуспешно. У них не было оружия, а российское военное командование открыто игнорировало желание абхазов сражаться против турок. К сожалению, российское военное командование принципиально, преднамеренно игнорировало желание абхазов воевать на стороне русских. С приближением реальной опасности, абхазские лидеры, во главе с известным садзским князем Решидом Гечба, которому, после выселения 1864 г., власти разрешили вернуться на Родину и проживать в Гагре, неоднократно обращались к командованию российских войск в Абхазии с требованием вернуть оружие населению для самообороны. Однако ген. П. П. Кравченко не поверил им[1]. По сообщению А. Н. Дьячков-Тарасова, абхазы предложили генералу П. П. Кравченко назначить командиром абхазской милиции весьма популярного в народе боевого полковника Алмахсита (Михаила) Маршан, который «сумел бы собрать вокруг себя всю абхазскую молодежь»[2].

Однако и на этот раз глас народа не был услышан.

Кроме того, в публикациях того периода выявляется, что, в условиях лишения национальной государственности, абхазская народная дипломатия попыталась осуществить на практике собственный план по предотвращению надвигающейся катастрофы. В частности, с военно-политической точки зрения определённый интерес вызывает выработанная в гуще народа позиция абхазского населения в случае военных действий на территории Абхазии. По этому, так сказать, народному плану, известному в источниках как «мнение почётных лиц Абхазии»,

[1] **Мачавариани К. Д.** Из моего дневника // Журн. «Моамбе». №9, 1895 г. (на груз.яз.).

[2] Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач.XX вв.). Кн. II. – Сухум. 2008. С.685

планировалось формирования из абхазской молодежи большого количества милицейских отрядов и их отправки в состав российских подразделений, дислоцированных за пределами Абхазии. В таком случае, по мнению авторов этого плана, российские власти не стали бы обвинять абхазов «в возмущении» против русских, и в случае появления турецких войск, данный факт стал бы веским основанием заявить турецкому командованию о невозможности содействия «неприятелю в видах интереса жизни отсутствующих милиционеров (родных и родственников), которым может угрожать поголовное истребление»[1]. По этому же плану, в случае начала войны, следовало освободить прибрежные территории Абхазии от населения и переместить его на ближайших возвышенностях, чтобы «наблюдать за неприятелем и, при первом его появлении, открыть против него огонь». По поводу верности подобного тактического маневра, в источнике приводится пример уничтожения турецкого десанта полковником Шелковниковым на берегу Сочи[2].

Если вторая часть данного народного плана в целом опиралась на многовековой традиции ведения войны абхазов, в случае вторжения врагов со стороны моря, то первая часть данного плана самообороны, заключающаяся в призыве определенной части абхазской молодежи в отряды милиции и отправке их за пределы Абхазии, выглядит весьма оригинальным и дальновидным. При осуществлении данной идеи, его авторы рассчитывали: во-первых, спасти от гибели значительную часть абхазской молодежи, служившей в милиции за пределами Абхазии; во-вторых, сохранить генофонд всего населения; в третьих, неучастие абхазского населения в военном конфликте, могло бы избавить большую часть народа от ожидаемого очередного массового этапа депортации. Во всяком случае, у российских властей не было бы формальных оснований для столь строгого «наказания» абхазского населения, как это случилось

[1] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии. Газ. «Голос», №198, 1878 г.
[2] **Там же.**

в период и после окончания войны. Хотя развитие событий по такому сценарию можно было ожидать при благих намерениях российских властей по отношению к абхазскому народу. Однако, как показали развернувшиеся на территории Абхазии военные события, российские власти, равно как и турецкие оккупанты, вовсе не интересовались судьбой абхазского народа. Более того, они прилагали все усилия, чтобы на несчастье коренного народа осуществить свои имперские планы.

Генерал П. П. Кравченко, получивший неверную информацию о количестве турецких десантов, 3 мая фактически без боя оставил Сухум и имевшиеся в его распоряжении все воинские подразделения направил в сторону Цебельды. Современник этих событий К. Д. Мачавариани, недовольный поведением ген. Кравченко, позже писал: «Бог весть для чего было отряду бросать Сухум… имея столько войск, провианта и боевых припасов, но, видно, наши разведочные силы не соответствовали своему назначению, наведя страх и ужас о многочисленности турецкого десанта…»[1]. Обосновывая свои действия ген. П. П. Кравченко вышестоящему начальству докладывал: «Не был город Сухум отдан нами, ибо мы оставили не город, а удалились от его развалин, уже потерявших значение»[2]. Хотя, как выяснилось позже, утверждение генерала П. П. Кравченко о том, что Сухум был разрушен и от него остались только развалины, не соответствовало действительности. А распространение такой информации было рассчитано для обоснования своего бегства, не оправданного ни с военной, ни политической, ни моральной точек зрения. Например, В. А. Потто, в своем воспоминании, где речь идёт о ночном морском сражении 11 августа 1877 года, пишет: «уже видны были белые здания города, освещённые полной луной…»[3]. А по сообщению корреспондента газ. «Тифлисский

[1] **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель… 2009. С. 299.
[2] **Дзидзария Г.А.** Указ. соч. С. 332.
[3] Воспоминание В. Потто «Былое Черноморского флота. Адмирал Макаров в последнюю турецкую войну». Газ. «Кавказ», №335, 1903 г.

вестник», который вместе с войсками вошёл в город 20 августа, утверждал, что в начале мая, т. е. тогда, когда Сухумский отряд покидал Сухум, можно было реставрировать город, ибо сгорело не более 1/3 части города[1].

Таким образом, Сухум российским отрядом был оставлен фактически без серьёзного сражения. Это несмотря на то, что ген. П. Кравченко ещё в октябре 1876 г. уверял начальника штаба Кавказской армии о недопустимости отступления от Сухума. По его словам, «при всех обстоятельствах должно быть признано самой крайнею, самой печальной и самой невыгодной мерой»[2].

На самом деле, изначально у командования Сухумского отряда было достаточно сил и средств для обороны Сухума и всей Абхазии, а вооружив абхазов, оно могло бы значительно умножить эти возможности. Тем более, что численность турецких войск на начальном этапе войны было невелико. Другое дело, что турецкое командование для оказания психологического давления на российских солдат, путём маневрирования одних и тех же подразделений создавало видимость о многочисленности десантов. Как писал К. Мачавариани, «с самого начала число всех турецких десантов не превышало 3 или 4 тыс. чел. Но у страха глаза велики, да притом турецкие начальники прибегали к довольно удачной для них хитрости. Например, высаживая днём десант в Очамчыре или Сухуме, тот же десант ночью появлялся в Гудаутах или в другом месте. Казалось, что весь берег с Гагр до Ингура как бы был полон турецкими войсками. Правда, турки имели преимущество на море, но российские войска могли нанести им поражение на суше»[3]. Позже, во время активных боевых действий на территории Абхазии, общее количество турецких войск не превышало 10-12 тыс. солдат, тогда как турецкое военное командование рас-

[1] Корреспонденция из Сухума, 30 августа 1877 г. Газ. «Тифлисский вестник», №204, 1877 г.

[2] Дзидзария Г. А. Указ. соч. С. 332.

[3] **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель… 2009. С. 287 – 288.

пространяло слухи о нахождении на территории Абхазии не менее 60 тыс. турецких войск[1].

Кроме различных информационных трюков, для наведения страха среди российских военных и абхазского населения, турецкие броненосцы выпускали чрезмерно «много бомб как по направлению к берегу, так и в противоположную сторону, в открытое море». Параллельно, турецкие пропагандисты распространяли слухи о восстании абхазов против русских, чего не было до ухода российских войск из Сухума. Например, из тех абхазов, которым в Гудауте турками 1 мая были розданы ружья, турецкий паша в Сухуме почти не встретил никого. Как сообщала газ. «Голос», «большая часть их, по получении оружья, разошлись по домам»[2]. Разгневанный таким поведением абхазов, турецкий паша приказал через своих посредников, «о немедленной явке абхазцев к указанному месту»[3]. Прибывший по приказу паши в с. Лыхны Камлат Маргания потребовал от собравшегося населения, чтобы каждый из двух семейств, выставил одного человека для службы в составе турецких войск. В противном случае, «грозно объявил он народу, что турки перестанут воевать с русскими, и, вернувшись абхазцам, одну часть из них вырежут, а другую – отвезут в Турцию для вечных работ и страданий»[4]. Эти слова были произнесены три раза и все же заставили часть из абхазов направиться в Сухум. По рассказу очевидца этих событий Н. Ладария, турецкий паша принуждал абхазцев присягнуть султану на верноподданство и приказывал им воевать против российских войск[5]. Но приказы турецкого паши на практике не выполнялись абхазами, за исключением тех, кто непосредственно служил в турецкой армии, или же чем-то был обязан турецкой власти.

С утра 3 мая одна часть турецкой эскадры двинулась к Мачарскому ущелью, куда намеревались направить основные

[1] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии. Газ. «Голос», №199, 20 июля 1878 г.
[2] **Там же.**
[3] **Там же.**
[4] **Там же.**
[5] **Ладария Н.** На заре моей жизни. «Исторический вестник», №46, октябрь 1891. С.112

силы Сухумского отряда для дальнейшего следования в сторону Цебельды. Другая часть, оставшись под Сухумом, стала обстреливать лагерь русских, расположенный недалеко от Сухума в с. Абжаква. К вечеру Сухумский отряд прибыл к устью р. Мачара, а на следующее утро 4 мая новый лагерь ген. П. П. Кравченко расположился в бывшем абхазском селе Барял, названным российской администрацией Ольгинское. По официальным сообщениям, Сухумский отряд «успешно удерживал занятые ими позиции и имел несколько удачных стычек с неприятелем, занявшим развалины Сухума. Посланные к Сухумскому отряду подкрепления продвигаются беспрепятственно усиленными переходами»[1]. Однако по другим сообщениям, отступая в сторону с. Ольгинского, Сухумский отряд нёс потери в живой силе и технике. «Словом, что ни шаг – потеря людей и потеря воинского духа» – сказано в источнике[2].

В связи с активизацией турецкого десанта на суше, о чем оперативно доносилась информация до командования Сухумского отряда, российская группировка могла бы оказаться в весьма критическом положении. Ген. П. П. Кравченко отдал распоряжения для усиления безопасности войск, дислоцированных на Ольгинском плато – обеспечить надежную охрану Мачарского ущелья, уничтожить мосты и дороги, ведущие в Чижеуш, Агиш и Аушту. Кроме того, 5 мая для защиты села колонистов Анастасьевское были посланы две роты, для «очищения» гор от «одиночных шаек» был направлен «отряд охотников» из 130 человек[3], а для «наказания» абхазов, «изменивших русским», был направлен полковник Г. Шервашидзе (Чачба), который «предал несколько селений огню и взял значительное количество скота»[4]. Одновременно войсковой старшина Голяховский совершил нападение на абхазское село Акапа, нанёс «сильное поражение абхазцам» и предал огню жилища абхазов на правом берегу р. Келасур. Однако в связи с

[1] Газ. «Мирское слово», №20, 14 мая 1877 г.
[2] **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель… 2009. С. 289.
[3] Газ. «Русский инвалид», №142, 1877 г.
[4] **Мачавариани К. Д.** Указ. соч. С. 289.

наступлением турок из Сухума, Голяховский был вынужден отступить и присоединиться к главным силам Сухумского отряда. В это же время командование Сухумского отряда получило информацию о высадке турецких подразделений в Очамчыре, Цхыбын и Дранде[1]. Продвижение Сухумского отряда оставляло кровавый след – погибали как российские солдаты, так и абхазы, проживавшие по пути следования войск. Например, по данным одного из источников, 9 мая только в ущелье р. Мачара погибло до 400 местных абхазов[2].

С уходом Сухумской администрации и командования Сухумского отряда, в городе осталась часть сотрудников Администрации Сухумского отдела и колониальное население. Кроме того, с уходом воинских подразделений из Сухума и из других населенных пунктов Абхазии, прибрежная территория от Гагры до Кодора, включая приблизительно более 30-тысячного коренного населения Бзыбской Абхазии, была обречена на разорение со стороны турецких войск. Вместе с тем, турецким воинским подразделениям открывалась сухопутная дорога для наступления на Абжуйскую Абхазию. Такое ничем не оправданное действие российских военных «стратегов», ставили в весьма критическое положение не только абхазское население, но и саму Сухумскую военную группировку войск. Не имея возможности для перехода на Северный Кавказ, с высадкой турецкого десанта в Очамчыре и лишенный связи с Самурзаканским участком, куда подтягивались российские отряды из Кутаиси, генерал П. П. Кравченко со своими войсками мог бы подвергнуться полному физическому уничтожению.

Сдача Сухума российскими войсками без боя, способствовала усилению ненависти, враждебности военных и колонистов к абхазскому населению. Ибо как сообщала российская пресса, русские солдаты виновным в том, что Сухум без боя был оставлен туркам, считали абхазов. По словам Г. Лебединца, «солдаты были ужасно злые на абхазцев… и постоянно говори-

[1] **Там же.**

[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С.373

ли о том, как бы поколотить бунтовщиков»[1]. На самом деле, в сдаче Сухума, и в целом в неудачах в Абхазии были виновны не абхазы, а ген. П. П. Кравченко, и, конечно же, все командование российских войск на Кавказе. Военный министр России Д. А. Милютин открытым текстом писал: «Видно одно – неуверенность и трусливость как в самом главнокомандующем (М. Н. Романов), так и в его помощнике, князе Мирском»[2]. А «вина» абхазов заключалась в том, что они не могли убедить начальство Сухумского отдела вернуть им отобранные в прошлые годы оружья и совместными силами защитить город и всю Абхазию.

Прежде чем продолжить характеристику военных сражений, происходивших непосредственно на территории Абхазии, необходимо проанализировать события связанные с восстанием абхазов 1877 года, ибо царскими властями восстание было использовано как веское «основание» для обвинения абхазского народа в «измене» и организации «антироссийского бунта». Да, и они по-другому не могли поступить, ведь, речь шла о защите престижа царского самодержавия, виновного в очередной гуманитарной катастрофе абхазского народа, в связи с гибелью тысяч невинных людей и массовой депортацией коренного народа в Османскую империю. Поэтому неудивительно, что выполняя социальный заказ властей, многие военные, чиновники, авторы различных публикаций для раскрытия причин восстания, обвиняли именно абхазов то в исламском фанатизме, то в симпатии к турецким властям, а в деле массового выселения абхазов в Турцию – турецких военных и абхазскую знать и т.п.[3].

На самом деле, как справедливо отмечал Г. А. Дзидзария, «восстание 1877 года, несмотря на всю его сложность и на все последующие наслоения, являлось продолжением освободительной борьбы абхазского народа против царского

[1] **Лебединец Г.** Из Сухума. Газ. «Пчела», №21, 1878 г.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 356
[2]**А. [Введенский].** Письма об Абхазии. Газ. «Кавказ», №222, 3 ноября 1878 г.

самодержавия»[1]. Восстание в Абхазии было вызвано усилением национально-колониального и социального гнёта, проводимого российскими властями. Царские чиновники и после подавления восстания 1866 г. и массового выселения в 1867 г. абхазского населения в Османскую империю, не были довольны «мятежным и виновным населением» и любое проявление протеста со стороны коренного народа расценивали как «антироссийское» выступление. Для придания этим протестам политической окраски, абхазов обвиняли в интенсивной связи с Турцией и её агентурой. Хотя на практике если и были связи с Турцией, то они были вызваны стремлением к воссоединению разделенного по вине царизма народа.

Нет сомнения, что причин для недовольства абхазов, помимо подавления восстания 1866 г. и массовой депортации соотечественников за пределы родины, было предостаточно – это упразднение Абхазской государственности; репрессивный режим и разоружение народа; неоднозначные результаты реформы – тяжелые для семейного бюджета налоги и штрафы; жесткие методы распространения христианства «людьми неспособными для этого и на чуждом для абхазцев грузинском языке»[2]. Эти и другие невыносимые условия жизни, выливались в различных формах протеста. Были случаи нападения и грабежей со стороны отдельных лиц на различные торговые объекты, но их нельзя называть восстаниями. Да, и эти лица, подозреваемые в совершении подобных действий, в итоге подчинялись правосудию российских властей. Например, после объявления войны, власти в целом легко справились с группой лиц, подозреваемых в ограблении 15 апреля лавок частных торговцев в Гудауте – 30 человек сдались властям, а жители близлежащих сёл Лыхны и Куланырхуа выплатили денежный штраф в размере 1950 рублей. Необходимо отметить, что власти без всякого сопротивления со стороны жителей изъяли штраф. Хотя, не были установлены конкретные вино-

[1] **Дзидзария Г. А. Указ.соч. С. 314.**
[2] **А. [Введенский].** Указ. соч.

вники, а хозяева этих ограбленных лавок, считались людьми «беспощадно эксплуатировавших абхазцев»[1].

Данный факт является ярким свидетельством того, что в связи с реальной угрозой военных действий на территории Абхазии, идея восстания против политики российских властей временно перешла на второй план, и надвигающаяся новая угроза, на первом месте выдвинула проблему защиты Родины. Более того, ради самосохранения абхазы были готовы забыть все обиды на российскую власть и сотрудничать с ними в деле самообороны страны; подавляющая часть всех без исключения регионов Абхазии изъявила желание поддержать российские власти, чтобы объединёнными силами оказать вооруженное сопротивление турецким агрессорам. Такое настроение не утихало до того времени пока ещё оставалась надежда на выдачу абхазам оружия и совместной самообороны страны. Абхазское население не теряло такую надежду и тогда, когда ещё 15 апреля 1877 года, в день нападения на торговые лавки в Гудауте, местная администрация, расположенная в с. Лыхны, переехала в Сухум. Притом, оборона от турецкого десанта прибрежной полосы Гудаутского участка от населенного пункта Гагра до Псырцха (83 верст) была поручена абхазской милиции. Уход в Сухум российских властей и вооруженных подразделений из Гудаутского участка с военной точки зрения не был оправдан, ибо вышеназванный малочисленный отряд милиционеров (всего до 100 чел.) не был предназначен для ведения боевых действий с регулярной армией противника и выполнения столь масштабных задач. Правда, данный факт наталкивает на мысль, что власти Сухумского отдела изначально не намеревались защищать Абхазию и её население от турецкой агрессии и тем самым вольно или невольно готовилась соответствующая военно-политическая и идеологическая почва для обвинения абхазов в своих возможных неудачах. Однако местное население до последнего момента не теряло надежду на российские войска, способные защитить Абхазию.

[1] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии. Газ. «Голос». №198, 19 июля 1877 г.

Таким образом, само восстание абхазов непосредственно вспыхнуло с уходом российских воинских подразделений из Сухума 3 мая и окончательной потерей надежды о совместной защите Абхазии от внешней агрессии. Именно это и стало сигналом восстания. В телеграмме от 5 мая 1877 г. генерал П. П. Кравченко сообщал коменданту Поти о восстании населения, проживавшего как в Бзыбской Абхазии, так и Гумской и Абжуйской частях страны. Волнения начались и в Самурзаканской Абхазии, в связи с чем начальник Сухумского отдела просил начальника Зугдидского уезда, во чтобы-то не стало «занять Самурзакань»[1]. В скором времени восстаниями были охвачены многие регионы нынешней Западной Грузии, а также Терской области и Дагестана. Однако жители этих регионов империи не были обвинены в «измене», что лишний раз свидетельствует о том, что российские власти имели особый счёт с абхазским населением. Позже защищая абхазское население от несправедливой кары со стороны властей, писатель и публицист Г. Церетели в газ. «Голос» писал: «Будем откровенны. В Абхазии… было простое неудовольствие на местную администрацию, совершенно такое же, как было в прошлом году в Зугдидском уезде, в Сванетии»[2].

С уходом российского отряда из Сухума связаны и первые столкновения российских подразделений с абхазским населением и уничтожения сёл под огнем артиллерии в окрестностях Сухума – Абжаква, Акапа, Келасур, что стало дополнительным стимулом для восстания части абхазов. Дальнейшие события показали, что не все абхазское население приняло участие в восстании. Более того, помимо тех, кто непосредственно служил в различных иррегулярных подразделениях российских войск, немалая часть коренного населения поддержала российским войскам, в том числе при переправе Кодор, Цандрипш, Бзыбь и др. труднопреодолимых горных рек. Поэтому сама идея об инициировании абхазами восстания против российской вла-

[1] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии. Газ. «Голос», №198, 19 июля 1877 г.
[2] **Церетели Г. Е.** Письма с Кавказа. Газ. «Голос», №257, 26 октября 1877 г

сти с первых же дней войны, в чём сплошь и рядом обвиняла тогда абхазов официальная власть России, не соответствует действительности, противоречит реальному настроению народа и всякому здравому смыслу. Этим и объясняется то обстоятельство, что до определенного момента, абхазское население воздерживалось от всякого восстания.

Анализ источников дает основание утверждать, что если бы российской администрацией было роздано оружие абхазскому населению и российские войска не покинули Сухум, то не было бы никакого восстания. Неслучайно, автор статьи «Письма об Абхазии», опубликованной в проправительственной газете «Кавказ» (№222, 1877 г.), открыто писал: «Оставление нашими войсками Сухума было сигналом восстания Гудаутского участка, которое затем последовательно разрасталось по мере отступления наших войск к р. Галидзге, границе Самурзакани». Примечательно то, что как сказано в этой же статье, «обратное наступление наших войск к Сухуму служило сигналом удаления враждебного нам магометанского населения». Хотя здесь фраза «магометанского населения» приводится для оправдания царских войск, совершивших выдавливание абхазского населения из Абхазии, и не более того. Ибо на практике российские, равно как и турецкие войска, абхазов не различали по религиозному признаку; главной причиной была не конфессиональная, а этническая принадлежность выселяемого населения. Если российские военные щадили бы абхазов по религиозному признаку, то в таком случае, большинство население осталось бы на родине, а депортированным же – разрешили вернуться на родину. По сообщению одного из самих информированных авторов того периода, по вопросам верований абхазов, известного религиозного деятеля Давида Мачавариани, до выселения, из 99-тысячного населения Пицундского и Очамчырского уездов, 86 тыс. являлись христианами, а 13 тыс. – мусульманами[1].

[1] **Мачавариани Д.** Народная смута в Абхазии. Газ. «Дроеба», №152, 1878 г. (на груз.яз.).

Современник и свидетель всех этих драматических событий корреспондент газ. «Голос» Г. Церетели приводил слова абхаза, который в беседе с ними в августе 1877 г. приводил причину восстания. «Мы в этом деле не виноваты; мы не имели против правительства нашего ничего дурного, хотя на нас и старались влиять приверженцы Турции. Но когда нас бросили… и стали отступать от Сухума, оставляя нас на произвол судьбы, как бы передавая в руки турок, мы невольно должны были подчиниться силе и взялись за оружие, желая тем спасти жизнь и честь как свою, так и наших семейств»[1]. По мнению данного автора, «Не отступи генерал Кравченко при высадке в Сухуме махаджиров, или, отступая от Сухума, возьми жителей под свою защиту, турки не имели бы такого успеха, и жители, видя, что их не бросают, не изменили бы нам»[2]. Продолжая эту же мысль, в одном из последующих номеров той же газеты (№227, 1877 г.) отмечено: «Никто не отрицает самого факта – протестуют только против его объяснения. Абхазцы подняли оружие после того, как мы представили их своей судьбе, после того как турки пришли, заняли их край, отобрали у них семейства и угрозами заставили их идти против нас. Не оставляй мы абхазцев, они не задумались бы идти против турок». Как известно, «турки обыкновенно не церемонятся в этих случаях, и если не убеждениями и обещаниями, то угрозами и отобранием заложников, жён и детей – заставят идти против русских»[3].

Примечательно, что с первых дней высадки турецкого десанта, абхазы не стали подчиняться требованиям турок воевать против русских. Это можно было наблюдать и в Гумистинском участке, жителей которого чаще всего обвиняла российская пропаганда в «измене». По словам очевидцев этих событий, «сперва, мы, жители Гумистинского участка, отказались наотрез от исполнения таких требований, но когда принялись нас

[1] **Церетели Г. Е.** Письма с Кавказа. Газ. «Голос», №226, 25 сентября 1877 г.
[2] **Там же.**
[3] Война 1877 – 1878 гг. Т. III. Война в Азиатской Турции. Под редакцией г.-м. **Зыкова.** Вып. П. СПб. 1882. С. 203.

сажать, под разными предлогами, в тюрьму и жечь дома наши, мы сдались»[1]. Кстати, преднамеренным сожжением жилых домов абхазов с первых же дней высадки турецкого десанта в Сухум, приступили и российские подразделения, чем способствовали обострению абхазо-российских отношений. Сожжение домов и отбирание у населения скота, уничтожение посевов, на чём и держалось семейное хозяйство абхазов, как увидим ниже, продолжались до окончания войны и выселения большей части абхазов за пределы родины.

В то время когда Сухумский отряд продолжал отступление от Сухума в сторону Кодорского ущелья, султанские военные корабли от Адлера до Очамчыра постоянно бомбили прибрежные населенные пункты Абхазии и высаживали десант. В частности, 6 мая 2 турецких парохода обстреляли Очамчыра и высадили десант в количестве 500 человек. После того, как жители близлежащих к Очамчыру сёл, не дали «своего прямого согласия на отпадание от России», турецкие войска сожгли Очамчыру[2]. 10 и 11 мая турецкое командование высадило десанты на семи судах в Гагре, Адлере и Туапсе[3].

Взятие Сухума турками вызвало ликование в Стамбуле. В связи с этим событием султан Абдул Гамид II присвоил себе титул «непобедимого», а один из военачальников Шевкет-паша был объявлен «славным полководцем»[4]. Турецкие стратеги рассчитывали, что высадка десанта в Сухуме станет сигналом к общекавказскому восстанию против России. Но этого не случилось. Тем не менее, воодушевленное взятием Сухума турецкое правительство направило 17 и 18 мая в Абхазию дополнительную военную силу, оружие и боеприпасы на больших транспортных кораблях. Во главе экспедиционного корпуса стоял Фезли-паша. Ссылаясь на информацию газ. «Agence Havas», газ. «Одесский вестник» 24 мая 1877 г. сообщала, что в Сухум отправлено было 4 больших транспортных корабля,

[1] ЦГИАГ, ф.15, оп.1, д.8, лл. 1 – 8. По кн. **Дзидзария Г. А**. Махаджирство… с. 359.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 338.
[3] Газ. «Мирское слово», №20, 1877 г.
[3] **Там же.**

4 панцирских фрегата и вестовой пароход с 10 тыс. человек, пятью батареями и 50 тысячами ружей. Прибыв в Сухум, Фезли-паша огласил воззвание к горцам Кавказа, где говорилось об освободительной мисси возглавляемой ими новой военной экспедиции. На самом деле, со стратегической точки зрения речь шла о замене российского колониального господства на Кавказе турецким владычеством. А по тактическим соображениям, высадка турецкого десанта в Абхазии ставила в затруднительное положение группировку российских войск под командованием ген. И. Д. Оклобжио, действовавшую в Батумском направлении[1].

Для укрепления своих позиций в Абхазии, турецкие корабли курсировали и продолжали жечь прибрежные селения от мыса Адлера до Очамчыра[2]. С целью укрепления Сухума, который турки намеревались сделать «в будущем столицей турецкого Кавказа»[3], а также для обороны других населенных пунктов Абхазии, они завезли новые пушки[4]. Турецкие власти прислали в Абхазию несколько тыс. экземпляров Корана[5], а в Очамчыру прибыл кадий (высокопоставленное духовное лицо), который при восходе и закате солнца громким голосом читал молитву («Эзан»). Но вскоре он был убит российскими разведчиками[6]. Кроме того, турецкие власти в Абхазию из Стамбула прислали до 2 тыс. красных фесок, чтобы абхазы носили их взамен кавказских папах[7]. Призывая встать на стороне турок, незваные гости Абхазии, обещали абхазам расширить границу будущей Абхазии до Анапы, в противном случае угрожали полным разорением их страны. Пропагандисты из Турции преднамеренно распространяли слухи об успехах турецких войск – о взятии Керчи, Севастополя, Одессы и даже Тифлиса. Более того,

[1] Газ. «Новое время», №516, 6 августа 1877 г.
[2] Газ. «Новое время», №433, 24 мая 1877 г.
[3] Газ. «Голос», №195, 21 июля 1877 г.
[4] Газ. «Голос», №147, 8 июля 1877 г.
[5] Газ. «Русский мир», №295, 29 октября 1877 г.
[6] Газ. «Голос», 15 августа 1877 г.
[7] Газ. «Голос», №195, 21 июля 1877 г.

не встречая нигде препятствий, турецкие войска, якобы, приблизились к Москве[1].

Взятие Сухума турками и обострение ситуации на всем Абхазском побережье Черного моря, вынудило командование Кавказской армии издать приказ об отступлении Сухумского отряда из с. Ольгинского. Правда, внешне положение Сухумского отряда, имевшего в своем распоряжении в Цебельде огромные склады, заполненные запасами боеприпасов, провиантом и всем необходимым резервом для самообороны, выглядело безопасно. К тому же, по сравнению с другими регионами Абхазии, Очамчырский округ пока «оставался спокойным». Однако неоднократные бомбардировки Очамчыра и особенно известия о том, что из Стамбула в Сухум направлена эскадра с 10-тысячным десантом, изменили настроение не только у командования Сухумского отряда, но и всего генералитета Кавказской армии. Это стало причиной того, что ген. П. Кравченко 10 мая получил разрешение от помощника главнокомандующего Кавказской армии ген.-лейтенанта Д. И. Святополк-Мирского «на свое ходатайство» отступить в сторону Зугдиди, а Кутаисскому отряду под командованием ген.-майора Алхазова, дислоцированного в с. Орпири, недалеко от Кутаиси, было поручено форсированным маршем добраться до с. Наа – на правый берег р. Кодор[2]. По принятому решению, основные силы Сухумского отряда должны были отступить из с. Ольгинского в сторону Багадского моста, а раненных и больных (до 70 раненных и до 600 больных) следовало переправить у с. Наа, где их должны были встречать подоспевшие на помощь подразделения Кутаисского отряда под командованием ген. Алхазова.

12 мая собранным на Ольгинской поляне военнослужащим Сухумского отряда был дан приказ сжечь всё, чего нельзя было нести и спешить в поход. Перед этим были уничтожены «не только провиантские склады, цейхгаузы и архивы, но и даже

[1] **Кучинский Н. К** истории выселения абхазцев. Сочи (Черноморского округа), 9 октября. Газ. «Русский мир», 1877, №295

[1] **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель… 2009. С. 289.

сам лагерь, часть боеприпасов, офицерские и солдатские вещи, а также имущество и склады частных лиц»[1]. У солдат практически остались одни шинели и ружья. Военнослужащие отряда и жители новых колоний с большими потерями продвигались в сторону Багадского моста, названного «Чертовым мостом».

После перехода российских войск, на левый берег р. Кодор, в чем оказали помощь абхазы, мост по приказу командования отряда был срублен и сожжен. С переходом отряда на левую сторону реки, продолжавшемся почти сутки, на правом берегу Кодора появилась турецкая артиллерия и открыла огонь. Неожиданные орудийные выстрелы противника заставили Сухумский отряд срочно удалиться подальше от противника. По описанию очевидцев, отряд «в паническом страхе спешил в полном беспорядке к с. Джгерд». Притом, бравый ген. Кравченко шёл впереди всех, отдав отряду приказание, торопливо написанное на клочке бумаги: «Бросить всё, что возможно и спешить идти на соединение с отрядом генерала Алхазова». Положение было спасено подразделениями ген. Алхазова, подоспевшими на помощь. 18 мая Сухумский отряд прибыл в с. Джгерда. В тот же день ген. Кравченко, являвшийся близким родственником ген.-лейтенанта Святополк-Мирского, получил новое назначение и был отозван в Тифлис. 18 мая в с. Адзюбжа произошло жестокое сражение между прибывшим из Кутаиси подразделением и абхазскими ополченцами, в результате чего были убиты командир первой Кутаисской пешей дружины, подполковник С. Д. Микеладзе и предводитель «неприятельской партии» Эридбей Цанба[2].

20 и 21 мая в с. Моква прибыли основные силы Сухумского и Кутаисского отрядов. На основании полученного приказания из Тифлиса, Сухумские и Кутаисские отряды были объединены в единый Ингурский отряд под командованием ген. Алхазова. Вскоре Ингурский отряд двинулся на с. Поквеш, где после ожесточенных боев, российские подразделения заня-

[1] **Там же.** С. 290.

[2] Газ. «Кавказ», №107, 4 июня 1877 г.

ли важные стратегические позиции. Тем временем, одержав победу над противником, турецкие войска планировали захватить с. Окум – административный центр Самурзаканского региона.

В конце мая и начале июня российские подразделения заняли позиции на левом берегу р. Галидзга (Аалдзга), чтобы занять Очамчыру. По сообщению газ. «Кавказ» (№126, 1877 г.), 2 июня здесь произошли жаркие бои. Правда, данное сражение не выявило победителя, но зато, по мнению автора статьи, этот день оказал заметное влияние на восставших абхазов, которые убедились в «слабости» Турции. Вместе с тем, несмотря на распространение разных слухов об увеличении турецкого военного контингента на территории Абхазии на 20-30 тыс. человек, абхазское население не верило ни этим слухам, ни в способность турецких военных сил победить на абхазском театре военных действий. Да и само турецкое командование уже не могло рассчитывать на серьезные успехи, тем более, что, как писал Г.А. Дзидзария, оно убедилось «в своем полном просчете в отношении поддержки со стороны абхазского населения. Вопрос об уходе турок из Абхазии был предрешён»[1].

Активные боевые действия турецких войск на юго-восточном направлении Абхазии непосредственно были связаны с военными событиями в Батумском регионе. Пока шли бои в окрестностях Кобулети – в приграничном с Российской империи районе, турецкие подразделения в Сухуме и в других населенных пунктах Абхазии избегали масштабных боевых действий. Однако, достаточно было захлебнуться российскому отряду в сражениях под крепостью Цихисдзири, как турки 13 июня высадили в Сухуме и Очамчыре десант в количестве до 8 тыс. человек из числа регулярных войск, состоящий из турок и арабов. Турецкие войска перешли в наступление со стороны Сухума на юго-восточном направлении, чтобы оказать помощь

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 343.

войскам, сражающимся в Очамчыре[1]. Однако неоднократные попытки турок в середине июня форсировать р. Аалдзга, чтобы нанести поражение основным силам ген. Алхазова в с. Илор, не принесли успеха. Более того, выдержав и отбив все атаки противника, российские подразделения перешли на контрнаступление. Стремительные и грамотные действия артиллеристов, при поддержке пехоты и кавалерии, заставили турецкие войска оставить Очамчыру. Но удержать данный стратегически важный населённый пункт русским не удалось; массированный корабельный огонь из трёх турецких броненосцев и ещё шести военных пароходов, заставили подразделения ген. Алхазова в срочном порядке вернуться на исходную позицию за р. Аалдзга. Вновь заняв Очамчыру, турки прикрыли его «сильно укреплённой позицией» у с. Меркула.

После получения дополнительного подкрепления, Ингурский отряд стал действовать более активно как против турецких войск, так и абхазских ополченцев. Войска ген. Алхазова держали следующие опорные позиции: береговая колонна полковника Дове – в с. Илор, полковника Яцкевича – в с. Поквеш и майора Нижарадзе – в Ткуарчале. 11 июля колонна Нижарадзе, после проведения нескольких успешных операций в сёлах, расположенных на правом берегу р. Аалдзга, производивших «сильное впечатление на жителей», расположилась в с. Тхына. В тот же день были проведены переговоры с абхазами на предмет сдачи оружия и переселения с семьями на берег р. Ингур. Однако, абхазы отказались. Да и жестокое обращение к местному населению, до основания подорвали доверие к российскому командованию. Более того, со своей стороны, абхазы Абжуйской Абхазии попытались склонить на свою сторону жителей Самурзакана[2]. Но безрезультатно.

Сложная ситуация на абхазском театре боевых действий, вынудила турецкое командование произвести очередную высадку десанта из состава регулярных войск в Очамчыре. За

[1] Воспоминание **В. Потто.** Генерал-лейтенант В. А. Яцкевич. Газ. «Кавказ», №335, 1903 г.
[1] **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель… 2009. С. 293.

Очамчыру шли упорные боевые действия в течение 8 – 20 июля. Не известно, как развернулись бы события, если бы не разразилась эпидемия – турки были вынуждены внезапно покинуть населенный пункт и направиться в сторону Сухума[1]. От этой же эпидемии пострадали и российские подразделения – примерно 25% российских солдат Ингурского отряда были заражены. По приказанию командования Ингурского отряда, вышедшая из с. Поквеш колонна подполковника Цулукидзе, прошла через с. Моква и с боем форсировав р. Чабырхуа, расположилась в местности Аквара-Эйхва. Однако, преградив путь российской колонне, абхазские ополченцы провели несколько атак, но силы были неравны. Разрозненные группы абхазов были вынуждены отступить в сторону с. Джгерда. Колонне Цулукидзе было приказано – во что бы то ни стало «наказать» жителей с. Джгерда. Несмотря на устроенные завалы и сильнейший огонь повстанцев, подразделения Цулукидзе овладели Джгердинскими высотами. Отчаянное сопротивление оказали царским войскам жители села, которыми руководил офицер Званба, ранее служивший в Петербурге. Абхазы, после шестичасового кровопролития, были вынуждены оставить с. Джгерда и отступить в сторону с. Атара и далее к с. Адзюбжа. Колонна Цулукидзе жестоко расправилась с жителями с. Джгерда, которая «заняв это селение, предала огню все их сакли»[2]. Она также не пощадила жителей сёл Атара и Адзюбжа. После чего, Ингурскому отряду удалось быстро дойти до р. Кодор и направиться в сторону Сухум.

Повстанцы Абжуйской Абхазии в основном сложили оружие. Угрозы турок продолжать участие в боевых действиях, не принесли им желаемого результата. Шевкет-паша, в связи с отказом населения Абжуа воевать против российских войск, приказал отобрать у абхазского населения оружие, однако абхазы отказались разоружаться. После того, как в конце июля все части Ингурского отряда подошли к р. Кодор, турки поки-

[1] Газ. «Голос», №185, 15 августа 1877 г.

[2] **Там же.**

нули с. Дранда и на правом берегу р. Келасур соорудили новую оборонительную линию.

Для оказания помощи Ингурскому отряду и освобождения Сухума от турок, в начале августа с северо-запада в сторону Сухума направился Сочинский отряд во главе с полковником Б. М. Шелковниковым, а чуть раньше – в конце июля с Северного Кавказа через Марухский перевал перешел отряд под командованием ген.-лейтенанта П. Д. Бабича.

Вышестоящим командованием перед Шелковниковым была поставлена задача – прорваться вглубь Абхазии через Гагрский проход («Абхазские Фермопилы») и соединиться с другими отрядами, пробивавшими путь с боями к Сухуму. На этом участке Сочинский отряд, под огнём турецкого броненосца, задержался 4 дня[1]. После ощутимых потерь, 7 августа к рассвету, солдаты отряда Шелковникова напали на с. Гагрипш, где в основном проживало перемещённое население из других регионов «Малой Абхазии». В частности, авангард отряда «подошёл к селению Гагрипш и выбил неприятеля из саклей, садов и сбил его со склона Мамдзишха. Множество абхазского скота и овец досталось в добычу солдатам, большая часть добычи была отправлена в Майкоп…»[2]. Оставшиеся в живых люди стали искать убежище в сёлах Бзыбской Абхазии или удалились в Турцию.

8 августа Кавказско-Екатеринодарский полк Сочинского отряда «был послан «на набег» на абхазские сёла, расположенные у устья р. Бзыбь», который «отбил около 1000 голов скота у абхазов и догнал Шелковникова в 10 верстах от селения Лыхны»[3].

Основные силы Сочинского отряда 10 августа с 7 часов утра стали переправляться через р. Бзыбь. Переправа в быстротечной реке, продолжавшаяся до 12 часов пополудни, происходила сложно, но им, как при переправе р. Цандрипш, помогли

[1] Воспоминание **В. Потто.** Былое Черноморского флота (адмирал Макаров в последнюю турецкую войну). Газ. «Кавказ», №125, 1904 г.

[2] **Мачавариани К. Д.** Указ. соч. С. 295

[3] **Кучинский Н.** К истории выселения абхазов. Газ. «Русский мир», №295, 1877 г.

местные абхазы[1]. Это, несмотря на то, что российские подразделения только что сравняли с землей с. Гагрыпш и проводили «набеги» на абхазские сёла у устья р. Бзыбь.

В это же время, полковник Шелковников в Пицунде направил подразделение под командованием майора Мухуртова, который отбил у турок около 100 абхазских семейств, которых насильно забирали на пароходы со своим имуществом, и экспроприировал 1000 голов разного скота. Кроме того, казачьи сотни, оперировавшие на правом берегу р. Бзыбь, отбили у местного населения 500 голов рогатого скота, 19 лошадей и взяли в плен 5 абхазцев[2].

Добравшись до урочища р. Мчышта, Сочинский отряд остановился на ночлег. По сообщению очевидцев, их радушно встретила большая группа абхазов, которые «очень были рады при виде войска»[3]. Передохнув у р. Мчышта, в ночь на 10 августа, основные силы отряда полковника Шелковникова направились в сторону г. Гудаута. После ожесточенных боев, российские войска освободили от турок Лыхны, Гудауту и другие стратегические населенные пункты, и 15 августа подразделения Сочинского отряда с запада подошли к Сухуму[4].

На примере продвижения Сочинского отряда вглубь Абхазии, встречаем неоднозначные действия со стороны российских подразделений по отношению к абхазскому населению. Например, в одном случае российские солдаты освобождают абхазских пленных и спасают их от выселения в Турцию, в другом случае – выгоняют местное население из своих домов, сжигают их жилища, берут абхазов в плен, отбирают у них скот и оставляют без крова и средств существования, заставляют покидать родину и т.п. В этих поступках можно усмотреть, с одной стороны, стремление некоторых российских военных просто по-человечески оказать помощь пострадавшему коренному населению, а с другой – стремление наиболее радикально

[1] **Там же.**
[2] **Мачавариани К. Д.** Указ. соч. С. 295 – 296.
[3] **Кучинский Н.** Указ.соч.
[4] **Мачавариани К. Д.** Указ. соч. С. 296.

настроенных военослужащих избавиться от них, что в большей степени соответствовало официальной позиции властей. Такое же противоречивое поведение можно проследить со стороны абхазов: в одном случае они поддерживают российские войсковые части и совместно с ними воюют против турецких войск, в другом – поддерживают турецкие войска и воюют против российских войск. Однако, кроме них была и третья группа абхазов, которая по возможности занимала нейтральную позицию, и, оставаясь приверженцем свободы и независимости своей страны, желала избавиться как от турецкого, так и российского владычества. Была ещё часть населения, которая оказывала вооруженное сопротивление одновременно и турецким и российским колонизаторам. Однако такие патриотические и верные с точки зрения идеи национально-освободительной борьбы действия не были замечены ни турецкими, ни российскими военно-политическими властями. Ибо они в абхазах видели или сторонников, или противников, но никак не людей имеющих собственную позицию. Именно этих людей имел в виду К. Мачавариани, который писал о «невинно» погибших в этой войне, это «сотни и тысячи» абхазов[1].

Не менее сложным оказалось продвижение в сторону Сухума, сформированного на Северном Кавказе отряда, названного Марухским отрядом в честь перевала Марух, через который он должен был совершить свое движение в Абхазию. Отряд стал собираться к 25 июля близ станицы Кардоникской Баталпашинского уезда. Во главе отряда был назначен активный участник покорения Кавказа и изгнания кавказцев в Османскую империю 70-летний генерал-лейтенант П. Д. Бабич.

После преодоления сложного пути через перевал, отряд ген. П. Бабича 12 августа прибыл в Цебельду и 14 августа начал движение к г. Сухум. 15 августа Марухский отряд навис над Сухумом в с. Гума. По сообщению газ. «Кавказ» (№199, 1877 г.), 17 августа подразделения ген. Бабича, прибывшие из Северного Кавказа, приблизились к Сухуму на пять верст.

[1] **Там же.** С. 297.

16 августа Ингурский отряд перешёл р. Келасур и с боем стал оттеснять турок к Сухуму. 18 августа авангард отряда занял важнейшие стратегические высоты на подступах Сухума в с. Абжаква[1]. На другой день, 19 августа началось общее наступление, с востока Ингурского, с запада – Сочинского и с севера – Марухского отрядов под общим командованием ген.-лейтенанта П. Д. Бабича. 20 августа передовые части всех трёх отрядов вошли в Сухум. Однако по данным разведки было установлено, что главные силы противника ещё ночью покинули город и скрылись на судах, стоящих на рейде и удалились в Турцию[2]. Оставшиеся в городе силы турецких войск 20 августа, фактически без особого сопротивления, покинули Сухум[3]. Семитысячный город, сожженный в результате боевых действий, оказался безлюдным[4].

В 1877 г. турецкие войска продержались в Абхазии около трёх с половиной месяцев, и этот период оказался роковым для страны и её коренного народа. По сообщению корреспондента газ. «Новое время» от 26 мая 1877 года, «Турецкие броненосцы разрушают не только беззащитный Сухум, но и другие совершенно ничтожные селения… пылают мирные деревни и дачи, опустошают сады и виноградники»[5]. Корреспондент газ. «Тифлисский вестник» от 25 августа 1877 г. сообщал, что когда российские войска подошли к Кодору, им стало известно, что «почти весь Пицундский округ горит». Вместе с тем, абхазы, оказавшиеся меж двух огней, истреблялись как со стороны турок, так и со стороны российских военных. Особенно пострадали жители Гумской и Абжуйской частей страны. Вот что сказано по этому поводу в одном из источников: «Турки жгли русские, болгарские и греческие поселки и аулы не покорившихся им абхазцев, а мы принуждены были разрушать аулы изменивших нам абхазцев!»[6].

[1] Воспоминания **В. Потто**… Газ. «Кавказ», №335, 1903 г.

[2] **Фелицын Е. Д.** Указ.соч.

[3] Взятие Сухума (Отрывок из частного письма). Сухум, 23 – 30 августа. Газ. «Кавказ», №199, 1877 г.

[4] **Лакоба С. З.** Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми. 1990. С. 34 – 35.

[5] Газ. «Новое время», №454, 5 июля 1877 г.

[6] Война 1877 – 1878 гг. Том III. Война в Азиатской Турции. СПб. 1882. Вып. II. С. 227.

Русско-Турецкая война 1877 – 1878 гг. завершилась победой России. По Берлинскому трактату, к северу от Балкан было создано Болгарское княжество, самоуправляющееся, но платящая дань султану. Южная часть Болгарии (Восточная Румелия) была оставлена под властью Турции на правах административной автономии. Македония и Фракия остались под властью Турции. Подтвердилась полная независимость Сербии и Черногории. К России отошли устье р. Дунай, крепости Карс, Ардаган, Батум с округами. Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину[1]. Сама Османская империя, во главе с султаном Абдул Гамидом II, оказалась в весьма затруднительном положении – она превратилась в полуколониальное государство в руках ведущих европейских стран

В результате поражения на войне, из Балкан во внутренние регионы Османской империи были переселены абхазо-адыгские поселенцы. В частности, по настоянию посла России в Стамбуле Н. П. Игнатьева, в текст Сан-Степанского (19 февраля 1878 г.) и Берлинского (1 июля 1878 г.) договоров был включен пункт о необходимости «выселения черкесов с Балкан и переселения их подальше от русско-турецкой границы»[2]. На основании данного пункта, горцев Кавказа, оседавших в Балканских странах с 1859 г. по 1876 г., немедленно стали переселять во внутренние регионы Анатолии и на Ближний Восток. Второе изгнание осуществлялось под сильнейшим нажимом правительства Турции с помощью регулярных войск Османской империи. И на этот раз, как и во время переселения из Кавказа, местные администрации регионов, куда переселялись кавказцы, не были готовы к приему огромного количества людей. В результате чего жертвы были неисчислимые. По этому поводу историк У. Н. Бэрзэдж, ссылаясь на турецкие источники, пишет: «Опять стали повторяться все ужасы, невзгоды и стра-

[1] **Нарочницкая Л. И.** Внешняя политика России после Парижского мира. Русско-турецкая война (1877 – 1878 гг.). История СССР с древнейших времен до сегодняшнего дня. В двенадцати томах. Т. V. – М. наука. 1968. С. 266.

[2] **Бэрзэдж У. Н.** Изгнание черкесов. Причины и последствия. Нальчик. ООО Тетарграф. 2012. С.206 – 207.

дания, сопровождавшие черкесов входе Великого изгнания. В Стамбуле и Дамаске горцев размещали во дворах школ и мечетей. В марте 1878 года в Стамбуле ежедневно умирало по 900 человек балканских эмигрантов»[1].

Массовая депортация. Результаты Русско-Турецкой войны для Абхазии были крайне трагичными и невосполнимыми: за физическим истреблением абхазов последовало массовое их выселение в Османскую империю, ставшее последним крупным этапом в истории депортации абхазов XIX столетия.

Как выше было отмечено, последний этап выселения абхазов в Османскую империю был спровоцирован командованием российских войск в Абхазии и на Кавказе и командованием оккупационных войск Османской империи. В условиях, когда ещё до начала военных действийу населения было изъято оружие, а российские войска покинули Гудауту, Сухум и другие стратегически важные населенные пункты, народ оказался брошенным на произвол судьбы. Была повторена недостойная для столь великой империи практика Крымской войны (1853 – 1856 гг.), когда российские подразделения также покинули Абхазию. На этот раз, на произвол судьбы были оставлены не только абхазское население, но и часть чиновничьего аппарата российской администрации и новых колонистов[2]. Не увенчалась успехом попытка абхазского народа, его авторитетных представителей, предотвратить надвигавшуюся новую национальную катастрофу путём соблюдения коренным народом нейтралитета в чужой для него войне. Также не дали ожидаемого результата попытки активного участия абхазского населения на стороне российских войск, чтобы таким путём защитить себя от турецкой агрессии и снять с себя необоснованный и оскорбляющий национальное достоинство ярлык «виновного населения».

Действия военных властей России в Абхазии резко осудил историк и просветитель К. Д. Мачавариани. Он считал, что эти военные подразделения были обязаны защитить Абхазию от

[1] **Бэрзэдж У. Н.** Указ. соч. с. 207.

[2] Газ. «Русский инвалид», №142, 1877 г.; Газ. «Пчела», №21, 1878 г.

врагов, что нахождение в Сухуме пятитысячных войск, «было достаточно для того, чтобы генерал Кравченко достойно встретил врага и в Гудаутах, и в Сухуме»[1]. Продолжая эту же мысль, он писал: «В таком случае, что должны были делать [абхазы], как они должны были воевать с врагом? Голыми руками, без оружия, зубами?» – задавал вопрос К. Д. Мачавариани и сам же отвечал: «Вновь подтвердилась старая и вечно новая истина о том, что «у сильного всегда бессильный виноват» и виновником сочли не бездарного, беспомощного чабана, который оставил отару в окружении волков, а саму отару – абхазов! Не генерала К-о (Кравченко. – Т.А.), а самих коренных абхазов»[2].

В дальнейшем ход событий показал, что, в незащищенные города и сёла Абхазии практически беспрепятственно вошли турецкие войска и потребовали от местного населения принять участие в войне против российских властей. Абхазов, лишенных возможности самозащиты, безосновательно объявленных царскими властями «изменниками», турецкие войска нещадно истребляли.

Однако изначально абхазы не стали подчиняться требованиям турок и категорически отказались воевать на их стороне. После ухода российских подразделений из Гудауты и Сухума и под жестоким давлением со стороны турецких оккупационных войск, часть населения взяла оружие, переданное турками, чтобы «спасти жизнь и честь свою и своих семейств»[3].

Антитурецкой позиции с первых же дней войны придерживались жители всех без исключения регионов Абхазии, в том числе и гумцы, которые находились в самом центре происходивших драматических событий, и которых больше всех российские власти обвиняли в «измене». Они также вначале отказались воевать на стороне османских оккупационных войск, однако репрессивные меры, жесткое, нечеловеческое обра-

[1] **Мачавариани К. Д.** Из моего дневника // Журн. «Моамбе», №9, 1895 г. (на груз.яз.); Этническая «революция» в Абхазии. (По следам грузинской периодики XIX в.). – Сухум. 1995. С. 69.

[2] **Мачавариани К.Д.** Указ. соч.

[3] Газ. «Голос», №226, 25 сентября 1877 г.

щение турок, вынудило часть из них подчиниться требованию турецкого командования. «Сперва, мы, жители Гумистинского участка, отказались наотрез от исполнения таких требований, но когда принялись нас сажать, под разными предлогами, в тюрьму и жечь дома наши, мы сдались» – читаем в источнике[1].

Таким образом, кроме репатриированных из Турции абхазов, адыгов и убыхов, депортированных в 60-ие годы, не по своей воле на стороне турок пришлось сражаться также определенной части абхазского населения и из различных регионов Абхазии, особенно из тех сёл, которые были оккупированы турецкими войсками.

В целом, основными причинами участия определенной части абхазов, кроме тех, которые были привезены из Турции в качестве десанта в целях освобождения Абхазии от российского господства, можно считать:

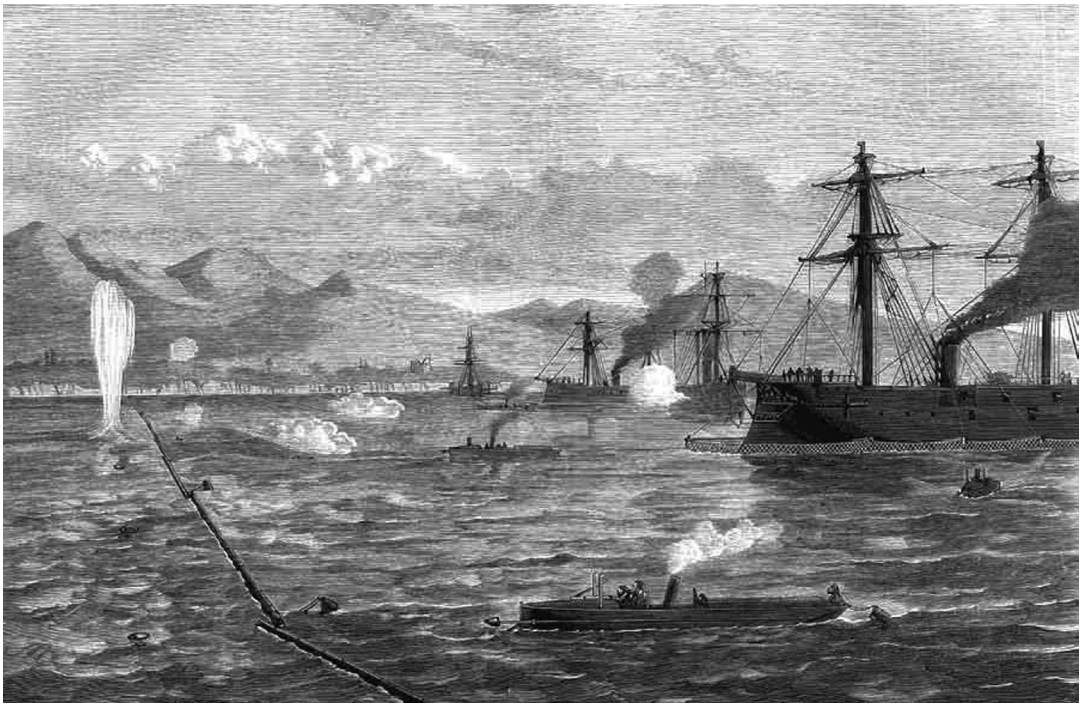
1) отказ российских властей выдавать оружие абхазским ополченцам для ведения совместной войны против турецких войск;

2) уход российских войск из стратегических регионов Абхазии;

3) жестокое обращение турецких оккупантов с безоружным и мирным населением.

Вместе с тем, несмотря на настаивание и угрозы со стороны турок, подавляющее большинство абхазов все же не приняли участия в боевых действиях в пользу одной из сторон. Однако и это не спасло их – победа российских войск на абхазском театре боевых действий и уход турецкого десанта из Абхазии, обернулись массовой депортацией абхазов, что стало возможным в результате политики полного игнорирования их судьбы российскими властями, равно как и турецким военным командованием. Ибо изначально покидая стратегические регионы Абхазии, российское военное командование прекрасно понимало последствия вторжения вражеских войск и оккупации страны. А командование турецких войск действовало

[1] ЦГИАГ, ф.15, оп.1, д.8, лл. 1 – 8.

Морское сражение в Сухумской бухте в августе 1877 г. file:///F:/11.%20Морское%20сражение%20в%20Сухумской%20бухте%20в%201877.%2010.jpg

по заранее составленному плану, состоящему из двух частей: программа-максимум – овладение и аннексия территории Абхазии и всего Кавказа, и программа-минимум – депортация максимального количества коренного населения в Турцию.

Несмотря на то, что, по вине российского командования турецкий десант беспрепятственно занял прибрежные территории Абхазии, разорил страну, абхазскому населению не удалось избежать кары и со стороны российской военной власти. Российские войска абхазов «наказывали» повсюду, «сравнивали с землей» целые сёла, территории «очищали от восставших абхазцев», сжигали дома и хозяйственные постройки, присваивали скот[1].

Например, 25 июня войска ген. Алхазова, после 11-часового боя, взяли с. Ткуарчал и «сравняли его с землей». 1 июля российские подразделения перешли через р. Аалдзга в районе с. Поквеш и территория междуречья Галидзга и Моква была полностью «очищена от восставших абхазов»[2]. Объединенный Ингурский отряд, куда входило значительное количество грузинских подразделений, а общее количество грузин в самом отряде составляло примерно половину[3], по отношению к абхазскому населению действовал жестоко – повсюду осуществлялись «примерные наказания». Ибо командиры подразделений действовали по полученной от высшего руководства инструкции, указывающей: «действовать энергически, сжечь все находящиеся на пути деревни, истребить имущество инсургентов и обратить захваченный скот в свою пользу». Видимо, трудно найти в истории войн более жесткую официальную «инструкцию» властей о ведении боевых действий.

Все это указывает на то, что российское начальство готовило почву не только для овладения того или иного населённого пункта, но и для выселения абхазов за пределы своей родины; население, объявленное «вражеским и виновным», оставшееся без крова и средств существования, другого вы-

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 240.
[2] Газ. «Тифлисский вестник», №164, 31 июля 1877 г.
[3] **Качарава Ю., Киквидзе А., Сургуладзе А.** История Грузии. II. – Тбилиси. 1973. С. 62.

хода не имело, как искать убежище за пределами Российской империи.

В этом отношении примечательны факты о «покорности» абхазов, о чём сообщали официальные источники. Видимо, для определения того контингента, которого, при необходимости, можно было оставить на родине. Например, после очередной карательной операции, т.е. «после примерного наказания», генерал Алхазов обратился к абхазам с воззванием, в результате чего 250 жителей сел Гуп, Патгу, Ткварчели и Эшкит «изъявили покорность»[1]. Т.е. речь идет о «покорности» абхазского населения после почти 70-летнего издания Александром I Манифеста о покровительстве Абхазского княжества. В таких условиях, не удивительно, когда в источниках говорится о жестоких сражениях российских воинских подразделений против абхазского населения. Т.е. за этот длительный период времени царскими властями не был найден общий язык с коренным населением. К примеру, в различных сообщениях российских военных часто упомянуты населённые пункты Абжуйской Абхазии: Очамчыра, Поквеш, Джгерда, Атара, Илор, Меркула, Гуп, Ткуарчал и др., где происходили ожесточённые столкновения между российскими войсками и местным населением[2].

После достижения определенных успехов российских войск за Очамчыры, помощник наместника Кавказа, бывший кутаисский генерал-губернатор, ген.-лейтенант Д. И. Святополк-Мирский перед наместником Кавказа поставил вопрос о поголовном выселении абхазов в Османскую империю. «Но теперь, – писал он, – нужно заставить самих абхазцев выгнать их из Сухума и всей Абхазии»[3]. Видимо, эти слова столь высокопоставленного военного и административного чиновника, соответствовали общему настроению российских властей. Ибо, как известно, такие ответственные решения как массовая депортация населения за пределы империи, что в очередной раз

[1] **Там же.** С. 240.
[2] **Там же.** С. 341.
[3] ЦГВИА, ф. 485, д. 104. Л.116.

было осуществлено очень скоро, принимались на самом высоком уровне государства. Известно, что все предыдущие этапы выселения абхазов и других кавказских народов, осуществлялись на основании специального решения самого императора. Кроме того, для претворения в жизнь этой задачи требовалось наличие соответствующего согласия самого турецкого султана. В данном случае, турецкие войска не скрывали своего желания забрать из Абхазии как можно больше жителей, а что касается российских властей, то и они были готовы избавиться от «виновного населения». Нет сомнения, что и на этот раз, несмотря на продолжение войны между Россией и Турцией, их интересы в вопросе депортации абхазов полностью совпадали.

Подвергая абхазов выселению, российские власти не стали учитывать тот важнейший факт, что в составе российских войск сражались абхазские подразделения: Сухумский конно-иррегулярный дивизион (командир – полковник Григорий Шервашидзе) – 1-я сотня в Пицундском округе, 2-я сотня в Очамчырском округе[1]. Накануне и в самом начале войны уже речь шла о четырех сотнях конной милиции. Как было отмечено, в Самурзакане из местных абхазов были сформированы шесть сотен конно-иррегулярного полка, пять сотен конно-иррегулярной милиции и трех сотен пешей милиции, которые находились в распоряжении Ингурского отряда. Кроме них имелись также резервные сотни[2]. В последствии, в боях отличились: полковник Г. А. Шервашидзе, гвардии полковник Михаил (Алмахсит) Маршан, подпоручик Куджмахан Эмхуар, штабс-капитан милиции Татласхан (Давид) Маан, юнкера милиции Алибей и Кизылбек Маршан, Дата Анчабадзе, Александр Чачба, Заурбек Дзяпш-ипа, Хасан Пилия, Алексей Ладария, Виссарион Инал-ипа и др. Многие участники боевых действий были награжден боевыми орденами и медалями.

Абхазское население, за исключением жителей Самурзакана, не спасло от репрессии и очередной депортации и то

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. с. 360.
[2] **Там же.** С. 359.

обстоятельство, что значительная часть абхазов оказывала разного рода помощь отрядам российских войск. Как отмечалось выше, местное население во многих случаях помогало российским войскам транспортом, ремонтом мостов и дорог, при переправе быстротечных горных рек (Кодор, Цандрипш, Бзыбь и др.), снабжением их продовольствием и т.д. Даже сам генерал П. П. Кравченко был вынужден признавать, что при переправе Багадского моста через р. Кодор войска «пользовались услугами местных жителей, выставлявших арбы для переправы больных и раненных». В с. Бармыш Гудаутского участка бойцам полковника Шелковникова «абхазцы понавезли в отряд разной птицы, молока, виноград». А на берегу р. Мчышта, где остановился на ночлег Сочинский отряд, группа абхазов встретила его с радостью. «Выказывали самое дружественное отношение к войскам, пригоняя к ним скот, принося целые ведра вина и угощая фруктами». А новый начальник Сухумского отдела полковник П. И. Аракин в своей Записке от 24 августа 1878 г. отмечал, что вообще большинство населения Бзыбской Абхазии встретило полковника Шелковникова «как своего защитника». В этой связи генерал Карамалин отмечал, что «лыхненское население с восторгом приветствовало возвращение из Гудаут в лагерь войск наших, очистивших в этот день от турок… всю местность до села Аацы»[1].

Кроме непосредственного участия в боевых действиях, большую помощь российским войскам оказывало абхазское население Самурзакана. Однако в конечном итоге, все это не стало бы достаточным аргументом для спасения коренного населения данного района от ожидаемой кары со стороны российских властей, если бы не нахождение там основных сил российских войск и отсутствия боевых действий на территории данного региона.

Несмотря на все усилия, депортация абхазов приняла масштабный характер. «И пошла эмиграция злополучная, обруганная всеми в свое время, бедственная эмиграция, – писала

[1] **Там же.** С. 362.

газ. «Кавказ»[1]. Притом, и эту эмиграцию, как и предыдущую, российская периодика называла «двойной эмиграцией», т.е. в Османскую империю и в Сибирь, в чем, несомненно, были повинны обе противоборствующие империи. Абхазов российские власти в различные отдаленные губернии Российской империи стали выселять с первых же дней окончания боевых действий в Абхазии, и этот процесс продолжался и последующие годы[2], однако выселению абхазов в Османскую империю придавалось приоритетное значение. Этим занимались турецкие войска, чему всячески способствовали российские власти.

В частности, в конце боевых действий на территории Абхазии, когда чаша весов перевесила на сторону русских, турецкие войска, отступая, стали варварски разорять населённые пункты абхазов, сгонять безоружных людей к морю и на турецких кораблях насильно увозить в Османскую империю. Ещё во время жесточайших боевых сражений в Абжуйской Абхазии, когда турецкие подразделения несли большие потери, 15 июля 1877 г. от имени турецкого командования абхазскому населению было объявлено о поголовном их переселении в Турцию. Недовольные таким поведением османов, выразили свои протест абхазы и черкесы из турецкого десанта: «Что вы делаете с нами? Вы первоначально объявили о водворении нас в Абхазию, на прежних условиях нашей жизни, и об освобождении от переселения в Сибирь русским правительством, а в настоящее время выходит совершенно другое. Мы вполне довольны были с русскими и обстановкою своей жизни; если же и соблазнились идти с вами против русских, то этот соблазн был вызван обещанием раздать нам земли в том количестве, в каком мы прежде пользовались, и, сверх того, возвратить из Турции к нам абхазцев, наших кровных родственников, выселившихся в 1864 – 1866 годах. Как скоро это не оправдалось, мы ни под каким видом не согласимся выполнить требование паши»[3].

[1] Газ. «Кавказ», №134, 1877 г.

[2] **Лакоба С. З.** Очерки политической истории Абхазии. Сухум. 1990. С. 35 – 38.

[3] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии // Газ. «Голос», №199, 1878 г.

В ответ паша обратился к абхазам со следующими словами: «Русские давно решили уничтожить вас. Для этого им нужно было отыскать какой-нибудь законный повод. Повод этот им представлен в вашем возмущении, а поэтому они неминуемо разорят вас и вообще всю Абхазию и выше семи лет никого не пощадят; словом вырежут вас поголовно. Ввиду этого я признаю выгодным лучшим переселить вас в Турцию»[1]. Когда абхазы не откликнулись на эти призывы паши, тогда тот приказал приступить к выселению. Применялись разного рода хитрости: обстреливали из кораблей населенные пункты, высаживали десанты в портах Абхазии, часто один и тот же десант высаживался то в одном, то другом порту. Распускали слухи о высадке 20, иногда 30-тысячных десантах из Батума, Трапезунда или Варны на помощь к туркам и т.д.[2] Бывший кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский, который сам ставил перед своим начальством вопрос о необходимости выселения абхазов в Турцию, не скрывал факт насильственного характера выселения абхазов со стороны турок. Таким путём, как писала газ. «Тифлисские ведомости», несмотря на неудачный исход военных событий в Абхазии, «турки не остались в проигрыше и даже успели вывезти из Абхазии значительную массу населения, которая может со временем пригодиться для совершения полигонов в роде тех, какими себя уже ознаменовали черкесы, выселявшиеся в Турцию»[3].

Рассказывая о насильственном характере выселения абхазов, в корреспонденции из с. Окум, газ. «Politische Korrespondent» от 17 августа 1877 года, выходящая в Вене, писала: «Турецкие войска сжигают всё ещё находящиеся в их власти абхазские сёла, угоняют скот и силой перевозят абхазцев на свои корабли. Страна абхазцев страшно опустошена, и так как поля не возделаны, то оставшимся жителям угрожает голод»[4].

---

[1] **Там же.**

[2] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 342.

[3] **Газ. «Тифлисский вестник», №195, 1877 г.**

[4] Газ. «Русский мир», №236, 31 августа 1877 г.

Кроме Сухума, турецкими войсками были «сожжены и уничтожены» местечки Гудаута и Очамчыра. В Очамчырах например, «воздух был заряжен зловонием от гниющих трупов»[1]. «Но самое печальное – отмечала газ. «Русский мир», – что турецкие войска из этого населенного пункта забрали все абхазское население»[2]. «Крестьяне Абхазии, – сообщала газ. «Дроеба», – находятся в очень стесненном и тревожном положении. Война не оставила им ничего, ни домов, ни продуктов питания. Все было разгромлено и сожжено турецкими войсками. Здания и довольствия, кукуруза и просо – всё предали огню. Весь скот, всю домашнюю утварь и одежду увезли. Оставшиеся в таком состоянии абхазы голодают»[3]. Извещая об удручающем положении абхазов, газ. «Голос» подчеркивала: «поля их повсюду вытоптаны, выкошены на сено, усадьбы сожжены, скот угнан турками, а домашнее имущество отнято…»[4]. Крестьянин Н. Ладария, служивший в российской армии, писал, что, когда по разрешению начальства посетил свое село Псырцха, то увидел следующую картину: «Наше селение оказалось пусто, в нём не было ни одной человеческой души, и, когда я увидел и наш дом пустым, сердце мое сжалось. Смотрю – по двору бегают куры, и собаки наши голодные воют. В доме всё раскидано, разбросано, столы опрокинуты… Я долго сидел в нашем пустом доме и плакал»[5].

«Турки, – читаем в письме абхазских депортантов, – по разным причинам стали нас арестовывать… Когда у турок дела пошли плохо, отступая назад, заходили в наши дома, людей насильно пригоняли к морю, а пытавшихся скрыться – расстреливали»[6]. Ещё 7 августа, получив информацию о решении турок выселить абхазов в Турцию, дворянин Х. Лакрба, через переводчика князя Константина Инал-ипа обратился к

[1] **Там же.**
[2] Газ «Русский мир», 13 июля 1877 г.
[3] Газ «Дроеба», №100, 1877 г. (на груз.яз.).
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 353 – 354
[5] **Ладария Н.** На заре моей жизни // «Исторический вестник», №46, октябрь 1891. С.117.
[6] **Мегрелидзе Ш. В.** Из прошлого Аджарии. – Тбилиси. 1964. С.4 (на груз.яз.).

полковнику Б. М. Шелковникову с просьбой о нападении на турецкие отряды, чтобы помешать переселению абхазов в Турцию. В частности, он сообщил командиру Сочинского отряда, что турецкие войска «гонят насильно народ к берегу моря для перевозки в Турцию, жгут их селения, забирают скот и грабят их положительно, в особенности же христиан»[1]. На встречу к полковнику Б. М. Шелковникову от имени жителей с. Лыхны была отправлена и другая делегация во главе с Даутом Хикуба и Хасаном Пилия. Делегаты вручили ему записку, где было сказано: «Если ты едешь для [освобождения] народа, то иди быстрее, если ты едешь для [ради] земли, то можешь прийти и через пять лет»[2]. Эти слова – яркое свидетельство того, что коренное население не испытывало особого доверия и к российским войскам, которые три месяца назад оставили Абхазию на растерзание турецким войскам.

Вскоре дворянин Х. Лакрба и его жена Чич (Екатерина) Ачба были арестованы и отправлены к Шевкет-паше на броненосец, стоявший на рейде Гудауты. Перед арестом Лакрба настойчиво просил население, чтобы не поддавались угрозе или агитации о выселении. Хотя агитаторам турецкого командования удавалось часть абхазов склонить к выселению под угрозой наказания со стороны российских властей «за измену». Обращаясь к народу, последние слова мудрого старца были таковы: «Братья мои! Берут нас насильно, если вы останетесь живыми… передайте ему [российскому правительству], чтобы нас считали военнопленными»[3]. Хотя, как видим, и сами российские власти со своей стороны участвовали в выселении абхазов.

5 августа турки арестовали священника и переводчика, одного из составителей абхазского букваря 1865 года, Иоанна Гегия. Его задушили по той причине, что, он «будучи абхазцем,

[1] **Щастливов П.** Наступление Сочинского отряда. Газ. «Тифлисский вестник», №201, 17 сентября 1877 г.

[2] ЦГАА, ф. 833, д. 58, л. 10.

[3] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии // Газ. «Голос», №199, 20 июля 1878 г.

«Махаджиры». Худ. С. М. Габелия.

не хотел ехать в Турцию и удерживал свой приход»[1]. Был также арестован бывший духовник владетеля Абхазии В. Микаберидзе и его зять, священник Д. Ахвледиани, которым Шевкет-паша за «возбуждение абхазских жителей против турок», незамедлительно вынес смертный приговор, который тут же был отменён под давлением абхазских и адыгских военных, находящихся на борту броненосца[2]. Был взят насильно и доставлен паше князь Решид Гечба. Между тем, зверства, чинимые турками, привели абхазов, находящихся на броненосце в отчаяние. Они уполномочили Р. Гечба заявить о своем протесте в связи с происходившей на их земле трагедией. Многоопытный и мудрый князь в дипломатической форме просил пашу не подвергать новому выселению родной народ, убеждал, что полная депортация абхазов означала бы погибель Абхазии: «Паша! Мы никак не предполагали быть свидетелями горьких слёз наших братьев-абхазцев. Вы видите, что Абхазия переживает последние минуты своего существования, погибает безвозвратно. По воле рока, мы давно лишились родной земли, и одному Богу известно, сколько пришлось нам вынести горя и мучений со дня нашего выселения из Абхазии. Но нас утешала мысль о том, что оставшиеся братья в Абхазии найдут себе место и будут жить… Мы никогда не будем свободными от нравственной ответственности перед абхазскими семьями, которых вы теперь насильно переселяете в Турцию и которые на наших глазах плачут, рыдают, рвут себе волосы и проклинают нас всех, как виновников насильственного их сбора!»[3]. Как считал ген. А. Зиссерман, изначально раздор между абхазами и турками, сыграл определенную роль в уходе турок из Абхазии, но, естественно, не решающую[4].

Что касается участия российских военных в выселении абхазов в Османскую империю за «измену», об этом российская

[1] Газ. «Русский мир», № 295, 29 октября 1877 г.
[2] Газ. «Голос», №199, 20 июля 1877 г.
[3] **Мачавариани К. Д.** Народные смуты в Абхазии // Газ. «Голос». 20 июля, 1878, №199.
[4] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 344.

официальная пресса старалась особо не писать, но скрыть это не всегда удавалась. Например, газ. «Тифлисские ведомости» (№195, 1877 г., сообщая о том, что «в результате временного занятия этой страны турками, получились разорение и обезлюдение её», добавляет, что в этой трагедии виновным считает не только турецкую, но и российскую сторону. В частности, ссылаясь на разные источники, данная газета отмечала, что ещё до взятия российскими войсками Сухума, с приближением войск ген. Алхазова из южных регионов Абхазии, абхазы «целыми селами бежали» в Османскую империю. В частности, как подчеркивалось в этой газете, «ещё месяц назад, – если верить газетным сообщениям, – более 14000 абхазцев оставили свою родину; население особенно уменьшилось в южной Абхазии, жители которой объятые паникой перед продвигающимся с юга ген. Алхазовым, целыми селениями бежали в Турцию».

Притом, как извещают некоторые источники, российские власти были намерены избавиться от всего абхазского населения. Выше упомянутое высказывание по этому поводу высокопоставленного генерала российской власти на Кавказе, генерала Д. И. Святополк-Мирского было не случайным. Также не случайными были информации, просочившиеся в периодических изданиях империи. По сообщению газ. «Кавказ» (№222, 1877 г.), после восстания абхазов 1866 г. власти разрешили всем желающим переселиться в Турцию. Ни в коем случае не сожалея о переселении абхазов, та же газета отмечала, что «переселение, происшедшее в настоящее время, осуществлялось бы в 1867 г.». Автор статьи жалеет, что тогда полное выселение абхазов не было осуществлено из-за ограничения «турецким правительством числа переселенцев в 4 тыс. семейств». И что самое главное, по сообщению этой же российской газеты, тогда, переселение абхазов осуществлялось бы «без всякого вреда для края».

Однако, как и раньше, и на этот раз для защиты политики царизма в очередной трагедии выселения горцев, некото-

рые царские чиновники и на этот раз стали обвинять привилегированное сословие абхазов. Например, А. Н. Введенский писал, что виновниками выселения абхазцев являются высшие классы. По его мнению, «это подтверждается тем, что большинство выселившихся из числа бывших зависимых принадлежат тавадам и амиста, ушедшим в Турцию, и наоборот бывшие зависимые лица верные правительству, не покинули Абхазию»[1] . Полковник П. И. Аракин тоже писал, что «в тех общинах, где было меньше привилегированного класса, население почти оставалось целиком на своих местах, как например, Лыхненская, Отхарская…»[2]. В этой связи следует отметить, что изначально в таком судьбоносном вопросе как массовый исход населения в Османскую империю ни агитация со стороны имущего класса, ни уговоры со стороны представителей или агентов турецкой власти не могли оказать существенного влияния на абхазское, как и в целом, на горское население Кавказа. На самом деле, у князей и дворян, равно как и крестьян, никто никогда не спрашивал – желают они оставаться на родине или хотят удалиться за её пределы. Особенно в тех регионах, где проводилась полная этническая чистка. В этом отношении большой интерес представляют списки, составленные абхазскими переселенцами, вернувшимся из пределов Турции в Батум для «организованного» возвращения в Абхазию, где среди беженцев числятся немало дворян и князей. А в списке от 16 февраля 1879 года, в котором перечислено 219 человек, в графе сословная принадлежность всего на всего у пяти человек указано «анхаве» (анхаю) – крестьяне. А в графе о вероисповедании у всех записано «православие». В данный список вошли выходцы из Очамчыра, Адзюбжа, Аацы, Дурыпш и Апцхва[3].

В этом отношении интересно также обращение группы абхазских князей и дворян-переселенцев – это Мажара Анча-

[1] **А. [Введенский].** Письмо из Абхазии // Газ. «Кавказ», №222, 3 ноября 1877 г.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 370.
[3] ЦГИАГ, Ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2200, лл. 27 – 32 об.

бадзе, Дуг Маршан, Хусейн Куджба, Зосхан Эшба и др. от 24 июля 1879 г. на имя генерального консула России в Стамбуле А. Е. Лаговского, где сказано: «Когда же дела турок пошли плохо, и они предвидели неминуемую свою гибель, то, оставив свою позицию, прибыли на границу нашего округа и тут разделили свое войско на две равные части: одна часть оцепила русские войска, другая пошла по нашим деревням, сжигая дома и насильно выгоняя жителей со скотом на берег моря; убегавших расстреливали. Словом, мы все, через два месяца после вышеописанного, были перевезены сюда, в Турцию, где и находимся по сие время»[1].

Больших успехов в деле выселения абхазов не могли добиться и турецкие «агитаторы». Газ. «Кавказ» по поводу роли и авторитета турецких агитаторов в дни депортации абхазов, отмечала, что кавказские горцы «научились» не верить им. «Странное дело, всякий проходимец, всякий ханжа ради тщеславия и популярности, побывавший в Медине и приобретший чалму хаджи, является истолкователем воли Турции, – и народ терпит их, ради святыни. Впрочем, горцы насколько научились из прошлых опытов, чтобы не верить этим обманщикам»[2].

Вместе с тем, все больше и больше информации о насильственном выселении абхазов просачивалось в периодической печати. Например, Венское телеграфное агентство ещё в дни войны, 21 августа 1877 г. писала, что «абхазцы не хотят отправляться в турецких судах и бегут в лес. Турки сжигают абхазские сёла, чтобы принудить абхазцев к выселению; они [абхазы] ведут с генералом Алхазовым переговоры об изъявлении покорности»[3]. Газ. «Кавказ» подчеркивала, что «… уже не раз газеты передавали известие, что большинство, или во всяком случае, значительная часть переселенцев из Абхазии были увезены в Турцию против их желания и воли»[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 15, оп. 1, д.8, лл. 1 – 2.
[2] **Горец.** Черкесы в Турции // Газ. «Кавказ», №134, 1877 г.
[3] Газ. «Голос», 26 августа, №196, 1877 г.
[4] Газ. «Кавказ», №190, 23 сентября 1877 г.

«Гибель Народа». Худ. Б. Р. Джопуа

«Картина была страшная и нельзя было смотреть равнодушно на многих рвавших на себе волосы и проливавших слёзы – сообщала газ. «Голос» от 20 июля 1878 г. Турецкие аскеры шли на такую гнусность, как уничтожение целых неселённых пунктов. Газ. «Кавказ» ещё 11 августа 1877 г. писала: «Из Окума нам сообщают, что турки за Кодором, сосредоточиваясь к устьям Маджарки и Келасури, жгут сплошь все поселения, выбирая весь скот, силою сгоняя абхазцев к берегу и силою же перевозя их в Турцию (как говорят на 25 пароходах). Кто успеет – бежит в горы и леса…». По словам А. Н. Введенского, в другом месте говоря о «роли» князей и дворян в выселении абхазов в Турцию, на этот раз не мог скрыть тот факт, что турки физически уничтожали тех абхазов, которые отказывались переселиться в Турцию. «Трупы нескольких десятков абхазцев, не желавших выселиться и защищавших честь своих семей, страшным образом обезображенные, валяются тут же, на набережной (Сухума. – Т. А.)»[1].

Один из турецких отрядов перед тем, как отплыть из Сухума, «забрал у жителей до трехсот женщин, предназначая их для своих гаремов», а также весь запас кукурузы какой можно было собрать за Кодором, а также скот и прочее имущество. Нередко между турками и абхазами «происходили кровавые схватки»[2]. По сообщению газ. «Тифлисский вестник» от 17 сентября 1877 года, «Абхазцы вовсе не желали переселиться в Турцию, так что, собственно говоря, силой и угрозами их к тому заставили. «Вас русские всех перережут как изменников, лучше переселяйтесь», – говорили турки».

В письме от ноября 1879 г. на имя наместника Кавказа жена лыхненского дворянина Тагу Маргания (Маан), Макрина писала, что она с мужем и пятью малолетними детьми «были схвачены турками и увезены в плен, где находились под страшным гнётом турок около двух лет», а в октябре 1879 г. они сбежали в Батум[3].

---

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 364.

[2] Газ. «Голос», №195, 25 августа 1877 г.

[3] ЦГИАГ, ф.545, оп.1, 1880 г., д.2073, л.37.

Юнкер милиции Константин Маргания, служивший переводчиком у батумского губернатора, сообщал, что его племянники, Хирипс, Алхыстан и Кач Маргания – ученики Новоафонского школы, «были забраны как пленные и отвезены в Турцию». Далее он перечисляет ещё 21 человек своих родственников, которые также «в числе пленных были забраны туда же»[1]. Известна также информация о том, что турками «Сухумская горская школа и тамошняя женская прогимназия сожжены, и имущество их расхищены», из учащихся многие были увезены турками в Трапезунд[2].

О насильственном характере выселения абхазов в Турцию писали: жители с. Яштхуа вдовы М. Хиба, Х. Кецба и Ф. Кецба, которые от имени 40 членов своих семей написали в письме от 20 октября 1880 г. генералу Меликову следующее: «…во время последней русско-турецкой войны, проживая в Сухумском отделе, мы в числе семи семейств, были увезены против своего желания в Турцию». Таким же образом были изгнаны в Турцию жители с. Лыхны Мачагуа Лакоба, Игнатий Джергения (Дзуг-ипа), Алексей Дзидзария (Дзария) и многие др.[3]

Газ. «Голос» сообщала, что турки, находившиеся в районе Сухума, «забрали к себе всех абхазцев, скот, словом, всё, что только можно было забрать, и поспешно стараются отправить все это в Турцию… На море, у самой пристани и при впадении в него реки Келасур, кипела лихорадочная деятельность турок, которые, видимо, спешили окончить нагрузку судов разною добычею, награбленной в Абхазии. С этой добычей суда ежедневно отправлялись в Турцию»[4]. В связи с тем, что турки ложно обещали абхазам перевести их скот на пароходах в Турцию и сами турецкие аскеры пригоняли на берег, то на побережье моря было пригнано большое количество скота[5]. Так как турки не успели забрать с собой весь скот, часть из них,

[1] **Там же.** Л. 78 – 79.
[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 365.
[3] **Там же.** С. 366.
[4] Газ. «Голос», №222, 21 сентября 1877 г.
[5] **Там же.**

вместо турецких пароходов, попали в руки войск Сочинского, Марухского и Ингурского отрядов»[1]. Например, в с. Келасур российским воинским подразделениям досталось около 3 тыс. голов рогатого скота[2].

Вместе с тем, одобряя мероприятие по насильственному выселению абхазов за пределы Родины, представители официальных властей России по-прежнему всячески старались скрыть от широкой общественности реальную картину трагедии абхазского населения. Например, хорошо осведомлённый о происходивших в Абхазии событиях российский консул в Трапезунде, пишет управляющему МИДа России 2 августа 1877 года, без угрызений совести, о «добровольном» характере «ушедших в Турцию вместе с войсками»[3] абхазского населения.

Как показывают письменные источники, и на этот раз, как и во всех предыдущих случаях депортации горцев, четко прослеживается сотрудничество традиционно враждебных государств – России и Турции. Подтверждается мнение о том, что по официальному или же неофициальному сговору, эти империи разделили между собой территорию и население, т.е. России доставалась земля изгнанников, а Турции – депортированное население. Если царская Россия выселением автохтонов Кавказа решала проблемы, связанные с колонизацией региона, то Султанской Турции беженцы из Абхазии и других регионов Кавказа были нужны в качестве «пушечного мяса».

Анализируя события, происходившие в связи с выселением абхазов в годы Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., создается впечатление, что российские власти преднамеренно создали условия для избавления от непокорного абхазского населения. Об этом свидетельствуют: разоружение абхазско-

[1] Газ. «Русский мир», №295, 1877 г.

[2] Война 1877 – 1878 гг. Т. III. Война в Азиатской Турции. Под редакцией г.-м. Зыкова. Вып. II. СПб. 1882. С. 226. По кн. **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 350.

[3] ЦГИАГ, ф.545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, л. 57.

го населения перед войной, жёсткий административно-полицейский режим, необоснованное навешивание на абхазов ярлыка «виновного населения», а в период войны – обвинение его в «измене» и «предательстве», отказ вернуть оружие абхазскому населению в целях оказания совместного с российскими войсками сопротивления турецким войскам. Более того, российское командование, оставило на произвол судьбы безоружное абхазское население, вывело войска из Сухума и других стратегических населенных пунктов и позволило турецким войскам оккупировать большую часть территории Абхазии. Вследствие всего этого, с одной стороны, турецкие войска истребляли абхазов за их отказ воевать против российских войск, а с другой – абхазов обвинили в «измене», что стало поводом для российского командования к проведению мероприятий по «примерному наказанию» всего абхазского населения. Оно выражалось в массовом истреблении мирного населения, включая женщин, детей и стариков, в сожжении жилищ, целых населенных пунктов, уничтожении или присвоении средств существования – посевов, продуктов питания, скота и т.д.

С окончанием боевых действий на территории Абхазии, наступавшие российские войска, среди которых особо отличались грузинские подразделения и их командиры (ген. Я. К. Алхазов (Алхазишвили), подполковник С. Д. Микеладзе, князь Нижарадзе, подполковник Цулукидзеи др.), «очищали» территорию от абхазов для новых поселенцев, а турецкие войска, отступая, насильственно увозили коренное население на военных кораблях в Турцию.

Таким образом, к раннее оголенным регионам Абхазии прибавились полностью опустевшие от автохтонного населения город Сухум, почти все приморские и предгорные сёла страны абхазов. «Последнее восстание в Абхазии и последовавшая за ней двойная эмиграция – в Сибирь и Турцию – очень обезлюдили богатый край. Едешь, бывает, десяток верст и встретишь только одну хату, и опять на несколько верст пустырь, разве кое-где сохранились плодовые сады ушедших», – констатиро-

вала газета «Русский мир» 18 декабря 1877 г. Специальный корреспондент газ. «Голос» Г. Церетели, возвращаясь после 20 августа 1877 г. из Сухума в Тифлис, писал: «Начиная с природы все вокруг мрачно, пусто, и, проезжая громадные пространства, ещё так недавно заселенные и полные жизни, встречаешь только развалины и ни одной живой души на всей этой необозримой местности! Великолепные плантации маиса, сохранившиеся еще во многих местах, уже поспевают и нет рук для уборки; одни только стаи собак, оставшиеся без приюта, сотнями таскаются по лесам, пугая проезжих. Вот в каком печальном виде находится теперь Абхазия! Да и можно ли называть местность эту по-прежнему Абхазией, когда абхазцев в ней уже нет… само слово «Абхазия» должно быть навсегда забыто отныне»[1]. А корреспондент газ. «Кавказ» И. Белоусов, находившийся в составе Ингурского отряда в с. Дранда, об опустошённой Абхазии писал: «Представьте себе, что вокруг нас на сто верст нет не только города, даже и порядочной деревни: везде пустыня, развалины и пепелища бывших абхазских селений и вообще всякие следы военных опустошений; всюду пахнет смертью и разрушением. Отлично тут похозяйничали турки; от реки Бзыби, например, до Сухума включительно не осталось ни одного целого столба англо-индийского телеграфа – положительно все перебиты… В самом городе не осталось камня на камне…»[2].

Новый начальник Сухумского военного отдела полковник П. Аракин, после завершения военных событий на территории Абхазии 1877 года, писал, что территория от Кодора до Гудаутского участка, вместе с Цебельдой, опустела: два-три дыма в Драндах и Допакит, до 100 торговцев и граждан в разрушенном г. Сухуме, монах Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря с 13 рабочими да возвратившиеся в Цебельду греки 69 семейств (259 душ) – вот все население этой местности. На территории между Галидзгой и Кодором осталось 13 тыс. чел. или 2886 семейств, выселилось же до 1071 семейств. На

[1] Газ. «Голос», №226, 25 сентября 1877 г.
[2] Газ. «Кавказ», №43, 22 февраля 1878 г.

участке от Гудауты до Гагр населены были только земли Бзыби; причём несколько семей из Калдахвары и Лдзаа переселились на правую сторону р. Бзыби, «далее все пространство совершенно пустынно»[1]. А о населении между реками Гагрыпш и Бзыбь в количестве 191 абхазских семейств (815 чел.), позже А. Н. Дьячков-Тарасов писал как о «бесследно исчезнувших после войны 1877 года»[2]. Как писала газ. «Кавказ» 11 августа 1877 г., самурзаканцы все остались, их защищали русские войска, и мужское население дрались с ними вместе. В Адзюбже осталось всего 20 дворов (из 390), в Атара – 28 (из 160 дворов), в Джгерда – 60 (из 500), в Дурипше почти все поголовно подверглось изгнанию на чужбину»[3].

Таблица №1.

СВЕДЕНИЯ
о выселении абхазов из Сухумского отдела
в Османскую империю в 1877 – 1878 гг.[4]

Участки	Общины	Было до войны 1877 – 1878 гг.		Выселилось		Остались	
		семей	душ	семей	душ	семей	душ
1	2	3	4	5	6	7	8
Пицундский военный округ Гудаутский участок	1. Гагрская	191	815	191	815	–	–
	2. Лидзавская	110	462	74	302	36	160
	3. Блабурхвская	222	985	75	332	147	653
	4. Отхарская	220	952	15	107	205	845
	5. Бармышская	222	1017	49	251	173	766
	6.Мугудзырхвская	320	1471	233	1107	87	364
	7. Хопская	315	1446	241	1104	74	342

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 2307, лл. 43, 44 об – 45.
[2] **Дьячков-Тарасов А .Н.** Гагры и их окрестности // ЗКЛРГО, 1903. Кн.XXIV, вып. I. С. 82.
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 375.
[4] ЦГАК, ф. 231, ед. Архив № 451. По кн.: **М.Л. Хашба.** Наследие. Составление, вступительная статья и комментарий В.Ш. Авидзба. Сухум 2015. С. 327-328.

	8. Джирхвинская	266	1169	140	647	126	522
	9. Калдахварская	362	1559	212	972	150	587
	10.Звандрипшская	281	1242	215	984	66	258
	11.Лыхненская	492	2147	114	565	378	1582
	12. Дурипшская	379	156	371	1529	8	32
	13. Реюктинская	213	945	210	931	3	14
	14. Ачандарская	286	1408	250	1245	36	163
	15.Ацинская	502	2325	476	2216	26	110
	16. Куланурхвская	507	2216	504	2203	3	13
	17. Анухвская	405	1817	405	1817	-	-
	Итого	**5293**	**23545**	**3775**	**17160**	**1518**	**6385**
Гумистинский участок	1. Драндская	455					
	2. Пшапская	90					
	3. Маджарская	69		весь	участок		
	4. Абжаквинская	226					
	5. Акапская	371		выселился			
	6. Яштинская	207					
	7. Гумская	510					
	8. Эшерская	293					
	Итого	**2221**	**9985**	**2221**	**9985**		
Очамчырский военный округ Кодорский участок	1. Очамчирская	193		49		144	
	2. Поквешская	356		12		344	
	3. Гупская	650		47		603	
	4. Моквинская	392		57		335	
	5. Тамышская	338		12		326	
	6. Чловская	516		184		332	

	7. Джгердская	481		356		125	
	8. Адзюбжинская	390		298		92	
	Итого	**3316**		**1015**		**2301**	
Самурзаканский участок	1. Набакевская						
	2.Чубурхинджская						
	3. Саберийская						
	4. Речхо-Гали						
	5. Окумская						
	6. Мухурская						
	7. Баргебская						
	8. Гудавская						
	9. Бедийская						
	Итого	**11920**	**24461**	**-**	**-**	**11920**	**24461**

«Богатейшая в мире страна, начиная от р. Мокви и кончая Гудаутами, Гаграми, Пицундой и проч., – обратились в пустыню» – писала газета «Тифлисский вестник» от 4 сентября 1877 г. Очевидец этих событий А. Друг в газ. «Русский мир» писал: «Едешь, бывало десяток верст и встретишь одну хату и опять на несколько верст пустырь, разве кое-где сохранились плодовые сады ушедших, совершающие обратный цикл природы – от культурного к дикому состоянию»[1]. Е. Марков в 1880 г. писал: «В августе и сентябре, когда в оставленных абхазами садах и лесах созрели алыча, лесная груша, яблоко, орех и другие фрукты, окрестные леса заполнились кабанами и медведями. В таком большом количестве завелись эти звери в лесу, и на коротком расстоянии нельзя было миновать встречи со стадом кабанов или не запугать дремлющего медведя»[2]. Епископ Имерети и временно управляющий Абхазской епархией Гавриил (Г. М. Кикодзе), «обозревая» в 1879 г. абхазские церкви, не решился ехать дальше Сухума, в сторону Бзыбской

[1] **Друг А.** На Кавказе. I. По Абхазии и Самурзакани // Газ. «Русский мир», №345, 18 декабря 1877 г

[2] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С. 375).

Абхазии, так как эта часть края «вся была опустошена, церкви все сожжены и жители переселены»[1].

Полковник П. И. Аракин в «Записке о положении Сухумского отдела после минувшей войны 1877 года» от 24 августа 1878 г. отмечал: «Местность, лежащая между рр. Галидзгой и Кодором, представляет уже значительные следы опустошения: м. Очамчиры уничтожено дотла, большей части общин церкви, школы и общинные дома разграблены и частью сожжены… Пространство от р. Кодора вплоть до Гудаутского участка вместе с Цебельдой представляет почти совершенно пустынною»[2]. О положении оставшегося населения Абжуйской Абхазии тот же полковник П. Аракин писал, что он нашел его «размещенным в наскоро устроенных шалашах или уцелевших пацхах». Ожидаясь дальнейшей своей участи, оно «не решалось приступить к полевым работам. Материальное благосостояние и даже продовольствие этого населения мало обеспечено… нравственное настроение этого народа может быть охарактеризовано как подавленное»[3]. Такова была картина на всем пространстве до Анапы, и как отмечалось в газ. «Голос» (№97, 1879 г.) раньше «Кавказский берег был и населён, и производителен, но теперь ничего такого на нём не существует».

О бедственном положении абхазов, оставшихся после войны на родине, газ. «Дроеба» сообщала: «Крестьяне Абхазии находятся в очень стеснённом и тревожном положений. Война не оставила им ничего, ни домов, ни пищи. Все было разгромлено и сожжено турецкими войсками. Здания и довольствия, кукуруза и просо – все предали огню. Весь скот, всю домашнюю утварь и одежду увезли. Оставшиеся в таком состоянии абхазы голодают»[4]. Абхазское население пострадало и ещё от того, что в течение июня и июля 1877 г. была засуха, затем очередной раз разразилась чума рогатого скота. Как писал Г. Церетели, «все

[1] **Там же.** С.355.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, д. 3207, лл. 41об – 42
[3] **Там же.**л. 42.
[4] Газ. «Доеба», №100, 1878 г.

достояние здешнего крестьянина заключается в рогатом скоте; лишиться его, значит, погибнуть»[1].

Отто Закхинг в своей книге «Варварство русских в борьбе с Турцией» (Регенбург, 1879 г.), писал, что по вине российских войск «тысяча пятьсот семейств, бежавших из Сухума в лес, умерли голодною смертью»[2]. Правда, подобная информация часто опровергалась разными официальными лицами, но факты о массовом уходе людей в леса Абхазии для спасения от жестоких деяний, как со стороны турецких, так и российских войск, не были новыми; только трудно было уточнить количество скрывавшихся от «натиска цивилизации» и погибших людей. Вместе с тем, есть все основания говорить о массовой гибели людей, искавших убежище в лесах и горных трущобах Абхазии. По словам очевидцев, во время последнего этапа выселения абхазов, турецкие солдаты уничтожили множество безоружных людей, за то, что они отказались покинуть Родину[3]. По сообщению газ. «Дроеба» от 9 июля 1877 г., 1500 абхазов, в большинстве женщины и дети, погибли в лесах Абхазии в поисках спасения от ужасов войны, от голода и болезней.

Безоружное абхазское население, предпочитавшее смерть на родине, чем жизнь на чужбине, оказывало отчаянное сопротивление интервентам. По сообщению сухумского корреспондента газ. «Кавказ», на берегу моря нередко натыкались на трупы абхазских мужчин, которые в неравной схватке с турецкими военными погибали за отказ выселиться в Турцию[4]. Та же газета сообщала, что на берегу моря в Сухуме, в районе «маяка», лежали до двадцати трупов абхазов, у которых руки были завязаны, а горла вырезаны. «Эти несчастные, – заключает автор, – в последний момент, перед посадкой на судна, оказали сопротивление»[5]. По сообщению Д. Мачавариани, «почти все абхазы, которые ушли в Турцию, говорили, что их насильно

[1] Газ. «Голос», №186, 16 августа 1977 г.

[2] **Мартенс Ф.** Восточная война и Брюссельская конференция 1874 – 1878 гг. СПб.1879. С.357**.**

[3] **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель… С. 299, 309.

[4] Газ. «Кавказ»**,** 26 октября, 1878 г.

[5] **Там же.**

увезли»[1]. А по словам редактора газ. «Дроеба» С. Месхи, «…большая часть абхазов, которых посадили на корабль для выселения в Турцию, плакала, рыдала, простирала руки к родной стране. И когда прощались с нами, говорили: «…сообщите русскому правительству, что мы едем не по своей воле, нас увозят насильно и поэтому пусть нас считают пленниками врага, но не предателями…»[2].

По информации газ. «Русский мир», турецкие военные умерщвляли абхазов и на судне, чтобы избавиться «от негодного груза». Как сообщалось в прессе, после того как турецкое судно скрывалось за горизонтом, начиналась «сортировка» пленных абхазов: всех стариков, не способных держать оружие, пожилых женщин, не годных для гаремов и малолетних детей, нуждающихся в материнском присмотре, выбрасывали за борт[3]. «Какие случаи бывали во время этого злосчастного переселения! – писала газ. «Кавказ», – сколько убийств, сколько смертей без всякой надобности! Сколько злодейств, сколько разврата, сколько насилия! Сколько детей, то задушенных или утопленных… сколько детей оторванных от груди матерей и брошенных на улицы!.. Сколько отчаянных разлук отцов и детей, мужей с жёнами, братьев с сестрами, потерявших надежду вновь когда-нибудь увидаться с близкими сердцу…»[4].

По сообщению очевидца трагической судьбы абхазов, бывшего российского солдата Н. Ладария, направлявшегося в Турцию на поиски своих изгнанных родственников, много людей погибало от голода и жажды в пути. «Пароход был переполнен людьми, – писал он, – которые страдали от недостатка пищи, а больше от недостатка воды. Воды абхазцам, после трех дней пути, совсем не стали давать. Взрослые пили морскую соленную воду… Все страдали от желудочной болезни, и всего более дети; они плакали, кричали, просили пить… Вода была кругом, дети видели её и от этого ещё больше кричали. Болезни

[1] **Мачавариани Д.** Народная смута в Абхазии // Газ. «Дроеба», №157, 1878 г. (на груз.яз.).
[2] **Месхи С.** Абхазы и Абхазия // Газ. «Дроеба», №158, 1878 г. (на груз. яз.).
[3] Газ. «Русский мир», 29 октября, 1877 г.
[4] **Казбек Г.** Итальянцы о Кавказе // Газ. «Кавказ», №42, 1867 г.

делались смертельными; преимущественно гибли дети… Над умирающими плакали не одни родители, но и все женщины и родственники; матери кричали, рвали на себя волосы… Трупы малюток бросали в море, невзирая на отчаянное сопротивление матерей…»[1]. По сообщению того же автора, трагедии оставшихся в живых абхазов продолжились на берегу Турции. «Наконец пароход пристал к турецкому берегу Самсуну, где нас высадили, и, оставив на жгучем песчаном берегу моря, под палящем солнцем, велели не расходиться до особого приказания. Болезни среди абхазцев все усиливались; они умирали каждый день десятками. Только и слышались похоронные вопли по умирающим»[2].

Как сообщала газ. «Русский мир» (5 октября 1877 г.) из Трапезунда, «Бедность этих абхазских переселенцев нельзя описать… Острый тиф и дизентерия – две главные болезни, которые день ото дня умножают свои жертвы». К 16 сентября их сюда было доставлено 28000 чел., а также 16500 голов скота. Из указанного количества абхазов, 17000 поселилось в Трапезунде и его окрестностях. Остальных отправили в Инегёль, Самсун и др. города. По сообщению того же периодического издания (13 сентября 1877 г.) общее число абхазцев привезённых в тот город составляет 34 тыс. человек. Многие из них, христианского вероисповедания, подали жалобу итальянскому консулу, в котором заявили, что их «насильно заставили покинуть свою родину»[3]. По сообщению газ. «Кавказ», «настрадавшись от морской болезни в пути, с семействами, с грудными детьми, перенесшие разные лишения, настрадавшись от холода и голода на стамбульских площадях, эмигранты были наконец отправлены в Болгарию селиться». По заранее составленному плану, они должны были «составлять охранную, постоянную стражу для Турции от восставших славян». А в Карском пашалыке, на русско-турецкой границе, абхазским бе-

[1] **Ладария Н.** На заре моей жизни. С. 113 – 114.
[2] **Там же.** с. 114.
[3] **Там же.** С. 379.

женцам «отвели голые камни без леса, без воды, так сказать на припеке солнца и луны…»[1].

По подсчетам некоторых специалистов, около 50% всех депортантов погибло в пути, а из уцелевших 15% (женщин и детей) были проданы в качестве рабов[2]. По утверждению В. И. Немировича-Данченко, из выселившихся горцев в Турцию, только лишь десятая часть осталась в живых[3]. А по данным К. Кудрявцева, всего в пути или же в течение первого года проживания в Османской империи погибло 2/3 изгнанников[4].

Мы не располагаем точными данными о количестве высланных абхазов в годы этой войны. По сообщению писателя и публициста Г. Церетели, работавшего одновременно корреспондентом русской газеты «Голос» и грузинской газ. «Дроеба», в 1877 году, в течение только последнего этапа депортации, из Абхазии было выслано 48 тыс. человек[5]. А редактор газ. «Дроеба» С. Месхи пишет, что по официальным данным, в 1878 г. «50 тыс. абхазов покинули свою страну и переселились в Турцию»[6]. Некоторые турецкие источники, численность изгнанников этого периода из Абхазии доводят до 100 тыс. человек[7]. «Общая же численность махаджиров абхазо-абазинской принадлежности за 60 – 70 гг., – пишет Г. А. Дзидзария, – превышает 135 тыс., а вместе с убыхами – приблизительно 180 тыс. человек»[8]. По данным Султана Девлет-Гирея, ссылавшегося на материалы «Мухаджир-комиссии» в Стамбуле, с 1816 по 1910 гг. в Турцию эмигрировало «абхазцев или абазинцев» 339345 чел., вместе с убыхами – 384 284 чел.[9] А в Linonuansi clopedisi приводится цифра – 400 тыс. человек абхазской национальности без

[1] **Горец.** Черкесы в Турции // Газ. «Кавказ», №134, 1877 г.
[2] **Смирнов Н. А.** Политика России на Кавказе XVI–XIXвеках. М. 1958. С. 223.
[3] **Немирович-Данченко В.И.** Соколиные гнезда. М. 1897. С.70.
[4] **Кудрявцев К.** Материалы по истории Абхазии. Сухум. 1922. С.184.
[5] Газ. «Голос», 5 декабря, 1877 г.
[6] **Месхи С.** Абхазы и Абхазия // Газ. «Дроеба», 1878, №158. (на груз.яз.).
[7] Y. a. g. e. S. 280. По кн. **Бэрзэдж У. Н**. Указ.соч. с. 204
[8] **Дзидзария Г. А.** Абхазия в пореформенный период. С.96.
[9] ЛОААН, ф.800, Н. Я. Марр, д. 188, л.4. С. 274.

убыхов[1]. Эта цифра повторяется С. П. Басария, а черкесов-изгнанников доводит до 2 000 000 чел.[2]. По данным К. Карпат, опиравшего на турецкие архивы, с 1859 г. по 1879 г. из Кавказа были изгнаны 2 млн человек. Из них только 1,5 млн. добрались до предназначенных им под поселение районов, а 0,5 млн погибли в пути[3]. В источниках и специальной литературе приводятся и другие цифры. Академик А. Берже писал, что «горцев никогда никто не считал, посему точных статистических сведений о них не существует»[4]. Вместе с тем, есть основание предполагать, что общее количество депортированных абхазов и абазин первышало 300 тыс. чел.

Однако если спорным является общее количество депортированных абхазов, то бесспорно, что густонаселенная Абхазия к концу 70-х годов XIX в. была почти полностью опустошена. «За уходом в Турцию всего населения, пространство от Кодора до Гудаутского участка вместе с Цебельдой представляет почти совершенно пустыню», – писал начальник Сухумского отдела полковник П. И. Аракин[5]. Как подтверждают архивные материалы, в этих опустевших местах «бродили стаи собак и шакалов, кусая проезжих»[6]. Академик Н. Я. Марр по поводу опустошенной Абхазии писал, что она «обезлюдела в своей даже центральной этнографической части, так как от всего Гумистинского района остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского»[7]. По оценке известного ученого-филолога и публициста П. Чарая, вследствие вышеуказанных причин, «абхазская нация настолько уменьшилась, что сегодня она не составляет и четверти того, что было когда-то»[8].

[1] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 274.
[2] **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум – Кале. 1923. С.105.
[3] **Бэрзэдж У.Н.** Указ.соч. С. 203.
[4] **Берже А.** Горные племена Кавказа // Живописная старина. Т.X. СПб-М., очерк IV. С.72.
[5] ЦГИАГ. Ф.545, д.3207, лл. 40 – 49.
[6] **Дзидзария Г. А.** Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухум. 1960. С.228.
[7] **Марр Н.Я.** О языке и истории абхазов. М – Л. 1938. С.177.
[8] **Чарая П.** Абхазия и абхазы (этнографическое описание) // Газ. «Иверия», №165, 1888

После выселения абхазов газ. «Голос» от 5 июня 1878 г. сообщала, что «По приблизительному подсчету, после выселения, в Абхазии осталось всего около пять тыс. душ». Кроме того, российская пресса рисовала удручающую картину будущего всего абхазского народа. Например, по прогнозам газ. «Тифлисский вестник», абхазам, оказавшимся в Турции, угрожало неминуемое «слияние» с турецким населением, а «оставшиеся на родине менее или мало виновные абхазцы, доведенные до крайней нищеты, должны были возложить все свои упования на великодушное русское правительство»[1].

С конца 70-х годов XIX века, вследствие войны и депортации коренных народов (абхазов, убыхов и адыгов), Восточное побережье Черного моря в периодической печати одни авторы называли «опустошенным побережьем»[2], другие – «мертвым берегом»[3], третьи – «обиталищем хищников»[4]. Тогда появилась поговорка, характеризующая демографическую катастрофу для региона: «Теперь даже женщина может пройти от Сухумкале до Анапы, не опасаясь встретить хоть одного мужчину»[5]. По ту сторону хребта, на Северном Кавказе, говорили немного иначе: «Теперь в горах Кубанской области можно встретить медведя, волка, но не горца»[6].

Оказавшиеся на чужбине абхазские изгнанники всячески старались вернуться обратно на родину. «Эмигранты жаждут возвращения на родину, о чём не перестают просить с самого отправления своего; многим удалось возвратиться, а многие доселе ждут, как пленники»[7]. Хотя слово «многим удалось воз-

---

г. (на груз.яз.).

[1] По поводу последних событий в Абхазии. Тифлис, 9 сентября // Газ. «Тифлисский вестник», 1877, №195.

[2] **Церетели Г.** Переселение // Газ. «Дроеба», №27, 1879 г. (на груз.яз.).

[3] Внутренняя хроника // Газ. «Дроеба», №165, 1885 г. (на груз.яз.).

[4] **Кразана [Мчедлишвили Л.].** Батумские разбойники // Газ. «Дроеба», №10, 1882. (на груз.яз.).

[5] **Гожба Р. Х.** Русско-Кавказская война и исход горцев // Вечная память. Сухум. 2010. С. 280.

[6] **Там же.**

[7] **Горец.** Черкесы в Турции // Газ. «Кавказ», №134, 1877 г.

вратиться», здесь неуместно. Как увидим ниже, именно многим не удалось вернуться на родину. Местная администрация Сухумского отдела, следуя указанию царизма, категорически препятствовала этому. По словам начальника Сухумского военного отдела, одной из принципиальных мер, принятых после ухода турецких войск из Абхазии, был «недопуск возвращения эмигрировавших абхазов; удаление виновного населения от берега моря и от гор, что представлялось удобным и возможным ввиду незначительности оставшегося числа жителей»[1]. «Принцип о недопущении» депортированных абхазов на родину и возвращения их обратно в Турцию, был введен изначально, т.е. с первых же дней ухода турецких войск из Абхазии и депортации абхазов, что на короткое время приостановило обратный приток беженцев. Однако разрешения отдельным лицам, а то и целым группам, привели к массовому движению переселенцев на возвращение.

Несмотря на принимаемые российской властью меры, абхазские депортанты всячески стремились на родину. По сообщению «Кельнской газеты», уже 6 сентября 1877 г. в одном только Трапезунде собралось около 20 тыс. переселенцев из Сухума, среди которых было «мнжество христиан», которые «со слезами стали умолять турецкие власти доставить их обратно на свою родину, так как их вывезли оттуда вопреки их воле»[2]. Христиане-абхазы за помощью обращались к консулам европейских стран в Трапезунде. Например, только в одном списке, переданном абхазами итальянскому консулу в Трапезунде, числилось 200 семейств, или 1070 человек.

Однако российские консульства причерноморских портов Османской империи получили соответствующую директиву от вышестоящих ведомств и руководства кавказского наместничества о недопущении возвращения абхазов в Абхазию. Аналогичное указание было дано и властям Батумского военного округа, через который проходил и сухопутный, и морской путь из Турции в Абхазию. «Каждое утро, – сообщала газ. «Дроеба»,

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, 1880 г., д. 2417, л. 16.
[2] Газ. «Кавказ», №190, 23 сентября 1877 г.

– в Батуме, перед зданием губернатора увидите пожелтевших от голода женщин и детей, которые просят: «Отпустите! Отпустите в Абхазию!.. Или же увидите поляну перед зданием полиции, заполненную абхазами, которые просят то же самое…»[1]. «Абхазы, униженные судьбой, растаптываются под ногами, как муравьи», – писала современная пресса[2].

Не владея достоверной информацией об участии российских властей, наравне с командованием турецких войск, в депортации абхазов, некоторые современные издания допускали возможность возвращения абхазов на родину. Продолжая суждение по поводу насильственного выселения абхазов турками, и надеясь на справедливость и человеколюбие российского правительства, С. Месхи считал, что власти разрешат всем желающим абхазам репатриироваться. По его словам, «Коль это так, то мы должны надеяться на то, что всем желающим абхазам наше правительство предоставит право вновь вернуться и поселиться в своей стране. Помимо человеколюбия, этого требует справедливость и даже польза, потому, что, несомненно, такие народы, как черкесы и абхазы, лучше иметь в качестве друзей, чем врагов»[3]. Однако российские власти не допускали и мысли о возвращении абхазов на родину, за исключением редких случаев, если к этому вынуждала их та или иная конкретная ситуация, включая нелегальное возвращение. Поэтому, как подтверждают источники, российские власти из огромного количества людей, пытавшихся вернуться на родину, всего лишь незначительной части предоставили возможность осуществить эту мечту.

Один из документов на имя начальника штаба российских войск на Кавказе от 8 августа 1878 г. сообщает, что из Батума для отправки в Турцию вернули 240 абхазских изгнанников, которые нелегально добрались до побережья Абхазии[4].

---

[1] Газ. «Дроеба». 1878, №237 (на груз.яз.).
[2] **Кразана** [**Мчедлишвили Л.**]. Батум, 27 июля // Газ. «Дроеба», №172, 1879 г. (на груз.яз.).
[3] **Месхи С.** Абхазы и Абхазия // Газ. «Дроеба», №158, 1878 г. (на груз.яз.).
[4] ЦГИАГ. Ф. 545, д.1613, л. 40.

Ссылаясь на корреспонденцию газ. «Тбилисис моамбе», газ. «Дроеба», сообщала: «…откуда-то среди них [абхазов] распространился слух о том, что Российское правительство разрешило им вернуться на свою родину, они сели на судно и из Трапезунда и Батума семьями и вещами прибыли в Сухум. Но тамошнее правительство схватило всех, посадило опять на лодки и возвратило назад. Жутко было смотреть на них. В Батуме несколько мужчин и женщин умерли от голода…»[1].

После окончания Русско-Турецкой войны и заключения Сан-Стефанского мирного договора (19 февраля 1878 г.) процесс возвращения абхазов на родину принял более интенсивный характер. Это, несмотря на то, что документы, принятые относительно разрешения на возвращение горцев на свою историческую родину, в большей степени скрывались от абхазских депортантов. Весьма благоприятные для возвращения на родину абхазов условия были заложены в Берлинском трактате (1 июля 1878 г.), согласно которому в течение трех лет разрешалось переселение магометан из России в Турцию, а христиан – из Турции в Россию. На основании этого документа, царизм поощрял эмиграцию мусульман из России в Турцию, а на возвращение христиан в Российскую империю наложено было табу. Тогда как, по официальным данным российских властей, перед началом Русско-Турецкой войны фактически все абхазское население приняло крещение, при осуществлении данного положения трактата, население, оказавшееся не по своей воле на чужбине, могло бы вернуться в Абхазию. Несмотря на то, что власти всячески скрывали от переселенцев наличие подобной статьи в Берлинском трактате, слухи о ней всё же доходили до абхазских беженцев, что усиливало их стремление вернуться на родину.

Как и раньше, и на этот раз переселенцы, в основном, возвращались вначале в Батум, а оттуда в Абхазию. В архивах сохранилось множество документов, подтверждающих факты прибытия переселенцев из Турции в Батум, оттуда в Абхазию,

[1] Газ. «Дроеба», №122, 1879 г.(на груз.яз.).

или обратно в Турцию. Например, 4 ноября 1878 г. на шхуне «Редут-Кале» в Сухум было доставлено 80 семейств[1]. 4 марта 1879 г. из Батума были перевезены в Абхазию 80 взрослых и 30 малолетних абхазов, прибывших из Турции[2]. Вернувшиеся на родину абхазы стремились обосноваться в своих бывших сёлах, однако власти запретили им возвращаться к своим, хоть и сгоревшим, очагам. Особенно зорко власти следили, чтобы не заселились в своих сёлах репатрианты из гумских абхазов, так как их территория полностью была предназначена для новых колонистов из России. В числе вернувшихся гумцев была семья Дмитрия Гулиа, которая в 1877 г. была вывезена на турецком корабле «Махмудиэ». Тайно вернувшейся в 1878 г. в начале в Батум, а через 2 года – в Абхазию, семье будущего народного поэта Абхазии разрешили поселиться не в родном с. Уарча на правом берегу р. Кодор, а на левом берегу этой же реки – в с. Адзюбжа.

Тем не менее, российские власти всячески препятствовали возвращению абхазов на родину. Наместник Кавказа М. Н. Романов не скрывал о «неудобстве» от «обратного вселения в Россию абхазцев». Поэтому, фактически остались на бумаге и условия Стамбульского договора от 27 января 1879 года, на основании, которого были амнистированы лица, принимавшие участие в событиях 1877 – 1878 гг. VIII статья данного межгосударственного документа официально допускала репатриацию абхазов, с условием, что в течение трёхлетнего срока, со дня заключения договора, необходимо было определиться со своим гражданством[3]. Если иметь в виду, что большинство абхазов насильственным путём были вывезены из Абхазии и не стремились принять турецкое гражданство, то российским властям пришлось бы вернуть в Абхазию подавляющее большинство абхазских беженцев. Но такой поворот событий явно противоречил интересам, как властей Турции, так и особенно России, которые были направлены на избавление

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, 1880 г., д. 2020, лл. 25.
[2] **Там же.** л. 42.
[3] Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917 гг. М. 1952. С. 209.

от «ненадежного» населения Кавказа и заселения новыми колонистами. Поэтому не случайно, что посол России в Стамбуле Е. А. Новиков вовсе скрыл данный важнейший договор от абхазских изгнанников, ибо, как подтверждают документы, «подобное сообщение повело бы к поголовному вселению абхазцев обратно в Россию»[1].

Несмотря на большие препятствия, в связи с нежеланием российских властей принимать беженцев обратно на родину, процесс репатриации продолжался. Большинство абхазов никак не хотело смириться с мыслью о дальнейшем пребывании в Турции, и всеми способами старалось вернуться в Абхазию.

В связи с непрекращающимся потоком абхазских беженцев, желающих вернуться на родину, 4 мая 1879 г. российское посольство в Стамбуле издало «Циркулярное предписание» всем российским консулам и вице-консулам в Турции о недопустимости возвращения абхазов на Родину. В документе, в частности, сказано: «Возвращение на родину абхазцев… признано несоответствующим видам правительства. Между тем, партии переселенцев, иногда довольно значительные, постоянно проникают различными путями в Абхазию и состоят из людей больных и голодных, причиняют затруднения»[2]. В этом же «циркуляре» говорилось, что те переселенцы, которые вернутся на родину без разрешения властей, будут немедленно возвращены обратно в Турцию. В Тбилисском архиве сохранился документ, который так и называется: «Список абхазцев-переселенцев, доставленных из Батума в Сухум и возвращенных обратно»[3]. Вот что писали по этому поводу экзарху Грузии сами переселенцы за подписью 300 уполномоченных от абхазских депортантов: «Во время войны, при отступлении турецких войск из Сухума, мы насильственно вывезены были ими в Турцию. Ныне начальство Сухумского военного отдела не принимает нас обратно, направляя в Батум, в турецкие пределы. Мучимые голодом,

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, 1880 г., д. 2069, лл. 196 – 197.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, 1880 г., д. 2069, лл. 207.
[3] **Там же.** л. 21, 37 – 39.

А Д Ы Г И
А Б А З И Н Ы
КАРАЧАЕВЦЫ
С В А Н Ы
М Е Г Р Е Л Ы
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Сочи
Хоста
Адлер
Пленкево
Гагра
Пицунда
Гудоута
Псырдзха
Сухум-кале
Очамчыра
Анаклия
Рухи
Зугдиди
Сочи
Хуаста
Мзымта
Псоу
Бзыбь
Гумиста
Кодоры
Мыкуа
Дагдзаа
Охурей
Уакум
Гэдыр
БЗЫПАА
АБЖУАА
МЫРЗА КАНАА
АБХАЗИЯ
после массовой
депортации абхазов
©Т. А. Акуба

претерпевая всякие лишения уже ныне в Турции, оставаясь христианами, мы можем ждать не милости, а только лишь угнетения, посему просили вашего участия к нашей судьбе и ходатайства Вашего превосходительства перед наместником о допущении нас на Родину, в Сухумский отдел; в противном случае, единственным для нас исходом представляется принятие против нашего убеждения ислам»[1].

Несмотря на оказанные властями препятствия по возвращению абхазов на родину, весной и особенно летом 1879 г. число пытавшихся репатриироваться увеличилось. Они любыми способами добирались до Батума, а оттуда к берегам Абхазии. Бывали случаи, когда находившиеся в Турции переселенцы отказывались поселиться на отведенные им места, чтобы таким путём добиться от турецких властей выдачи им права на возвращение на родину. В отместку за такое поведение, турецкие власти прекращали выдавать им пособие и другую помощь и не разрешали, чтобы они вернулись в Абхазию. Например, в письме группы переселенцев на имя российского Генерального консула А. Е. Лаговского в Стамбуле от 24 июля 1879 г. отмечено: «Турецкое правительство отпускало нам пособие для нашего существования, но пять месяцев тому назад нам предложено было сыскать места для жительства; мы ответили, что не желаем оставаться в Турции и хотим обратно в Россию, тогда оно прекратило и это пособие; так что нам предстоит теперь самое жалкое существование, если и не голодная смерть». Изложив свое бедственное положение, абхазские беженцы просили российского дипломата об оказании помощи для возвращения «на прежние места жительства»[2].

В телеграммах, сохранившихся в архивах, зафиксированы множество случаев, когда добравшиеся до берегов Батума или Сухума абхазские беженцы не выпускались на берег и умирали от голода. В телеграмме начальника Сухумского отдела от 3 августа 1879 г. сказано, что из Батума прибыло до 1000 человек, которые лишены «всякого пропитания… средств помощи

[1] Газ. «Тифлисский вестник», №98, 26 мая 1879 г.
[2] ЦГИАГ, ф. 15, д. 8, лл. 1 – 2.

нет». А 24 августа того же года начальник Сухумского отдела телеграфировал вышестоящему начальству, что батумский военный губернатор, не имея средств для пропитания, прислал в Сухум 60 абхазов, которых «временно принял», но «кормить нечем»[1]. Из другой телеграммы выясняется, что буря занесла в Батум судно, на борту, которого находились 285 абхазов, возвратившихся из Турции и положение которых «возбуждает полное сострадание». Однако наместник Кавказа М. Н. Романов не разрешил отправить абхазов на родину, более того, он окрестил их «турецкоподданными» и дал указание батумским властям, выслать их за пределы Российской империи[2]. Однако турецкий консул в Батуме отказался принять абхазских переселенцев. Это вынудило батумского губернатора обратиться к наместнику с просьбой дать «категорического приказания, как поступить с абхазцами, буквально умирающими от голода»[3].

Однако если российские власти часто возвращали большие суда обратно в Турцию, то маломерным судам иной раз удавалось, особенно под покровом ночи и пользуясь непогодой, «пустынностью берега», тайно высадить беженцев на абхазское побережье. Эти факты не всегда «замечали» береговая охрана и местные власти, особенно тогда, когда они видели измученных от голода и болезни людей. При этом власти вынужденно порой даже официально разрешали «водвориться» ввиду трудности их обратной отправки и из-за исключительно бедственного положения абхазов. Тем более, если прибывшие в Абхазию объявляли себя христианами, и их удаление в Турцию осуществлялось путём насилия со стороны турецких войск. В одном из официальных документов прямо сказано, что, несмотря на установленный порядок не допускать эмигрировавших абхазов к берегам Абхазии, «…оказалось невозможным выдержать это правило и в течение 1878/1879 гг. в край возвратилось значительное число эмигрантов, выбросивших-

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, 1880 г., д. 2073, л. 4 об
[2] **Там же.** Л. 23.
[3] **Там же.** Л. 25 об.

ся на берег большей частью тайно, причём привозившие их турецкие кочермы немедленно уходили, высаживавшиеся таким путём абхазцы являлись в край не только без средств, но даже дневного пропитания и выбрасываясь преимущественно на пустынных и безлюдных местах».

Хотя не всегда удавалось таким путем вновь обосноваться на родине. Немало случаев, когда добравшихся после страшных испытаний к берегам Батума и Абхазии, власти вновь сажали на судна и отправляли обратно в Турцию. «Откуда-то, – сообщала газ. «Дроеба», – среди них [абхазов] распространился слух о том, что российское правительство разрешило им вернуться на свою родину, они сели на судно и из Трапезунда и Батума семьями и вещами прибыли в Сухум. Но тамошнее правительство схватило всех, посадило опять на лодки и возвратило назад. Жутко было смотреть на них»[1]. А прибывших в Батум абхазских переселенцев, обычно отправляли обратно в Турцию. Делу возвращения на родину не помогали личные встречи и просьбы вернувшихся абхазов с Великими князьями, включая наместника Кавказа, часто гостивших в Батуме. По сообщению корреспондента той же газ. «Дроеба» (№122, 1879 г.), «… на просьбу, которую передали абхазы, перевезённые насильно турецкими войсками, Великому князю Константину Николаевичу во время пребывания в Батуме и которая заключалась в том, чтобы им разрешили вновь вернуться на свою Родину, на эту просьбу пока не получили никакого ответа». По сообщению той же грузинской газеты, просьбы абхазских переселенцев так же без ответа оставлял наместник Кавказа, или же отвечал отказом. «22 числа того месяца (июнь 1879 г. – Т.А.), – читаем в одном из номеров этого издания – наш Батум посетил Великий князь [наместник Кавказа] Михаил Николаевич!.. Сразу по прибытии он пожелал познакомиться с нужными лицами и затем последовал прием прошений, между прочим, он получил прошение от униженных судьбой абхазов, которые растаптываются как муравьи под ногами. Я

[1] Газ. «Дроеба», №122, 1879 г. (на груз.яз.).

не могу описать Вам ужасную картину, как они собираются во время прибытия Великих князей для подачи прошения, чтобы те смилостивились над ними и дали возможность последние дни жизни провести под небом своей родины»[1]. Более того, наместник Кавказа часто предупреждал российских консулов в Турции, чтобы они препятствовали отправлению абхазов на родину «не имея на это предварительного согласия начальника Сухумского отдела»[2]. А такого разрешения начальник Сухумского военного отдела не выдавал без соответствующего разрешения самого наместника Кавказа.

С наступлением 1880 г. поток желающих репатриироваться ещё больше увеличивается. Однако политика властей – не допускать возврата абхазов на родину, оставалась прежней. По сообщению газ. «Голос» от 10 августа 1880 года, в зимних условиях из Самсуна на двух суднах отправились абхазы на родину. Похоронив в море 10 человек умерших, и пробыв в пути 10 дней, одно из них с 170 эмигрантами прибыло в Сухумский порт. Однако им разрешили остаться всего лишь на два дня, чтобы похоронить ещё нескольких умерших, а затем на военной шхуне их отправили обратно в Турцию.

Несмотря на препятствия, некоторые абхазы умудрялись найти различные способы для возвращения в Абхазию. Например, 14 июля 1880 г. в Батум прибыло 1200 абхазов на судне под английским флагом, чтобы получить там разрешение для отправки на родину. Однако военный губернатор Батумской области не выпустил их на берег как «беспаспортных» лиц. А турецкий консул вовсе не принял участия в решении судьбы этих никому не нужных людей. «Они просят разрешения поселиться у себя на родине; их просьбу не удовлетворяют, несчастные находятся в потрясающем положении: уже 18 дней как они валяются на судне, как рыбы в бочке, то под дождем, то под палящим солнцем, без еды. Говорят, что от голода уже

[1] Из корреспонденции Кразана. «Батум, 27 июля» // Газ.«Дроеба», №172, 1879 г. (на груз. яз

[2] **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 286.

умерло 10 человек. Личной благотворительности не хватает»[1]. На другой день, т.е. 15 июля уже на этот раз в Сухум прибыла другая группа абхазских переселенцев, преимущество из бывших жителей с. Гума, в количестве 150 человек. Наместник Кавказа дал указание выселить их обратно в Турцию как «беспаспортных и турецкоподданных»[2]. Однако они не подчинились властям и самовольно высадились в устье р. Гумыста[3]. 19 июля в Гудауте высадилось ещё 188 абхазов[4]. Однако, как выясняется, скоро Сухумскими властями в Батум были отправлены в начале 100, а чуть позже 285 «незаконно» вернувшихся в Абхазию абхазов, чтобы «отсылать» их обратно в Турцию[5].

Батумский губернатор в письме от 22 июля 1880 г. на имя начальника Сухумского отдела сообщал о 194 абхазских беженцах, привезенных 21 июля из Сухума, которые в Сухум попали непосредственно из Турции и требовал, чтобы впредь не направляли абхазов в вверенную ему область, в особенности тех, которые в Абхазию попадали не через Батум[6]. Турецкий консул отказался оказать помощь и этой группе абхазов по той причине, что их не считал турецкоподданными. Тем самым, настолько обострилась ситуация с прибытием абхазов в Батум, что местные власти данного округа отмечают о применении силы для отправки их обратно в Турцию. В телеграмме от 26 июля 1880 г. военный губернатор Батумской области писал: «Выслать беспаспортных абхазцев в Турцию можно или сухопутьем, или морем на шхуне, связав, так как они положительно отказались идти добровольно. Сверх того, турецкий консул протестует обратно их отсылку как присланных на русском пароходе, объявляющих себя русскими подданными. Насилие неизбежно»[7].

---

[1] Из корреспонденции Кразана. «Батум, 16 августа» // Газ. «Дроеба», №173, 1880 г. (на груз.яз.).
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, 1880 г., д. 2069, л. 20.
[3] **Там же.** Л. 25.
[4] **Там же.** Л. 26.
[5] **Там же.**л. 20, 33, 37.
[6] **Там же.**л. 40 – 42.
[7] **Там же.** л. 31

Между тем, генерал-губернатор Трапезунда получает указание от своего правительства о том, чтобы не допустить обратного возвращения абхазов. В своем распоряжении губернатор угрожал применить силу против беженцев[1]. Как известно, через этот порт направлялась основная масса переселенцев, поэтому осуществление данного указания ставило в весьма затруднительное положение кавказское начальство, которое всячески препятствовало возвращению людей на родину. Но данное решение турецких властей напрямую угрожало жизни и здоровью тысяч переселенцев, которые находились в пути и безжалостно скитались от одного берега в другой. В связи с создавшейся непредвиденной для российских властей ситуацией, русский консул в Трапезунде предложил кавказскому начальству вернуть беженцев на родину, скопившихся в Батуме с тем расчётом, чтобы «более виновных» из них выслать в отдаленные регионы России[2]. На это предложение вначале согласился наместник Кавказа и даже сохранилась информация, например, такого характер: «Батумский губернатор возвращает гумцев… Кочермы везут 660 анухвинских эмигрантов». Но также отмечено, что у Сухумских властей «недостает средств» для вернувшихся абхазов и т.д.[3]. Однако как выясняется из источников, ситуация вновь меняется в ущерб беженцам, и вернувшихся из Батума абхазов, отправляют обратно в Батум, а оттуда – в Турцию. Например, по сообщению властей Сухумского отдела от 10 августа, только что прибывших в Сухум гумцев, вновь отправляют обратно в Батум[4]. Сухумские власти также обратно вернули в Батум, а оттуда Батумская администрация отправила в Турцию более 600 абхазов, бывших жителей села Анхуа, которые недавно прибыли на родину[5].

По сообщению газ. «Голос» от 4 августа 1880 года, 28 июля в Батум прибывает пароход «Эльбрус», на борту которого до

[1] **Там же.** л. 56 об
[2] **Там же.** л. 48.
[3] **Там же.** л. 55.
[4] **Там же.** л. 74.
[5] ЦГИАГ. Ф. 545, д.2069, л.55.

300 «бездомных скитальцев, обреченных в недалеком будущем на голодную смерть», жители с. Гума. «Нельзя было без сострадания видеть, привезенных сюда абхазцев, в числе которых до 200 женщин и детей, до того они исхудали, что ослабли от продолжительного скитания! У многих остались только кожа и кости. Двое до прихода в Батум умерли от истощения. В настоящее время весь прибывший «транспорт» помещён просто на площади…». В данной публикации отмечено, что в скором времени их вывезут обратно в Турцию на военных шхунах небольшими партиями по 50 человек, где их ждёт голодная смерть». В оправдание такого жестокого обращения властей к гумцам источники приводят тот факт, что якобы, община Гумская выделялась тем, что она «фактически и деятельно» участвовала «в минувшем восстании», она выделялась ещё «и до войны своеволием и неуживчивостью с нашими порядками»[1]. На самом деле, категорический отказ властей на возвращение гумцев в места прежнего проживания, был вызван тем, что центральная часть Абхазии была предназначена для колонистов, и чтобы эти поселения новых жителей разделили оставшееся на родине абхазское население на две части. Такое территориальное разобщение коренного населения было нацелено как для обеспечения «правопорядка», так и для дальнейшего этнокультурного растворения коренного этносав среди колонистов. Как писал наместник Кавказа М. Н. Романов военному министру 12 декабря 1880 года, было решено оставить «свободными» сёла Дранда, Абжаква, Акапа, Гума и Аацы, чтобы «поселения колонистов отделили сплошною полосою туземное население от морского берега… разделив его на две части»[2].

11 августа 1880 г. в Батумский порт прибыло греческое судно «Агиос-Петрос», на котором находились более тысяча абхазов-христиан, следовавших из Турции в Абхазию[3]. «Вы представьте сейчас, в каком положении находятся те абхазы,

[1] **Там же.**л. 97 об.

[2] **Дзидзария Г. А.** Указ. соч. С. 388.

[3] Газ. «Дроеба», №198, 1880 г. (на груз.яз.).

которые как рыбы свалены друг на друга на судне «Агиос-Петрос», у которых нет ни еды, ни воды, ни одежды, и что хуже всего – права выхода на сушу!..», – констатировала грузинская газета[1]. По сообщению современной прессы, находящихся на судне абхазов не принимали ни российское правительство, ни турецкое. Относительно создавшейся критической ситуации, в источнике читаем: «Ни наше правительство, ни власти Турции не хотят запустить этих людей в свою страну… У обоих стран есть свои политические соображения, по которым эти люди не должны иметь места на территории России и Турции… Неужели так велика их вина, что мы человеколюбие подчиняем каким-то политическим соображениям и просвещенная власть доведёт дело до того, что эти люди или утонут в море, или съедят друг друга в каюте»[2]. В ожидании разрешения на возвращение в Абхазию треть из них «унесли голод, жажда и болезни»[3]. 15 августа 1880 г. командир Батумского порта контр-адмирал А. И. Греве телеграфировал в Тифлис: «Губернатор абхазцев на берег не пускает. Между ними началась смертность, опасность повальной заразы. Судно, набитое детьми, женщинами и мужчинами, превратилось в клоаку. Дождь идёт третий день. Частная благотворительность истощилась»[4]. Абхазами из этого судна была отправлена телеграмма 15 августа на имя министра иностранных дел России, графа М. Т. Лорис-Меликова (Меликян), где в частности сказано: «Мы, жители Сухумского отдела, православные христиане, сделавшиеся во время минувшей войны жертвами турецких войск, были ими насильственно забраны семействами в Турцию. Ныне мы в числе 1200 душ, угнетенные варварским обращением турецкого правительства, успели наконец вырваться из их рук, прибыли за свой счёт на вольном судне 11 августа в Батумский порт, просили водворить нас на местах жительства. Здешнее

[1] Между двух земель // Газ. «Дроеба», №199, 1880 г. (на груз.яз.).
[2] **Там же.**
[3] Бедственное положение Сухумского уезда // Газ. «Дроеба», №223, 1880 г. (на груз.яз.).
[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, лл. 73.

начальство отказалась принять нас, не позволило выйти на берег, требует возвратиться в Турцию. Остается выбрать нам вернуться жертвами преследуемого нас турецкого правительства или утопиться всем нам разом в море. Предпочитаем последнее. Ввиду сего осмеливаемся просить исходатайствовать нам спасение от неминуемой гибели 1 тыс. душ христиан, ни в чём не повинных, особенно детей наших, из коих немалое число ежедневно мрет с голоду на море, в судне, в котором мы все навалены без хлеба и воды. Ожидаем спасающей нас милости православного русского правительства или окончательного смертного для нас приговора»[1]. Хотя вряд ли можно было ожидать помощи от ген. М. Т. Лорис-Меликова, человека, который, по поручению царя ещё в 1860 г. ездил в Стамбул договариваться с турецкими властями о переселении горцев Кавказа в Османскую империю. Не говоря о том, что он, будучи командующим российскими войсками в Абхазии, выделялся жестокостью по отношению к абхазскому населению. 18 августа из этого же судна была отправлена депеша, на имя наместника Кавказа М. Н. Романова с просьбой разрешения вернуться в Абхазию. «Батумский губернатор, – сообщали изгнанники наместнику, – силою заставляет нас следовать обратно в Турцию. Умоляем, Ваше Превосходительство, как христиане, верующие в Бога, сжальтесь над нами, единоверцами Вашими, лишенными всех средств существования, а главным образом пожалейте детей наших, ни в чём невинных, которых более половины всех нас. В Турции нас ждёт голодная смерть и постоянное преследование безжалостного турецкого правительства. Просим вашего ходатайства не отказать принять нас и отправить в Сухумский отдел. Внемлите просьбе погибающих наших жен, детей, сирот. Отказом вашим будем приговорены на верную гибель в море»[2]. Такой же просьбой был вынужден ходатайствовать перед наместником Батумский военный губернатор ген. Комаров. Однако по указанию начальника Кавказского

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, лл. 123 – 124.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, лл. 86 – 87.

горского военно-народного управления генерала Меликова (Меликяна), было отказано абхазским беженцам вернуться на родину «дабы не поощрять прочих эмигрантов к самовольному возвращению на родину»[1]. А в телеграмме от 4 сентября 1880 г. в адрес Кавказского начальства группа абхазских женщин из этого же судна (Тамара Анчабадзе, Нина Авидзба и др.) писала: «Батумский губернатор отправляет нас в Турцию, где мы знаем, что нас не примут, так как мы все христиане. Истинно несчастные, обреченные на погибель, мы умоляем, Ваше сиятельство, выпросить для нас от его Императорского величества прошение, позволение вернуться в Сухум. Нас здесь более четырехсот женщин, столько же детей»[2]. В ответ поступила телеграмма: «Его величество не изменил свое приказание»[3]. Батумский губернатор перестарался – распорядился абхазов «связать и таким образом отправить в Турцию»[4].

По сообщению газ. «Голос», 7 сентября «Агиос-Петрос», отправленный на буксире парохода и конвоируемый военной шхуной «Редук-Кале», подошёл к турецким берегам. Однако его встретили ружейными выстрелами. Тогда капитан судна, чтобы избавиться от нежелательного живого груза, ночью высадил абхазов между неприступными скалами, на небольшой песчаный берег, на 20 милях южнее от Батума (на российской территории), «где ни воды, ни пищи, ни растительности и никакой дороги нет», и вернулся в Батум для «пополнения провизии»[5]. Однако береговая охрана передала информацию об этом вопиющем факте Батумским властям. Шкипер и штурман судна были арестованы, а оставшиеся в живых абхазы 17 сентября были привезены в Батумский порт. По сообщению газ. «Голос» от 21 сентября 1880 г., «…в Батуме же, после 20-дневного их прибытия, умерло 178 человек, бежало до 200 мужчин, а из остальных 750 человек, отправленных в Батум,

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, лл. 94 – 94 об.
[2] ЦГИАГ, Ф. 545,оп.1, 1880 г., д.2069, л.126.
[3] ЦГИАГ, Ф. 545, оп.1, 1880 г., д.2069, л.130.
[4] ЦГИАГ, Ф. 545, оп.1, 1880 г., д.2069, л.131.
[5] Газ. «Голос», №261, 21 сентября 1880 г.

большая часть женщин и детей, обессиленные продолжительным голодом, как бы подготовили себя к такой же печальной развязке».

Судьба абхазов-христиан из судна «Агиос-Петрос», как и других переселенцев, пытавшихся вернуться на родину и оказанные российскими властями препятствия по недопущению их на родину, лишние свидетельства тому, что царское самодержавие изначально само было заинтересовано в переселении абхазов за пределы Абхазии. Власти не щадили и христиан, ибо совершалась акция, нацеленная на очищение Абхазии по национальному признаку, а не по религиозному, как об этом свидетельствуют различные источники и специальная литература.

Несмотря на запрет, число абхазских беженцев, стремившихся вернуться на родину, не уменьшалось. Только в июле-августе 1880 г. в Батумском порту пришвартовалось несколько десятков судов, переполненных абхазскими переселенцами, где, к сожалению, их вновь задерживали, и в большинстве случаев отправляли обратно в Турцию. Об этом свидетельствует множество телеграмм и писем в адрес российских властей, начиная от Батумской администрации вплоть до самого Императора. Например, только в одном деле (№2069, ф. №545) Центрального государственного исторического архива Грузии (в Тбилиси) хранится более 150 документов подобного содержания, которые датируются от 8 июня 1880 г. по 31 января 1881 г. Документы указывают на то, что суда с абхазскими изгнанниками, возвращенные российскими властями обратно в Турцию, власти последних не принимали – как «ненадежный контингент». Береговая охрана выстрелами из артиллерийского орудия отгоняла их в открытое море. «Абхазов, – читаем в газ. «Дроеба», – кидают, как мяч, от нашего порта до порта Турции, откуда их выстрелами возвращают обратно, и стоят они, эти несчастные, потерявшие надежду и отчаявшиеся люди, меж двух земель»[1].

Огнём встречали российские власти и тех абхазов, которые с большим трудом добирались до берегов Родины. В периоди-

[1] Между двух земель // Газ. «Дроеба». №199, 1880 г. (на груз.яз.).

ческой печати сообщается, что начальник Сухумского военного отдела полковник П. И. Аракин неоднократно огнём из оружия и пушек встречал абхазов и черкесов, которые осмеливались ступить на родной берег Черного моря[1]. В большинстве случаев, не спустившихся на берег абхазов отгоняли подальше от Сухумского порта, и они сутками, а то и неделями без пищи и питьевой воды находились под открытым небом. Газ. «Россия» от 17 ноября 1880 г., сообщала о жестоком обращении царских чиновников к нелегально возвратившимся на родину переселенцам. Корреспондент этой газеты записал рассказы абхазского собеседника «о потрясающих, неслыханных страданиях», которым подвергались на берегах Абхазии переселенцы. По его словам, «его рассказы были положительно невероятны! Так, он говорил, что бывали смертные случаи между ними на кочермах, не допускавшихся к берегу в следствие того, что об этом ещё не последовало распоряжения начальства. Кочермы эти, будто бы, по несколько суток болтались на якоре, в страшную непогоду, в нескольких саженях от города и вернувшиеся из Турции абхазцы умирали на них от голода и жажды. Некоторые несчастные подъезжали на лодках, умоляя дать им воды, но ревностные береговые стражи не допускали их и с угрозами и ругательствами гнали обратно».

Несмотря на то, что большинство абхазов, прибывших из Турции, вновь отправляли обратно, поток возвратившихся на родину переселенцев продолжался. По информации К. Мачавариани, абхазы стали прибывать целыми партиями по 200 и 300 человек. Однако «местная администрация не решалась принять их вновь обратно, в ожидании решения этого вопроса высшей кавказской административной властью – возвращавшиеся из Турции сидели в турецких кочермах, как сельди в бочке и, не имея права выходить на берег, по несколько дней жарились под палящими лучами летнего солнца. Плач детей и стоны женщин раздирали душу и сердце, но нельзя было оказать им никакой помощи»[2].

[1] Бедственное положение Сухумского уезда // Газ. «Дроеба, №223, 1883 г. (на груз.яз.).
[2] Газ. «Черноморский вестник», №254, 14 ноября 1899 г.

Возвращение абхазов на родину приняло настолько острый характер, что российские власти были вынуждены обратиться к турецким властям с просьбой, во-первых, максимально препятствовать абхазам покидать территорию Турции, во-вторых, дать распоряжение турецким портам безотказно принимать суда с абхазскими эмигрантами. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, местные власти Турции получили указание от своего правительства, о выселении из страны тех абхазов, которые настоятельно требовали разрешения на возвращение в Абхазию[1].

Наконец, правительство России было вынуждено в 1881 г. отменить Распоряжение, принятое два года назад, которое запрещало абхазам возвращаться в Абхазию[2]. Однако и этот долгожданный документ российское посольство в Турции скрыло от абхазов. Со временем количество желающих вернуться в Абхазию постепенно стало уменьшаться. По данным «Кавказского календаря» на начало 1881 года, с большим трудом удалось вернуться на родину 13258 абхазам-депортантам[3]. По другим данным, к 10 июня 1881 г. всего вернулось в Абхазию, причем «с высочайшего разрешения», более 15 тыс. человек[4]. Возвращение переселенцев продолжалось и в последующие годы. Но оно носило эпизодический характер.

А тем, кому удавалось добираться до Родины, запрещалось селиться в опустевшей Центральной части страны, включая Сухум, и в целом, в приморской и горной частях Абхазии[5]. «До войны, – читаем в журнале «Иверия», – Сухум был довольнотаки большой город, вокруг него проживали абхазы… Неудивительно, что вблизи главного города Абхазии такое затишье, ибо абхазов в Абхазии нет, а те которые вернулись, не имеют права селиться ближе тридцати верст от Сухума»[6].

---

[1] ЦГИАГ. Ф. 545, д. 2069, л. 200.

[2] **Мегрелидзе Ш. В.** Из истории Аджарии. Тбилиси. 1964. С.72. (на груз.яз.).

[3] Кавказский календарь на 1883 г. Тифлис. 1882. С. 243.

[4] **Мегрелидзе Ш. В.** Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. с. 36 – 37.

[5] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С.422; Басария С. П. Указ. соч. С.41

[6] Увиденное и услышанное (заметки путника) // Журн. «Иверия», №11, 1881 г. №11. С. 96. (на груз.яз.).

Таким образом, карательными мерами царского самодержавия и оккупационными войсками Османской империи в течение 15 лет практически была опустошена историческая Абхазия. Особенно пострадали Северо-Западная и Центральная Абхазия (современный Адлерский, Гагрский, Сухумский и Гулрыпшский районы). В этих регионах исторической Абхазии полностью исчезли этнографические группы и территориальные общины абхазов: садзаа (приморские – халцисаа, горные – аибгаа, ахчипсаа, цвиджаа и др.), псхуаа, гумаа, цабалаа, далаа и др. Лишь в небольшом количестве, в виде отдельных этнических островков, остались бзыбаа и абжуаа частично, и мырзаканаа – почти полностью. Массовым выселением за пределы исторической родины абхазского этноса, его генофонду был нанесен невосполнимый урон. Народ был подвержен гуманитарной катастрофе.

Характеризуя причины и трагические последствия абхазского сопротивления в годы царского самодержавия, сын последнего владетеля Абхазии, писатель и публицист Георгий Чачба в своем Обращении к абхазскому народу писал: «Братья абхазцы! Наши отцы, дяди и братья боролись, страдали и умирали за честь и свободу Родины! Их гордая, свободная душа не могла и не хотела подчиниться угнетательной системе царской власти; не могли допустить попрания обычаев и традиций, освященных веками, и они с оружием в руках восстали против могущественной тогда России. Многие из них приняли смерть в этой борьбе за родную Абхазию, тысячи их томились в холодной Сибири, а много десятков тысяч, отчаявшись в неравной борьбе, ушли в Турцию, но не склонили перед насильниками свою гордую, честную голову»[1].

Массовая депортация абхазов стала роковой вехой в многовековой истории абхазского народа. Реально встал вопрос: быть или не быть абхазскому этносу, одному из древнейших народов Кавказа? «Махаджирство, – писал Г. А. Дзидзария, –

[1] **Гожба Р. Х.** Русско-Кавказская война и исход горцев // Вечная память. Сухум. 2010. С. 280 (на абх. яз.).

является той трагедией, которая поставила целые народы края на грань их полного исчезновения»[1]. Эту общенациональную трагедию абхазов известный абхазский писатель М. Лакрба охарактеризовал как «величайшую катастрофу абхазского народа»[2].

В тот критический момент, когда решался вопрос физического существования абхазов, официальные круги и реакционная пресса России не скрывали радости, которую им доставляла трагедия этого народа. «Нужно радоваться переезду наших соотечественников абхазов в Турцию», – писала газета «Русский мир» от 6 октября 1877 г. Некий Г. В. М-ов писал: «а все-таки нужно очень радоваться переезду наших соотечественников-абхазцев в Турцию… Их откачивание освободить от затруднений Сухумскую администрацию в разрешении вопроса, чем должна быть Абхазия – Швейцарией или Францией». Имелось в виду форма расселения хуторской (Швейцарская) или скучить население в определенном центре (французской). Автора устраивала последняя форма для удобного управления краем. А историк Н. Буткевич горцев Кавказа называл «домашними врагами» и, по его мнению, их выселение могло бы принести государству «только одну пользу». Он же на освободившихся от коренного населения «свободных землях» Абхазии, Черноморья, Кубани и Терека предлагал «водворить» преимущественно «соплеменников», что позволит стать твердою ногой на Кавказе[3].

Английские дипломаты в Турции, подражая российским официальным лицам, писали, что якобы «махаджиры» покинули свою родину совершенно добровольно[4]. В этой связи К. Д. Мачавариани задавал вопрос: «Любили ли абхазы свою землю, свою родину?». И сам же отвечал: «Да, они любили, коли многие из них при переселении в Турцию брали в мешки горсть

[1] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С.3.
[2] **Лакербай М.** Из истории абхазского театрального искусства. Сухум. 1957. С.5.
[3] **Дзидзария Г. А.** Указ.соч. С.367, 368.
[4] **Джергения С. И.** Из истории переселения абхазов в Турцию в 1877 – 1878 гг. // Проблемы истории и культуры стран Ближнего и Среднего Востока. М. 1979. С. 51.

земли, чтобы с ней лечь в могилу на чужой земле»[1]. По этому поводу, ещё в 1820 г. ген. А. П. Ермолов, говоря об Абхазии, подчеркивал на «чрезвычайную привязанность жителей здешних стран к месту рождения»[2].

И в то же время в России всегда были представители прогрессивной интеллигенции, которые с великой болью отзывались на трагическую участь народов Кавказа. «Я проезжал кладбищем мертвого народа по обезлюдевшей после переселения земле адыгов; потом мне привелось быть у абхазцев, которых наше управление, несмотря на их преданность России, бросило в объятия туркам – и там везде я видел то же, что на сей раз пришлось мне наблюдать в другом конце Кавказа», – сочувственно сообщал писатель и публицист В. И. Немирович-Данченко[3].

Как видели выше, много ценных материалов о реальной ситуации в Абхазии того страшного периода содержится в таких изданиях как «Голос», «Русский инвалид», «Кавказ», «Тифлисский вестник» и др., где нередко подвергались осуждению депортация горцев, лишение прав на возвращение их на родину, колонизация опустевших земель коренного населения Кавказа. Газ. «Современные известия» (№145, 1877 г.), выходящая в Москве, выдвигала предложение о том, чтобы высадившимся в районе Адлера абхазам дали права «колонизировать на местах бывшей их родины… дать им земли и образование», от чего «черноморский берег воскреснет». Сторонником возвращения на родину абхазов – «большей частью жертвы насилия» – был так же известный русский писатель В. Короленко, который в газете «Русский мир» от 16 сентября 1878 г. писал: «Надел абхазцев землею – это насущный вопрос для них. Прикрепленный к земле, обеспеченный материально, абхазец нелегко оставит свое родное пепелище, без борьбы не пожертвует своим трудом, а глядя на своих соотечественников, хорошо

[1] **Мачавариани К. Д.** Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум. 1913. С. 309.
[2] АКАК, Т. VI, ч. I.С.653.
[3] **Немирович-Данченко В. И.** В море. М. 1897. С.94.

обставленных материальной стороны, эмигранты – большей частью жертвы насилия, неволи и увлечения – весьма легко могут возвратиться на родину».

Против переселенческой политики выступали прогрессивные деятели Турции и других стран Ближнего Востока. Однако, как и следовало ожидать, трагические события, связанные массовой депортацией абхазов и других народов Кавказа, не стали предметом осуждения со стороны российских и турецких властей. Другого и не могло быть, ибо они являлись заинтересованными сторонами, проводившими насильственное перемещение кавказских народов в целях удовлетворения своих имперских интересов.

«Прыжок в бессмертие». Худ. Б. Р. Джопуа.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Абхазский народ – один из древнейших и многочисленных этносов Кавказа, – в XIX столетии подвергся величайшей национальной трагедии, связанной с военными событиями и депортацией подавляющего большинства населения за пределы родины.

Не выдерживает никакой критики попытка некоторых историков, военных, политиков, журналистов и публицистов обосновать мнение о «добровольном» вхождении Абхазии в состав Российской империи и «мирном» исходе абхазов в Османскую империю. Кто настаивает на этих необоснованных положениях, тот или не владеет ситуацией, или же – сознательно оправдывает колониальную политику царизма на Кавказе, закладывая теоретические основы для оказания препятствий в осуществлении вековой мечты зарубежных абхазов, – вернуться на свою историческую родину. Многочисленные письменные источники, в первую очередь, документы и материалы, составленные российскими политиками, военными и гражданскими чиновниками, свидетельствуют о насильственном характере вхождения Абхазии в состав Российской империи и активном участии абхазов в народно-освободительной борьбе горских народов Кавказа против колониальной политики царизма. Установлено, что борьба абхазов, равно как и других народов абхазо-адыгского мира, не носила ни религиозный, ни социальный характер; свободу и независимость, в целом, в одинаковой степени отстаивали, как представители разных конфессий, так и большинство феодалов и многочисленное крестьянство[1]. Колониальные интересы царизма – с одной

[1] **Панеш А. Д.** Кавказская война как сложное переплетение конкретно-исторических факторов // Кавказ на исторических переломах XIX – XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории // Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Георгия Алексеевича Дзидзария / АН Абхазии, АбИГИ им. Д. И. Гулиа. Сухум: Дом печати. 2016. С. 112.

стороны, и борьба автохтонов за свободу и независимость, за сохранение чести, жизни, этнокультурной идентичности, – с другой, стали непримиримыми, антагонистскими идеями сторон конфликта. Сам факт принуждения российскими властями абхазов «изъявить желание покориться» императору России на протяжении длительного времени, начиная с 1810 г. вплоть до окончания Русско-Турецкой войны (1877 – 1878 гг.), является ярким свидетельством острых противоречий абхазо-российских взаимоотношений и сложности интеграции Абхазии и абхазского этноса в состав Российской империи и российского общества.

Абхазский народ также противостоял и военным оккупантам Османской империи, перманентно проводившим боевые действия на территории Абхазии под видом «опеки» абхазского народа и «освобождения» Абхазии от зависимости Российской империи.

Именно целенаправленная и ожесточённая борьба абхазов и других народов Кавказа против иностранного господства, привели царскую Россию и султанскую Турцию к договоренности: общими усилиями, путём применения силы переселить абхазов, равно как и другие горские народы Кавказа, в Османскую империю. Россия стремилась к овладению опустевшей территории Кавказа, Турция – к улучшению демографической ситуации и военной мощи разваливавшейся империи. Подтверждение тому – заключение в 1856 г. российско-турецкого Соглашения о переселении кавказцев в Османскую империю, подписание соответствующих документов султаном Турции 25 февраля 1857 года и императором России – 10 мая 1862 года. Об этом же свидетельствуют неоднократные визиты российских военных чинов в Стамбул и неимоверные усилия российских политиков и дипломатов договориться с властями Оттоманской империи о количестве приёма изгнанников из Кавказа и местах их расселения на территории империи.

Массовым физическим истреблением на родине, выселением сотен тысяч абхазов в Османскую империю причинён не-

восполнимый урон генофонду, языку, традиционной культуре коренного этноса Абхазии, была нанесена неизлечимая рана в памяти грядущих поколений. Народ переживал гуманитарную катастрофу; некогда многочисленный абхазский народ оказался на грани исчезновения.

В результате опустошения большинства регионов Абхазии, страна превратилась в объект целенаправленной и массовой колонизации представителями разных народов, проживавших в Российской империи и за её пределами. Параллельно проводилась преднамеренная ассимиляторская политика по этнокультурному растворению оставшихся на родине абхазов в составе колониального населения, переросшая в конце XX в. в грузино-абхазскую войну (1992 – 1993 гг.).

По примеру царского самодержавия, грузинские меньшевистские, равно как и советские власти запретили абхазским изгнанникам и их потомкам возвращаться в Абхазию. И лишь после развала Советского Союза и восстановления государственной независимости Абхазии, открылась дорога зарубежным соотечественникам на историческую родину.

В условиях нынешней Абхазии репатриация потомков абхазских депортантов является не только гуманитарной акцией, удовлетворяющей желание людей жить на родине предков, но она также избавит их от этнокультурной ассимиляции и позволит решить ряд демографических, экономических, культурных и иных важнейших задач, стоящих перед абхазским народом и его современным государством. Без преувеличения, от положительного решения данной архиважной проблемы во многом зависит не только будущее Республики Абхазии как независимого государства, но и сама судьба абхазского этноса. Нет сомнения, что главная историческая миссия Республики Абхазия, как национального государства – забота о сохранении и возрождении абхазского народа, неоднократно подвергшегося геноциду. А это возможно только лишь в условиях единения разделенного народа, путём превращения этой идеи

в главную национальную идею абхазского народа и всего государства.

Однако объединение рассеянных по всему миру абхазов является весьма сложным процессом. Правда, в послевоенные годы в Абхазии создана определенная политико-правовая и материально-техническая база для приема и адаптации репатриантов. В частности, Парламентом Республики Абхазия приняты Закон «О репатриантах» и Постановление «Об акте депортации абхазов (абаза) в XIX веке», в котором, согласно Конвенции Генеральной Ассамблей ООН от 28 июля 1951 года, абхазы (абаза), депортированные в XIX веке, признаны беженцами, а их потомки – потомками беженцев, имеющих право возвращения на родину предков. А на основании Закона Абхазии о гражданстве, все абхазы (абаза), независимо от их места рождения и проживания, признаны гражданами Республики Абхазия. В Республике создан Фонд репатриации, функционируют соответствующие правительственные структуры. Однако грузино-абхазская война, разрушение экономической инфраструктуры страны, блокадный режим, резко затормозили процесс репатриации абхазов.

Успешное решение данной проблемы сегодня во многом зависит от активной деятельности Правительства страны, всех без исключения политических партий, общественных организаций, всего абхазского общества. Выработка научно обоснованной, политически выверенной и долгосрочной программы, подразумевающей комплекс социально-экономических, образовательных, морально-психологических, информационных и иных мер, наряду с практическими действиями, способны ускорить процесс репатриации.

Вместе с тем, кардинальное решение данной проблемы возможно только лишь при активной поддержке Российской Федерации, как стратегического партнёра Республики Абхазия, как правопреемницы Российской империи и Союза ССР, Турецкой Республики – правопреемницы Османской империи,

где проживает подавляющее большинство абхазской диаспоры, и, конечно же, при помощи международных организаций, в первую очередь, Управления Верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ) при ООН.

Вселяет надежду новый подход руководства Российской Федерации к этой общечеловеческой проблеме. Новая Россия, взявшая курс на строительство демократического, правового государства, признает справедливость борьбы народов Кавказа за свободу и независимость в Русско-Кавказской войне XIX в. и необходимость решения проблем, возникших в результате этой войны. Пример тому – Обращение первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 18 мая 1994 года «К народам Кавказа в связи со 130-летием окончания Кавказской войны», где сказано: «Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны и, в частности, возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путём переговоров с участием всех заинтересованных сторон». Продолжением этого курса является принятие ряда документов в поддержку диаспоры, и, конечно же, сам факт репатриации в 1998 г. одной из групп адыгов из Косово в Республику Адыгея и возвращение представителей части адыгов из Сирии на историческую родину.

Качественно новые межгосударственные абхазо-российские отношения, установленные после признания Российской Федерацией государственной независимости Республики Абхазия (26 августа 2008 г.), дают основание надеяться на сближение позиций правительств наших дружественных стран и принятие совместных мер по вопросу положительного решения репатриации соотечественников Абхазии и России.

Что касается вовлечения УВКБ в процесс репатриации потомков абхазских беженцев XIX века, то для этого необходимо проведение глубоко продуманной информационно-пропагандистской работы, проведение международных научных

Представители абхазо-адыгской диаспоры отмечают очередную годовщину у памятника массовой гибели горцев Кавказа XIX века. 21 мая 2015 г., пос. Кефкен, г. Коджаелы, Турция.Фото Д. Д. Инджгия.

конференций по данной проблематике в целях преодоления двойных стандартов, практикуемых в современной международной жизни. Большая работа предстоит по изоляции грузинского лживого дипломатического лобби в международных структурах, всячески препятствующего, с одной стороны, возвращению потомков абхазских беженцев на историческую родину и, с другой – настаивающего на массовое возвращение в Абхазию т.н. грузинских беженцев, принявших активное участие в геноциде абхазского народа и в попытке ликвидации Абхазского государства.

Вместе с тем, сегодня вновь, как это было в XIX и XX столетиях, продолжается чрезмерная политизация проблемы репатриации абхазов, равно как и адыгов и других разделенных народов Кавказа. Более того, активизировались политические силы разных стран, стремящиеся использовать факты массовой гибели и депортации коренных народов Кавказа в XIX веке, в качестве повода для разжигания новых войн на Кавказе. В частности, отдельные страны Запада, спекулируя на трагических событиях XIX века, используя межнациональные и межгосударственные разногласия и конфликты, пытаются стравить Кавказ с Россией. В этом аспекте весьма негативную роль играет антикавказская политика правительства Грузии, направленная на превращение занимаемой ею территории в международный военно-политический, информационно-идеологический плацдарм по разжиганию новых конфликтов и разрушению хрупкого мира на Кавказе. Очевидно, что принятый Парламентом Грузии 20 мая 2011 г. Акт о признании геноцида черкесов не направлен на решение главной проблемы абхазо-адыгских народов – возвращение и объединение на исторической Родине потомков депортантов XIX века. На самом деле, грузинские власти, путём изображения себя «истинными» друзьями и опекунами черкесов, пытаются, во-первых, «очернить» современную Россию за деяния полуторавековой давности, совершенные царизмом, во-вторых, дестабилизиро-

вать политическую ситуацию на Северном Кавказе, и в третьих, – рассорив абхазов с адыгами и Российской Федерацией в целом, восстановить пресловутую территориальную целостность Грузии сталинского образца.

Следует подчеркнуть что, несмотря на тяжелейшие лишения, выпавшие на долю абхазского народа по вине царизма в XIX в. и последующие периоды, абхазы, как и другие горские народы Кавказа, никогда не выражали протест непосредственно русскому народу, который на себе испытал все ужасы и страдания, причиненные царизмом при осуществлении имперской политики на Кавказе. Безусловно, правы те авторы, которые призывают историков и не историков, при освещении этих сложных страниц прошлого, соблюдать политкорректность и объективность, отказаться от формулировок, оскорбляющих национальное достоинство любого народа[1].

Для достижения этой задачи, необходимо не отожествлять Российскую империю с Российской Федерацией, а царизм и его жестоких генералов с современным правительством России и русским народом. Именно отмежевание истинных интересов русского народа от захватнической политики царизма на Кавказе, может стать отправной точкой для объективной трактовки трагической истории XIX столетия, принятии верных решений для усовершенствования равноправных, добрососедских абхазо-российских и, в целом, кавказско-российских отношений.

Нет сомнения, что при изучении, подготовке оценок, сложных вопросов исторического прошлого, особенно самого острого и болезненного для горских народов Кавказа – войны и массовой депортации в XIX веке, не следует впадать под влияние различных идеологических и политических «проектов», спекулирующих происходившими в прошлом трагическими событиями для извлечения политических дивидендов. На пути

[1] **Гапуров Ш. А., Бугаев А. М., Магомаев В. Х., Черноус В. В.** Цивилизационная роль России на Северном Кавказе (на примере российско-чеченских отношений). Журн. Научная мысль Кавказа. №2, 2016. – Ростов-на-Дону. 2016. С. 6.

установления истины, в первую очередь, необходимо руководствоваться первоисточниками. При этом, сближение позиций при исследовании этих сложнейших проблем, по верному выражению проф. М. Э. Далгат, возможно «не с помощью взаимных договоров и усилий, а в объективном (в мере доступности истины) их освещении»[1]. Выявление истины, открытый, прямой диалог между оппонентами относительно исторических событий и фактов, какими бы они острыми не были, непременно будут способствовать установлению эффективного межнационального согласия, защите уникального этнокультурного пространства на Кавказе, утверждению стабильного мира в регионе.

Верно сказано: «Историю не следует перевирать – у истории надо учиться».

На набережной махаджиров в Сухуме, 21 мая 2017 г.
Фото Н. Д. Куджба.

[1] Круглый стол. «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе». (Ростов-на-Дону, апрель. 2007 г. Публикацию подготовил **В. В. Черноус.** Ж. Научная мысль Кавказа, №2, 2007 г. – Ростов-на-Дону. 2007. С. 59

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА К НАРОДАМ КАВКАЗА В СВЯЗИ СО 130-ЛЕТИЕМ ОКОНЧАНИЯ КАВ КАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Уважаемые сограждане!

События более чем вековой давности возвращают нас к далеким годам, когда в борьбе за Кавказ столкнулись интересы Российской империи, Великобритании, Ирана и Турции. Все эти государства несут свою долю моральной ответственности за многострадальную судьбу горских народов.

Эхо Кавказской войны, которой были принесены большие человеческие жертвы материальные потери, до сих пор болью отзывается в сердцах многих россиян. Пусть земля будет пухом тем, кто пал на поле боя, потерял жизнь от жестокости войны, и тем, кто, будучи вынужденным покинуть Отчизну, умер на чужбине, испытав горечь утраты родины. Пусть память о тех давних трагических событиях хранится в сердцах потомков и служит всем нам предостережением от новых трагедий.

В разные периоды истории, в зависимости от политической обстановки, Кавказская война 20 – 60-х годов XIX века оценивалась и освещалась по-разному. В настоящее время, когда Россий строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческой ценности, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной

борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера.

Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны и, в частности, возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путём переговоров с участием всех заинтересованных сторон.

Дорогие соотечественники!

В нашем сознании Россия и Кавказ стали неразрывно связанными понятиями, одно невозможно представить без другого. В Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, поставлен памятник Марии Темрюковне, на котором высечены слова: «Навеки с Россией». Эти слова святы и дороги каждому россиянину.

Уверен, что сплоченность в построении демократического государства, общественное и межнациональное согласие, гражданский мир являлись бы верной порукой тому, что мечты лучших представителей России и Кавказа о благополучии и процветании народов, населяющих нашу страну, станут реальностью.

Б.Н. Ельцин.

Москва
18 мая 1994 г.

https://www.kommersant.ru/doc/1978317

ПОСТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ – ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ «ОБ АКТЕ ДЕПОРТАЦИИ АБХАЗОВ (АБАЗА) В XIX ВЕКЕ»

Колониальная политика Российской империи в годы Русско-Кавказской войны (1817 – 1864 гг.) и в последующие периоды нанесла абхазскому (абаза) народу, его генофонду непоправимый урон. За участие в борьбе за свободу и независимость своей страны часть этноса была физически истреблена, 80% из уцелевших, было изгнано в Османскую империю.

В результате войны, неоднократных карательных мер, изгнания абхазов (абаза) из исторической Родины полностью была опустошена Северо-Западная и Центральная Абхазия, исчезли жившие там этнографические группы и территориальные общины садзов, ахчипсуйцев, айбговцев, цвиджев, псхувцев, гумцев, цебельдинцев, дальцев и др., а также близкорственные абхазам (абаза) убыхи, населявшие территорию между реками Хоста и Шахе, большинство абазин (абаза), живших на Северном Кавказе. В Абхазии лишь в виде отдельных этнических анклавов остались бзыбцы, абжуйцы и самурзаканцы, на Северном Кавказе – тапанта и ашхаруа. Депортированные в XIX в. более 300 тысяч абхазов (абаза), по современному международному праву считаются беженцами.

Неисчислимые бедствия и страдания постигли депортированное население – десятки тысяч людей стали жертвами голода, холода и эпидемий. Царизм изгнанных абхазов (абаза) необоснованно обвинил в «предательстве». Им было отказано в возвращении на родину. Тысячи абхазов, преодолевшие неимоверные трудности, добирались из Турции к берегам Абхазии, однако местная администрация их отправляла обратно. Абхазы же, оставшейся в Абхазии, были объявлены «виновным» и

«временным» населением страны. Их лишили права селиться в Центральной и Прибрежной Абхазии, и за малейшее антиправительственное выступление им грозила опасность поголовной ссылки.

Правда, российские власти в 1907 году сняли с абхазов оскорблявшие их национальное достоинство ярлык «виновного» и статус «временного» населения, однако ни царизм, ни меньшевистский режим Грузинской Демократической Республики (1918 – 1921 гг.), ни власти Советской Грузии, ни правительство СССР, не решали проблему репатриации абхазов – многочисленные индивидуальные и коллективные обращения представителей абхазской (абаза) диаспоры в адрес правительства вышеназванных государств на предмет их возвращения на историческую родину, как правило, оставались без внимания. Власти Грузии и их покровители в Кремле в то время осуществляли целенаправленные комплексные меры по массовому переселению в Абхазию грузин из Грузии и ассимиляции оставшихся на своей исторической родине абхазов.

На сегодняшний день ждут соответствующего решения от правительства Республики Абхазия более 4 тыс. заявителей абхазской диаспоры на предмет возвращения на историческую родину для сохранения родного языка, национальной культуры, традиции и в целом этнического самосознания.

Давая историческую и политико-правовую оценку роковым для абхазского (абаза) народа событиям XIX века, Народное Собрание Республики Абхазия постановляет:

1. Признать массовое истребление и изгнание абхазов (абаза) в XIX веке в Османскую империю геноцидом – тягчайшим преступлением против человечества.

2. Признать согласно Конвенции Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 1951 года депортированных абхазов (абаза) в XIX веке – беженцами.

3. Признать незыблемым право добровольного и беспрепятственного возвращения потомков депортированных в XIX веке абхазов (абаза) на историческую родину.

4. Обратиться в ООН, ОБСЕ, СНГ, другие международные организаций, Российскую Федерацию как правопреемницы Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик, с просьбой об оказании необходимой, политической, материальной и гуманитарной помощи процессу добровольной беспрепятственной репатриации и интеграции потомком депортированных в XIX веке абхазов (абаза).

5. Поручить Комитету по законодательству и Комиссии по межпарламентским связям и связям с соотечественниками Народного Собрания разработать проекты законодательных актов о планомерной репатриации абхазов (абаза).

6. Предложить Президенту и Кабинету Министров Республики Абхазия при определении и реализации основных направлений внутренней и внешней политики страны, учитывая государственную важность репатриации потомков абхазских беженцев XIX века, принять комплексную программу по репатриации и абсорбции зарубежных абхазов (абаза).

7. Обратиться ко всем республиканским и местным органам государственного управления, политическим партиям, общественным организациям, хозяйственным и коммерческим структурам оказать необходимую политическую, морально-психологическую и материальную помощь процессу репатриации абхазов (абаза).

8. Постановление опубликовать в прессе, передать по радио и телевидению.

Спикер Народного Собрания –
Парламента Республики Абхазия С. Джинджолия

г. Сухум
15 октября 1997 года
№362 – с – XIII

https://www.justikceforthcaucasus.com/jfnc_message_boards/russian.php?entry_id=1292370522

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«О ПРИЗНАНИИ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ»

1. Учитывая волеизъявление абхазского народа, признать Республику Абхазия в качестве суверенного и независимого государства.

2. Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с Абхазской Стороной переговоры об установлении дипломатических отношений и достигнутую договоренность оформить соответствующими документами.

3. Поручить Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти переговоры с Абхазской Стороной о подготовке проекта договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и представить в установленном порядке предложение о его подписании.

4. В связи с обращением Президента Республики Абхазия Министерству обороны Российской Федерации обеспечить до заключения договора, упомянутого в пункте 3 настоящего Указа, осуществление Вооруженными Силами Российской Федерации на территории Республики Абхазия функций по поддержанию мира».

Д. Медведев,
Президент Российской Федерации
26 августа 2008 г.

Газ. «Республика Абхазия»,
№96, 28-29 августа 2008 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ
РЕПАТРИАЦИИ АБХАЗО-АБАЗИНСКОГО (АБАЗА) НАРОДА».
(Сухум, 1 – 2 ноября 2017 г.)

– Соблюдая Конституцию и законы Республики Абхазия;

– признавая достижения народа Абхазии в восстановлении и развитии независимого, демократического и правового государства;

– основываясь на Постановление Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия «Об акте депортации абхазов (абаза) в XIXвеке» от 15 октября 1997 г., Закона Республики Абхазия «О репатриации»;

– принимая во внимание, что Абхазия – исконное место проживания абхазского этноса, большинство которого в результате трагических событий XIX столетия рассеяны по всему миру;

– признавая право разделенного абхазского (абаза) народа на объединение;

– принимая во внимание, что абхазские беженцы были незаконно и насильственно лишены совей собственности и имущества, подчеркивая необходимость соблюдения имущественных прав за их потомками;

– учитывая, что репатриация потомков абхазских (абаза) беженцев XIX века является важнейшим условием сохранения национально-культурной идентичности и самобытности абхазского (абаза) народа;

– сознавая необходимость поддержки дальнейших усилий руководства Республики Абхазия, направленных на организацию эффективного регулирования процесса репатриации потомков абхазских (абаза) беженцев на Родину;

– отмечая важность законодательства Республики Абхазия о запрещении продажи недвижимости иностранным гражданам, и выражая поддержку деятельности руководства Республики Абхазия по его неуклонному соблюдению;

– приветствуя поддержку и реальную помощь в репатриации абхазов на Родину и восстановления исторической справедливости со стороны Российской Федерации;

– подтверждая, что репатриация не должна ущемлять или затрагивать законные интересы и права этнических групп, проживающих в Абхазии;

– выражая обеспокоенность проявляющимися в последние годы попытки искажения причин и характера исхода подавляющего большинства абхазского народа из Абхазии в XIX веке;

– проявляя озабоченность тем, что среди некоторой части населения Республики Абхазия проявляется непонимание смысла и значимости репатриации для будущего абхазского народа и абхазского государства;

– подчеркивая, что с репатриантами необходимо обращаться с уважением их достоинства и полным соблюдение их прав, и в этой связи настоятельно призывая все государственные органы Республики Абхазия, неукоснительно выполнять законы Республики Абхазия и свои обязательства по международному праву, в том числе вытекающие из применимых международных прав в области прав человека;

– призывая, что права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны;

– будучи глубоко встревоженными определенными проявлениями религиозной нетерпимости, традиционно не свойственной абхазскому обществу;

– подтверждая, что дискриминация по признаку религии или убеждений представляет собой нарушение Конституции и законодательства Республики Абхазия, прав человека и отрицание принципов Устава ООН;

– участники первой Международной общенациональной научно-практической конференции «Проблемы репатриации

абхазо-абазинского (абаза) народа» считает важным и необходимым:

1. Повышение статуса Государственного комитета Республики Абхазия по репатриации до министерства, а министра – до вице-премьера Республики Абхазия.

2. Создание объединенной Комиссии (Абхазия – Диаспора) с привлечением ученых специалистов по выработке Стратегии и Дорожной карты репатриации до 2030 г. (в течение 6 мес.).

3. Создание совместной Комиссии (Абхазия – Диаспора) творческих научно-комплексных групп по исследованию социального, экономического, духовного и этнокультурного состояния Абхазии и Диаспоры.

4. Мировые религии внесли ценный вклад в абхазский духовный и культурный мир. Во имя будущего абхазского народа недопустимо в Республике Абхазия возвышения одной религии в ущерб другой.

5. Подготовить к изданию на абхазском, русском, турецком, арабском и английском языках очерк истории абхазского (абаза) народа XIX – начало XXI вв.

6. Принятием соответствующего закона зарезервировать в каждом районе Республики Абхазия земли для репатриантов.

7. Ввести в старших классах школ и ВУЗах Республики Абхазия спецкурс по истории депортации абхазов (абаза) и значение репатриации.

8. Обратиться в Народное Собрание – Парламент Республики Абхазия ввести уголовную ответственность за публичное отрицание исторического факта насильственного изгнания абхазов (абаза) в XIX веке.

9. Обращаться в Министерство иностранных дел Республики Абхазия с просьбой подготовить и представить в Управление Верховного Комиссариата по делам беженцев при ООН соответствующие документы о признании абхазских изгнанников XIX века беженцами.

10. На основание Конституции Республики Абхазия и закона Республики Абхазия «О государственном языке» оказать

всемерное содействие органам власти Республики Абхазия, государственным и общественным организациям, СМИ в их деятельности по превращению абхазского языка в средство межнационального общения в Республике Абхазия, как одного из важнейших механизмов возрождения единого абхазоязычного социокультурного пространства.

11. В целях научного сопровождения процесса репатриации превратить общенациональную научно-практическую конференцию «Проблемы репатриации абхаз-абазинского (абаза) народа» в ежегодный научный форум; следующую общенациональную научно-практическую конференцию провести 25 – 26 октября 2018 г.

Принято 2 ноября 2017 г.
в г. Сухум, Республика Абхазия.

https://www.apsadgyl.com/single-post/2017/12/01%D0%A0%D0%95%D0%97%D0%9E%D0%9B%D0%AE%D0%A6%D0%98%D0%AF-%D0%9

СПИСОК
УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АбГИЗ – Абхазское государственное издательство
АбИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований
АбГМ – Абхазский государственный музей
АбНИИ – Абхазский научно-исследовательский институт
АбИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории
АВПР – Архив внешней политики России
АГУ – Абхазский государственный университет
АКАК – Акты, собранные Кавказскою археграфическоюкомиссиею (Тифлис)
АН – Академия наук
АНА – Академия наук Абхазии
ВУА – Военно-ученый архив
ЗКОРГО – Записки Кавказского отдела Русского географического общества (Тифлис)
ИКОРГО – Известия Кавказского отдела Русского географического общества (Тифлис)
КЭС – Кавказский этнографический сборник
ЛОААН – Ленинградское отделение Архива АН СССР
МВД – Министерство внутренних дел
МИД – Министерство иностранных дел
МО – Министерство обороны
НИИ – Научно-исследовательский институт
ООН – Организация Объединенных Наций
ООО – Общество ограниченной ответственности
РА – Республика Абхазия
РГИА – Российский государственный исторический архив
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СПб – Санкт-Петербург

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис)

ССР – Советская Социалистическая Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США – Соединенные Штаты Америки

СЭ – Советская этнография

УВКБ – Управление Верховного Комиссара по делам беженцев

ЦГАА – Центральный государственный архив Абхазии (Сухум)

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Ленинград)

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии (Тбилиси)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдул Гамид II 245, 256
Абрамов Я. В. 137,155,157
Авалиани С. Л. 33,53
Аверкиев И. 4,16,46,147
Авидзба А. Ф. 15,66,79,168
Авидзба В. В. 34
Авидзба В.Ш. 280
Авидзба Нина 305
Агарков 71,78
Агуажба (Гожба) Р. Х. 16,17,34,96,162,289,309
Ажиба Р. А. 144
Айвазовский И. К. 106
Александр I 53,56,66 – 68,72,79,85,87,262
Александр II 114,115,126,127,130,183,189,192,195,220
Али-паша 190
Альбов А. Н. 15
Алхазов (Алхазишвили) Я. К. 228,247,250,271,278
Андреев И. Л. 41
Анреп И. Р. 108
Анчабадзе (Ачба) Дата 263
Анчабадзе З. В. 7, 16,17,19,23,32,37,47
Анчабадзе Мажара 272
Анчабадзе Тамара 307
Анчабадзе Ю. Д. 34
Аракин П. И. 264,272,279,283,288,306
Аргун Ю. Г. 17,48
Ардзинба В. Г. 18
Арканджело Ламберти 38
Ахвледиани Д. 270
Ачба Чич (Екатерина) 268
Ачугба Т. А. 2,16,96,159,219

Аш 22
Ашхацава С. М. 16,34
Бабич П. Д. 132,134,252,254
Багапш С. В. 8
Багратиони-Дадиани Нина 62-64,67
Багратиони Вахушти 22
Бакрадзе Д. 16
Барциц М. М. 34
Барятинский А. И. 125-127,131,134,139
Басария С. П. 7,16,173,176,215,216,288
Бгажба О. Х. 17,
Бгажба Х. С. 26
Бгажноков Б. Х. 37
Белоусов И. 279
Берже А. П. 5,14,26,27,35,47,112,127,131,137,140,153,158,
160,165,166,288
Берзек Дагомуко (Адагуа-ипа) 87,98,105,141
Берзек Керантух 108,141,225
Бестужев-Марлинский А. А. 98
Бигуаа В. А. 36
Блиев М. М. 52,75,117
Боденштедт Ф. 14,118
Броневский С. М. 4,14,22,23,32,44,54,74
Бугаев А. М. 21
Будберг А. И. 61,109
Будберг А. Я. 57,104
Буткевич Н. 310
Бэрзэдж У. Н. 129,167,225,230,256,288
Васильков Ф. 35
Введенский А. Н. 4.15.16,31,221,239,240,272,275
Венюков М. И. 5,137,138
Верещагин А. В. 15
Витте С. Ю. 218
Власов 123

Волховский М. А. 49,50,51,98,122
Воронов Н. И. 222
Воронцов М. С. 11,128
Габелия Л. С. 12
Габелия С. М. 269
Габлия Х. Х. 218
Гавриил (Кикодзе) 200
Гази-Мухаммед (Магаммед) 75,225
Гамзат-бек 75
Гапуров Ш. А.50,321
Гарданов В. К. 37
Гегия Иоанн 268
Гейман В. А. 140, 141,142,145,173,188,195,215,221
Гелашвили Г. 22
Георгий Победоносец 36
Гессе 95, 96
Гечба М. 12
Гечба Решид 142,270
Гладкий Н. 45
Головин Е. А. 9, 101,104,105,107
Голяховский 237
Гордин Я. А. 9,50,123,124
Горец 161,273,287,289
Горчаков М. Д. 83,85 – 91
Граббе П. Х.109,145,147
Грузинский П. Н. 191
Греве А. И. 303
Гудович И. В. 60,61,65,67
Гулиа Д. И. 195,293
Гуниа Ч. Х. 33
Гусейн-паша 228
Гюльденштедт И.А. 22,23
Давид [Багратиони] 53
Дадиани Григорий 61

Дадиани Леван 55,57,66,67,68,77,79
Дадиани Н. Г. 66,67,79,81,85
Дадиани Тамара 29,79,82,84,85,87,88
Далгат М. Э. 322
Дамения О. Н. 34
Данкевич-Пучина Н.А. 14
Дева Мария 36
Дегоев В. В. 5,75
Джаджаа Г. 12
Джанашия С. Н. 132,168,169
Джапаридзе О. М.19
Джапуа Исмаил 100
Джергения (Дзуг-ипа) Игнатий 279
Джергения С. И. 310
Джинджолия С. Р. 328
Джопуа Б. Р. 12,76,92,274
Джифорд Пальгрев 219
Джомидава Н. 25
Дзидзария (Дзария) Алексей 276
Дзидзария Г. А. 7, 14-16, 23, 26-32, 38-41, 46, 57, 58,64, 65, 69, 70, 73, 78, 82, 86, 89, 93, 98,99, 103-107, 109, 110, 113, 114, 119-121, 126-129, 132, 134-136, 149, 151-153, 156, 157, 159-166,, 168,169,174-176, 180, 181, 182, 185,186, 190, 192, 194, 199, 204, 211,-214, 216-219, 224,226,238,239,244, 245, 249, 261, 263, 266, 267, 270, 272, 275, 276, 277,280,282,287,288,302,308-310
Дзидзария Г. Г. 121
Дзяпш-ипа Заурбек 263
Дзиапш-ипа Учан 185
Дове 250
Додт 70, 71
Драйзер Т. 3
Друг А. 280
Дроздов И. 5, 51, 156-158
Дубровин Н. Ф. 4

Дунаевская И.М. 18
Духовский С. 4,15,142
Дьяконов И. М. 18
Дьячков-Тарасов А. Н. 15, 26, 96, 100, 164, 232, 280
ЕвдокимовН.И.11,125,127,128,135,137,139,141,144,162,166
Екатерина II 52
Епифанцев А. 8,9
Ельцин Б. Н. 308,323,324
Ермишков 83
Ермолов А. П. 81, 82, 87, 89,91,122,128, 310
Есадзе 126
Ефремов 31
Жан Франсуа Гамба 14, 22, 23, 25
Завадский Ф. 4, 16, 33
Закхинг Отто 284
Затулин К. Ф. 8
Званба 251
Званба С.Т. 14, 26, 27- 29
Зиссерман А. Л. 152, 270
Зыков 244,277
Ибрагмбейли Х. М. 113
Иван Грозный 49
Иванов В. В. 18
Игнатьев Н. П. 45, 163 181, 190, 217, 220, 256
И.И. де Треверсе 69
Инал-ипа Виссарион 263
Инал-ипа Константин 267
Инал-ипа Ш. Д. 7, 16,17, 19, 22-24, 26, 28, 30, 31, 36, 39, 40
Инал-ипа Федоруко 95
Инджгия Д.Д. 317
Иоакимов Л. 16
Иона 200
Иоселиани Иоанн 64,67
Ираклий II 53

Кавшвбая Л. Л. 34
Казбек Г. 285
Какабадзе С. 29
Калги Ханашв 186
Калоев Б. А. 37
Камкия Б. А. 34
Камкия Ф. Г. 34
Карганов 119,179
Карлгоф Н. И. 114
Кармов Р. К. 144
Карпат К. 288
Карпов Ю.Ю. 37,
Карцов (Карцев) А. П. 140, 163, 169, 181, 185, 190, 217,225,
Каспари А. А. 51
Касумов А. Х. 166
Качарава Ю. 261
Керепов Б. М. 18, 20
Кварчия В. Е. 26
Квициния М. Б. 37
Кецба Ф. 276
Кецба Х. 276
Киквидзе А. 261
Китасба (Маршан) Камчич 159
Ковалевский Евгений 14, 47, 71
Комаров В. М. 304
Конрадини И. И. 69
Коньяр В. М. 174, 176, 177
Корганов 119,179
Короленко В. 311
Косвен М. О. 37, 41
Кох К. 14,39
Кравченко П. П. 115, 228, 231-235, 237-239, 242, 247, 248,257,258,264
Кразана [Мчедлишвили Л.] 289, 291

Крылов А. Б. 35
Куджба Н.Д. 321
Куджба Хусейн 272
Кудрявцев К. Д. 7, 16, 93, 287
Кукучал-ипа 185
Кумахов М.А. 20
Куртановский 81
Кундухов Муса 225
Куправа А. Э. 15, 37, 66, 79, 121,168,180
Кучинский Н. 246, 252,253
Лавров Л. И. 23, 29, 51, 139, 141, 147
Лаговский А. Е. 273, 296
Ладария Н. 236, 263, 267, 285,286
Лакоба Мачагуа 276
Лакоба С. З. 7, 17, 33, 62, 63, 64, 67, 79, 255, 265,276
Лакоба Урус 87
Лакрба М. 310
Лакрба Х. О. 229, 230, 267, 268
Лакырба Хит 95
Лапинский Т. 37
Лебединец Г. 231,238
Лисовский 104
Лобанов-Ростовский А. Б. 132, 163
Лорис-Меликов (Меликян). М. Т. 117, 118, 132, 303,304
Ломтатидзе К. В. 23
Маан (Маргания) Камлат 230
Маан Кац 88
Маан О. В. 2,17
Маан (Маргания) Кызылбек 185
Маан (Маргания) Татласхан (Давид) 263
Магомет-Эмин 111, 225
Магомедов В. Х. 321
Магомедов Р. М. 37
Мамакаев М. А. 37

Марачевский 88
Маргания (Маан) Алхыстан 276
Маргания (Маан) Константин 276
Маргания (Маан) Тагу 275
Маргания (Маан) Титу 226
Маргания (Маан) Хрипс 228, 276
Марковин 152
Марр Н. Я. 288
Мартинес Ф. 284
Марпшан А. 12
Маршан Алибей 263
Маршан Алмахсит (Михаил) 221, 232, 263
Маршан Кизилбек 263
Маршан Рабия-ханым 61
Маршан Саралоп 93
Маршания (Маршан) Дуг 272
Махмуд-паша 231
Мачавариани Д. 16, 46, 243, 285
Мачавариани К. Д. 5, 16, 35, 177, 183,227, 228, 230-235, 237, 240, 242, 250, 252-254, 257, 258, 345, 268,270,284, 307
Мгалоблишвили Л. Г. 14, 22
Мегрелидзе Ш. В. 231, 267, 308
Медведев Д. А. 330
Меликишвили Г. А. 33, 37
Меликов (Меликян) 276
Меретуков М. А. 37
Месхи С. 16, 220, 285, 287,291
Микаберидзе В. 270
Микеладзе С. Д. 248, 278
Милютин Д. А. 26, 123,124, 127, 168, 172, 184, 208,239
Михайловский-Данилевский А. И. 69
Михин 84, 88
Могилянский 83
Морган Л. Г. 41

Мошнин А. Н. 158, 159, 161, 163, 179, 202, 203, 216,219
Муравьев (Амурский) Н. Н. 105,107-109
Муравьев (Карский) Н. Н. 113, 114
Муханов В. М. 49-51, 98, 99, 103, 109, 116, 122, 128, 132, 135, 139
Мухуртов 252
Наполеон 65
Надеждин П. 5,131
Нарочницкая Л. И. 256
Невский П. 5,146
Несвятаев П. 60
Немирович-Данченко В. И. 15, 36, 287, 211
Нижарадзе 250
Новиков Е. А. 158, 162, 293
Николай I 114,214
Нисченков А. 16, 127
Оклобджио И. Д. 228, 245
Олонецкий А. А. 16
Ольшевский М. 156
Омар-паша 113
Орбели И. М. 18
Орбелиани Г. З. 11, 134, 135, 138
Орбелиани Д. 70
Осман-бей 102
Пайчадзе Г. 67
Панеш А. Д. 313
Панкратьев 94
Пантюхов И. 4, 16, 144, 145, 147, 149, 153,154
Пасхалов Я. 16
Паскевич И. В. 91, 94,96-98
Пацовский 96
Пачулиа В. М. 2
Пейсонель М. 22
Пестель П. И. 124

Петр I 49,50
Петровский Н. 152
Пехлеван-паша 80
Пилия Мсоуст 185
Пилия Хасан 263 268
Покровский М. Н. 153
Половинкина Т. В. 149
Попов Э. А. 8
Потто В. А. 5, 16,81,82,90,234,249,252,254
Потёмкин П. С. 51
Пшеноков В.А. 44
Раевский Н. Н. 26
Р.де Скасси 40, 44
Робакидзе А. И. 32, 37
Розен Г. В. 83, 98, 100, 101
Романов М. Н. 138,141,144,147,151,146,168,164,168, 172,
180,181,184,193,204,208,293,297,298,304,313,230,239
Ртищев Н. Ф. 79,80
Рыкгофом И. И. 60, 63,65,66
Сакания С. М. 12
Салакая С. Ш. 3,15,17, 66,79,168,186,190,192,193,217
Святополк-Мирский Д. И. 145,149,151,169,172,177,
180-185,193, 239, 247, 248, 262,266,271
Сеид-Сулейман-паша 80
Селезнев М. 4, 14
Селим-паша 112
Селим III 60
Селим-паша 112
Семенов Ю. И. 161,287
Серебряков Л. М. 32,
Смирнов Н. А. 161,287
Спенсер О. 14, 39
Сталь 81
Станевский Ф. И. 8
Старосельский Д. С. 40, 173,180,181,195, 203, 213, 215,219

Сулейман-паша 80
Султан Девлет-Гирей 287
Сургуладзе А. 261
Талейран 57
Тамерлан 20
Таяр-паша 58, 60
Тейлор Э. Б. 41
Тихомиров Л. А. 155
Толстой М. 177 193, 196, 201, 203, 204, 213, 214, 217
Тормасов А. П. 67, 69, 72, 74
Торнау Ф. Ф. 14, 23, 26, 28, 45, 46,100,128
Тотоев М. С. 166
Тхайцухов М. С. 23
Тюменцев И. О. 51-54, 122
Уварова П. С. 154
Услар П.К. 14, 26
Фадеев А. В. 7, 16, 26, 30, 33, 37, 39, 61, 73, 82, 100, 101
Фадеев Р. А. 4, 15, 49, 116, 118, 127, 131, 133, 136-140,151, 152, 195
Фезли-паша 241
Фелицын Е. Д. 5, 22, 137, 255
Феодор Иванович 49
Филипсон Г. И. 15, 26, 115, 117, 118, 125,132
Фредерик Дюбуа де Монперэ 14, 71
Фонвилль А. 154, 157, 159
Фон-Дервиз Н. В. 33
Хагба Л. Р. 37
Хан-Гирей 22
Хафисова М. Г. 141
Хашаев Х.-М. 37
Хашба М. Л. 280
Хашиг Н. Ч. 36
Хиба М. 276
Хикуба Даут 268
Хрулёв С. А. 45

Хрущев Н. С. 6
Цанба Эридбей 248
Цвижба Л. И. 45, 107
Церетели Г. Е. 16, 242-244, 279, 287, 279
Цулукидзе 251, 271
Цушба И. Ш. 17
Чанба Р. К. 28, 31
Чарая П. Г. 16, 38, 221, 288
Чачба Александр 263
Чачба Александр Манчович 77
Чачба Александр Георгиевич 174
Чачба Асланбей 63-66, 68, 69, 72, 79, 84-86, 88-90, 92,120
Чачба Баталбей 66, 84
Чачба Бежан 64
Чачба Гаснабей 83, 96, 97
Чачба Георгий Михайлович 30, 174,175,309
Чачба Дмитрий (Омарбей) 85-87
Чачба Дмитрий Манчович 77
Чачба Келешбей 24, 54-57, 59-64
Чачба Кучукбей 65
Чачба Леван 58 59
Чачба Манучар (Манча) 57, 65, 77
Чачба Мехмедбей 57
Чачба (Шервашидзе) Михаил (Хамутбей) 68, 87, 88, 93, 95, 98, 104, 105, 108, 109, 111-115, 141, 171
Чачба Ростомбей 84
Чачба (Шервашидзе) Сафарбей (Георгий) 29, 63-68, 70, 72, 78,79, 81, 83, 121
Чачба Тайрбей 84, 95
Чачба Хасан 230
Чачхалиа Д. К. 14, 118
Черепов А. П. 30, 31, 183
Чернецов Н. Г. 102
Черноус В. В. 50, 321,322

Чернышев А. И. 104, 108
Чернышев К. 4, 34-36
Чибиров Л. А. 36
Чикобава А. С. 19
Чирикба В. А. 155
Читашева Р. Г. 36
Чичинадзе З. 44, 121
Чкония А. 38
Шакирбай Г. З. 26
Шакрыл Науриз 185
Шамба Осман 174
Шамба С. М. 8
Шамиль 6, 7, 75, 109, 111, 112, 124, 225
Шатилов П. Н. 120, 145-147, 151, 171
Шевкет-паша 245, 251, 268
Шейх Мансур 52
Шелковников Б. М. 227, 252, 253, 264, 267, 268
Шенгелия Н. Н. 24
Шервашидзе (Чачба) Г. А. 63
Щастливов П. 268
Эвлия Челеби 24, 27, 44
Экзеков М.Х. 124
Эмин Мехлис-паша 161
Эммануил Осипович дюка де-Ришелье 59, 61, 68, 74
Эмухвари (Эмхаа) Бату 226
Эмхуар Куджмахан 263
Энсгольм Е. И. 44
Эристов Г. Р. 117
Эсадзе С. 5, 34, 126, 131
Эшба Зосхан 272
Юнус Ахмед 217
Языков 69
Яцкевич В. А. 249, 250

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....3
ВВЕДЕНИЕ.....13
ГЛАВА I. ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АБХАЗСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 18
Из этнической истории абхазов.....18
Абхазы и территория их расселения в I пол. XIX в.....21
Из социальной структуры.....28
Из этностатистики Абхазии.....44
ГЛАВА II. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕПОРТАЦИИ АБХАЗОВ..........49
Вхождение Абхазского княжества в состав Российской империи..... 49
Абхазия в эпицентре сопротивления горцев Кавказа.....75
ГЛАВА III. ОКОНЧАНИЕ РУССКО-КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И ИЗГНАНИЕ ГОРЦЕВ.....121
Из истории выселения абазин, адыгов и убыхов.....121
Депортация жителей Северо-Западной Абхазии и Псху..142
ГЛАВА IV. ДЕПОРТАЦИЯ 1867 ГОДА 168
Предыстория очередного выселения.....168
Депортация.....194
ГЛАВА V. ИЗГНАНИЕ АБХАЗОВ В 1877 – 1878 гг.....225
Абхазия в годы Русско-Турецкой войны
(1877-1878 гг) 225
Массовая депортация.....258
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....314
ПРИЛОЖЕНИЕ.....323
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....333
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....335

Чыгәба Ҭеимураз Али-иԥа

Аԥсны: аԥсуаа рхырҵәара (XIX ашәышықәса)

Ачугба Теймураз Алиевич

Абхазия: депортация абхазов (XIX век)

Редактор **А. Я. Дбар**
Корректор **Э. М. Чкок**
Компьютерный набор **Н. А. Шакрыл**
Верстка, техническое оформление **А. Ю. Аджинджал**
Худ. оформление обложки **Р. Т. Габлия**
Компьютерное оформление карт-схем **А. С. Агумаа.**

Формат бумаги 60х84/16. Способ
печати офсетный. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,46. Заказ 071. Тираж 500.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО "Полиграф-ЮГ".
г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Телефон для справок: 8(8772)52-23-92.
E-mail: guripp2@yandex.ru